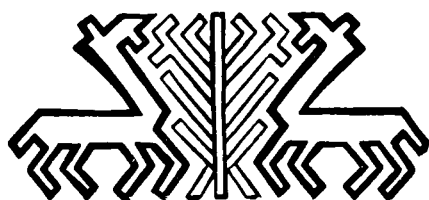

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 6 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. Ф. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Потапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции М. А. Кургузова

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Е. К. Ратмирова

Адрес редакции: Москва В-36; 1-я Черёмушkinsкая, 19

Т-08092	Подписано к печати 6/VIII 1962 г.	Тираж 1985	Зак. 5198
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 19,86	Бум. л. 7,25	Уч.-изд. л. 25,0

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Ю. П. АВЕРКИЕВА

ЭТНОФРЕЙДИЗМ В США

Мы живем в эпоху, когда «битва идей» между социализмом и капитализмом становится важнейшим фактором борьбы за прогресс и мир.

Идеи коммунизма, несмотря на все преграды, воздвигаемые реакцией на пути их победного шествия, доходят до сознания сотен миллионов людей. Они становятся реальной силой, определяющей ход развития современного общества. Это вызывает тревогу империалистов, вынужденных признать огромное влияние учения марксизма-ленинизма на угнетаемые и эксплуатируемые ими народы и мобилизующих, как указывается в Программе КПСС, «все средства идеологического воздействия на массы, чтобы «опорочить коммунизм и его благородные идеи, защитить капитализм»¹. Антикоммунизм стал лозунгом дня в стане империализма. Не случайно организация борьбы с влиянием идей коммунизма на народные массы была объявлена главной целью съезда Национальной ассоциации промышленников США в 1961 г.

США как главный оплот современной реакции и неокOLONиализма являются центром активной разработки и пропаганды идеологии современного империализма. В его наступлении на коммунизм ученые-теоретики, публицисты этой страны играют сейчас первенствующую роль. Однако, пытаясь защищать свою концепцию общества, идеологи империализма вынуждены признать свою несостоятельность. «Вся беда в том, что у нас нет своего Маркса», — пишет американский профессор социологии К. Росистер². Собственное бесплодие заставляет их возрождать реакционные теории, давно отвергнутые наукой и всем ходом общественного развития.

Особенную популярность в современном буржуазном обществоведении приобрело так называемое «психологическое направление», adeпты которого пытаются свести к психологии отдельных индивидов центральные, узловые процессы и явления общественной жизни. Фальсифицируя сущность этих процессов и явлений, они используют «психологические» теории конца XIX — начала XX в., главным образом фрейдизм, неофрейдизм и бихейвиоризм.

США стали центром неофрейдизма. Представители этого направления пытаются рекламировать психоанализ как всеобъемлющую систему, подменяющую общественные науки. В психоанализе они находят решение таких сложнейших социальных проблем, как происхождение и развитие общества, морали, религии, глубочайшие противоречия современного капиталистического общества.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 358.

² См. Е. Литовко и Б. Стрельников, «Золотая шестерня» не выдерживает, «Правда», 29 декабря 1961 г.

В годы второй мировой войны неопрейдизм оформился в этнопсихологическую школу «исследований культуры личности» (culture and personality studies). В теоретическом плане эта школа представляет собой эклектический синтез прагматизма и идей отдельных неопрейдистских школок с антиисторическими концепциями буржуазной этнографии. Эклектизм теоретических посылок этой школы признают и его современные адепты. Например, Дж. Хонигман в своего рода руководстве по «исследованиям культуры и личности» пишет, что исследования эти представляют собой «интеграцию» идей психологов, психиатров, социологов и этнографов³. Благоприятную почву этнопрейдизму подготовили «историческая» и «функциональная» школы в этнографии.

Идеи фрейдизма получили развитие в работах Э. Сепира 1920-х и особенно 1930-х годов⁴. В них главным объектом этнографического изучения объявляется индивидум, психология, привычки и настроения которого якобы определяют состояние общества. «Конфигурация» той или иной культуры, по мнению Сепира, зависит от заложенной в ней специфической формы «либида».

«Учение» Сепира было подхвачено Р. Бенедикт. Последняя приходит к выводу, что в каждой культуре доминирует определенная психологическая «потенция» («эмоция», «импульс», «лейтмотив»), определяющая образ жизни людей в данном обществе⁵. Отсюда релятивистский тезис Р. Бенедикт о несравнимости культур, их абсолютности, психорасистская сущность которого очевидна. Она заявляет: то, что считается ненормальным для психики янки, для психики других народов является нормой и лежит в основе их социальной структуры⁶. Например, в основе общественной жизни добуанцев, утверждает Бенедикт, лежит импульс враждебности и связанное с ним чувство страха (боязнь колдовства, боязнь магии, боязнь быть отравленным и т. д.). Этот страх обусловил якобы исключительный индивидуализм добуанцев; у них «...никто не работает вместе, ничем не делится с другими». Общественная жизнь индейцев квакиютлей изображается Р. Бенедикт как проявление мегаломании и паранойи, которые являются якобы специфическими чертами их психологического склада. Эта расистская клевета на народы вызвала резкую критику многих этнографов. Утверждение Бенедикт: «нормально то, что оправдано в данном обществе»⁷, ведет, по существу, к оправданию фашизма, рабства, геноцида. Это утверждение лежит в основе теории культурного релятивизма, получившей развитие в работах Херсковица.

Р. Бенедикт не оригинальна в своих «научных» выводах. Советскими учеными уже отмечалось ее идейное родство с Ницше и Шпенглером⁸. Она и сама признает близость своих взглядов к учениям этих «теоретиков» расизма, а также философа-позитивиста Дилтея⁹.

Фрейдистские идеи нашли отражение также в работах М. Мид, М. Оплера, Р. Линтона, К. Клюкхона, Д. Гиллина, Г. Бейтсона, К. Дюбуа, В. Гольдшмидта, У. Кодилла, Д. Хонигмана, И. Халлоуэлла

³ J. Honigmann, Culture and personality, New York, 1954, стр. IX.

⁴ E. Sapir, Culture genuine and spurious, 1924 (сб. D. Mandelbaum ed. «Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality», Berkeley, 1942); его же, Anthropology and Sociology, 1927 (там же); его же, Why anthropology needs psychiatry (там же). Анализ эволюции взглядов Сепира в направлении фрейдизма дан в статье: D. F. Aberle, The influence of linguistics on early culture and personality theory, Сб. «Essays in the Science of culture in honor L. White», New York, 1960.

⁵ R. Benedict, Patterns of Culture, Boston and New York, 1934.

⁶ R. Benedict, Anthropology and abnormal, «Journal of general Psychology», т. X, № 2, 1934, переп. в кн.: M. Mead, An Anthropologist at work, Boston, 1959.

⁷ M. Mead, Указ. раб., стр. 369.

⁸ С. П. Толстов, Кризис буржуазной этнографии, Сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. XIII, М., 1951; Н. А. Бутинов, Психорасизм в американской этнографии, там же.

⁹ R. Benedict, Предисловие к работе «Patterns of Culture».

и других этнографов. Приход в этнографию психиатров-неофрейдистов: А. Кардинера, К. Хорнея, Ж. Рохейма, Дж. Массерманна, Э. Фромма, Д. Леви и других значительно способствовал проникновению неофрейдизма в эту науку.

Материалистическому учению об обществе неофрейдисты противопоставили психо-биологический детерминизм. Все социальные и экономические проблемы трактуются ими как психо-биологические явления, как проявления психологии личности, причем личности неполноценной. Из всей совокупности сложнейших психических явлений они абсолютизируют простейшие, элементарные склонности, чувства, представления. Человек в их штудиях рассматривается как существо биологическое, поведение и чувства которого определяются некими врожденными импульсами и подсознательными мотивами. В них, этих импульсах и мотивах, неофрейдисты усматривают движущую силу общественного развития.

В трактовке вопроса о взаимоотношениях общества и личности среди этнопсихологов имеются некоторые, правда несущественные, расхождения. Р. Бенедикт, например, отводила индивиду пассивную роль, рассматривая его как сумму «потенций», из которых культура выбирала лишь одну, определявшую затем ее конфигурацию. Эту идею развивает ученик Бенедикт — В. Гольдшмидт. Изображая агрессивность, эгоизм, склонность к конкуренции, к коллективизму, трудолюбие и пассивность как наиболее общие биологически наследуемые потенции человека, Гольдшмидт пишет, что каждая культура делает упор на одной из них. Например: «Если человеку присущи такие потенции, как конкурирование и сотрудничество, то одна культура сосредоточивается на одной из этих потенций, другая — на другой»¹⁰. Причем культура понимается ими как некая изначально существующая живая сущность, которая произвольно «делает выбор», «делает упор», «сосредоточивается» на той или иной из потенциальных возможностей или склонностей индивидов. В то же время конфигурацию культуры определяет одна из потенций индивида. Получается заколдованный круг: культура «выбирает» потенцию, последняя, в свою очередь, определяет конфигурацию культуры.

М. Оплер, возражая Бенедикт, заявляет, что культура интегрируется на основе не одного, а нескольких психологических принципов, называемых «темами»; интеграцию он понимает как балансирование и взаимодействие различных тем, а не подчинение всех имеющихся в данной культуре принципов одному общему¹¹.

В отличие от Бенедикт, Оплера и Гольдшмидта, А. Кардинер, говоря о взаимоотношениях культурной среды и человеческого организма, отводит последнему активную роль¹². Его индивид, активно взаимодействуя с «культурной средой», ищет в ней удовлетворения своих инстинктов и влечений.

Центральным понятием в системе взглядов Кардинера и его основным «вкладом» в этнофрейдизм является «структура типичной (или «модальной») личности», прообраз которой легко прослеживается в идее «сверх-я» Фрейда. Генезис типичной личности, по Кардинеру, как и по Фрейду, определяется опытом самых ранних лет, когда якобы происходит сублимация врожденных влечений и импульсов ребенка, особенно тех, что связаны с сексом, голодом, различными функциями организма. Решающее значение в формировании типичной личности Кардинер приписывает так называемым «опытам раннего детства» — продолжитель-

¹⁰ W. Goldschmidt, Culture and human behavior, в сб.: «Culture in History». New York, 1960, стр. 100.

¹¹ M. Opler, Some recently developed concepts relating to culture, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 4, N 2, 1948, стр. 121.

¹² A. Kardiner, The Individual and his society, New York, 1939; его же, The psychological frontiers of Society, New York, 1945.

ности, регулярности или нерегулярности кормления ребенка молоком матери¹³, пеленанию, приучению к горшку, способам купания и т. п. Все это, по Кардинеру, «первичные институты» данной культуры, создающие основу для возникновения «вторичных институтов», т. е. условий, в которых живет взрослый индивид. Первичные институты неодинаковы в различных культурах, они формируют и специфические для каждой культуры типы личности.

Все эти «научные» посылки формирования личности, остроумно названные противниками этнофрейдизма «сосочно-пеленочным комплексом», сводятся в основном к следующему: типичная личность в данном обществе формируется в первые 2—4 года жизни ребенка под воздействием «первичных институтов» данной культуры; во всех этих «первичных институтах», или в «детских опытах», проявляется эмоциональная связь между родителями и ребенком, и прежде всего между матерью и ребенком, в процессе которой развиваются или подавляются врожденные влечения ребенка. Таким образом биологическое фатально обуславливает психическое в человеке. Этот «сосочно-пеленочный комплекс» и положен в основу большинства «исследований культуры и личности»¹⁴.

* * *

Свой «психокультурный» подход этнофрейдисты обосновывали на материалах о современных отсталых народах и племенах. Особенно много фрейдистской клеветы было написано об индейцах Америки. В 1940-х годах этнопсихологами США было предпринято широкое изучение «опытов детства» у многих индейских племен. Обследование проводилось с помощью различного рода психологических тестов, записи биографий, снов, которые затем интерпретировались по методу Фрейда. Центральное место в этих исследованиях отводилось «эмоциональной» связи между матерью и ребенком в лактационный период. Как проявления этой связи изучались также способы купания детей, распространенность сосания пальца и детского онанизма в различных обществах. Все это, по мнению «исследователей», оказывает решающее влияние на формирование личности¹⁵. Например, М. Мид изучала методы купания детей на острове Бали, в Латемуре и в предместьях Голливуда с тем, чтобы объяснить «системы личности в различных частях света»¹⁶. В этом же плане Дж. Деверо занимался изучением «психологических аспектов» абортов и участи незаконнорожденных детей в условиях различных культур¹⁷. Из этих работ очевидно, что скрытой основой первичных институтов является, по существу, на словах отвергаемый Эдипов комплекс.

Подобная тематика «конкретных полевых исследований»¹⁸ этнографов-неофрейдистов, которую они противопоставляли краеведению старой «исторической школы», свидетельствует о крайней деградации буржуазной науки, отказе от подлинно научного этнографического исследования. Недаром честные американские ученые, назвав период господства пси-

¹³ В связи с этим ученики Кардинера издают такие «исследования», как, например: F. Goldman-Eisler, Breast feeding and character formation, в сб. C. Kluckhohn and H. A. Murray (eds), «Personality in Nature, Society and Culture», New York, 1953.

¹⁴ См., например, сборник статей под редакцией М. Mead and M. Wolfenstein «Childhood in contemporary cultures», Chicago, 1955.

¹⁵ A. Davis and R. Y. Havinghurst, Social class and color differences in child rearing, в сб.: C. Kluckhohn and H. A. Murray «Personality in Nature, Society and Culture».

¹⁶ M. Mead, Cultural differences in bathing of babies, в кн.: K. Soddy (ed.) «Mental health and infant development», New York, 1947.

¹⁷ G. Devereux, A study of abortion in primitive Societies, New York, 1955.

¹⁸ В 1956—1957 гг. были опубликованы два тома «первичных материалов» (B. Kaplan, Microcard publications of primary records in Culture and Personality, Wisconsin, 1956—1957), содержащие, как сообщает Хонигман, собранные в различных частях света протоколы тестов Роршаха и Тата, автобиографические материалы, записи снов и детские школьные сочинения. J. Honigmann, Psycho-cultural studies, в сб. «Biennial review of anthropology», New York, 1959.

хологического направления «мрачным веком в этнографии США»¹⁹, вспоминали «доброе старое время», когда этнографы занимались своим настоящим делом.

В работах этнофрейдистов доказывается стойкость психической природы человека. По их мнению, исторические изменения условий жизни общества почти не затрагивают типичную структуру личности. Кардинер, например, утверждал, что психический склад европейских народов не изменялся на протяжении последних двух тысяч лет²⁰. Чаще всего стойкость структуры личности «доказывалась» на примере индейцев, которым этнопсихологи приписывают такие неизменные черты психики, как великодушие, храбрость, уважение к человеческой независимости, терпение и т. д., и одновременно враждебность, агрессивность, подозрительность, сознание своего бессилия и склонность к подчинению. Задача этнопсихологов, по их мнению, — изучить, как эти общие черты личности индейцев проявляются в условиях различных культур.

В качестве наиболее типичного примера стойкости «природных» черт характера остальных охотничьих племен приводят обычно оджибвеев. Идея стойкости психического склада оджибвеев, а также других охотничьих племен северо-востока Северной Америки была впервые высказана И. Халлуэллом²¹, а затем подхвачена целой плеядой его учеников и последователей: Дж. Купером, Р. Ландес, Э. Фридл, В. Барновым, У. Кодиллом, С. Паркером и др.²² Все они пытаются доказать, что оджибвеев извечно присущ так называемый «атомизм», сущность которого сводилась к якобы извечно существующей частной собственности на охотничьи угодья, индивидуальной охоте, жизни моногамными семьями. Условия этого атомизма и определили типичную личность оджибвеев, которой свойственны такие «стойкие» черты характера, как индивидуализм, склонность к конкуренции, агрессивность, органическая потребность подчиняться, чувство необеспеченности, нерешительность, пассивность, подавление эмоциональности — черты, якобы сохраняющиеся у всех индейских племен до наших дней. С помощью этих посылок пытаются доказать, что «модальная личность» индейцев осталась неизменной несмотря на два столетия аккультурации. Под благозвучным же термином «аккультурация» скрывается, как известно, капиталистическая колонизация североамериканского материка, почти трехсотлетний период коренной ломки традиционного образа жизни индейцев: экспроприация их земель и лишение индейцев основных средств существования; переселение их в резервации, дискриминация и низведение некогда гордых охотников и воинов на положение пауперов, «подопечных» государства, участью которых стали голод и изоляция в этих своеобразных индейских гетто. И в таких условиях психика индейцев якобы не менялась, а имело место лишь «приспособление» наиболее устойчивых черт ее к новым условиям! Так, место сверхъестественной силы в сознании индейцев заняло якобы пратительство США. Его-де индейцы и стали почитать как своего опекуна и покровителя. Таким образом, индейцы подчиняются правительству отнюдь не потому, что они бессильны и подавлены чудовищной капиталистической колонизацией, а из органически присущей им потребности подчиняться, из устойчивой «психической ориентации».

¹⁹ См. L. White, рец. на книгу «Configurations of Culture growth», «American Anthropologist», т. 48, No 1, 1946; B. Meggers, Recent trends in American Anthropology, «American Anthropologist», т. 48, No 2, 1946.

²⁰ A. Kardiner, The psychological frontiers of Society, стр. 432.

²¹ I. Hallowell, Some psychological characteristics of Northeastern Indians (1946), перепечатано в сб. его статей «Culture and Experience», New York, 1955.

²² E. Friedle, Persistence in Chippewa culture and personality, «American Anthropologist», т. 58, No 4, 1956, стр. 814—825; V. Barnow, Acculturation and personality among the Wisconsin Chippewa, «American Anthropological Association Memoirs», т. 72, 1950.

Этнофрейдисты не хотят признать, что все эти пресловутые стойкие черты — подозрительность, сознание своей беспомощности, бесперспективности, зависимости от правительства — могли возникнуть, как справедливо отмечают американские этнографы Б. Джеймс и Г. Хикерсон²³, лишь как «осознание бытия» в условиях жизни в резервациях. Этнопсихологи доказывают, что все эти качества, якобы обусловленные изначальным «атомизмом», — индивидуализм, склонность к конкуренции, эгоизм, т. е. качества, характерные для личности буржуазного общества, — свойственны не только индейцам, но и всем охотничьим племенам мира и вообще природе человека. Классовая сущность подобных утверждений очевидна.

В ряде работ делаются попытки обосновать положение Фрейда, будто между первобытным человеком и невротиком нет разницы, доказать, что в основе «структуры типичной личности» различных народов лежат специфические, присущие каждому народу патологические черты психики. Р. Бенедикт первая объявила отсталые народы мира психически ненормальными²⁴. Она и ее коллеги на этнографическом материале пытаются обосновать положение Фрейда о том, что разница между здоровыми и душевно больными людьми только количественная. Эту идею развивают ряд авторов²⁵. Так, в одной из новых работ ученика А. Кардинера С. Паркера²⁶ дается откровенно фрейдистское объяснение сексуальным травмам детства, психологического недуга, называемого по-алгонкински «виитико», якобы широко распространенного среди оджибвеев.

Патологичность психики отсталых народов доказывалась и на материале о народах других частей света — Океании, Австралии, Африки²⁷.

Ставя проблему формирования личности, этнофрейдисты игнорируют историческую обусловленность и социальную сущность личности и характера ее взаимосвязи с обществом. Между тем, как показывает история человеческого общества, вместе с изменением общественного строя изменяется характер личности, и характер ее взаимоотношений с обществом. Вся история первобытного общества есть история формирования человека и его сознания в коллективном труде, когда человек не оторвался еще от «пуповины» своей общественной группы: рода, племени, не отделял и не противопоставлял себя коллективу ни в труде, ни в сознании. Лишь на последнем этапе распада родового строя, с появлением частной собственности, возникает стремление отдельных индивидов противопоставить себя как собственников определенных богатств коллективу. Эта тенденция к обособлению личности от коллектива хорошо прослеживается, например, в произносимых на потлачах речах вождей

²³ B. James, Some critical observations concerning analysis of Chippewa «atomism» and Chippewa personality, «American Anthropologist», т. 56, № 2, ч. 1, 1954; его же, Socio-Psychological dimensions of Ojibwa acculturation, «American Anthropologist», т. 63, № 4, 1961; H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century Algonkians of the Upper, Great Lakes, «American Anthropologist», т. 62, № 1, 1960.

²⁴ R. Benedict, Anthropology and abnormal...

²⁵ J. Cooper, The Gree witiko psychosis, «Primitive Man», 1, № 6, 1933; R. Landes, The abnormal among the Ojibwa Indians, «Journal of abnormal and social psychology», № 33, 1949; W. S. Caudill, Psychological characteristics of acculturated Wisconsin Ojibwa children, «American Anthropologist», т. 51, № 3, 1949; G. Devereux, Mohave ethnopsychiatry and suicide, «Bulletin № 175, Bureau of American Ethnology», Washington, 1960; I. Halliwell, Culture and mental disorder, «Journal of abnormal and social psychology», № 29, 1954; его же, Psychic stresses and culture patterns, «American Journal of psychiatry», № 92, 1936; M. Opler, An interpretation of ambivalence of two American Indian tribes, «American Journal of Social psychology», № 7, 1936.

²⁶ S. Parker, The Witiko Psychosis in the context of Ojibwa personality and culture, «American Anthropologist», т. 62, № 4, 1960.

²⁷ См., например, M. Mead, Coming of age in Samoa, New York, 1928; ее же, Male and female, New York, 1949.

у племен Северо-Западного побережья Северной Америки, в самовосхвалении которых Р. Бенедикт видела проявление мегаломании.

* * *

Этнопсихологи по-своему откликаются на мощный подъем национально-освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки. Они рядятся в тогу защитников равноправия народов, выдают себя за ярых антирасистов, прикидываются сочувствующими справедливым требованиям народов, рвущих цепи колониального рабства, и в то же время с помощью неопределенных домыслов пытаются «научно» опорочить эти народы, приписывая им психическую неполноценность, «агрессивность», «комплекс приниженности», стремление к подчинению, шизофрению и т. п. как основу их культуры.

Расистская сущность составляемых этнофрейдистами «психологических профилей» отмечалась в выступлениях ученых Индии, Японии на ньюйоркском съезде этнографов в 1952 г. Английский ученый Р. Пиддингтон в 1957 г. писал в одной из своих работ, что Р. Бенедикт, например, начав с выступлений против расизма, сама впоследствии пришла к расизму²⁸.

Этнофрейдисты, приписывая народам мира психическую неполноценность, вносят свой «вклад» в идеологию неокOLONиализма. Недаром гнусная клевета американских психорасистов на народы так широко используется империалистической пропагандой.

Этнофрейдисты поднимают так называемую проблему «аккультурации» отсталых народов. По существу это та же проблема «встречи Востока и Запада», о которой писали английский историк А. Тойнби и американский социолог Ф. С. Нортроп²⁹. «Аккультурация» трактуется ими как прежде всего психическое восприятие отсталыми народами достижений западной цивилизации, восприятие, которое определяется якобы присущим каждому народу подсознательным принципом психологического отбора. Самобытность этих народов видят в их отсталости, которой и противопоставляют современную западную культуру, передовую технику.

Развивая релятивистский принцип, выдвинутый еще Р. Бенедикт, этнофрейдисты пытаются доказать, что одни народы в силу своей структуры личности имманентно неспособны к овладению передовой техникой, другие, напротив, способны. Приводимые в качестве иллюстраций примеры не только тенденциозны, но и не соответствуют исторической действительности. Чего стоит, например, в свете современного промышленного развития Китая утверждение, что китайцы в отличие от японцев не способны к использованию сложной техники или что бенгальцы в страхе бегут даже от автомобиля, тогда как эскимосы прекрасно овладевают техникой³⁰. Спрашивается, для чего приводятся эти примеры, эти антиисторические сопоставления народов, развивающихся в различных культурно-исторических условиях? Только для того, чтобы оклеветать народы бывших колоний и полуколоний, обосновать необходимость «помощи» им извне, со стороны империалистов. Весь ход исторического развития Китая, Индии и других стран Востока, ставших на путь независимого развития, разоблачает лживость подобного рода утверждений американских психорасистов.

²⁸ R. Piddington, *An Introduction to Social Anthropology*, London, 1957, т. 2, стр. 601.

²⁹ Критику их теорий см. в кн.: К. Н. Брутенц, *Против идеологии современного колониализма*, М., 1961.

³⁰ W. La Barre, *A pattern of Modern Man*, «Mental Hygiene», 1949, № 33, стр. 215. См. также: I. Honigmann, *Culture and personality*, стр. 60.

* * *

В годы второй мировой войны этнофрейдисты США занялись активным изучением «национальных характеров» современных народов. В посвященных этому вопросу работах они пытаются доказать, что между первобытным обществом и современным капиталистическим нет качественной разницы, а лишь количественная. Поэтому, изучая народы передовых стран, этнофрейдисты пользуются теми же приемами и методами, что и при изучении племен и народов с первобытно-общинным укладом. Они «привыкли рассматривать современный индустриальный Запад как одно из племен», пишет А. Фаллерс³¹. Такой подход к изучению современности связан с отрицанием прогресса и признанием лишь кумулятивных изменений.

Социальные отношения людей этнофрейдисты трактуют как отношения между отдельными личностями, или «межперсональные», в основе которых лежат якобы принципы враждебности и пола³². Эти психологические «бирюльки» позволяют исследователям «культуры и личности» легко обходить вопрос о специфике классовых обществ, о классовой принадлежности, производительной деятельности и производственных отношениях изучаемых ими людей.

Исследования национальных характеров современных народов проводились по заказу военного ведомства США, в учреждениях которого в годы войны работали и этнофрейдисты. Один из них, Дж. Хонигман рассказывает, что ученые призваны были совершенствовать психологическое оружие американской военной машины³³. «Исследования культуры и личности,— пишет он,—имели важное значение в развитии этой машины... Мы имеем в виду развитие новой военной техники, техники психологической войны (sykewar)»³⁴.

Другой ученый, которого цитирует Хонигман, цинично заявляет: «Эмоции других народов становятся оружием в руках психолога-солдата». Откровенничая, этот же «ученый» объясняет, что «психологическая война помогает политическим лидерам камуфлировать реальность и увертываться от ответственности»³⁵.

К. Клюкхон описывает такой, характерный своей реакционностью, пример «военного служения» этнографов, знатоков «модального характера» японцев. После победы над Японией в 1945 г. в официальных кругах США многие высказывались против поддержки японского императора, видя в нем опору фашистского государства. Этнографы же выступили в защиту императора, якобы против «культурного империализма», «стремящегося к замене японских институтов американскими». Свое мнение они обосновывали тем, что император — это «сердцевина японской эмоциональной системы и нападки на императора усилят сопротивление врага»³⁶.

Имеются «военные заслуги» и у М. Мид. Во время второй мировой войны она предпринимала попытки помочь американским солдатам, находящимся в Англии, понять особенности английского типа личности.

Разработка психорасистских концепций в этнографии была непосредственно связана с участием этнографов в империалистической политике североамериканского монополистического капитала, особенно в

³¹ См. рецензию А. Фаллерса на кн. Parsons Talcott, «Structure and process in Modern Society», Glencoe, 1960, в «American Anthropologist», т. 63, № 3, 1961, стр. 588.

³² J. Honigmann, Culture and personality, стр. 17.

³³ Сам он в годы войны работал в бомбардировочном авиаотряде, изучая «межперсональные отношения» между солдатами и офицерами.

³⁴ J. Honigmann, Culture and personality, стр. 73—74.

³⁵ S. Renzo, Psychological warfare. Intelligence and insight, «Psychiatry», 13, 1950; J. Honigmann, Culture and personality, стр. 74.

³⁶ C. Kluckhohn, Mirror for man, New York, 1949, стр. 174—175. См.: J. Honigmann, Culture and personality, стр. 74.

первые послевоенные годы. На ньюйоркском съезде этнографов М. Мид откровенно заявила, что ее исследования национальных характеров связаны с военными нуждами США³⁷. В 1961 г. она сообщает, что возглавляемый ею Институт современных культур при Колумбийском университете финансируется военным ведомством США. Целью «исследований», ведущихся в этом Институте, является определение характера взаимоотношений («сотруднических или антагонистических») между национальными группировками³⁸.

Дж. Горер и М. Мид занимались также «исследованием» национального характера русских. Причем англичанин Горер «изучает» русский национальный характер в США (!). Там, в Институте современных культур под руководством М. Мид выписываются «психологические портреты» русских, а также других народов, представляющих интерес для американских империалистов. Решающее влияние на формирование русского характера оказывает, по мнению Горера, Мид и их коллег, якобы практикующееся у русских тугое пеленание детей³⁹. Правда, эти авторы допускают, что в советское время пеленать детей стали слабее и на более короткий срок, поэтому-де характер советских людей несколько отличается от дореволюционного. «Концепция» Горера совершенно абсурдна. Так, он утверждает, что ограниченность движений свивальниками вытесняет присущий ребенку инстинктивный импульс к разрушению; не найдя себе естественного выхода, этот импульс якобы позже проявляется в устном творчестве народа, а именно в фантастических сценах кусания и раздирания предметов зубами, которые будто бы являются частым сюжетом русского фольклора. Этот импульс «находит себе выход» и в «сильных чувствах», в качестве примера которых Горер приводит пьяные оргии русского купечества. Русским, по его мнению, присуще состояние угнетенности, являющееся следствием якобы характерного для них сознания вины за все грехи человечества. Практика пеленания, по Гореру, содействует также развитию в русских «естественной» потребности подчиняться авторитетам. В то же время отсутствие эмоциональной близости между родителями и ребенком (ибо русские родители якобы не особенно радуются детям) воспитывает сознание недостижимости авторитетов, а нерегулярное и частое кормление — оптимизм, отсутствие чувства долга, организованности и порядка⁴⁰. Поднятые из забвения отрицательные стороны быта отсталой крестьянской России, русского купечества в сознательно искаженном виде выдаются в трудах этих «ученых» за сегодняшний день жизни нашего народа. Делаются попытки подкрепить это материалами Союзфото, сопровождая их заведомо тенденциозными подписями. Что это, как не расистская клевета, а не целенаправленная подтасовка исторических явлений, призванная исказить, очернить советскую действительность? Этой же цели подчинены «исследования» «специалистов» по истории и деятельности КПСС, ВЛКСМ, пионерской организации, имеющих в возглавляемой М. Мид группе «русских исследований». М. Мид при-

³⁷ «An appraisal of Anthropology today», Chicago, 1953, стр. 136. См. об этом в ст. Ю. Аверкиевой «Материалы Ньюйоркского съезда этнографов», «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 150—151.

³⁸ M. Mead, The Institute for Intercultural Studies and Japanese Studies, «American Anthropologist», т. 63, № 1, 1961, стр. 136.

³⁹ В связи с этим выходят в свет работы под такими, например, названиями, как «Спеленутая душа великоросса» («New Leader», январь 1951 г.) или «Психиатрическое объяснение истории России» («American Slavic and East European Review», т. IX, № 3, 1949).

⁴⁰ На основании подобного рода постулатов пишутся, издаются и переиздаются такие «исследования», как статьи: G. Gorer, Some aspects of the psychology of the people of Great Russia, «American Slavic and East European Review», VIII, № 3, 1949; G. Gorer and J. Rickman, The people of Great Russia, London, 1949, New York, 1951; M. Mead, Soviet attitudes toward authority, New York, 1951; е е же, What makes Soviet Character, «Natural History», LX № 7, и др.

знает, что стремится найти противоречия в советской действительности, «которые могли бы быть источником... слабости в настоящем и возмущений или изменений в будущем»⁴¹.

Клеветнические измышления Мид и Горера, воспроизводимые в работах Бенедикт, Хонигмана и др., положены в основу многих книжонок, вкривь и вкось трактующих «русский национальный характер»⁴². Содержание их показывает, что основной «импульс», который руководит всеми этими «учеными», — ненависть к советской стране, ненависть к коммунизму. Эти «ученые» делают и практические выводы из подобного рода работ. Оказывается, как пишет, например, Хонигман, «Исследование русского модального характера показывает, какие трудности должны преодолеть американцы, чтобы искусно поддерживать свои связи с этой нацией»⁴³. Комментарии, как говорится, излишни.

* * *

Тот же «сосочно-пеленочный комплекс» положен в основу некоторых выводов этнофрейдистов относительно классовых различий в психике индивидов. Различные «опыты детства» у различных классов создают различные типы личности. Например, в США, как отмечает Хонигман, нет единого типа личности, личность варьирует вместе с классом, к которому она принадлежит. Хонигман различает в США три класса: низший, средний и высший. Этнофрейдисты сознательно фальсифицируют социальную жизнь США, пытаясь затушевать ее классовую сущность. Как известно, в США (как и в любой развитой капиталистической стране) два, класса — буржуазия и пролетариат. Начавшийся с развитием частной собственности и разделением труда процесс формирования двух типов личности — эксплуататора и эксплуатируемого — при капитализме достигает завершения в максимальной классовой поляризации личностей — буржуазной и пролетарской. Буржуазную личность характеризуют такие черты, как индивидуализм, ограниченность кругом личных, корыстных интересов и побуждений, крайний отрыв своих личных интересов от интересов общества (о чем свидетельствует, например, позиция монополистов США в вопросе о разоружении) и т. д. Этнофрейдисты же изображают американских монополистов единственно полноценными людьми, пекущимися о благе общества. Привитое им якобы еще «опытами детства» стремление к успеху объявляется причиной быстрых «социальных изменений» в США и т. д.

Жизнь на каждом шагу опровергает подобные «научные выводы» этнофрейдистов. Низменные, антиобщественные черты буржуазной личности проявляются, например, в истерии в отношении бомбоубежищ, поднятой в США: капиталист готовится убивать любого, кто попытается укрыться в его бомбоубежище.

На противоположном полюсе развивается личность пролетарская, которая в условиях классовой борьбы приобретает такие черты, как пролетарский коллективизм, товарищеская солидарность, взаимопомощь, интернационализм, ненависть к строю эксплуатации и унижения трудящихся. Эти качества ярко проявляются сейчас в классовых боях пролетариата в странах капитала.

Личность в социалистическом обществе развивается «на основе единства, сочетания личных и общественных интересов... Сближение личности и общества есть новая закономерность отношения этих двух сторон, присущих социализму»⁴⁴. Эта закономерность четко выражена в

⁴¹ М. Mead, Soviet attitudes toward authority..., стр. 2.

⁴² См., например: R. A. Bauer, Nine Soviet portraits, New York, 1955; T. Fitzsimons, P. Malov, P. Fiske and others, USSR, its people, its society, its culture, New Haven, 1960.

⁴³ J. Honigmann, Culture and personality, стр. 74.

⁴⁴ В. П. Тугаринов, О ценности жизни и культуры, Л., 1960, стр. 44.

новой программе КПСС, где буржуазной морали, основным закон которой гласит «человек человеку волк», противопоставлена мораль коммунистическая: «человек человеку — друг, товарищ и брат». Эти слова о гуманизме грядущего общества, основы которого закладываются в классовой борьбе пролетариата, нашли глубокий отклик в умах трудящегося человечества. Поэтому-то реакционные ученые типа Мид, Бенедикт, Хонигмана и др. пытаются всячески опорочить, унижить «типичную» личность трудящегося человека, биологизировать его, приписать ему пороки буржуазной морали (агрессивность, аморальность и т. д.)⁴⁵.

Сближение интересов личности и общества при социализме этнофрейдисты пытаются изобразить как процесс поглощения личности обществом. Повторяя лживые утверждения буржуазной пропаганды о «глубоком уважении» к личности, к ее индивидуальности в так называемом «свободном западном обществе», Мид и иже с нею повторяют злостную клевету, взятую из того же источника, о подавлении личности в СССР.

* * *

При помощи поистине универсального «сосочно-пеленочного комплекса» гитлеризм, эта наиболее реакционная идеология буржуазии, трактуется как выражение немецких «национальных свойств», как органически присущее психике «типичного» немца явление. Некий Д. Левин пишет, например, что якобы характерная для немцев форма семейного воспитания (строгость отца и сдержанность матери) определяет предрасположенность немцев в нацизму. Те, кто в отличие «от типичных немцев избежали условий строгой семейной структуры» и не были воспитаны «строгими отцами и замкнутыми матерями», оказались антинацистами⁴⁶. Интересно, какими же «опытами детства» неофрейдисты оправдывают фашизм во Франции и джон-берчистов в США?

В послевоенный период этнопсихологи практически участвуют в пропаганде «американского образа жизни». Так, Хонигман был послан в Пакистан со специальной миссией изучить «эффективность пропаганды американских идей с помощью информационного характера кинофильмов». Целью последних, как сообщает он, является «ознакомление зарубежного неграмотного зрителя с жизнью нашей (США. — Ю. А.) страны, с более эффективными способами медицинской профилактики, с передовыми методами ведения сельского хозяйства и с угрозой внешней политики Советской России»⁴⁷. Как видим из этого откровенного признания, пропаганда «американских идей» неразрывно связывается с политикой антикоммунизма.

На поверхность общественной жизни США этнофрейдизм выбросила в 1940-е годы националистическая волна, вызванная колониалистскими устремлениями американского империализма. Господствующее положение этнопсихологического направления в те годы объяснялось тем, что американским шовинизмом были охвачены значительные слои населения США, в частности интеллигенция. Именно в этот период откровенно высказывались претензии реакционных этнографов США на руководящую роль в мировой этнографии. Однако всемирно-исторические события послевоенного периода, рост антиимпериалистических сил, успехи мировой системы социализма, углубление кризиса капитализма и превраще-

⁴⁵ Этнофрейдисты статически устанавливают, например, что нерегулярное кормление грудью у «низших», т. е. малообеспеченных членов американского общества, якобы вырабатывает у них импульс к требованию пищи (demand feeding pattern; J. Honigmann, Culture and personality, стр. 316); под этим подразумевается, по-видимому, борьба трудящихся за повышение своего жизненного уровня, которую, объясняют, таким образом, не социальными, а психо-биологическими причинами.

⁴⁶ D. Levy. Anti-Nazis; criteria of differentiation, «Psychiatry», 1948, № 11, см. J. Honigmann, Culture and personality, стр. 19.

⁴⁷ J. Honigmann, Culture and personality, стр. 19.

ние США в оплот мировой реакции вызывают революционный переворот в сознании огромных масс человечества, что не могло не сказаться на состоянии умов американской интеллигенции и, следовательно, на взглядах американских этнографов. Если в 1940-е годы с открытой и последовательной критикой этнопсихологов США выступали главным образом советские этнографы⁴⁸ и отдельные ученые США⁴⁹, то начиная с 1950-х годов критические выступления становятся все более частыми как в Америке⁵⁰, так и в других странах капиталистического мира.

Из выступлений на ньюйоркском съезде этнографов Европы, США, стран Азии можно заключить, что началось отрезвление американских ученых от угара психорасистской клеветы этнофрейдистов, определился отход большинства из них от этого направления. После съезда критические выступления в адрес этнопсихологии стали частым сюжетом на страницах ведущего этнографического журнала США «American Anthropologist», а также в специальных и общих работах по этнографии.

В 1955—1956 гг. с резкой критикой этого направления выступили виднейшие этнографы страны А. Кребер, Р. Лоуи, Дж. Стюард, Дж. П. Мердок и др. Характерно, что Лоуи подкрепил свое отрицательное отношение к этнопсихологии ссылкой на Маркса и Энгельса; он заявил, что уже со времени критики Марксом и Энгельсом философских взглядов Л. Фейербаха стало «кристально ясно», что психика индивида определяется средой, а не наоборот⁵¹. Кребер же назвал период господства этнопсихологического направления в американской этнографии «периодом охоты за ведьмами»⁵². Критический анализ концепции сторонников школы «культуры и личности» содержится в статьях, опубликованных в 1960 г. в сборнике в честь Л. Уайта⁵³.

Развернутую критику этого направления в этнографии дает английский ученый Г. Пиддингтон в упоминавшемся уже двухтомном руководстве по этнографии. В 1959 г. на страницах «American Anthropologist» канадским ученым Ф. Воге был дан анализ современных течений в буржуазной этнографии, в котором этнопсихологам уделено значительное место. Ф. Воге подчеркивает идейное родство этнофрейдистов и представителей функциональной школы⁵⁴. Примечателен и тот факт, что с критикой этнофрейдизма выступили также психологи, отрицательно оценившие «слишком большой энтузиазм антропологов в применении различного рода тестов и психоаналитических понятий»⁵⁵.

Критика «исследований культуры и личности» стала настолько зна-

⁴⁸ Реакционная сущность этого направления вскрывалась в нашей печати в ряде статей: см. статьи С. П. Толстова, И. И. Потехина и Н. А. Бутинова в сборнике «Англо-американская этнография на службе империализма», Ю. П. Аверкиевой в журн. «Сов. этнография», 1947, № 1. См. также критику этого направления в работах: L. Lutyński, *Ewolucjonizm w etnologii anglosaskiej a etnografia radziecka*, Łódź, 1956; I. Sellnow, *Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte*, Berlin, 1961, стр. 84—86.

⁴⁹ См. указ. выше работы L. White и B. Meggers.

⁵⁰ См., например, статьи: A. R. Lindesmith and A. L. Strauss, *Critique of culture-personality writings*, «American Sociological Review», 1950, № 15, стр. 587—600; K. Little, *Methodology on the study of adult personality and «National characters»*, «American Anthropologist», т. 52, № 2, 1950, стр. 279—282; O. Klineberg, *Tensions affecting International understanding*, «Social Science Research Council», Bulletin № 62, 1950.

⁵¹ R. Lowie, *Reminiscences of anthropological currents in America half century ago*, «American Anthropologist», т. 58, № 6, стр. 1010.

⁵² A. Kroeber, *The place of F. Boas in Anthropology*, «American Anthropologist», т. 58, № 1, 1956, стр. 155.

⁵³ G. Dole and R. Canreiro (eds), «Essays in the Science of Culture; In honor of L. White», New York, 1960.

⁵⁴ F. Voget, *Man and culture: an essay in changing anthropological interpretations*, «American Anthropologist», т. 62, № 6, 1960.

⁵⁵ Рецензия М. Н. Segall на книгу психолога L. W. Dobb «Becoming more civilized» «American Anthropologist», т. 63, № 3, 1961, стр. 656.

чительной⁵⁶, что в 1954 г. Дж. Хонигману пришлось ее отметить (правда, советские работы он не упоминает).

В 1959 г. он вынужден уже защищаться, пытаясь доказать ошибочность утверждения о том, что «область исследований культуры и личности», по крайней мере в Америке, умерла и в 1950-х годах потеряла свою популярность⁵⁷. Он пытается заверить своих коллег, этнографов США, в том, что этнофрейдисты, пользуясь психологическими понятиями, не оставляли этнографического подхода, что они якобы изучают реакции и инстинкты, поведение индивида в их связи с социальной средой. Однако, несмотря на критику психорасизма, его идеи продолжают развиваться в работах М. Мид, И. Халлоуэлла, А. Уоллеса, Д. Хонигмана, Е. Фридл, В. Барнова, С. Паркера и др. Их изыскания и выводы смыкаются с концепциями видных американских социологов и историков Ф. Нортропа, Г. Кона, Р. Эмерсона, К. Дейча, Г. Моргентхау и других, призванных теоретически обосновать вечность устоев капиталистического общества, оклеветать народы, борющиеся за свою независимость, оклеветать социализм. Они вносят свой «вклад» в антикоммунизм, являющийся сейчас главным идейным оружием империализма. Некоторые из них (М. Оплер) переходят в прямое наступление, обвиняя своих критиков в марксизме, что в современной обстановке в США аналогично, как известно, обвинению в антиамериканской деятельности. М. Оплер призывает ученых-маккартистов и их покровителей накинуть пока не поздно узду на все более или менее прогрессивное в этнографии США⁵⁸. Несмотря на все потуги повернуть колесо истории вспять, ясно, что этнофрейдизм в современной американской этнографии — в основном уже пройденный этап. Советские ученые, а также прогрессивные ученые всех стран мира считают этнофрейдизм чуждым, наносным явлением в науке и в своих работах вскрывают его реакционную сущность.

SUMMARY

Freudism has of late become especially popular in the reactionary sociology of the USA as an instrument in the struggle against Marxism.

The penetration of Freudism into USA bourgeois ethnology began in the 1920's, with the appearance of works by E. Sapir, R. Benedict, M. Mead and their disciples. The fact that several psychiatrists (A. Kardiner, C. Horney, J. Roheim and others) took up ethnology, in no small way contributed to the formation of ethno-Freudism. By 1940 the ethno-Freudian school of culture and personality studies took shape in USA ethnology. This research is centred around the problem of the formation of the personality and its interrelation with society, which is considered on the basis of Freudian «applied psychoanalysis». The behaviour of entire peoples and social classes, and their political and economic interests are considered in these studies in the light of the psychology of the personality and explained by certain psycho-biological properties, allegedly immutable and inherent in man's nature.

The relativist psycho-racist conceptions elaborated by the neo-Freudians are used to justify neo-colonialism, to justify the existence of capitalism. It is significant that these studies are financed by the organs of USA imperialist policy and widely used by bourgeois propaganda. Ethno-Freudism, however, is not the predominant trend in present-day American ethnology. The reactionary, unscientific essence of this trend is disclosed by honest-minded scholars in the United States, who believe it to be an alien phenomenon in science. Their criticism is of major importance for the progressive development of social science.

⁵⁶ Это отмечает, например, С. Дюнн, критикующий психологические интерпретации русского характера одной из публикаций 1960 г. (см. «American Anthropologist», т. 63, № 4, 1961, стр. 860).

⁵⁷ J. Honigmann, Psycho-cultural studies, в сб. «Biennial review of anthropology», New York, 1959.

⁵⁸ M. Opler, Cultural evolution, Southern Athapaskans, and chronology in theory, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 17, № 1, 1961.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. И. ЛАВРОВ

ИЗМЕНЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ И БЫТЕ АДЫГЕЙЦЕВ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ *

«Стирание национальных различий,— говорится в Программе КПСС, — в особенности языковых различий,— значительно более длительный процесс, чем стирание классовых граней»¹. В наши дни эволюция национальных особенностей определяется закономерностями развития советского общества в целом, чуждого национальной обособленности.

Если сравнить результаты новейших наблюдений над адыгейским бытом с дореволюционными адыгейскими этнографическими материалами, то легко заметить эволюцию этнических особенностей за годы советской власти и определить, что живет и развивается, что исчезает и что появляется нового.

Ликвидация классового, сословного и национального неравенства, переход к коллективным формам производства и невиданно быстрый хозяйственный и культурный подъем преобразили адыгейский народ. Среди адыгейцев появились индустриальные рабочие и многочисленная интеллигенция, а нынешних колхозников нельзя сравнивать с прежним крестьянством не только в правовом и культурном отношении. Непрерывное развитие колхозного производства, в частности оснащение его новой техникой, приводит к углублению специализации сельскохозяйственного труда. Дореволюционное крестьянское хозяйство не знало внутренней специализации, и каждый крестьянин в одно и то же время был производителем зерновых культур, овощеводом, животноводом и пр. Сейчас колхозники делятся на трактористов, комбайнеров, шоферов, полеводов, кукурузоводов, овощеводов, садоводов, доярок, пастухов, конюхов, чабанов и т. д. Кроме того, в колхозе трудится большой отряд интеллигенции, состоящий из агронома, инженера, зоотехников, ветеринаров, бухгалтера и др.

Действительность показывает, что традиционное разделение труда между мужчинами и женщинами в настоящее время претерпевает изменения. Прежде адыгейка принимала незначительное участие в полевых работах и совсем не могла приобрести профессию учительницы, врача и пр. Сейчас в Адыгее много женщин-специалистов, а полевые работы, за исключением требующих мужской силы, немыслимы без участия женщин. Последнее нельзя объяснить только сокращением числа мужчин

* В основу статьи положены материалы, собранные совместной экспедицией Ин-та этнографии АН СССР и Адыгейского научно-исследовательского ин-та, работавшей в Адыгейской авт. области в 1959—1961 гг.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 406.

зультате военных потерь, так как до Великой Отечественной войны женщинам уже принадлежала большая роль в колхозном производстве. В данном случае это результат того, что адыгейцы наших дней уже не рассматривают женщину как исключительно домашнюю хозяйку. Показательно появление в колхозе женщин-трактористок и мужчин-дояров.

Численный рост интеллигенции и повышение общего культурного уровня и деловой квалификации колхозников (вызванное ростом специализации сельскохозяйственного труда) являются проявлением процесса стирания существенного различия между физическим и умственным трудом.

Материальная культура народа изменяется быстрее, нежели фольклор или народное искусство, и гораздо быстрее, нежели семейный быт. Это объясняется тем, что материальная культура самым непосредственным образом связана с экономической жизнью, и на материальной культуре поэтому быстрее отражаются экономические перемены. Как известно, материальные ценности заменяются новыми в тех случаях, когда старые пришли в негодность из-за естественного износа или когда изменившиеся условия требуют перехода к качественно новым ценностям. Эволюция материальной культуры вызывается не первой, а второй причиной, однако неодинаковые сроки жизни и разная стоимость отдельных элементов материальной культуры оказывают влияние на темпы их эволюции. Легче изменяются качество и форма тех вещей, которые сами по себе недолговечны и дешевы.

За годы советской власти неузнаваемо преобразился облик адыгейского аула. Повсеместно происходящий в Советском Союзе процесс стирания грани между городом и деревней уже сейчас успел привести к наглядным результатам. В ауле Шовгеновском, где работала наша экспедиция, появились общественные здания городского типа, новые благоустроенные жилые дома, тротуары, асфальтированная улица, промышленные предприятия, магазины, больница, аптека, сберегательная касса, дом культуры с кинотеатром и библиотекой, стадион, осуществлены электрификация и радиофикация жилищ и т. д. Претворение в жизнь плана перестройки аула Шовгеновского в ближайшие годы сделает его благоустроенным поселком городского типа.

Жилище можно эксплуатировать в течение десятков лет, а для постройки нового необходима затрата большого труда, материальных средств и времени, поэтому жилище изменяется медленнее, чем средства передвижения, одежда и пища. Однако за годы советской власти и жилища в Адыгее претерпели большие изменения. Переход от прямоугольного в плане дома, преимущественно двухкомнатного, к квадратному с тремя-четырьмя комнатами и появление целого ряда отсутствовавших ранее конструктивных особенностей (бетонный фундамент, шиферная крыша, крыльцо или застекленная веранда, соединение комнат внутренними дверями и пр.) напоминают аналогичные изменения, начавшиеся несколько раньше в жилых домах русского населения Кубани. В аулах и станицах распространяется один и тот же более вместительный и более удобный тип дома, квадратного в плане. Традиционная адыгейская кунацкая, перестав быть отдельной постройкой, ничем уже не отличается от гостиной комнаты русского дома. Процесс нивелировки национальных особенностей в домостроении зашел настолько далеко, что постороннему трудно отличить современное адыгейское жилище от распространенного в соседних станицах.

Старинная адыгейская арба на двух колесах еще в конце XIX в. была вытеснена четырехколесной телегой казачьего типа. Развитие автотранспорта в настоящее время привело к тому, что телега из универсального транспортного средства стала подсобным, и теперь ею пользуются не для межрайонных и межаульных перевозок, а преимущественно для внутриколхозных.

Сравнительно короткие сроки ношения одежды всегда облегчали проникновение в быт новых ее фасонов. Ходячее представление о национальном костюме, который будто бы существовал неизменно в прошлом, основано на недоразумении. Адыгейцы, например, одевались перед Великой Октябрьской социалистической революцией не так, как в первой половине XIX в., и совсем иначе, чем в XVIII в. Причем во все времена одежда адыгейцев, подобно одежде других народов, не замыкалась в национальные рамки, так как соседние народы оказывали друг на друга значительное влияние. Только за годы советской власти в адыгейской одежде произошла смена не одного, а нескольких фасонов. Причем фасоны эти примерно в то же время появлялись и в соседних станицах. Как бы то ни было, но адыгейское крестьянство, подобно кубанским казакам, перешло от дореволюционных черкесок, бешметов и бурок к костюмам современного городского покроя. Лишь отдельные элементы дореволюционной одежды (чаще всего папахи и пояса с серебряным набором) можно встретить у стариков. То же произошло и с женским костюмом. Так как национальная адыгейская одежда в ее предреволюционном варианте отличалась своеобразным изяществом, то у современного населения существует тенденция сохранить ее в качестве парадного костюма, предназначенного для ношения на свадьбах и общественных праздниках. К сожалению, работники предприятий, выпускающих готовые платья, и работники торговых организаций не откликаются на этот запрос населения.

Пища адыгейского крестьянства в настоящее время хотя и сохраняет национальные особенности, но стала более разнообразной. Если не считать чая и ограниченного количества сахара, то в остальном адыгейский крестьянин до революции довольствовался в пище теми продуктами, которые давало его личное хозяйство. Расширение и углубление экономических связей между различными территориями Советского Союза в настоящее время приводят к значительному повышению в питании удельного веса привозных продуктов. Кроме того, даже такие продукты местного производства, как пшеничный хлеб, многие хозяйки находят более удобным покупать в магазине. Наряду с увеличением ассортимента продуктов, идущих в пищу, в меню входят новые блюда, заимствованные из русской и украинской кухни.

Приобретение одежды нового фасона, если он не нарушает существующих понятий о нравственности, обычно не затрагивает интересов общества и рассматривается как частное дело. То же бывает и при постройке жилища нового типа и введении в питание новых продуктов и блюд, если они не принадлежат к числу тех, которые по традиции считаются «нечистыми».

В противоположность материальной культуре семейный быт никогда не считался частным делом. Внутрисемейные отношения и взаимоотношения соседей строятся обычно на одних и тех же нормах поведения, и нарушение последних в одной семье рассматривается коллективом как нарушение общественного порядка. Поэтому на эволюцию семейного уклада оказывают тормозящее действие не только приверженные традициям старики из числа ближайших родственников, но и подобные же старики из соседей и односельчан. Чтобы отказаться от старого обычая прогрессивно мыслящему человеку нужно не только желание, но и отсутствие боязни осуждения со стороны влиятельных стариков аула.

Одной из особенностей семейного быта и норм поведения в обществе является то, что появление в них нового, как правило, сопровождается отказом от старого; поэтому новое здесь не столько наслаивается на старое, сколько ломает его. Так, заключение брака без калыма или несоблюдение невесткой обычая избегания свекра означают не только появление новых норм взаимоотношений, но и отказ от старых обычаев. В подобных случаях одно исключает другое. В то же время человек, одевший платье нового фасона, не обязательно выбрасывает свою старую одеж-

ду, если она не изношена, а тот, кто запел новую песню, может тут же запеть и старую. По этим причинам развитие семейных отношений и норм поведения в обществе всегда протекает в более острых конфликтах с традициями, чем развитие материальной культуры или народного искусства. Учитывая сказанное, не приходится удивляться, что эволюция семейных отношений происходит медленнее, чем других сторон народного быта.

Отношение советского человека к народным традициям определяется ролью, которую они играют или могут играть в поступательном движении нашего общества. Адыгейцы, подобно другим народам, пришли к Великой Октябрьской социалистической революции с разными традициями; некоторые из них несовместимы с новыми условиями жизни, другие, наоборот, нашли место в строительстве социализма. У адыгейцев существуют почитание старших по возрасту, уважение трудолюбия, мужества и скромности, трудовая взаимопомощь, гостеприимство. От прошлого у адыгейцев оставались и явно непригодные для социалистического и коммунистического строительства традиции. Достаточно назвать унижение женщин в семье и религиозные предрассудки.

Новые экономические условия жизни, общий подъем культуры за годы советской власти и длительная кропотливая работа Коммунистической партии по разъяснению массам вреда устаревших обычаев привели к тому, что одни из этих обычаев уже окончательно исчезли, а другие находятся на разных стадиях изживания. Так, в настоящее время почти не встречаются умыкание невест, многоженство, аталычество, обряд усыновления², шумные игры и танцы у постели получившего физическую травму (кIапщ), роды с помощью повивальной бабки и целый ряд свадебных обычаев (например, «палочная война», отбирание одежды у прибывших за невестой, подарок жениха своим родителям во время «примирения» и пр.).

Большинство других старых обычаев соблюдается уже не повсеместно, кроме того, многие из них сохраняются чисто формально. Так, при заключении брака уже не договариваются о размере калыма, но жених по своему усмотрению делает подарок родителям невесты, и стоимость подарка намного меньше прежнего калыма. Сократились сроки пребывания невесты в доме приятеля жениха перед свадьбой, скрывания жениха, избегания невестой разговоров со свекровью первое время после свадьбы, длительности свадебных торжеств и отрезка времени после свадьбы, когда вышедшая замуж не навещает своих родителей. Жизнь вносит изменения во многие обычаи. Например, свадебные подарки стали поступать не родственникам, как прежде, а новобрачным, невесту возят теперь на автомашине и рядом с невестой нередко садится и жених, невеста стала покидать брачное помещение (лэгъунэ) на время работы в колхозе, и свадьбу устраивают теперь не днем, когда все работают, а вечером.

К совершенно новым явлениям относятся комсомольские свадьбы, регистрация брака в загсе, случаи поселения тещи в доме зятя, избегание невесткой свекра, совместное появление на людях мужа и жены, принятие пищи мужчинами и женщинами за общим столом, появление семейств, где во главе стоят женщины, в том числе невестки при живых свекровях. Новые явления, исключая регистрацию брака в загсе, еще не успели стать повсеместными, но число их растет с каждым годом.

Главным вопросом семейного быта является отношение к женщине. Лишение ее в прошлом элементарных прав вытекало из экономической ее зависимости от отца, брата или мужа. Советская власть не только перед законом уравнивала женщину в правах с мужчиной. Она распахнула перед ней двери к образованию, к широкой трудовой и об-

² Имеется в виду обряд прикосновения губами к груди женщины-усыновительницы.

шественной деятельности. Женщина-работница, колхозница и служащая стала экономически самостоятельной. Все это уже сказалось на положении женщин в семье и обществе и является гарантией, что в недалеком будущем исчезнут последние проявления их бывшего неравноправия.

Достижения адыгейского народа за советские годы в области просвещения и здравоохранения являются поистине грандиозными. Общий культурный рост сопровождался распространением атеистического мировоззрения, которое завоевало прочное господство в массах. Молодежь и люди среднего поколения, как правило, не верят в бога. То же можно сказать и о некоторых стариках. Однако это не означает, что с религией в Адыгее покончено. Верующих можно разделить на две численно неравные группы. В одну из них входит часть стариков, которые придерживаются ортодоксального ислама и исполняют все его предписания. Таких немного, и они наименее податливы для антирелигиозной пропаганды. Другую группу составляет большинство стариков и некоторые из более молодых, которые причисляют себя к верующим, но исполняют далеко не все предписания корана, например, соблюдают пост, но не совершают положенных для мусульманина ежедневных пяти молитв или не соблюдают ни поста, ни молитв, но верят в бога и загробную жизнь. Среди этой группы верующих распространены и пережитки древних доисламских верований в виде магических примет, заговоров и пр. Борьба за распространение атеистического мировоззрения среди этой группы должна быть главной задачей антирелигиозной пропаганды.

Что касается большинства населения, то оно уже отошло от религии и не верит ни в бога, ни в загробную жизнь. Постороннего наблюдателя не должно смущать, что среди адыгейцев распространены порожденные исламом традиции: отвращение к свинине, массовое бытование мусульманских личных имен или погребение на правом боку завернутых в саван покойников. Эти и им подобные явления в адыгейском быту, как правило, превратились в традицию, утратившую религиозное содержание. Искоренение ислама у адыгейцев и христианства у соседнего русского населения являются важным фактором в возрастающем сближении этих народов друг с другом.

Дореволюционные попытки создания адыгейского алфавита при массовой неграмотности населения не получили распространения, и адыгейский язык до утверждения советской власти оставался бесписьменным. После Великой Октябрьской социалистической революции были разработаны новый алфавит и единые нормы правописания, на основе которых возник литературный адыгейский язык, получивший все права в школьном преподавании, в печати, на сцене и т. д.

Наряду с появлением литературного языка наблюдаются изменения и в живой речи. Так, население аула Шовгеновского в настоящее время все больше переходит к пользованию в быту так называемым «новоабадзехским» диалектом, существенно отличающимся от «староабадзехского», на котором теперь говорят только старики. Так как «новоабадзехский» диалект стоит гораздо ближе к темиргоевскому, лежащему в основе литературного языка, то изменение живой речи жителей аула нужно рассматривать как проявление процесса стирания диалектных различий и постепенного перехода к употреблению в быту единого адыгейского литературного языка. И в живой речи, и в литературном языке наблюдается непрерывный рост количества слов, заимствованных из русского. Кроме того, за советские годы адыгейский народ стал по-настоящему двуязычным. Все возрастающее общение с соседним русским населением и рост школьного образования привели к массовому овладению русским языком.

Что касается фольклора, мелодий, танцев и народного декоративно-

прикладного искусства, то непрерывное их развитие вытекает из их природы. Дело в том, что всякое искусство, в частности народное, не может обойтись без создания новых художественных образов, поэтому его и нельзя мыслить без творчества, без отклика на запросы времени, т. е. непрерывного развития. Чтобы быть доходчивым, художественное творчество широко пользуется традиционной формой, пока она способна вмещать новое содержание. Эволюция искусства совершается путем обогащения художественного запаса новыми произведениями, которые, однако, не сразу вытесняют старые, а чаще до известного времени сосуществуют с ними у одних и тех же исполнителей. Поэтому развитие народного искусства протекает в менее острых конфликтах с традициями, чем эволюция в области семейных обычаев, норм поведения в обществе и взглядов на религию. Есть еще одна особенность эволюции искусства: художественные ценности, созданные в прошлом, зачастую не теряют притягательную силу и способны долго жить наряду с новыми. Более того, они могут возрождаться после временного исчезновения. Например, старинная двухколесная арба или обычай родовой кровной мести наверняка не возродятся, а орнамент на платье XIX в. еще может перейти в современную вышивку, как и запись забытой мелодии может войти в репертуар музыкантов.

В фольклоре и народном искусстве исчезает прежде всего то, что крепкими нитями связано с уходящими явлениями народного быта. Так, отмирает вместе с религией и религиозно-обрядовый фольклор, вместе с домашней обработкой шерсти и ручным трудом в земледелии — старые трудовые песни (пахотные, жатвенные, исполняемые при лущении кукурузы, и т. п.), вместе с обычаем раздельного мужского и женского пения — также и деление песенного репертуара на мужской и женский, вместе с самодельной мягкой обувью — исполнение на носках отдельных па в танцах (сохранилось лишь в танцевальных ансамблях), вместе со старыми фасонами парадного женского платья — золотощвейные художественные аппликации, украшавшие эти платья.

При сравнении современного народного творчества со старым можно прийти к неправильному выводу, будто способности народных масс к творчеству ослабевают, так как они уже не создают монументальных произведений вроде нартовского эпоса. Но это объясняется лишь следствием массового ухода народных талантов в литературу и профессиональное искусство.

Многие художественные ценности прошлого не дошли до нас из-за гибели материальных памятников или несовершенства народной памяти. Многое дошло в искаженном виде. Неизвестны имена создателей большинства даже выдающихся художественных произведений прошлого. В наши дни создатели талантливых произведений редко остаются незамеченными, как правило, они получают доступ к популяризации своего творчества через печать, радио, сцену, выставку и пр. и тем самым становятся в один ряд с профессиональными писателями, артистами и художниками. Сошлемся хотя бы на народного певца Теучежа Цуга, который стал классиком адыгейской литературы.

Общий подъем культурного уровня масс повлек за собой отражение в народном творчестве более сложных понятий и появление в нем форм, свойственных профессиональному искусству. Например, в современном фольклоре отражаются и материалистические взгляды, и призывы к борьбе за мир во всем мире, и сочувствие национально-освободительному движению в территориально далеких странах. Из новых художественных форм отметим появление неизвестного прежде двухголосного пения, самодеятельных спектаклей, струнных и духовых самодеятельных оркестров и т. д.

Общий рост культурного уровня облегчает понимание профессионального искусства народными массами, и оно теперь обслуживает

весь народ, так как книга и радио прочно вошли в быт. Резкая грань, существовавшая раньше между народным художественным творчеством и профессиональным, исчезает на наших глазах, так как все талантливое, что рождается в народе, теперь быстро смыкается с профессиональным искусством, а это последнее, широко распространяясь в массах, становится по-настоящему народным.

Самое существенное, что произошло в художественном творчестве адыгейцев за годы советской власти, — это появление и развитие художественной литературы, а также зачатков сложной музыки и станковой живописи.

Краткий обзор изменений, происшедших после Великой Октябрьской социалистической революции в культуре и быту адыгейского народа, позволяет сделать несколько выводов.

1. Нет таких сторон культуры и быта, которые не подверглись бы изменению.

2. Масштабы и темпы изменения отдельных сторон культуры и быта неодинаковы.

3. Отмирает, с одной стороны, то, что противоречит современному жизненному укладу (например, очаг или калым), а с другой — то, что не противоречит ему, но не выдерживает соревнования с новым, которое оказывается более доступным в силу меньшей трудоемкости или дешевизны. Это относится к национальной одежде, золотошвейным орнаментам, конному спорту и пр. При поддержке общественными организациями лучшее, что есть в уходящих традициях, могло бы занять должное место в социалистической культуре Адыгеи.

4. Идет процесс неуклонного сближения культуры и быта адыгейцев и других народов Советского Союза. Среди новых явлений в образе жизни и культуре современных адыгейцев нельзя заметить чего-либо такого, что отгораживало бы их от других народов и особенно от русских, в окружении которых находится Адыгея. Сближение адыгейцев и русских легко обнаружить в распространении у тех и других марксистского мировоззрения, в одинаковой организации промышленного и колхозного производства, в возрастающем насыщении адыгейского языка русскими словами и широком распространении русского языка, в развитии русских художественных традиций адыгейскими писателями, музыкантами и художниками, в появлении у адыгейцев сходных с русскими типов поселения, жилища, одежды, пищи, некоторых семейных обычаев, фольклорных сюжетов, мелодий, танцев, орнаментов и т. д.

Эволюция культуры и быта адыгейцев подтверждает то, что говорится в Программе КПСС: «Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура»³.

SUMMARY

In the Soviet years important changes have occurred in every aspect of the culture and way of life of the Adyghe people. The evolution of different aspects of culture and life, however, proceeds at an uneven pace. An attempt is made in the present article to establish the causes for the different pace of evolution in the material and spiritual culture of the Adyghe people, and also in their family and social life. The general trend in the evolution of Adyghe culture and life consists in approximating the culture and life of the other peoples of the USSR—and primarily of the Russian population.

³ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 407.

Л. А. АНОХИНА, М. Н. ШМЕЛЕВА

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ НОВОГО ДУХОВНОГО ОБЛИКА СОВРЕМЕННОГО КОЛХОЗНИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

В период развернутого строительства коммунизма вопросы идеологического воспитания трудящихся города и деревни приобретают особенно большое значение. «Чем выше сознательность членов общества, — говорится в Программе КПСС, — тем полнее и шире разворачивается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми и, следовательно, тем быстрее и успешнее решаются задачи строительства коммунизма»¹.

В результате социалистических преобразований, осуществленных в нашей стране, в результате огромных хозяйственных и культурных достижений, в духовном облике советского человека уже появились те черты нового, которые получают свое полное развитие в коммунистическом обществе. И хотя во взглядах и поведении людей еще сохраняются отдельные пережитки прошлого, основным и определяющим является именно это новое.

В деревнях Калининской области (как и других областей страны) прочно утвердился новый тип крестьянина-колхозника, человека передового, обладающего широким кругозором, хозяина колхозной земли, полноправного члена советского общества. Особенно ощутимые изменения в его духовном облике произошли за последние годы. Сельский труженик 1960-х годов отличается не только от крестьянина периода коллективизации, но даже и от колхозника первых послевоенных лет, который продолжал оставаться еще во многом «деревенским». Теперь колхозник по своему культурному уровню мало чем отличается от рабочего промышленных предприятий.

Большие изменения по сравнению с предыдущими периодами истории русской деревни произошли в профессиональном составе сельского населения. В настоящее время в колхозах, особенно передовых, есть значительное число специалистов сельского хозяйства, имеющих солидный практический опыт и владеющих знаниями. Это прежде всего руководящие работники колхозов, агрономы, механизаторы, а также многие рядовые колхозники, творчески относящиеся к своему труду — полеводы — мастера высоких урожаев, животноводы, доярки, свиноводы, телятницы и др., добившиеся высоких показателей. В 1956—1957 гг. в колхозах им. Ильича Бежецкого района, «Россия» Весьегонского района, где проводились нами этнографические исследования, число квалифицированных тружеников сельского хозяйства достигало 50—60% всех занятых в колхозном производстве. За последние годы в связи с непрерывным

* Данная статья является результатом полевых этнографических исследований, проводившихся авторами в 1956—1960 гг. в Калининской области.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 408.

повышением агротехнического уровня колхозного производства и ростом механизации хозяйства число их несомненно увеличилось. Охотно овладевает сельскохозяйственными профессиями молодежь — выпускники средних школ, ежегодно пополняющие ряды колхозников.

Наличие в колхозах квалифицированных работников, имеющих, как правило, более высокий, по сравнению с окружающими, уровень развития, не только положительно сказывается на производстве, но и способствует росту культуры деревни в целом, обогащению духовной жизни односельчан.

В деревне наблюдается процесс постоянного духовного развития людей, в том числе и пожилых, принадлежащих к старшему поколению колхозников. В свое время им не удалось получить образование, но вовлеченные в общий поток жизни колхозного села, и они постепенно приобщаются к культуре. Современного колхозника характеризуют высокая политическая сознательность и большая активность в общественной жизни. Эти качества начали зарождаться сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции, получили дальнейшее развитие в годы колхозного строительства и стали определяющими для духовного облика колхозника нашего времени. Они проявляются и в отношении к труду, и к общественным делам, в живейшем интересе к политике, ко всему, что происходит в советской стране и за рубежом. Любое мероприятие партии и правительства встречает у колхозного крестьянства самую горячую и действенную поддержку.

Потребность быть в курсе повседневных событий, принимать участие в жизни своего колхоза, района, страны — вот одна из черт, характеризующих духовный облик большинства колхозников. Она свойственна и молодежи, выросшей в условиях советской действительности, и пожилым колхозникам, мировоззрение которых начало формироваться еще в дореволюционное время. В 1959 г. нам довелось быть свидетелями обсуждения семилетнего плана развития народного хозяйства в деревнях колхоза «Актив» Краснохолмского района. Кажется, не было ни одного колхозника, который остался бы равнодушным к этому общегосударственному событию. Во всех бригадах и отдельных производственных коллективах животноводов, механизаторов и т. д., на общеколхозном собрании и, наконец, у себя дома колхозники всесторонне обсуждали семилетний план применительно к своему колхозу и району, еще и еще раз учитывая свои реальные возможности. Рождалось много делных практических предложений. Составление плана колхозной семилетки превратилось, таким образом, в коллективное творчество всех колхозников.

О живейшем интересе колхозников к событиям политической и общественной жизни свидетельствует тот факт, что газета и радио заняли огромное место в быту социалистической деревни. Так, в 1960—1961 гг. на газеты и журналы в Калининской области подписалось 85—90% всех колхозных семей. О высоком проценте подписки говорят и данные по отдельным районам или колхозам. Например, в Калининском районе газеты выписывают 95% семей, проживающих в сельской местности, в колхозах «Боевик», «Путь Ленина», «Красное знамя» Краснохолмского района — 97—100% семей колхозников. Нередко встречаются семьи, выписывающие по две и даже по три газеты. Районная газета имеется буквально в каждом доме; велик также спрос и на центральные газеты — «Правда», «Известия», «Советская Россия». Читают газеты, особенно районные, все грамотные колхозники, независимо от возраста. Пожилая малограмотная колхозница Б. (доярка колхоза «Актив» Краснохолмского района) говорила нам: «Просмотреть газету — для меня закон. Очень интересуюсь, как идут дела в районе, на каком месте наш колхоз в соревновании, кто впереди. Об этом я сама прочту, а большие статьи нам в красном уголке вслух прочтут и объяснят». Беседа с

колхозниками, особенно с мужчинами и молодежью, убеждаешься в том, что они хорошо разбираются в политике, и не только знают о происходящих событиях, но и правильно их оценивают. Это говорит о значительном уровне политического развития рядовых тружеников советской деревни.

Почти каждый колхозник, за небольшим исключением людей преклонного возраста, принимает участие в общественной жизни. Одни являются депутатами советов или членами различных его комиссий, другие — членами правления колхоза, народными заседателями в суде, бригадильцами, участниками агитколлективов и агитбригад, членами школьных, клубных, библиотечных и других советов, входят в состав кружков художественной самодеятельности и спортивных команд. При подворном знакомстве с семьями колхозников выясняется, что почти в каждой из них есть свой «общественник», особенно там, где в семье имеется работающая молодежь.

Попадая в колхозную деревню, сразу замечаешь, что деловое общение людей не прекращается и вечером, после трудового дня. То проходит заседание правления колхоза, то сессия сельсовета или работа одной из его комиссий, то собираются члены бригады послушать сообщение агитатора или бригадира и т. п. Все эти мероприятия привлекают не только тех, кто непосредственно в них участвует, но почти все взрослое население, которое быстро узнает о происходящем и включается в обсуждение событий дня, планов и достижений. В этом проявляется своеобразие сельского общественного быта, создающего благоприятные условия для проведения общественных кампаний, организации советского общественного мнения и т. д.

Особенно насыщенной стала общественная жизнь в деревне в последние годы, когда борьба за успешное выполнение семилетнего плана требует от колхозных тружеников еще большего единения, взаимопомощи и взаимоконтроля.

Большую роль в повышении активности колхозников играет укрепление и дальнейшее развитие колхозной демократии. Сама природа колхоза как коллективной хозяйственной организации требует активного участия всех колхозников в управлении артелью (в ведении общественного хозяйства, в решении вопросов, касающихся организации труда, внедрения новых методов работы, распределения доходов и т. д.), способствуя тем самым все большему развитию у людей чувства коллективизма. Это ярко проявляется на колхозных собраниях, на которых не только главы семей, но и все колхозники принимают живейшее участие в обсуждении поставленных вопросов. Здесь в полной мере осуществляется право каждого члена артели управлять ею. Собрания проходят очень оживленно, колхозники охотно и без стеснения выступают, высказывают свое мнение. Большой активностью отличаются женщины. Примечательно, что к общеколхозным собраниям население относится как к важному событию. Идя на собрание, каждый старается принарядиться (это в первую очередь касается женщин и молодежи). На улицах, особенно, у правления колхоза и у клуба, наблюдается почти праздничное оживление.

В настоящее время для колхозников очень характерен государственный подход к делам своего колхоза, который рассматривается не изолированно, а в тесной связи с другими колхозами района, области, страны. Вполне справедливы замечания многих районных руководителей о том, что колхозники теперь стали мыслить «экономическими выкладками». Подсчитывается все: количество затраченного труда, расходы и доходы, получаемые от применения машин, удобрений, стоимость литра молока и другой продукции и т. д. Особенно ярко это проявляется, когда колхоз вводит у себя какое-либо новшество: переходит на денежную оплату труда, на бригадный² хозяйственный расчет, решает во-

прос о строительстве крупного хозяйственного или культурного объекта. Тогда, прежде чем утвердить принятое решение в правлении колхоза, в каждой бригаде и даже в семье ведутся расчеты и обсуждения. Так было, например, в 1960 г. в колхозе «Актив» Краснохолмского района, когда подготавливался переход на денежную оплату труда, или в колхозе им. Ильича Бежецкого района, принявшего решение ассигновать 1 млн. рублей на строительство своего льнозавода.

Интересно отметить, что добросовестное отношение к труду стало обычной нормой для подавляющего большинства колхозников. Сейчас можно уже говорить об упрочении нового трудового принципа — творческого подхода к делу, проявления инициативы в труде и постоянно-го повышения квалификации. Этому новому принципу следуют теперь не единицы, а многие и многие десятки людей. Хорошим работником в колхозе считается тот, кто не только честно выполняет свои обязанности, но и обладает чувством нового и активно борется за внедрение этого нового в жизнь. Таковы передовики производства, известные доярки, свиноводы, льноводы, механизаторы и проч., ряды которых все время множатся. Колхозники заняты постоянными поисками новых методов ведения хозяйства, рационализации колхозного производства. Новое рождается в собственной практике, заимствуется из других колхозов. Немалое значение имеют и такие факторы, как широкое распространение различных видов профессионального обучения крестьян, постоянный обмен опытом между бригадами, колхозами, отдельными специалистами, пропаганда достижений сельскохозяйственной науки через печать, радио, кино, лекции и т. д., а также систематическая политико-воспитательная работа, проводимая колхозными партийными организациями, в результате которой до сознания каждого доводятся перспективы и задачи коммунистического строительства. Духовному развитию людей способствуют и общий рост культуры в нашей стране, и заметное улучшение материального благосостояния колхозов.

Показателем того, что творческое осмысление хозяйственной практики стало для колхозников необходимостью, является их активное участие в различных внутриколхозных и межколхозных производственных совещаниях, экономических конференциях, на которых обмениваются опытом работы, узнают о новых методах хозяйствования и проч. Нередко на таких совещаниях, кроме текущих злободневных вопросов, поднимаются и вопросы теоретические. Интересно проходят экономические конференции, например, в Бежецком районе. На одной из них зимой 1959 г. стоял вопрос о методах снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции. Было заслушано несколько докладов агрономов, зоотехников, бригадиров, звеньевых, которые подкрепляли свои выступления точными расчетами и тщательным экономическим анализом. Очень удачным был доклад одного из бригадиров колхоза им. Ильича о снижении затрат на единицу продукции и повышении урожаев. Докладчик, не имеющий специального образования, с большим знанием дела сумел обобщить опыт своей бригады.

Для воспитания творческого отношения к труду у колхозников большое значение имеют и различные виды профессионального обучения. Партийная и советская общественность уделяет серьезное внимание организации в колхозах массовой производственной учебы. Обычная агро-зоо-ветеринарная учеба, которая велась на протяжении многих лет, теперь оказывается недостаточной. Во многих колхозах организируются начальные экономические школы, которые помогут всем колхозникам пополнить свое сельскохозяйственное образование. Например, в колхозе «Путь Ленина» Кашинского района такая школа уже создана и зимой 1961/62 г. в ней обучались почти все колхозники.

Таким образом, творческое отношение к труду, чувство ответственности за порученное дело и за колхоз в целом свойственны не только

колхозным руководящим кадрам, но и массе рядовых колхозников. Среди них больше всего людей среднего возраста, составляющих основное ядро трудового коллектива, имеющих достаточный практический опыт и находящихся в расцвете сил. Духовный облик этих людей складывался уже в условиях колхозной деревни. Некоторые из них сами принимали участие в организации колхозов, другие же, будучи тогда подростками, начинали свой трудовой путь в только что созданных артелях. Они внесли большой трудовой вклад в колхозное строительство, они «росли» вместе с колхозами. Тяжелые испытания, выпавшие на долю этого поколения в годы Отечественной войны, когда мужчины сражались на фронтах, а женщины несли огромную трудовую нагрузку в тылу, закалили его, повысили политическое сознание, обогатили жизненный опыт. Потому люди среднего возраста и составляют тот главный резерв, из которого выходят колхозные активисты и руководители.

Молодежь также занимает достойное место в рядах передовой части колхозного крестьянства, будучи застрельщиком новой формы социалистического соревнования — борьбы за звание ударников и бригад коммунистического труда. Возникновение этого движения, новой ступени в развитии социалистического соревнования, свидетельствует о том, что и в деревне интересы общества становятся для людей первостепенными и органически сливаются с судьбой каждого. Члены бригад коммунистического труда должны не только сознательно и творчески относиться к труду, но и воспитывать в себе высокие моральные качества, непрерывно повышать свой технический и культурный уровень.

Добиться звания ударника коммунистического труда — дело нелегкое. Как всякое большое начинание, оно сталкивается со многими трудностями. Так, в условиях деревни труднее, чем в городе, получить образование без отрыва от производства, ибо далеко не при всех школах организованы консультационные пункты заочного обучения; еще сложнее учиться в техникуме или в институте. К тому же не всегда колхоз имеет возможность создать необходимые условия для учащейся молодежи (например, подменить животноводов в вечерние часы). Не всегда достаточно полно могут быть удовлетворены и культурные запросы, так как на селе еще мало университетов культуры, ощущается недостаток в литературе и т. д. Молодая колхозница доярка Б. из колхоза «Путь Ленина» Кашинского района говорила нам, что в деревне стать ударником коммунистического труда «куда труднее, чем в городе». Но несмотря на сложности, которые встречает сельская молодежь, это движение нашло у нее самый широкий отклик. Так, в Кашинском районе к началу 1961 г. соревновалось свыше 70 бригад. Из них девяти уже было присвоено звание коммунистических. В Весьегонском районе еще в начале 1960 г. участвовало в соревновании свыше 800 юношей и девушек. И хотя это движение началось сравнительно недавно, оно получило признание среди самых широких масс крестьянства. Так уже сегодня в деревне рождается новое отношение к труду и к общественному достоянию. Это, конечно, не означает, что недобросовестное отношение к делу окончательно изжито. Например, в колхозах Кашинского района наблюдались случаи бесхозяйственного отношения к рабочему скоту. Отдельные колхозники (обычно молодые парни), стремясь перевыполнить задание, излишне нагружают лошадей. Были случаи использования для «своих» лошадей кормов из фондов, предназначенных для колхозного молочного скота, и пр. Подобные факты резко осуждаются на заседаниях правления колхоза, бригадных, партийных, комсомольских собраниях и в местной печати.

Современного колхозника характеризует ярко выраженное чувство товарищества и взаимопомощи, стремление общаться с товарищами

по работе не только на производстве, но и в свободное время: вместе пойти в клуб, в кино, обсудить новости, встретить праздник, разделить семейное торжество и т. д. Необходимо отметить, что в старой деревне дружеские связи были развиты довольно слабо. До революции, например, на семейные праздники (свадьба, рождение ребенка и др.) очень редко приглашались люди, не входившие в круг родственников. Теперь дружеские связи занимают большое место в жизни колхозников и по своей значимости не уступают семейно-родственным. Друг и товарищ по работе — первый помощник, советчик и желанный гость. Дружба сплачивает коллектив и делает его ответственным за каждого, а каждого — ответственным за всех. Это особенно заметно в бригадах коммунистического труда, членов которых связывает и работа, и общественные дела, и личные интересы.

Особо следует остановиться на роли общественного мнения, имеющего в деревне свою специфику. Любому члену коллектива совсем не безразлично, что думают односельчане о его жизни, работе, общественной деятельности. Главными носителями советского общественного мнения являются лучшие люди деревни, всеми уважаемые передовики производства и общественники, среди которых имеются как коммунисты, так и беспартийные. Общественное мнение высказывается на собраниях (общеколхозных, бригадных, партийных, комсомольских, отдельных производственных коллективов), в местной печати и т. д.

Однако в деревне до сих пор продолжают сохраняться и обывательские консервативные взгляды, оказывающие известное отрицательное воздействие на людей. Эти взгляды распространяются незаметно с помощью широкой сети семейно-родственных связей, объединяющих почти всех жителей одного, а иногда и нескольких селений. В условиях деревни даже некоторые передовые колхозники в ряде случаев идут на поводу у этого обывательского мнения, боясь прослыть «отщепенцами» в среде родственников. Так, отдельные колхозники, не будучи религиозными, все-таки отмечают религиозные праздники, держат домашние иконы, не препятствуют крещению своих детей и т. д. Влияние обывательских взглядов чувствуется подчас и в семейной жизни. Некоторые мужчины, например, стесняются выполнять так называемые «женские» работы — носить воду, принимать участие в уборке помещения, приготовлении пищи, боясь осуждения родственников.

По мере укрепления колхозов и широкого развития культуры в деревне, обывательское мнение все более теряет свои позиции, искореняются отсталые взгляды, пережитки прошлого.

«Товарищеское осуждение антиобщественных поступков постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов и обычаев», записано в Программе КПСС². С каждым годом общественное мнение приобретает все большее значение в жизни колхозной деревни. Это свидетельствует о неуклонном росте сознательности тружеников сельского хозяйства, о высокой требовательности к себе и к другим, что составляет одну из важнейших черт советского человека.

Таким образом, наблюдая за различными сторонами жизни колхоза как трудового и общественного коллектива, можно воочию убедиться, что колхозный строй — величайшее завоевание социалистической революции — коренным образом изменил сознание и быт советских крестьян.

Давно стала историей былая изолированность деревни и духовная отсталость крестьян. Печать, радио, кино, почта, телеграф, телефон соединяют теперь любую отдаленную деревню со всей страной, вовлекают колхозников в политическую и общественную жизнь всего Совет-

² «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 412.

ского Союза. Отошла в прошлое местная ограниченность, мешавшая крестьянам видеть мир дальше своей деревни и ближайшей округи, заставлявшая их смотреть на себя главным образом как на жителей данной местности. В советской деревне общественная и культурная жизнь многогранна и в принципе мало чем отличается от городской.

О том, что в колхозе жить стало интересно, свидетельствует высказывание пожилой женщины П., одного из бригадиров колхоза им. Ильича Бежецкого района. Нашему вопросу, не скучно ли ей в довольно отдаленной деревне, П. удивилась: «Когда же скучать? Вечерами дома почти не бываю: то заседание правления, то политучеба, то драмкружок, а там — кино новое привезли, надо посмотреть; иной раз сходишь в клуб у телевизора посидеть или в читальне почитаешь книжки. Кажется, что веселой и культурнее нашей деревни и нет!». Такой интересной жизнью живет большинство колхозников.

Необходимо остановиться еще на одной стороне духовного облика современного колхозника — на его отношении к культуре, на особенностях его культурных запросов. Уже говорилось о том, что для колхозного населения, особенно для молодежи и значительной части среднего поколения, характерна тяга к знаниям, стремление приобрести профессию, повысить квалификацию. Отсюда много желающих учиться в школах и техникумах заочно, заниматься в различных кружках, семинарах, на курсах (политических, общеэкономических, специальных сельскохозяйственных или технических). Непрерывно возрастающая потребность в знаниях стимулируется, с одной стороны, развитием колхозного производства, год от года требующего все большего числа квалифицированных работников, с другой — небывалыми достижениями отечественной науки и культуры, от которых не могут и не хотят стоять в стороне жители села, так же как и городское население. В частности, большой интерес проявляет колхозное крестьянство к вопросам завоевания космоса. Велико желание разобраться в основных принципах устройства ракет, искусственных спутников, счетных машин и т. п.; людей увлекают романтика полета в космос и вообще неисчерпаемые возможности техники будущего. Эти вопросы интересуют колхозников всех возрастов. Отсюда спрос на научно-фантастическую и научно-популярную литературу, которой, к сожалению, в деревне еще недостаточно.

Стремясь пополнить свое образование, колхозная молодежь прежде всего обращается к вечернему заочному обучению. В деревнях имеются вечерние школы и классы сельской молодежи, а также консультационные пункты заочного обучения. Число учащихся-заочников непрерывно растет. Так, в Бежецком районе на учебно-консультационных пунктах при семилетних и средних школах в 1959/60 г. обучалось 250 человек, в 1960/61 г. уже 572 чел.; в 1963 г. консультационными пунктами намечено охватить 1473 чел., школами и классами сельской молодежи — 175 чел., заочными техникумами — 18 чел. В Кашинском районе в 1960 г. работало 20 консультационных пунктов, на которых обучались 315 человек. О составе заочников можно судить на примере семилетней школы дер. Б. Рагозино Краснохолмского района. В этой школе обучалось без отрыва от производства 39 человек. В числе учащихся 5-го класса были шофер, пастух, тракторист; 8-го класса — шофер, доярка, четыре полевода; 9-го — комбайнер, акушерка и др.

На помощь колхозникам, желающим учиться, приходят и народные университеты культуры, которые имеются в городах, районных центрах и непосредственно в колхозных поселках. Народные университеты культуры пользуются большой популярностью среди сельского населения. Число их непрерывно растет. Так, в 1959 г. в Калининской области насчитывалось 32 университета культуры, в начале 1960 г. их было уже 69, а в ноябре того же года — 98, в том числе 13 — в колхозах.

Число университетов, открытых в селах, пока еще невелико, но значительный процент колхозного населения, особенно молодежь пригородных деревень, посещает университеты в районных центрах.

Открытие университета в селе всегда вызывает огромный интерес у местного населения. Например, колхозники сельскохозяйственной артели им. Ильича Бежецкого района с гордостью говорили, что с открытием университета культура пришла к ним домой. Сразу же было подано свыше 200 заявлений, но фактически слушателей было гораздо больше. Многие колхозники среднего и даже весьма пожилого возраста аккуратно ходили на занятия, несмотря на то, что в помещении старого клуба было тесно.

О том, что сельский университет культуры уже сделался для колхозников необходимостью, говорит то нетерпение, с которым ожидают начала нового учебного года, многочисленные вопросы к членам университетского совета о том, не отменили ли занятия, всех ли желающих примут и т. д. Особенную заинтересованность проявляет молодежь.

Помимо университетов культуры, колхозники занимаются в кружках сети партийного просвещения, в которых коммунисты и беспартийные изучают основы марксизма-ленинизма, историю партии, политическую экономию, экономику сельского хозяйства. Подобные кружки имеются в любом колхозе. Например, в Бежецком районе в 1960/61 г. их насчитывалось свыше 340, они охватывали 9 тысяч человек, в том числе 5 тысяч беспартийных.

Один из показателей культурного роста сельского населения — отношение к книге. Подсчитано, например, что в Калининской области каждый третий житель — читатель библиотеки. На каждую тысячу населения в Кашинском районе приходится 850 читателей, в Весьегонском — 810, в Краснохолмском районе библиотечную книгу имеют 98% всех семей, а в Калязинском, Зубцовском, Нелидовском, Лихославском и некоторых других районах такие семьи составляют от 92 до 98%. В области имеются библиотеки, в радиусе действия которых не встретишь ни одной семьи без библиотечной книги (например, Алабузинская сельская библиотека Бежецкого района).

Самую значительную и активную группу читателей составляет колхозная молодежь в возрасте до 30 лет, большая часть которой имеет семилетнее образование. Затем следуют люди среднего возраста (30—40 лет); многие из них — передовики колхоза, квалифицированные работники сельского хозяйства. Значительный процент читателей этой группы — женщины. Интересно отметить, что некоторые колхозники систематически читают рецензии на новые книги и кинофильмы, желая получить правильное представление о новинках литературы и кино. Наиболее популярны у сельских читателей Калининской области произведения советской художественной литературы. Большим спросом пользуются книги с военно-героической тематикой (например, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Молодая гвардия» А. Фадеева и др.), а также приключенческая литература, любят и книги о колхозах («Поднятая целина» М. Шолохова, «Жатва» Г. Николаевой).

В произведениях литературы колхозников прежде всего интересует образ советского человека — их современника, наиболее понятного и близкого по духу, черты сходства с которым они стараются найти в себе и окружающих. Колхозников волнуют жизненный путь героев, их поступки, взаимоотношения, взгляды. Часто литературные образы служат примером, которому следует подражать. Не случайно колхозник Л. (шофер 37 лет) из дер. Б. Рагозино Краснохолмского района говорит, что он «любит читать книги и смотреть кино про хороших советских людей, у которых можно поучиться». От любого художественного произведения требуют, чтобы оно было проникнуто жизненной правдой,

и именно это служит главным критерием при его оценке. Так, колхозник Б. (тракторист, 37 лет) из дер. Давыдово Краснохолмского района, прочитав роман А. Коптяевой «Иван Иванович», нашел некоторые ситуации, изображенные писательницей, недостаточно правдоподобными, что решило отношение этого читателя к роману в целом. Правдивость художественного произведения колхозники определяют словами: «жизненное» или «нежизненное». Например, роман Л. Толстого «Анна Каренина» считается одним из самых «жизненных» (к сожалению, другие произведения русской классической литературы читают сравнительно немногие — главным образом молодежь, недавно окончившая школу, и учащиеся).

Наряду с любовью к драматическим жизненным сюжетам колхозникам свойственен интерес к жизнерадостным произведениям, насыщенным веселым смехом, шуткой. Это относится не только к книгам, но и к кинофильмам, театральным постановкам, эстраде. За веселый сюжет готовы простить недостатки, встречающиеся в произведениях этих жанров. «Зато весело, скучать не будешь», говорят они.

Правильно улавливая основную идею того или иного произведения, колхозники еще очень часто бывают не в состоянии разобраться в художественных достоинствах произведения. Увлекает главным образом сюжет и кажутся скучными, например, описания природы, характеристики героев и т. д. К тому же пробелы в знаниях истории и литературы, особенно у тех, кому не удалось закончить семилетнюю или десятилетнюю школу, затрудняют восприятие произведений исторической тематики.

Иностранную переводную художественную литературу читают меньше, чем русскую. Это объясняется недостатком книг. Детские книги за редким исключением имеются в каждой семье, где есть дети.

За последние годы изменилось отношение колхозников к специальной сельскохозяйственной и технической литературе. Если еще в 1956—1957 гг. библиотекари подчас «навязывали» эти книги читателям, которые заявляли, что о сельском хозяйстве они и «сами знают все без книг», то теперь сельскохозяйственная литература прочно вошла в круг чтения многих полеводов, животноводов и механизаторов. Наблюдается также повышенный интерес к произведениям научно-популярной литературы, освещающим в доступной форме важнейшие достижения в области физики, химии и пр.

Характерным для сегодняшнего дня, когда вопросы материального благосостояния для подавляющего большинства колхозных семей можно считать в основном решенными, является стремление колхозников к развитию своих эстетических вкусов. Колхозники хотят разбираться в эстетических и этических нормах, принятых в советском обществе. Особенно это касается молодежи, которая ни в чем не желает отставать от города. Юноши и девушки, работающие в колхозе, хотят научиться правильно воспринимать и оценивать произведения литературы и искусства, видеть положительные и отрицательные стороны в поведении людей.

Не случайно среди молодежи так популярны лекции и тематические вечера, посвященные вопросам советской морали и нравственности. В колхозных клубах, например, большим спросом пользуются лекции о любви, дружбе и товариществе, о правилах хорошего тона, о красоте настоящей и мнимой, о браке и семье в социалистическом обществе.

В колхозе им. Ильича Бежецкого района с большим подъемом прошел вечер посвященный матерям, на который пришли и молодежь, и взрослые колхозники. Выступали матери, уже вырастившие своих детей, и те, у кого дети еще маленькие; взрослые сыновья и дочери рассказывали о своих матерях. В Прямухинском сельском клубе не менее интересно прошел вечер чествования колхозной семьи, история жизни кото-

рой была тесно связана с историей всего колхоза. Колхозникам нравятся такие вечера, потому что, по их собственным словам, они «пробуждают лучшие чувства, облагораживают душу».

В колхозе «Актив» Краснохолмского района в 1960 г. по заявке молодежи был организован вечер для девушек и женщин; лекторы рассказывали о советских законах, охраняющих право женщин в обществе и в семье, о правилах гигиены, о воспитании детей, об убранстве и украшении жилища. На колхозниц этот вечер произвел очень большое впечатление. Возвращаясь домой, они живо обсуждали современные требования, предъявляемые к костюму, к убранству комнат, высказывали свои пожелания, прикидывали, что могут изменить у себя дома уже сейчас и что надо учесть при покупке новых вещей. Например, некоторые девушки сняли со стен грубо намалеванные на клеенке или байковом одеяле коврики, аляповатые картинки, купленные на базаре, заменив их репродукциями картин известных художников и декоративными тканями. То, что в настоящее время впервые в истории русской деревни начали подниматься вопросы украшения быта, говорит еще об одном достижении культурной революции.

К сожалению, для воспитания художественных вкусов в деревне делается пока очень мало. В этом отношении много придется поработать областным домам народного творчества, районным домам культуры, лекторским группам и, конечно, народным университетам культуры. В частности, серьезное внимание необходимо обратить на воспитание колхозниками поэзии и музыки.

В этой области развитие художественных вкусов происходит значительно медленнее. Колхозники в массе своей стихов почти не читают. В музыке, которая играет большую роль в быту колхозного населения благодаря радио, распространению патефонных пластинок, выступлениям художественной самодеятельности и собственному творчеству, круг интересов колхозников также не отличается еще большой широтой. Он ограничивается главным образом наиболее доходчивыми музыкальными произведениями, такими, например, как русские народные песни, песни советских композиторов и некоторые произведения эстрады. Серьезную музыку (симфоническую, оперную) сельское население знает мало. Правда, в последние годы в этом отношении наметились некоторые сдвиги. Рост кадров сельской интеллигенции и пополнение рядов тружеников сельского хозяйства за счет молодежи, окончившей школу, поездки колхозников в города и знакомство с более развитой городской культурой увеличивают число желающих понять сложные произведения музыкального творчества. В деревне можно встретить немало юношей и девушек, которые в числе своих любимых музыкальных произведений называют отдельные места из «Лебединого озера», «Евгения Онегина», «Ивана Сусанина», «Кармен» и отдельные произведения камерной музыки (Глинки, Мусоргского, Шопена и др.). Примечательно, что даже от людей, не научившихся воспринимать серьезную музыку, можно услышать такие суждения: «Музыку очень люблю, но не все понимаю. Слушаешь симфонию по радио и не знаешь, о чем она, а хотелось бы знать. Наверно, это дело хорошее, если столько умных людей над музыкой думают» (колхозник Х., 34 лет, колхоз им. Ильича Бежецкого района). То, что колхозник не хочет пройти мимо таких завоеваний культуры, которые еще недавно были для него недоступны, относится к ним с глубоким уважением и высказывает явное желание познать их, свидетельствует о значительном повышении культурного уровня и духовных запросов советского крестьянина.

Таким образом, можно сказать, что тяга к знаниям, культуре стала одной из насущных потребностей колхозного крестьянства. Но степень усвоения достижений культуры представителями колхозного населения

различна и определяется тем, к какому поколению они принадлежат, какой прошли жизненный путь, каков уровень их образования и общего развития, каково общественное и семейное положение и, наконец, каковы их личные склонности.

В настоящей статье сделана попытка осветить лишь некоторые стороны духовного облика современного колхозника. Даже этот небольшой материал свидетельствует о том, что черты нового человека, члена будущего коммунистического общества, зарождаются уже в наши дни у наших современников. Чрезвычайно важно подметить появление ростков этого нового и помочь их дальнейшему развитию.

S U M M A R Y

The mentality of the Soviet people living both in the towns and in the countryside is characterized by the appearance of new features typical of the builders of Communism. Thus, the collective farmers of Kalinin Region, where the authors of the article carried on their field investigations, possess political consciousness in a high degree, take an active part in social life and display a creative attitude towards labour, vividly manifested in the movement of shock workers and Communist Labour teams. The cultural standards of the collective farmers are steadily rising; they take an active interest in literature and the arts, and strive to broaden their outlook. The network of correspondence course schools, Universities of Culture, specialized courses, etc., is steadily growing throughout the countryside.

Г. К. ВАГНЕР

ДРЕВНИЕ МОТИВЫ В ДОМОВОЙ РЕЗЬБЕ РОСТОВА ЯРОСЛАВСКОГО

Домовая резьба — существенная часть русского народного жилища. Была ли резьба органически связана с конструкцией постройки (ранний период) или являлась лишь декорацией фасадов (поздний период), она объективно выполняла определенную функцию — повышала жизненное значение и ценность жилища. В резьбу в той или иной степени всегда вводились такие сюжетные мотивы, которые лучше, чем бессюжетная геометрическая резьба, могли выразить стремление крестьянства утвердиться в жизни посредством опозитивирования действительности в близких ему художественных образах. Поэтому в домовой резьбе в не меньшей степени, чем в планировке и конструкции жилища, отразились национальные обычаи и взгляды, и резьба, таким образом, входит важным составным элементом в народную культуру.

Изучение домовой резьбы давно занимает внимание исследователей. Интерес их, сосредоточенный ранее на старой глухой (долотной) рези, в настоящее время распространился и на более молодую пропильную резьбу, долго считавшуюся своего рода суррогатом народного искусства. Установлена связь этой резьбы с традициями древнерусской сквозной резьбы; намечена преемственность многих ее мотивов от тех же древнерусских традиций, и в общей форме высказана мысль о независимости народной пропильной резьбы от так называемого «стиля Ропета»¹.

Несмотря на проведенную работу по переоценке пропильной резьбы, многие ее стороны еще нуждаются в изучении. Особенно это касается сюжетных связей пропильной резьбы с древним культурным наследием, путей проникновения древних мотивов в домовую резьбу и взаимоотношений крестьянской пропильной резьбы со стилем Ропета. Большой интерес с этой точки зрения представляет пропильная домовая резьба г. Ростова Ярославского, в которой, благодаря специфике в историческом развитии города, сохранился материал для ответа на перечисленные выше вопросы².

¹ Е. Э. Бломквист, Постройки Мологского уезда, Сб. «Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края», ГАИМК, Л., 1926, стр. 59 и сл.; Т. В. Станюкович, Происхождение русской народной пропильной резьбы, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР» (в дальнейшем — КСИЭ), X, 1960, стр. 3—14; Л. Н. Чижикова, Русское народное жилище Верхнего Поволжья, канд. дисс., Архив Ин-та этнографии АН СССР, 1952, стр. 320—330; е е же, Декоративное искусство русских народных мастеров-строителей, «Сов. этнография», 1953, № 3, стр. 61—76; Г. С. Маслова и Л. Н. Чижикова, Архитектурные украшения жилища Владимирской и Горьковской областей, КСИЭ, XVIII, 1953, стр. 3—14; Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Восточно-славянский этнографический сборник» Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 363—372.

² Наблюдения над пропильной резьбой Ростова Ярославского производились автором во время экспедиции ИИМК АН СССР летом 1956 г.

Древнейший город русского северо-востока — Ростов Великий возник на берегу оз. Неро на месте еще более древних мерянских поселений. Культура пришедшего сюда славянского населения тесно переплелась с культурой мери, выраженной здесь очень ярко³. Языческие мифы славян и славянизирующей мери упорно противостояли насаждаемому христианству, что привело в XI—XIII вв. к сложности древних художественных образов, прочно сохранившихся в Ростове благодаря его окраинному положению. В мрачное время татаро-монгольского ига Ростов продолжал оставаться центром, в котором хранились культурные традиции Древней Руси. Даже позднее, уже втянутый в орбиту Московского государства, Ростов не терял своеобразие своей художественной культуры, питаемой неиссякаемым источником народного творчества. Наиболее ярко это своеобразие проявилось в архитектуре, в частности — в плотницком искусстве⁴.

Насыщенность Ростова и Ростовской земли древними народными художественными традициями издавна вызвала интерес передовых русских художников. Недаром Е. Д. Поленова ездила изучать крестьянскую резьбу в ростовский край. Сам Ростов Великий, благодаря особой роли, которую в его жизни играли кустарные промыслы, был в XIX в. городом со значительной крестьянской прослойкой. Южная и западная окраины города до сих пор состоят из построек крестьянского типа в виде изб клетью или изб связью. Постройки иногда имеют кровлю на самцах и ориентированы торцом на улицу. Городские деревянные дома стиля ампира и более поздние дома с мезонином продолжают эту же старую севернорусскую традицию. Ко второй половине XIX в. и началу XX в. относятся одноэтажные и двухэтажные дома, обращенные главной продольной стороной на улицу, в чем следует видеть не столько влияние южнорусской традиции, сколько «городскую моду».

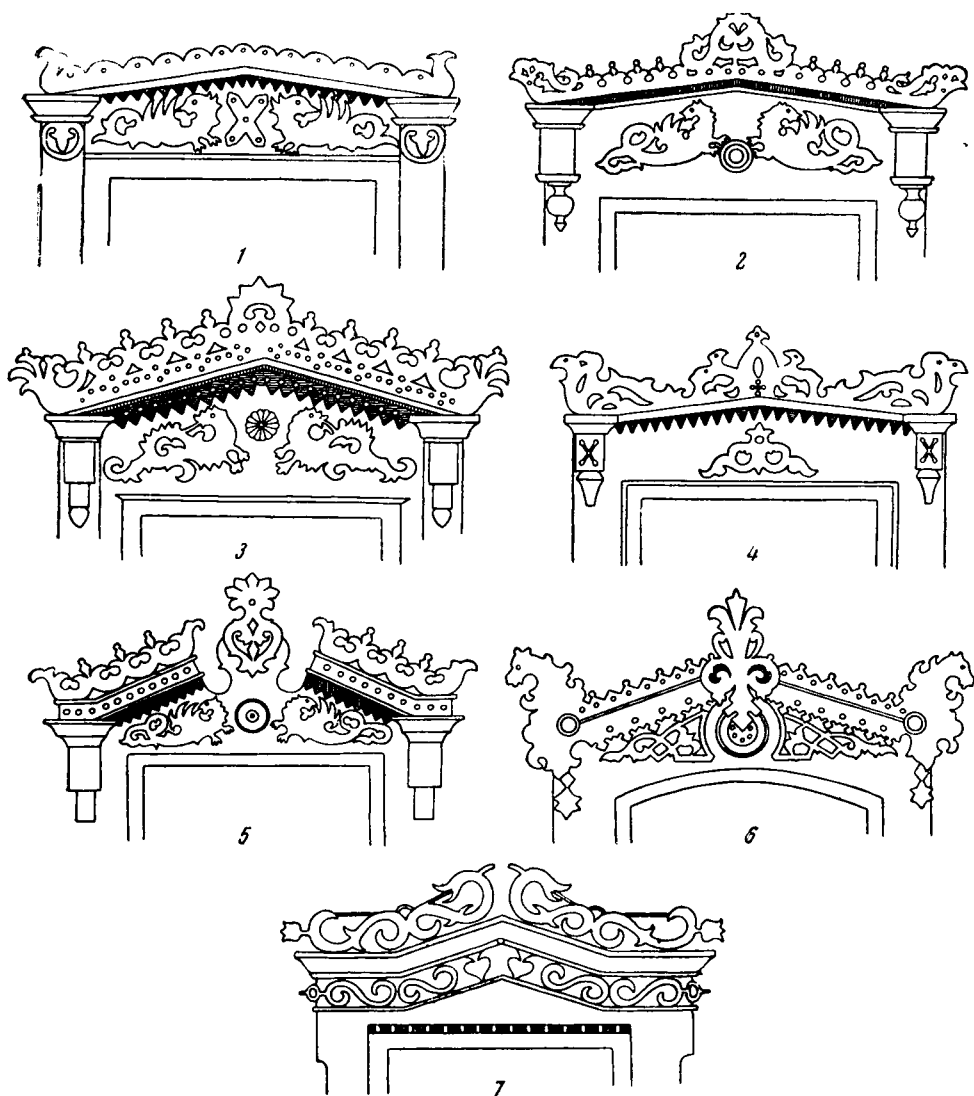
Жилые постройки всех перечисленных типов, за исключением явно «ампирных», несут на своих фасадах декоративную резьбу. В домах-избах старого типа резьба помещена только на оконных наличниках, в чем, может быть, сказалась традиция покрытия на самцах, когда не было нужды в карнизе, тем более резном. Наличники завершаются преимущественно плоским треугольным фронтоном со скромным накладным резным бордюром в виде ряда мелких полукружий. «Лобан» (подкарнизная доска наличника) остается глухим. Главным его украшением служат накладные фигуры фантастических «драконов» в геральдической композиции; центром последней служит какая-либо центрическая («солярная») форма — круг, розетка, звездочка или косой крест.

Фигуры ростовских «драконов» имеют вполне определенную иконографию. Это не крылатые змеи и не грифоны, а еще более фантастические образы, представляющие соединение туловища животного (с двумя передними короткими лапами), крыльев птицы⁵ и хвоста пресмыкающегося. В более примитивных изображениях головы драконов зоологически не определены, это могут быть и головы животных, и головы хищной птицы (рис. 1). В лучших изображениях головы «драконов»

³ Я. В. Станкевич, К вопросу об этническом составе населения ярославского Поволжья в IX—X ст. «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем — МИА СССР), № 6, М.—Л., 1941, стр. 83; П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э., МИА СССР, № 5, М.—Л., 1941, стр. 90.

⁴ Н. Н. Воронин, Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., М.—Л., 1934, стр. 21—27; Н. Н. Соболев, Русская народная резьба по дереву, М., 1934, стр. 195, рис. 101—103; Э. Д. Добровольская, Новые материалы по истории Ростовского кремля, «Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области», I, «Древний Ростов», Ярославль, 1958, стр. 30—31.

⁵ Только наиболее примитивные изображения (ранние?) не имеют крыльев.

Резьба на наличниках окон (Ростов Ярославский): 1 — верхняя часть наличника с «драконами» (ул. Спартаковская, д. № 154); 2 — верхняя часть наличника с «драконами» (ул. Некрасова, д. № 22); 3 — верхняя часть наличника с «драконами» (ул. Свердлова, д. № 32); 4 — верхняя часть наличника с «чином берегини» (ул. Ленина, д. № 26); 5 — верхняя часть наличника с «ладьями» и «драконами» (ул. Энгельса, д. № 14); 6 — верхняя часть наличника с конями (Покровский пер., д. № 3); 7 — верхняя часть наличника со змеями (Спартаковская ул., д. 74).

скорее напоминают голову собакоподобного зверя. Скорее на лапы зверя похожи и ноги драконов, как правило, выставленные вперед (рис. 2). Только в поздних изображениях головы драконов обращены вперед, обычно они повернуты назад и как бы кусают крыло. Крылья всегда заострены и загнуты серповидно. Хвосты драконов закручены спиралью и более сложными узлами. В поздних изображениях они приобретают разные ответвления, иногда напоминающие заднюю пару лап.

На многих домах рассматриваемой группы вместо волнообразного бордюра по верху сандрика устраивается прорезной «кокошник» раз-

личного орнаментального содержания. Увеличивается сквозная прорезь и на «колягах» (боковая сторона наличника). Лобан остается глухим, но фронтончик над ним вместе с кокошником часто расчленяется на три части в духе кокошников древнерусского каменного зодчества конца XVII в. Сюжеты резьбы усложняются. Драконы на лобане приобретают более фантастические зубчатые контуры (рис. 3). Иногда они превращаются в образы фантастических птиц и переносятся на конец кокошника, а вместо них на лобане появляется драконообразная плетенка.

Резьба кокошника чаще всего представляет трансформации «чина берегини». На одном из наличников он виден в полном составе, т. е. с антропоморфной фигурой в центре и парными конями и птицами по бокам (рис. 4). В большинстве же кокошников женская фигура заменена пальметообразным деревом, по бокам которого расположены в ряд фигуры парных коньков с центральной фикуркой у каждой пары. Эти ряды двуглавых коньков иногда завершаются ладьевидно (рис. 1, 5) и тогда по сторонам дерева образуется по ладье. Чаще кокошник заканчивается головами коней (рис. 6). Иногда на кокошниках по бокам центральной фигуры изображаются извивающиеся (в виде буквы S) змеи с головами, повернутыми в сторону хвоста, и с высунутыми из пасти жалами (рис. 7). Нередки также изображения уток, размещаемых либо по концам кокошника, либо на лобане.

На домах второй группы (с «мезонином») резьба распространяется на карнизы и на мезонины. В ее мотивах увеличиваются растительный и геометрический элементы, особенно характерные для осеневско-писцовских мастеров⁶, работавших в ростовском районе. В резьбе более молодых построек изобразительные мотивы либо исчезают, либо вместо них вводятся неумелые подражания старым мотивам (реалистические петухи и т. п.). Появляются также изображения двуглавых орлов.

* * *

В результате наблюдений над домовой резьбой Ростова складывается впечатление, что наряду с растительным и геометрическим орнаментом в ней особое место занимают различные зооморфные и собственно тератологические мотивы, которых нет в таком количестве в домостроительстве ни Горьковской, ни даже Владимирской области.

Некоторые исследователи относили мотивы пропильной резьбы XIX в. к влиянию города и пригородных дач⁷, т. е., очевидно, имелся в виду «стиль Ропета». Творчество В. А. Гартмана и И. П. Петрова (Ропета)⁸ развернулось с конца 60-х годов XIX в. Появление пропильной резьбы в крестьянском домостроительстве относится к этому же времени⁹. Вполне допустимо, что в технике выпиливания узора лобзиком деревня была обязана городу. Однако сама идея сквозного узора имеет древнерусское происхождение, и здесь город несомненно был обязан народному творчеству. В ростовской домовой резьбе встречаются наличники, близкие скорее к технике древнерусской сквозной рези, нежели к собственно пропиловке. Показательно, что это как раз те наличники, в которых мы видим «чин берегини» в его наиболее древнем народном изводе.

⁶ Л. Н. Чижикова, Русское народное жилище, стр. 350.

⁷ М. И. Смирнов, О типах крестьянских построек в Переславль-Залесском уезде, Сб. «Культура и быт населения Центрально-Промышленной области», М., 1929, стр. 95. Н. Н. Соболев считал, что деревенские резчики второй половины XIX в. подражали мастерам абрамцевской мастерской (Н. Н. Соболев, Указ. раб., стр. 454).

⁸ Иван Николаевич Петров был сыном мастера петербургской бумажной фабрики. По усыновившему его дяде получил отчество Павлович. Псевдоним Ропет является переделкой фамилии Петров.

⁹ Л. Н. Чижикова, Русское народное жилище, стр. 331.

Сюжеты резьбы, применяемые Ропетом — парноголовые кони, драконы и т. п., в которых В. В. Стасов видел элементы «русского стиля»¹⁰, бытовали в народном зодчестве гораздо раньше Ропета. Например, парноголовые кони уже в середине XIX в. изображаются не только на кровлях изб Поволжья (где они известны еще с древнерусского времени), но и на подкрылках изб¹¹, причем в последнем случае мы имеем дело уже с плоской резьбой из доски, т. е. почти с выпилкой.

Независимость народной сквозной домовой резьбы от творчества Ропета становится еще разительней, если мы обратимся к трактовке сюжетов резьбы. Крестьянская резьба не знает крылатого коня-пегаса, заимствованного Ропетом, очевидно, из каких-то увражей по античному искусству. Не знает она и оскаленной морды коня — мотива, часто применяемого Ропетом. «Драконы» занимают в творчестве Ропета едва заметное место. Ропет, Гартман, Кузьмин и другие архитекторы XIX в. вводили в свою деревянную резьбу либо грифонов, заимствованных из атласов В. В. Стасова по русскому и восточному орнаменту¹², либо создавали «химерические» образы¹³, навеянные, очевидно, предметами прикладного искусства из Оружейной палаты. Редко встречающиеся в творчестве Ропета «драконы» трактованы им не геральдически, у них чаще всего хищный вид и распластанные крылья летучей мыши, что напоминает «химер» с предметов западноевропейской торевтики XVII в.

Образы птиц в ропетовских композициях — с большими веерообразными гребнями и с широко раскрытыми клювами — тоже неизвестны в крестьянской домовой резьбе.

Нельзя, однако, согласиться с теми исследователями, которые безоговорочно объявляли стиль Ропета «дешевым», «мещанским» и т. п.¹⁴ В нем безусловно было немало положительных моментов. Но В. В. Стасов переоценил наличие в творчестве Ропета древнерусских изобразительных мотивов. В этом отношении более прав был В. Воронов, считавший, что ни Ропет, ни талашкинские мастера не использовали всего богатства мотивов народного творчества¹⁵.

Более сложен вопрос о взаимоотношении мотивов домовой резьбы XIX в. с так называемым «звериным стилем» в древнерусском искусстве. Исследователи, наблюдавшие зооморфные мотивы в крестьянской резьбе Поволжья, не раз пытались связать их с владими́ро-суздальским художественным наследием. В отношении некоторых сюжетов, например изображений львов или сиринов, столь популярных в домостроительстве Горьковской и Владимирской областей, это может быть вполне справедливо¹⁶.

Владими́ро-суздальская архитектурная пластика несомненно выражала не только феодальные вкусы, но отвечала разнообразным интересам тех «мизинных» людей, которые в XII в. поддерживали княжескую власть. Но далеко не все образы владими́ро-суздальского «звериного стиля» можно свести к народному творчеству. С этой точки зрения весьма интересно, что в ростовской резьбе были развиты именно такие мо-

¹⁰ В. В. Стасов, Двадцать пять лет русского искусства, Избр. соч., т. II, М., 1952, стр. 520.

¹¹ См., например, избу 1856 г. в дер. Пестово Городецкого района Горьковской обл., в кн.: М. П. Званцев, Домовая резьба, М., 1935, стр. 60, рис. 59.

¹² В. В. Стасов, Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени, СПб., 1887, табл. LXVII, рис. 15.

¹³ «Мотивы русской архитектуры», 1878, № 3, лист 15; № 4, листы 22 и 23.

¹⁴ М. П. Званцев, Указ. раб., стр. 24.

¹⁵ В. В. Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924, стр. 9—10.

¹⁶ И. В. Маковецкий, Заметки о памятниках древней архитектуры Поволжья, «Сообщения Института истории искусств», I, М.—Л., 1951, стр. 36 и сл.; его же, Памятники народного зодчества Среднего Поволжья, М., 1954, стр. 32.

тивы, которые либо не отразились во владими́ро-суздальской пластике, либо представляли в ней более древний народный пласт¹⁷.

* * *

Исключительная роль коня в старых народных верованиях и обычаях и такое же важное место его изображения в народном творчестве, в частности в домовой резьбе, достаточно изучены в литературе¹⁸. Изображения парных коней на кровлях и на наличниках крестьянских изб Верхнего Поволжья восходят к местным поволжским древним украшениям¹⁹, известным под названием коньковых подвесок. Этот мотив нельзя считать исключительно славянским элементом. Он известен из скифских и южносибирских древностей, получил большое распространение у древних народов Прикамья²⁰ и составлял характерную особенность культуры поволжской мери²¹. Е. И. Горюнова предполагает, что центром местного производства коньковых подвесок было соседнее с Ростовом Сарское городище²². Известно, что мотив парных коньков на крестьянских избах распространен именно по Верхнему Поволжью, а также далее на восток и запад от него. На Севере он уступает место изображению одной головы коня, которой заканчивается торец охлупня.

В настоящее время существеннее установить пути проникновения мотива парных коней в домовую резьбу. Нельзя принять мнение В. В. Стасова, что композиция парноголовых коней на кровлях изб имела чисто формальный смысл²³. Многочисленные пережиточные культовые значения этих коньков достаточно известны²⁴. Непосредственная связь сюжета парных коней с жилищем прослеживается уже по костромским курганам древностей. На бронзовом игольнике из кургана, принадлежащего к ранней группе, мы видим двух коней, стоящих по бокам жилища с двускатной кровлей²⁵. Следует иметь в виду, что двускатные покрытия жилищ мери, восходящие к прикамской строительной традиции, образовались путем накладывания жердей на продольную слегу, лежащую на вертикальных опорах²⁶. Верхние концы этих жердей крестообразно торчали над коньковой слегой, что, вероятно, и способствовало обработке их в виде голов коней. Прежде чем перейти на резьбу наличников, изображения парных коней помещались на подкрылках изб, о чем уже

¹⁷ Отсутствие непрерывной линии преемственности в сюжетах самой домовой резьбы не следует понимать как перерыв в традиции. Во-первых, историю домовой резьбы мы знаем меньше, чем историю какого-либо другого вида народного творчества, а во-вторых, в многовековой истории народного искусства в разное время на первый план выходили различные виды творчества (См. Б. А. Рыбаков, *Древние элементы в русском народном искусстве*, «Сов. этнография», 1948, № 1, стр. 100 и сл.).

¹⁸ См. подробно А. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*, т. I, М., 1865, стр. 593 и сл.

¹⁹ Л. Н. Чижикова, *Русское народное жилище*, стр. 300—304.

²⁰ М. Г. Худяков, *Культ коня в Прикамье*, «Изв. Государственной Академии истории материальной культуры» (в дальнейшем — ГАИМК), вып. 100, 1933, стр. 251—279; А. П. Смирнов, *Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья*, МИА СССР, № 28, М., 1952, стр. 269—273.

²¹ П. Н. Третьяков, *Костромские курганы*, Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 17; его же, *К истории населения Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.*, МИА СССР, № 5, М.—Л., 1941, стр. 96.

²² Е. И. Горюнова, *Этническая история Волго-Окского междуречья*, МИА СССР, № 94, М., 1961, стр. 140.

²³ В. В. Стасов, *Коньки на крестьянских крышах*, Соч., т. II, СПб., 1894, стр. 113.

²⁴ И. Голышев, *Памятники старинной русской резьбы по дереву во Владимирской губернии*, Мстера, 1877, стр. 3.

²⁵ П. Н. Третьяков, *Костромские курганы*, стр. 18, табл. II, рис. 30.

²⁶ Е. И. Горюнова, *Об этнической принадлежности населения Березняковского городища*, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры» (в дальнейшем — КСИИМК), 65, М., 1956, стр. 7—8, рис. 1 (2, 3). В старых русских постройках практиковалось покрытие на самцах с охлупнем, торчащим своим концом на улицу, который обрабатывался в виде головы коня.

говорилося выше. В приводимом примере (изба 1856 г.) этот мотив наблюдается в развитом виде, следовательно, впервые он появился здесь в еще более раннее время. Северные русские вышивки, богатые изображением «чина берегини» с конями-спутниками, играли в его появлении, очевидно, вспомогательную роль.

Интересно, однако, что в отличие от русских вышивок, парные кони на ростовских наличниках, заканчивающие по краям композицию «кокошников», по старой местной традиции обращены головами в разные стороны (рис. 6). Их шеи круто изогнуты, а гривы передаются стилизованно в виде так называемых «буклей». Эти буклеобразные гривы Л. А. Динцес считал более поздним «жанровым» изводом старого мотива²⁷, но подобные же букли можно видеть и на поволжских фигурках коней, восходящих по меньшей мере к XIII—XIV вв.²⁸ В XVII в. изображение парных коней встречается и в каменном архитектурном декоре; кони с круто изогнутыми шеями на воротах Горицкого монастыря Переславля-Залесского²⁹ являют великолепный тому пример.

Если в мотиве парноголовых коней славяно-русский миф тесно переплелся с туземным поволжским, то в изображении уток мерянские традиции, очевидно, сохранились в более чистом виде. Культ водоплавающей птицы был широко развит у древних народов Поволжья³⁰. В отдаленных деревнях ярославского Поволжья можно и сейчас встретить старые хозяйственные постройки, сохраняющие строительные традиции летописной мери. На этих постройках наряду со скульптурными головами коней иногда можно видеть резные головы уток³¹.

А. И. Некрасов считал, что изображения птиц на кровлях крестьянских изб являются результатом перерождения голов коней³², но это неверно. Изображения птиц на кровлях изб очень характерны для сел Прикамья³³. Ими увенчивались постройки коми-пермяков, в то время как охлупень русских построек по традиции обрабатывался в виде головы коня³⁴. По мере продвижения на поволжский запад эта этническая специфика в традициях стиралась. Вместе с этим в резьбе ярославского Поволжья предпочтение отдавалось именно водоплавающей, а не хищной птице. Центром изготовления мерянских подвесок в виде уток были южные районы Костромской губернии³⁵. Многочисленные образцы старинной (XVII в.) деревянной посуды Поволжья в виде ладей, заканчивающихся головами уток (так называемых скопкари)³⁶, и особое обрядовое значение именно этой посуды говорят о глубине и живучести местной традиции, поэтому не удивительно, что мотив уток дожил в ростовской резьбе и до XIX в.³⁷

²⁷ Л. А. Динцес, Изображение змееборца в русском народном шитье, «Сов. этнография», 1948, № 4, стр. 43, рис. 7.

²⁸ См. фигуру глиняного конька из раскопок Н. Н. Воронина в Твери (там же, рис. 9).

²⁹ Н. Н. Воронин, Переславль-Залесский, М., 1948, рис. 25. Ср. также коней на многочисленных изразцах, например угличских.

³⁰ П. Н. Третьяков, Костромские курганы, стр. 17; А. П. Смирнов, Указ. раб., стр. 208, 212.

³¹ Е. И. Горюнова, Об этнической принадлежности населения Березняковского городища, стр. 8, рис. 1 (3).

³² А. И. Некрасов, Русское народное искусство, М., 1924, стр. 105.

³³ А. К. Сыропятов, Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края, «Пермский краеведческий сборник», вып. 1, Пермь, 1924, стр. 45 и сл.

³⁴ М. Е. Успенская, Народное деревянное зодчество коми-пермяков, Сб. «Научные труды Ленинградского инженерно-строительного ин-та», М.—Л., 1950, вып. 10, стр. 87.

³⁵ Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 142.

³⁶ С. К. Просвирина, Русская деревянная посуда, М., 1955, стр. 26, 33, 37.

³⁷ Насколько он был популярен в Поволжье, видно из перенесения этого мотива русскими поволжскими переселенцами в Восточную Сибирь. Изображения уток встречаются, например, в резьбе переселенческих построек Верхнего Приангарья.

После сказанного становится понятным источник мотива ростовской резьбы, названного нами ладьей. Орнаментальным рапортом этого сюжета служит схематизированный двуглавый конек с антропоморфной фигуркой в середине. Такого вида подвески известны по местным курганным древностям³⁸. В качестве орнаментального рапорта эта форма встречается на черниговских турьих рогах, в смоленских древностях, в новгородских вышивках³⁹ и даже в орнаменте на одежде верхневолжских карел⁴⁰. Соединенные, как на черниговских турьих рогах, в один ряд и ладьевидно завершенные по концам «гуськами» несколько парных коньков образуют фигуру «ладьи с гребцами». Вряд ли это случайное формообразование. Как известно, в самой фигуре парных коней была заложена идея ладьи⁴¹, отразившаяся, между прочим, и в миниатюрах к «Задонщине»⁴². В ростовских наличниках ладьевидные фигуры образуют боковые склоны треугольного завершения наличника, разъединенные стоящим в середине пальметообразным деревом — совершенно в духе пережиточных мотивов северных вышивок⁴³.

Таким образом, в ростовской резьбе выявляется круг орнаментальных сюжетов, самым тесным образом связанных с древними народными представлениями о покровительственных силах природы.

Конечно, содержание старых представлений и мифов уже не имело в XIX в. первоначального значения, но по традиции к этим образам, по-видимому, было особое бережное отношение. Для Ропета и «ропетовцев» все перечисленные сюжеты оказались недоступными в силу прежде всего их непонимания. Это тоже подтверждает высказанную мысль о связи сюжетов ростовской резьбы с древними традициями.

* * *

Особо следует остановиться на тех мотивах ростовской резьбы, которые были распространены и в культуре древнерусского города. Здесь имеются в виду изображения змей и особенно «драконов». Оба эти сюжета в ростовской резьбе четко различаются. Резные змеи никогда не имеют крыльев, т. е. это обычные ползучие змеи. Они включаются в общую композицию резного кокошника, где обычно располагался «чин берегини», но не встречаются в качестве самодовлеющего мотива на лобане, на котором помещались парные «драконы».

Древний эпический образ дракона, или «летучего змея», имеет мировое распространение. Он проделал очень сложный путь развития от хтонических культов змей, имевших охранительное значение⁴⁴, до различных змееборческих сюжетов и Апокалипсиса⁴⁵. Эту сложность образа змея-дракона всегда нужно учитывать при анализе того или иного материала. При этом выясняется, что в народном творчестве, не затронутом христианской догмой, образ змея и даже образ дракона выступают чаще

³⁸ Ср. подвески из Михалевского могильника (А. П. Смирнов, Указ. раб., табл. ХLI, рис. 7).

³⁹ Л. А. Динцес, Изображение змеборца..., стр. 46.

⁴⁰ Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел, Труды Ин-та, этнографии АН СССР, нов. серия, т. XI, М., 1951, стр. 72.

⁴¹ Л. А. Динцес, Восточные мотивы в народном искусстве Новгородского края, «Сов. этнография», 1946, № 3, стр. 96; Б. А. Рыбаков, Искусство древних славян, в кн.: «История русского искусства» (Изд. АН СССР), т. I, М., 1953, стр. 65.

⁴² Сказание о Мамаевом побоище (с предисловием С. Шамбинаго), СПб., 1907, гл. XIX.

⁴³ Л. А. Динцес и К. Большева, Народные художественные ремесла Ленинградской области, Сб. «Сов. этнография», II, 1939, стр. 110.

⁴⁴ См. подробно Ch. Daremberg et E. Saglio, Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, Paris, 1892, стр. 405 и сл.

⁴⁵ На материале среднеазиатской мифологии этот вопрос интересно разработан С. П. Толстовым (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 291 и сл.).

всего в своем древнем значении, т. е. как своего рода апотропей. В частности, такой характер имеют змеевидные браслеты, распространенные в средневековых древностях Прибалтики⁴⁶. У древних славян образы змей ассоциировались с каким-то женским божеством (берегиней?), о чем можно судить по фибулам VI—VII вв. из Приднестровья⁴⁷. Вероятно, в этом отразились древние культы Северного Причерноморья, в которых змеи выступают в качестве атрибутов местной богини⁴⁸.

Исключительный интерес в этом отношении представляют древнерусские амулеты — «змеевики». На одной стороне их обычно помещалось изображение какого-либо святого, а на другой — женская голова (иногда фигура), окруженная змеями⁴⁹. Попытки видеть в этой композиции апокалиптического дракона или демона всех болезней нельзя признать удачными. Правильнее видеть в ней отражение языческих представлений, в которых сплелись образы античной Медузы, скифо-боспорской змееногой богини и древнеславянской берегини⁵⁰. Распространенное у древних славян почитание змей сохранялось и много позднее, вплоть до XIX в.⁵¹. Изображения змей на деревянной посуде Поволжья и в крестьянских вышивках (в качестве спутников берегини) относятся к этому же кругу явлений⁵².

Показательно, что интерес к изображению в резьбе змей территориально совпадает с областью распространения парных коньков. Это позволяет думать об участии и здесь мифотворчества древних народов Поволжья. Действительно, в тотемистических представлениях древней мери культ змей занимал особое место⁵³. Археологические находки подтверждают, что это было почитание обычных змей⁵⁴, а не крылатого дракона⁵⁵. В связи с этим большой интерес представляют изображения змей в орнаментике, обрядовом печении и в домовой резьбе Костромской области⁵⁶, а также в Башкирии⁵⁷. В этих местах резные змеи в геральдической композиции помещаются обычно над окнами как бы в значении древнего оберега⁵⁸.

Формально источниками мотива змей в ростовской резьбе, конечно, могли быть орнаменты древнерусских рукописей, но все сказанное заставляет склониться к мысли, что мы имеем здесь дело с глубокой местной традицией, в которой мерянский миф, слившись со славянским, в

⁴⁶ Ф. Д. Гуревич, Украшения с звериными головами из прибалтийских могильников. К вопросу о культе змей в Прибалтике, КСИИМК, вып. XV, М.—Л., 1947, стр. 68—76. О весьма широком развитии пережиточных образов змей в литовском народном творчестве см. «Литовское народное искусство. Деревянные изделия» (сост. П. Галауне), кн. 2, Вильнюс, 1958, рис. 234—236, 245, 252, 355—357, 447, 567, 569 и др.

⁴⁷ Ср. Б. А. Рыбаков, Искусство древних славян, СПб., 1884, стр. 61.

⁴⁸ А. П. Иванова, Местные мотивы в декоративной скульптуре Боспора, «Соз. археология», XV, 1951, стр. 197 и сл.

⁴⁹ А. С. Орлов, Амулеты «змеевики» Исторического музея, «Отчет Государственного исторического музея за 1916—1925 гг.», М., 1926, приложение V.

⁵⁰ Г. К. Вагнер, О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 85, М., 1961, стр. 26 и сл.

⁵¹ А. С. Фаминцын, Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 99.

⁵² Интересно, что в геральдике змея чаще всего символизирует покровительственные человеку начала. Ср. Н. Максимович-Амбодик, Избранные эмблемы и символы, СПб., 1811, стр. 231—232. Даже в древнерусском «Физиологе» змея часто символизирует вечность (А. Карнеев, «Физиолог», СПб., 1890, стр. 222).

⁵³ Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья, стр. 144.

⁵⁴ А. С. Уваров, Меряне и их быт по курганным раскопкам, «Труды I археологического съезда» (в дальнейшем — ТАС-I), т. II, М., 1871, стр. 730.

⁵⁵ А. П. Смирнов считает, что культ змей, распространенный у древних народов Поволжья, породил и миф о драконе (Указ. раб., стр. 265).

⁵⁶ По материалам Е. И. Горюновой.

⁵⁷ Наблюдения архитектора А. Н. Терновской.

⁵⁸ О покровительственном значении культа змей и о связи его с жилищем подробно см.: А. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., 1868, стр. 509 и сл.; П. Заринский, Сборник исторических и археологических исследований о Казанском крае, ч. I, вып. 1, Казань, 1880, стр. 55.

обстановке долгого сосуществования обеспечил необычайную устойчивость этого сюжета. О его распространении еще до XVII в. говорит драгоценное свидетельство древнерусского иконописного подлинника: «над вратами же домов у православных христиан воображаемых зверей и змиев... поставлять не подобает»⁵⁹. Под «воображаемыми» зверями имелись в виду, вероятно, различные драконообразные чудища, дожившие в ростовской резьбе до XIX в.

Происхождение образа дракона в народном творчестве, а также его смысловое содержание не получили должного освещения даже в капитальном труде А. Афанасьева. Не изучена сложная иконография дракона. Все это заставляет нас ограничиться здесь самыми общими замечаниями.

Во-первых, следует различать трактовку образа дракона в церковном, в светском феодальном и в народном искусстве. Было бы глубоко ошибочно сводить народное представление о драконе к былинным образам «Змея Горыныча», где он под влиянием Апокалипсиса⁶⁰ приобрел отталкивающие черты многоглавого и многохоботного чудовища. В так называемых «лицевых сказках» и «народных» русских картинках (лубках) утвердилось именно такое изображение дракона⁶¹. Происхождение этого чудовищного образа хорошо объясняется аналогичными изображениями в древнерусской иконописи, миниатюрах и т. п.⁶²

Русскому народному творчеству был знаком другой образ дракона в виде «водяного змея», который залегал в Волхове и пожирал тех, кто не оказывал ему почитания⁶³. О внешнем образе этого водяного дракона можно лишь косвенно судить по археологическим находкам в Новгороде. На костяной пластинке, датируемой XIV в., изображен дракон в виде существа со звериной головой, маленькими крылышками и туловищем большой толстой змеи⁶⁴. В местном русском происхождении этого извода не приходится сомневаться; в драконе нет устрашающих черт; солярный знак рядом с драконом говорит о связи последнего с языческим солнечным культом⁶⁵.

Наряду с этим в древнерусском искусстве уже с XI в. были известны изображения стилизованных «драконов» с переплетенными хвостами и как бы кусающих друг друга⁶⁶ или обращенных друг к другу в гераль-

⁵⁹ Ф. И. Буслаев, Соч., т. I, СПб., 1908, стр. 28. Это свидетельство не позволяет согласиться с мнением, что звериные мотивы в деревянной резьбе Поволжья появились лишь в середине XIX в. в связи с развитием корабельной рези (ср. И. М. Бибииков и Н. А. Ковальчук, Деревянная резьба крестьянских жилищ Верхнего Поволжья, М., 1954, стр. 9—10).

⁶⁰ Ср. А. Н. Веселовский, Разыскания в области русских духовных стихов, II, Св. Георгий в легенде, песне и обряде, «Сборник Отд. русского языка и словесности Академии Наук» (в дальнейшем — ОРЯС АН), т. XXI, № 2, СПб., 1880, стр. 3, 70—71; его же, Южнорусские былины, ОРЯС АН, т. XXXV, СПб., 1885, стр. 348, 368.

⁶¹ Еще Д. А. Ровинский отмечал, что «лицевые» сказки не имеют ничего общего с оригиналами (Д. Ровинский, Русские народные картинки, кн. 5, СПб., 1881, стр. 10, 75, 88—89, 107).

⁶² Ср. Ф. И. Буслаев, Для истории русской живописи XVI в., Соч., т. II, СПб., 1910, стр. 322—323. К этому же типу изображений относятся и такие, в которых дракон изображен с одной головой, как, например, на известном топорике XII в. из Владимирской области, а также в поздних (XV—XVI вв.) иконах «Чуда св. Георгия», «Чуда Федора Стратилата», на многих печатях XV в. и, наконец, на гербах. Во всех этих случаях в драконе подчеркнуты «химерические» черты, поскольку он символизирует язычество и вообще зло. Это относится даже к Казанскому гербу.

⁶³ См. подробно А. В. Марков, Из истории русского бытового эпоса, V, Добрыня-Змееборец, «Этнографическое обозрение», кн. LXX—LXXI, № 3—4, М., 1907, стр. 17—18.

⁶⁴ Б. А. Колчин, Топография, стратиграфия и хронология неревского раскопа, МИА СССР, № 55, М., 1956, стр. 133, рис. 17 (1).

⁶⁵ А. В. Арциховский, Археологическое изучение Новгорода, МИА СССР, № 55, стр. 34.

⁶⁶ Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА СССР, № 11, М., 1949, стр. 47—49; В. И. Сизов, Курганы Смоленской губернии, «Материалы по археологии России», № 28, СПб., 1902, табл. IV, рис. 1.

дической позе с головой прямо⁶⁷ или назад⁶⁸. Встречаются они и в одиночных изводах⁶⁹. Такие изображения известны не только в городском искусстве, но и в народном шитье⁷⁰.

Изображения в резбе и в народных вышивках геральдических драконов (с солярными знаками) по бокам берегини или заменяющего ее Древа жизни представляют поздние «декоративные переживания» их древнего покровительственно-охранительного значения. Это дает ключ к пониманию резных белокаменных драконов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Связанные по литературной традиции с изображением св. Георгия, драконы даны здесь не в сцене змеборства, а как «собаки небесного воеводы». С другой стороны, они связывались с композицией «Распятие» как старые языческие божества⁷¹. Это сохраняет за драконами значение древних оберегов, почему их изображения и находились по сторонам окна⁷². Прекрасный резной наличник с парными драконами, происходящий, видимо, из поволжских районов⁷³, говорит о живучести этой традиции. Не менее интересен резной наличник на одной из изб дер. Семеново Ростовского района, на котором драконы как бы слились с образом коня⁷⁴. Ни о каком книжном происхождении мотива дракона в ростовской резбе говорить, следовательно, не приходится. Техника выполнения обоих наличников (собственно резба, а не выпилка) еще раз подтверждает, что в ростовской пропильной резбе рассматриваемый сюжет не был случайным.

Во всяком случае, в Ростовщине древние тератологические мотивы искусства сохранились до XIX в., в то время как в Суздальщине нам не приходилось этого наблюдать. На старых домах Ярославля тоже часто встречаются резные «драконы», но с заметным птичьим обликом.

Иконография ростовских резных драконов заставляет считать, что прежде чем вернуться в домовую крестьянскую резбу, этот сюжет прошел сравнительно долгий путь развития в искусстве древнерусского города. В этом отношении немалую роль могли сыграть изображения на монетах XV в.⁷⁵, в которых своеобразно возрождались и перерабатывались традиции владими́ро-суздальской эмблематики. Возрождение интереса к подобному рода эмблематике было связано с объективными тенденциями XIV—XV вв., имевшими место не только в Москве. В XVII в. те же мотивы развиваются в декоре московских кремлевских дворцов⁷⁶. Однако все это могло быть только толчком к появлению в ростовской резбе древнего образа народного творчества. В частности, ни на монетах, ни в кремлевских дворцах нет драконов в геральдической композиции. Наоборот, подобная композиция, восходящая к древности, прочно удерживалась в народной вышивке, о чем уже говорилось выше. Таким образом, особый интерес к мотиву дракона в ростовской резбе следует

⁶⁷ Таковы, очевидно, были «драконы» на фасаде Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1234), позднее разрозненные.

⁶⁸ Драконы на нижних клеймах защадных врат Суздальского собора (первая треть XIII в.).

⁶⁹ В. И. Сизов, Указ. раб., табл. IV, рис. 2; Б. А. Колчин, Указ. раб., стр. 75, рис. 17 (3).

⁷⁰ В. В. Стасов, Русский народный орнамент, СПб., 1872, лист XX, рис. 82. В. В. Стасов ошибочно истолковал этих драконов как «подвески к дереву» (!).

⁷¹ См. подробнее Г. К. Вагнер, К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском, «Сов. археология», 1960, № 1, стр. 109—110.

⁷² Ср. подобные же изображения змей-драконов в восточной архитектуре: А. М. Беленицкий, Археологические работы в Пенджикенте, КСИИМК, вып. 55, стр. 45—47. Г. А. Пугаченкова, Драконы мечети Анау, «Сов. этнография», 1956, № 2, стр. 128.

⁷³ Н. Н. Соболев, Указ. раб., стр. 264.

⁷⁴ По материалам Д. А. Крайнова.

⁷⁵ См. А. Орешников, Русские монеты до 1547, г., в кн. «Императорский Российский Исторический музей. Описание памятников», вып. 1, М., 1896, табл. III, рис. 103—113; табл. IV, рис. 159—172.

⁷⁶ История русского искусства (под ред. Игоря Грабаря), изд. Кнебель, т. II, стр. 264—269.

объяснять всем предшествующим ходом развития местной художественной культуры, в которой языческие образы, в частности образ дракона, были особенно устойчивы.

* * *

Все перечисленные выше мотивы резьбы широко распространены в декоре крестьянских построек не только на Ростовщине, но и в прилегающих к ней районах Ярославской обл. Расцвет тератологических мотивов в домовой резьбе самого Ростова, очевидно, не был длительным. С развитием капиталистических отношений резьба превращалась в отхожий промысел, что неизбежно вело к ее нивелировке. Именно в это время (рубеж XIX—XX в.) в резьбу Ростова, как и в резьбу других населенных пунктов Подмосковья и Поволжья, стал проникать тот геометрический «штучный набор», который скорее можно связать с влиянием стиля Ропета. Е. Э. Бломквист, изучавшая резьбу Мологского района, приводит слова одного из резчиков об истоках мотивов их резьбы: «на очень хорошее здание с городу берем»⁷⁷. «Хорошие» здания — это, вероятно, и были те одноэтажные и двухэтажные постройки с крытыми террасками и крыльцами, в которых народный тип жилища был приспособлен к новым городским условиям быта. Вместо древнерусских драконов мы видим в резном декоре этих построек «драконообразную плетенку»; вместо уток и других птиц — двуглавых орлов; вместо растительного орнамента — так называемый «штучный набор». Сюжетные мотивы, по-видимому, продолжали интересовать резчиков начала XX в., но сюжеты переживают кризис. Этот кризис затянулся надолго.

Современное деревянное сельское домостроительство включает в себя резьбу как драгоценное национальное наследие. Встречающиеся случаи отказа от резьбы — это не новое архитектурное качество, а результат затянувшегося указанного выше кризиса. Интерес к резьбе и значение резьбы не могут исчезнуть, так как в резьбе проявляется новое чувство современности, новые средства опоэтизирования и оптимистического восприятия и утверждения действительности. Старые формы далеко не всегда пригодны для этого, но сам факт необходимости специфических форм декора нового жилища не может быть подвергнут сомнению. Из сказанного видно, как важна направляющая работа по домовой резьбе в современном жилом деревянном строительстве. К сожалению, эта область выпадает из круга интересов нашего искусствоведения. Задача последнего заключается, конечно, не только в изучении традиций, но и в переводе народных традиций в новое художественное русло. Без этой помощи современная домовая резьба долго будет находиться на распутьи.

SUMMARY

In the sawn household wood carving of Rostov (Yaroslavl Region) there prevails a characteristic range of zoomorphic themes — horses, birds, serpents, dragons, etc. This thematic range has no bearing whatsoever to the so-called «Ropet style» of Vladimir-Suzdal plastic art. The themes of Rostov wood carving are traceable to ancient local folk traditions and represent the merging of Merya and Slav imagery. Their stability is attributable to specific conditions in the historical development of Rostov. The purpose of studying the ancient traditions in wood carving is not the conservation of old-time imagery but the stimulation of interest in wood carving as a means whereby the life-asserting, creative forces of the people are expressed.

⁷⁷ Е. Э. Бломквист, Постройки Мологского уезда, стр. 101.

С. Н. ИОМУДСКИЙ¹

О ПЕРЕЖИТКАХ РОДОВОГО БЫТА У СКОТОВОДОВ ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ В XIX в¹

Своеобразие форм феодализма у скотоводческих народов Средней Азии (пережитки родоплеменных взаимоотношений, роль кровнородственных связей и др.) — важный вопрос, требующий специального рассмотрения. Одна из главных задач в изучении истории туркменского народа состоит в том, чтобы найти причины специфики общественно-экономического развития у ряда скотоводческих туркменских племен, в частности у западных иомутов².

Сложность социально-экономического развития скотоводов Западной Туркмении второй половины XIX в. нашла в общем правильное отражение в учебнике «История Туркменской ССР»³, но типичные особенности общественного строя разных групп туркмен пока еще не исследованы.

Община у скотоводов сохранялась до периода коллективизации; ее сохранение обуславливалось низким уровнем развития производительных сил, неравномерным экономическим развитием отдельных групп туркмен, постоянными войнами, массовыми передвижениями племен и т. д.

Совершенно очевидно, что туркменская скотоводческая община давно перестала существовать как кровнородственное объединение, однако туркмены, уже много времени назад вступившие на путь феодального развития, сохраняли в своем быту некоторые черты первобытно-общинного строя, своеобразно сочетавшиеся с феодализмом; в советской исторической литературе такие общественные отношения называются патриархально-феодальными.

Общеизвестно, что отдельные племена туркмен находились на разных уровнях экономического развития, что до победы Великой Октябрьской социалистической революции туркмены так и не создали своей государственности, а их племена и роды были раздробленными и в различные периоды истории находились под воздействием соседних феодальных государств, а иногда входили ненадолго в состав того или иного государства — Ирана, Хорезма и др. Естественно, что туркмены в зависимости от политической ситуации вынуждены были менять освоенные

---

¹ Предлагаемая статья была передана в журнал «Советская этнография» незадолго до смерти автора (сотрудника этнографического отдела Музея краеведения АН Туркменской ССР), и замечания, которые были посланы после прочтения статьи (Г. П. Васильевой) уже не застали С. Н. Иомудского в живых. Этим объясняется фрагментарность и некоторая недоработанность ряда поднятых в статье вопросов. Редакция, считая, что проблема социальных отношений туркмен конца XIX — начала XX в., которой посвящена статья, представляет большой интерес, решила все же поместить ее в журнале с примечаниями Г. П. Васильевой. Примечания автора отмечаются особо.

² Среди некоторых групп туркменского народа, в частности у западных иомутов, о которых пишет С. Н. Иомудский, в конце XIX — начале XX в. скотоводство было ведущей, главной отраслью хозяйства.

³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1 и 2; т. II, Ашхабад, 1957

ими поливные земли на пески пустыни Кара-Кум, где они занимались скотоводством, попав же в культурную полосу подножья гор Копет-Даг и речных долин, они вновь оседали на землю. Очень частые передвижения мешали туркменам нормально развивать свое хозяйство.

Однако скудные сведения путешественников-европейцев, посетивших Туркмению в XIX в., — А. Вамбери, совершившего поездку по кочевьям туркмен вдоль восточного побережья Каспийского моря в 1863 г.⁴, К. Бодэ⁵ и других позволяют утверждать, что во второй половине XIX в. распад родовых устоев у туркмен шел весьма интенсивно. Разделение общества на бедных и богатых было, в частности, отмечено Н. Н. Муравьевым (1819—1820), писавшим, что скотоводческая община имела частных собственников, владевших стадами овец до пяти-шести тысяч голов, большим количеством коней и верблюдов⁶.

Другие источники также отмечают, что в это время у туркмен наряду с бедняками, живущими в старых изодранных шатрах, были и богатые торговцы, снаряжавшие большие караваны в Хиву и Иран⁷.

Классовое расслоение туркменского аула во второй половине XIX в. стало настолько очевидным, что скрыть социальные противоречия в хозяйственной жизни было уже нельзя. Между тем, как и в земледельческих районах, верхушка родовой скотоводческой знати упорно старалась замаскировать беспощадную эксплуатацию бедноты так называемым обычаем «помощи близким».

У туркменских кочевников-скотоводов владение землей и водой составляло главное, решающее условие для ведения хозяйства.

Как известно, в Западной Туркмении нет рек и пресных озер, поэтому главными водными источниками служат колодцы и дождевые ямы на такырах. Некоторые колодцы, существовавшие издревле, были основаны, по-видимому, еще дотуркменским населением (например, колодец Туар). Сами скотоводы также рыли колодцы, но очень мало; обычно использовались старые, уже обрушившиеся, которые восстанавливались: если и были новые, то они устраивались в местах, давно известных. Как исключение можно указать на колодец Даш-кую в местности Бугдайли, принадлежавший частному лицу, за свой счет вырывшему этот колодец и укрепившему его камнем и жженным кирпичем. Впоследствии этот колодец был объявлен общественным. Все население района Бугдайли обязывалось ежегодно принимать участие в его очистке; капитальный ремонт производился ахуном на средства, поступавшие от зеката⁸.

Можно предполагать, что скотоводы силой добывали себе колодцы. По преданиям известно, что в борьбе за воду происходили настоящие войны между племенами и родами. Вода, завоеванная совместным усилием рода, становилась его собственностью, и все члены рода считались владельцами источников; внутри рода совет старейшин устанавливал, кто должен сидеть на данном колодце. При дележе колодцев учитывалось количество человеческих жертв, принесенных семьей в войне, численность хозяйства и старшинство в своей группе.

При таком распределении колодцев возникали разногласия, которые в большинстве случаев оканчивались миром, хотя бывали и конфликты,

⁴ А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, предпринятое в 1863 г., М., 1867.

⁵ К. Бодэ, О туркменских поколениях ямудах и гокланах (писано в 1842 г.), «Записки Русского географического об-ва», II, СПб., 1847.

⁶ «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардии генерального штаба капитана Н. Муравьева», М., 1822, ч. I.

⁷ П. М. Лессар, Мервские ханы, «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. VI, СПб., 1883.

⁸ Зекат — 1/10 часть дохода, ежегодно выделяемая каждым хозяйством по шарияту и обычаю туркмен духовному лицу (примечание автора).

доходившие до кровавых столкновений. В случае пролития крови оспариваемые земля и вода без всяких дальнейших процедур переходили во владение пострадавшей стороны. Такая земля считалась купленной ценою крови, переходила во владение потомства семьи⁹ и не подлежала никакому отчуждению.

Вместе с тем, имущественное неравенство скотоводов позволяло богатым хозяйствам пользоваться в хозяйственной жизни аула всевозможными привилегиями и, в частности, поить свой скот из общественных колодцев в первую очередь, получать при распределении среди одноаульцев лучшие пастбища, раньше других перебиваться на новые пастбища и т. д. Эти права узурпировались богатыми скотоводами, и маломощные хозяева вынуждены были соглашаться с решениями совета старейшин, соблюдавших интересы богатых хозяйств.

Богатые скотоводы использовали свое влияние и силу в вопросах первоочередности перебивок на новые пастбища, особенно при перебивках на дальние расстояния. Дело в том, что несмотря на постоянные перемещения в результате военных столкновений между отдельными родовыми подразделениями иомутов и борьбу Хорезма с Ираном, все земли, пригодные для земледелия и скотоводства, были издавна закреплены за тем или иным родом.

Очень немногие хозяйства располагали открытыми проходами для свободного прогона стад по земле другого рода, большинство же кочевников при следовании своего скота на сезонные пастбища (нередко на расстояние 150—200 км)¹⁰ пользовались услугами тех хозяйств чужого рода, которые в порядке взаимной помощи уступали свою очередь на водопой и, таким образом, создавали условия для нормального прогона скота.

Богатые скотоводы стремились опередить других кочевников до травы и без того скудного подножного корма, особенно в годы бескормицы, когда передвижения кочевников усиливались, и возникали конфликты, доходившие до настоящих столкновений, иногда длящихся годами.

Кочевья скотоводов Западной Туркмении в нормальный год делились на четыре района: на востоке — земли атабаевцев с многочисленными мелкими родовыми подразделениями, располагающиеся между рекой Атрек на юге и сухим руслом Узоя на севере по границе с хивинскими землями. Вторую, западную половину всей территории занимали джафарбайцы, расселившиеся параллельно атабаевцам с юга на север до границ с Казахстаном. Распределение земель внутри этих подразделений произошло в силу исторических условий, сложившихся так, что скотоводы, долго жившие к северу от линии железной дороги, освоили эту местность, а их стада акклиматизировались в ней¹¹; эту группу называли «северными скотоводами» — «гайранын чарвасы». Живущие к югу от них получили название «южных скотоводов» — «илерин чарвасы». Кроме того, было много названий, присвоенных скотоводам по месту их проживания. Например, кочевавших по Узюю называли «узтуркмен»; живущих в районе колодцев Бугдайли — «алак чарвасы» (скотоводы пестрых); эти названия связаны с характером местности, в которой пески чередуются с такырами и предгорной равниной.

⁹ Имеется в виду большая семья (см. ниже).

¹⁰ Богатые скотоводы кочевали со своими стадами в районе, южной границей которого были реки Гюрген и Атрек, а северной Б. Балханы. Подробнее об этом см.: Г. П. Васильева и А. Джикиев, Некоторые результаты изучения материальной культуры и быта населения юго-западной Туркмении, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXIV, 1960.

¹¹ Северо-восточная струя ветров, дающих по проходу Большие Балханы — западный Кюрен-даг большую часть года, создает особый климат на всей равнине к югу от железной дороги. См. В. Минервин и Н. Мордвинов, Схема реконструкции скотоводческих хозяйств, «Туркменоведение», 1931, № 3—4, стр. 12.

Каждый район характеризовался микроклиматом, видами пастбищ и водных источников. Скотоводы, жившие севернее железной дороги, как правило, передвигались только в радиусе своих водных источников¹².

Хозяйства скотоводов и земледельцев по существу нельзя рассматривать вне связи между ними. В большинстве случаев существовали хозяйства, часть членов которых была земледельцами, а часть — скотоводами.

Преобладание одного вида хозяйства над другим в различных районах было различным и зависело от природных и внешнеполитических условий; многие районы, где было развито поливное земледелие, достаточно быстро были освоены населением, которое до того «жило на спине верблюда» (т. е. кочевало), а это свидетельствовало об определенных навыках кочевого населения в земледельческом труде.

В районах, где ощущался недостаток воды, основным занятием было скотоводство¹³.

В конце XIX в. ядро иомутов-джафарбайцев отдела нурали составляли роды кор, кем, кельте, караинджик и караджа. В системе племени атабай-джафарбай наиболее важные общественные вопросы обсуждались на маслахате (народное собрание), в котором решающий голос принадлежал основным родам джафарбайцев, остальные же пользовались правом совещательного голоса. Общественное неравенство проявлялось весьма отчетливо в том, что отдельные знатные лица из других племен (они могли быть даже из огурджали¹⁴ или племени гокленов) имели право решающего голоса, если славились своим богатством и связями с сильными родами иомутов.

Все перечисленные роды иомутов, как оседлые — чомры, так и скотоводы-кочевники — чарва, занимали определенную территорию. На этой территории каждый род селился компактно, отдельными аулами. Так, вдоль реки Гюрген население располагалось следующим образом: самым восточным среди поселений джафарбайцев было большое становище Ильгельды-хан Каласы (крепость Ильгельды хана), построенное в середине XIX в., где жили иомуты рода кор (его также называли «Каладакы ова» или «Корлерин овасы» — аул корцев). Рядом с этим селением, ниже по течению реки был большой аул рода пан, далее следовали аулы Омчалы, Каргы и, наконец, аул Кумуш-тепе — центр джафарбайцев, где проживала значительная группа семейств Клычходжи и Курбана-ходжи из рода кор¹⁵.

¹² Установившийся порядок передвижения стад, пользование водой из колодцев и т. д. настолько прочно были усвоены скотоводами, что со временем как бы стали обычаями, и старики — жители скотоводческих районов до сих пор хорошо помнят их (*примечание автора*).

¹³ Описанный выше тип хозяйства, в котором скотоводство в той или иной степени сочетается с земледелием, издавна характерен для большинства туркмен, каракалпков, части узбеков и казахов. Этот комплексный тип хозяйства полукочевого населения Средней Азии и Казахстана Т. А. Жданко проследживает на археологическом материале с глубокой древности, что дало ей возможность и право выделить эту группу населения Средней Азии и Казахстана в самостоятельный этнографический компонент. См. Т. А. Жданко, Патриархально-феодальные отношения у полукочевого населения Средней Азии, I Всесоюзная конференция востоковедов (Тезисы докладов и сообщений), Ташкент, 1957; е е же, Проблема полuosедлого населения в истории Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1961, № 2; С. И. Руденко, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, «Материалы по этнографии», т. I, Географическое об-во Союза ССР, М., 1961.

¹⁴ Огурджали — небольшое племя, живущее на побережье Каспийского моря, родственное иомутам и занимавшее среди них подчиненное положение.

¹⁵ Кладбища туркмен были устроены по тому же родовому принципу, что и поселения, только огромный хэдм Карасу, находящийся близ Кумуш-тепе, когда-то давно превращенный в место захоронения (что отчетливо видно по двухъярусным и даже трехъярусным могилам и склепам в обрывах после проливных дождей), почти совсем не имел границ между территориями отдельных родовых кладбищ (*примечание автора*).

Остальные роды, такие, как караджа, кельте и отдельные семейства из других родов, селились возле сильного рода кор. Только род кем, живущий обособленно, имел большие пастбища по древнему разрушенному земляному валу «Кызыл алан» в районе, который назывался «Алтын токмак»; этот род занимался (более чем другие соседи-иомуты) разведением овец и лошадей.

Вместе с тем район гургенских иомутов, в основном ведущих оседлый образ жизни, в отличие от других иомутских районов, характеризовался быстрым изменением традиционного характера поселений по родственному признаку.

Примитивное земледельческое хозяйство не удовлетворяло потребностей всего населения, и по этой причине начинается уход малоземельных крестьян на отхожие промыслы, главными из которых были рыбные промыслы на побережье Каспийского моря.

Развивающаяся торговля с внешним миром, развитие морского транспорта — все это способствовало уходу из аула членов рода и переселению их на место новой работы. Малоземелье заставляло и многих зажиточных туркмен также уходить из аула. Становясь самостоятельными хозяевами морских лодок или торговых заведений, ремесленниками и т. д., люди постепенно теряли связь с членами своего рода, переставали нуждаться в поддержке своей общины и, таким образом, оторвавшись от своих, объединялись с семьями из других родов на основе новых экономических интересов и образовывали в больших населенных пунктах Кумуш-тепе, Кумбети-Кабус и др. кварталы, называющиеся по традиционному родовому принципу по имени родовой принадлежности большинства его жителей — омчалы, корлер и т. д.

По реке Атрек, где тоже было оседлое население, занимавшееся также скотоводством, группы родственников жили более замкнуто, нежели на Гюргене (роды кельте, кем из отделения джафарбай, а также атабаевцы), и в некоторых случаях многие родовые подразделения по несколько лет не встречались со своими сородичами.

Основным занятием населения прибрежных степей, живущих к северу от рек Атрек и Гюрген, было скотоводство; беднейшая часть скотоводов в поисках дополнительного заработка уходила в рыболовецкие аулы Гасан-кули, Чикишляр, на территорию родов ших и махтум в западной части Краснодарского района и доходила до форта Александровска на Мангышлаке.

Жители приатрекских аулов, занимавшиеся земледелием, ежегодно в путину также целыми артелями шли на лов рыбы к морю, по выражению бедноты — «обновить белье». Так как морской промысел занимал рабочих только в определенное время осени и зимы, то рыбаки возвращались к своим семьям, сидевшим на маленьких участках богарной земли. Обычно бедное хозяйство в лучшем случае засеивало немного ячменя и бахчевых, урожай которых позволял крестьянину сводить концы с концами.

С появлением новых источников заработка уход бедноты на сторону ослаблял родственные связи, так как вдали от основного ядра, вне родовой общины появлялось новое самостоятельное хозяйство. Браки, заключаемые с жителями прибрежных аулов, также способствовали отделению бывших скотоводов от своих родичей, но выселившиеся еще долгое время считали себя членами рода, среди которого когда-то жили. Бывали даже случаи, когда отделившаяся семья, разорившись, возвращалась назад к своим родственникам и получала помощь.

Аналогично скотоводам Западной Туркмении происходило нарушение родowego расселения при распределении земель среди теке в Мервском оазисе (1861 г.) — районе древней земледельческой культуры. Текинцы, изгнав из оазиса сарыков, захватили действовавшую ирригационную сеть и распределили ее между собой, используя право завое-

вателей. Другие племена, жившие здесь, и даже ахальские текинцы, пришедшие в оазис позднее, вынуждены были либо арендовать землю у завоевателей, либо уходить из оазиса.

При распределении земель оазиса каждому крупному текинскому роду была отведена отдельная водная магистраль, которая закреплялась за ним¹⁶.

Каждый род производил распределение воды и земли по своему усмотрению, земля внутри рода не закреплялась отдельно за каждым земледельцем; в целях уравнивания условий землепользования систематически производились переделы земель внутри родовых групп. Более поздние пришельцы землей не наделялись. Все последующие переселенцы из Ахала из подразделений векиль, тильки, караджа, буркоз и др. старались селиться около своих сородичей, но оказывались на положении «конши» (соседи), вынужденных арендовать землю у своих сородичей-текинцев, ранее их поселившихся в оазисе. «Конши», кроме того, обязывались за свой счет вести все сельскохозяйственные повинности: очистку канав, ремонт плотин и др.

Зависимость от «бояр»¹⁷ и многие повинности ложились тяжелым бременем на рядовых членов рода, которые находились под двойным гнетом — «бояр» и своих старшин. Имущественное неравенство, жестокая эксплуатация бедняков — основной массы аула — создавали антагонистические отношения между членами рода. Состояние вечного недовольства — пока еще неосознанной классовой борьбы бедняков против своих богатых сородичей — временно затихало в случае угрозы непосредственной опасности (например, при борьбе за водные источники): аулы, расположенные на одном канале, даже если они и принадлежали к разным родовым подразделениям, объединялись для отражения врага.

Таким образом очевидно, что основным фактором, связывавшим группы семейств, было не какое-то пресловутое кровное родство, а система владения землей и водой, необходимость их защиты в случаях угрозы нападения извне. Общества оседлых туркмен, сохранявшие «родовую» оболочку, были пестрыми по своему составу и неравными по социальному положению своих членов.

Состоял ли туркменский род в XIX в. из близких по крови семейств? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Какой процент составляла прямая мужская линия установить также трудно. Дело в том, что у туркмен род был патриархальным и родство считалось лишь по мужской линии, генеалогически; «дан» и «еген»¹⁸ за кровных родственников не признавались. Нередки были случаи, когда члены того или иного тире (родового подразделения), вступая в брачный союз вне своего рода, включали род жены в свой, но при условии, чтобы род жены численностью душ и силой хозяйства стоял ниже рода мужа.

Можно назвать случаи усыновления чужеродцев и даже людей другой национальности. Например, среди иомутов были случаи усыновления гокленов, татар и даже русских. Так, некий Влас — дезертир русской армии — впоследствии молла Бегче, был усыновлен иомутами рода хырыдарлы кор до начала похода на Ахалтеке в 1879 г. Потомки Власа ныне проживают в районе Кумбети Кабуса под покровительством

¹⁶ Об этом см. Я. Р. Винников, Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 6—8.

¹⁷ Первые туркмены, появившиеся в оазисе, захватившие землю и воду, именовались «бояр» (господа). Они сами землю не обрабатывали, а сдавали ее в аренду.

¹⁸ Дядя и племянник по материнской линии.

потомков рода эсенгулы кор¹⁹. Другой русский солдат был усыновлен родом йылгай в первую империалистическую войну. Он сохранил свое имя и был известен среди населения как Алексей-тебиб. В каждом большом родовом объединении туркмен имелось много отдельных групп в 5—10 хозяйств, не связанных с ним кровным родством или даже генеалогически. Отделившись от своего первоначального рода и сохранив только его название, а иногда приняв имя нового рода, эти небольшие группы оказывались в зависимом положении от старшин того рода, среди которого они жили, так как они, за небольшим исключением, не имели своих пастбищ и воды. Бывали другие случаи, когда пришельцы, прожив в течение нескольких поколений в составе чужого рода, впоследствии отделялись от него и приобретали самостоятельность.

Так, род чуккан включил в себя отдельные семейства из рода пан; пришельцы со временем численно возросли, экономически окрепли и уже во втором или третьем поколении начали выступать как самостоятельная родовая группа. Они восстановили генеалогическое родство с одноименным родом, жившим на Гюргене, а с родом чуккан связь постепенно утеряли, хотя в свое время и породнились с ним путем браков и приняли имя этого сильного рода.

Рассмотрим структуру рода на примере джафарбайского рода кор. На территории Туркменской ССР род кор размещался среди других родов вдоль берега Каспийского моря в ауле Гасан-Кули, на острове Челекен²⁰ и полуострове Дарджа. Скотоводы из этого рода населяли все степное пространство на восток от моря (от р. Атрек на север до гор Большие Балханы и далее к горному кряжу Эрсары-баба).

Подобно всем родам племени иомутов этот большой род делился на несколько более мелких родов (тире) — эсенгулы кор, койынлы кор, хырыдарлы кор, карадолак кор, кытлы кор²¹. Так же как и другие роды (что видно из приведенного выше), кор не был однороден по своему составу. Можно добавить, что в конце XIX в. к нему примкнула часть рода тумач, перекочевавшая на склоны Геркез-Дага в Джебельском районе. Одна из ветвей рода кор — аннамыратлы, входившая в подразделение эсенгулы кор, поселилась на колодцах Маммет-таган Джебельского района. Эта группа состояла из четырех больших семей: Доулы, Полат, Тайча, Аннамырат. Перечисленные семьи вследствие своей многочисленности выделились из одного аула и расселились на территории всего рода, образовав несколько аулов, главными из которых были Маммет-Таган, Молла-Карры, Ат-Чешме, Казак-Куюсы. Все выделившиеся хозяйства были самостоятельны экономически. Позднее с увеличением численности скота часть больших семей рода аннамыратлы откочевала к горам Большие Балханы и далее на север. Здесь произошло разделение хозяйств по видам скота.

Условия по уходу за животными, затрата человеческого труда и времени были неодинаковы. По сложности ухода и трудности работ на первом месте стоит мелкий рогатый скот, во все времена года требующий присутствия человека, ухода и труда для обработки продуктов овцеводства. Остальные хозяйства — верблюдоводческие и коневодческие — имели избыток рабочих рук; члены семьи не находили себе занятий в ауле и уходили на заработки на сторону.

Из сказанного ясно, что у западных иомутов в XIX в. существовала сильная классовая дифференциация; род, сохраняясь как форма организации общества, уже не был объединением кровных родственников и их прямых потомков, что характерно для первобытно-общинного строя.

¹⁹ Покровительство в современных условиях на Гюргене ограничивается только заботой о больных и посещением близких в праздничные дни и дни семейных торжеств (примечание автора).

²⁰ До 1930-х годов Челекен был островом.

²¹ Эти более мелкие роды носят имя своего родоначальника, одного из членов рода кор (примечание автора).

Вместе с тем скотоводы сохраняли ряд пережитков этого строя или периода, переходного к классовому обществу, и среди них такие, как большая семья, формы коллективного владения колодцами и т. д., наконец, организация военных союзов отдельных самостоятельных родов в случае военной опасности. Такие военные союзы у туркмен-иомутов назывались ак-ойли («владеющий белой юртой»²²). По рассказам стариков-иомутов, скотоводческие племена туркмен еще задолго до появления русских на восточных берегах Каспийского моря периодически собирали ак-ойли, чтобы защитить свои семьи от частых набегов соседних туркменских племен, войск хивинского хана и иранских феодалов.

Ак-ойли являлась своеобразной военной организацией, которая формировалась из всадников, взятых по одному от десяти кибиток из каждого туркменского рода²³. Собранное войско подразделялось на отделы, соответствующие родовым группам: караинджик, кельте, кор и др. Каждый из них имел своего начальника. Во главе ак-ойли стоял выбранный народом «бек», наделенный во время войны большой властью, вместе с тем он был обязан отчитываться за свои действия перед маслахатом и всадниками; ближайшими помощниками бека были командиры сотен. Хозяйство или семейства, выставившие вместе одного всадника, должны были содержать его самого и коня, обеспечить всадника оружием и боеприпасами, помогать его семье во время перекочевков (обыкновенно всадники вербовались из женатых, но бывали и исключения). Все незаконченные сельскохозяйственные дела всадника выполнялись обществом.

По приговору народа дополнительно в ак-ойли приглашались особенно нужные люди — храбрые, хорошие организаторы и авторитетные в военном искусстве; были случаи, когда приглашенные отказывались участвовать в ак-ойли, тогда по приказу бека всадники из рода приглашенного насильно заставляли его перекочевывать.

По назначению бека в определенный день все всадники собирались в указанном месте и ставили свои юрты, соблюдая такой же порядок, как и в ауле. Каждый род ставил свои юрты вместе, между юртами отдельных родов оставлялся небольшой интервал. Юрта бека помещалась между людьми его рода. Отличительным знаком юрты бека был белый флажок, помещенный на высоком шесте возле кибитки. Юрты рядовых всадников ничем не украшались, а командиры сотен вывешивали возле кибитки цветной флажок.

Ак-ойли мог быть расформирован только по решению маслахата после окончания военных действий²⁴.

²² Название «ак-ойли» — «белая юрта», видимо, происходит от белых домотканых лент, когда-то украшавших среднюю часть юрты. Этот цвет был эмблемой мира и спокойствия. Все юрты были украшены белыми полосами — отсюда и их название «ак-ойли».

²³ К. Бодэ в середине прошлого столетия описывает подобные сборища («агавли») у гокиенов; последние собирали воинов по одному от пяти хозяйств для «охранения границ своих владений от заклятых врагов своих, ямудов». К. Бодэ, *Очерки Туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря*, СПб., 1856, стр. 63, 111.

²⁴ Первым из исследователей заинтересовался институтом ак-ойли у туркмен С. П. Толстов, который в статье «К истории древнетюркской социальной терминологии» (ВДИ, № 1/2, 1938) дает детальный анализ этого интересного пережитка первобытнообщинного строя. По данным, имевшимся у С. П. Толстова, термин «ак-ойли» у туркмен в XIX в. назывались отряды молодых неженатых (—Г. В.) воинов, охранявших в периоды военной опасности границы племенной территории. Из описания института ак-ойли С. Н. Иомудским видно, что к 20-м годам нашего века у западных иомутов этот институт претерпел некоторые изменения: основное ядро ак-ойли вербовалось из молодых, но не женатых (—Г. В.) воинов, оставлявших на время сбора своей семьи в аулах, где их обязаны были опекать сородичи. Однако это обстоятельство не противоречит выводам С. П. Толстова о характере этого института и его связи с возрастными классами первобытнообщинного строя, а лишь показывает пазнивание института ак-ойли в последние века. Ю. Э. Брегель, обративший внимание на употребление термина «ак-ойли» в документах архива хивинских ханов, приходит к выводу о том,

Из опроса стариков-текинцев Мары, Теджена и Ахала автору не удалось выяснить, были ли у них когда-либо общественные организации с подобным названием и назначением²⁵; у западных же туркмен-иомутов, по показаниям стариков, ак-ойли, как уже упоминалось выше, существовало издавна и имело место даже в 20-х годах нашего столетия²⁶. Так, во время длительной вражды между родами атабай, джафарбай и игдыр в 1918—1919 гг. роды кор, карайнджик и кельте, жившие в долине р. Гюрген, были инициаторами сбора ак-ойли. Участником одного из таких сборов был сам автор данной статьи.

В годы первой мировой войны туркменское население западных районов от р. Гюрген до южных пределов Хивинского ханства было обеспокоено внешнеполитическими событиями в России, на Кавказе и Иране, отражавшимися на их внутренней жизни. Кроме того, длительная вражда между наиболее крупными родами иомутов — атабай, джафарбай и игдыр приводила к частым военным столкновениям: угону скота, ограблению караванов и т. д. Все эти события заставили старшин собрать маслахат в центре джафарбайцев — Кумуш-Тепе и объявить сбор ак-ойли. В эти годы военное объединение возглавляла наиболее сильная в этом районе родовая группа — кор, которой подчинялись все остальные. Если ак-ойли сохранялось длительное время и по своей значимости было серьезным, то в общении с другими племенами оно называлось по имени сильного рода, объединившего все остальные роды. Например, при Гок-дере в 1919 г. иомуты и часть текинцев объединились в ак-ойли против казахов. Это ак-ойли имело два названия: «северные» и «бахелькинцы» по имени рода бахельке, возглавившего союз. Бахельке — род иомутов, проживавших в Хивинском ханстве, считался воинственным и хорошо организованным, поэтому вся северная группа туркмен встала под начало бахелькинцев, несмотря на то, что последние были довольно малочисленны.

Южную группу скотоводов в период до 1919 г., как уже говорилось, объединял род кор. В это объединение входили все роды джафарбайцев, живших обособленно — роды пан, торрук, кем, караджа, бага, татар и другие. Причина того, что род кор сделался центром, вокруг которого собирались все остальные джафарбайские роды юго-западной Туркмении и к мнению которого они прислушивались, заключалась в том, что он издавна жил вблизи важных экономических центров и был богаче всех остальных родов. Внутренняя торговля, разработка нефти, соли и т. д. находились в руках старейшин этого рода, а торговля сельскохозяйственными продуктами с соседними странами (Кавказ, Иран) была монополией значительной уже во второй половине XIX в. группы торговцев, вышедших из рода кор.

что, вопреки мнению С. П. Толстова, у хорезмских туркмен этот институт означал заложников из различных туркменских племен. Заложники селились со своими семьями на выделенных ханским правительством участках земли «вдали от основной территории своего племени или рода и несли службу в хивинском войске» (см. Ю. Э. Брегель, *Хорезмские туркмены в XIX в.*, М., 1961, стр. 360—361). По нашему мнению, ак-ойли хорезмских туркмен нельзя рассматривать как простых заложников, что делает Ю. Э. Брегель. Использование хивинским правительством ак-ойли в качестве заложников — позднейшая трансформация этого древнего института, сохранившего и здесь одну из своих прямых функций — передового сторожевого отряда на границе занимаемой территории.

²⁵ Из хроник хивинских историков Муниса и Агехи «Фирдаус-уль-икбаль» («Материалы по истории туркмен и Туркмении», II, стр. 388—389, 398 и др.) видно, что институт ак-ойли существовал также у текинцев, чоудоров и других туркменских племен. К. Бодэ рассказывает об ак-ойли у гокланов. См. его «Очерки Туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря», стр. 63.

²⁶ Естественно, что по мере развития классового расслоения институт ак-ойли утрачивал свой чисто «доклассовый характер». Беки назначались не из наиболее храбрых и умелых в бою воинов; для того чтобы стать беком, нужно было еще обладать и богатством и знатностью рода; маслахат (народное собрание всех свободных) заменяется советом старейшин и т. д.

* * *

Во второй половине XIX в. большие семьи, как правило, сохранялись среди зажиточных.

В большой семье сохранялось общее хозяйство с одним «большим котлом». Главным распорядителем хозяйства и руководителем внутренней жизни был глава семьи — мужчина, основные средства большой семьи находились в руках старшей семьи. При выделении хозяйств женатых сыновей из большой зажиточной семьи коллективное владение скотом все же продолжалось, и в этом следует усмотреть стремление укрепить и увеличить силу рода. Единство больших семей выражалось в том, что каждая малая семья наряду с другими близкородственными семьями пользовалась необходимым ей скотом и брала его для выплаты калыма и других общесемейных мероприятий. Сообща женить своего близкого у туркмен по традициям патриархально-родового строя до последнего времени считалось «согап» — богоугодным, хорошим делом. Все родные были заинтересованы в прибавлении членов семьи и продолжении рода и в фонд калыма вносили все стголько, сколько могли. В серьезных делах, таких, как перекочевка, устройство колодцев, стрижка овец и т. п., принимали участие все взрослые, но решающее слово оставалось за старшим из старшей семьи. Старший прислушивался к мнениям младших, но, имея свои веские доводы, в конце концов заявлял свою точку зрения, которая и проводилась в жизнь. «Общий котел» заключался в том, что забота о снабжении продуктами и другими необходимыми предметами производилась из общего фонда большой семьи²⁷.

Примерное соотношение видов животных в хозяйстве западных номутов таково (основой хозяйства обычно являлись овцы и верблюды): если за основу взять 100 овец, то коз будет 30—40 голов, верблюдов 5—7, лошадей 2—3 (не считая производителя, имевшегося только у богатых скотоводов). Богатые семьи, кроме общего хозяйства, доход от которого шел в пользу всей семьи, создавали личное хозяйство сына «урбалык» (основа для организации нового хозяйства). Через несколько лет при умелом ведении дела постепенно собираемое имущество достигало солидных размеров. Наступало время, когда родители собирались женить сына и этим увеличить мощь своей семьи, получить привилегию по численности среди других равноправных членов общины.

Выделение сына из отцовского хозяйства было закономерно для части небогатых скотоводов, которые не могли кочевать, так как не имели верблюдов для перевозки своего незатейливого скарба на новое становище. Для этой части населения характерны большие аулы на зимних стоянках, состоящие из множества отдельных семей различных родов. Такие хозяйства особенно часто встречались в районе Джебела, Казанджика и в прибрежных аулах.

Типичным примером большой семьи можно считать существовавшую еще в 20-х годах XX в. большую семью Джемербая из рода атабай, проживавшую в Красноводском уезде Закаспийской области (ныне Казанджикский район ТССР).

Джемербай был владельцем сравнительно небольшого хозяйства, главными видами скота в котором были овцы и верблюды. Он имел пять жен, от каждой из жен были сыновья и несколько дочерей. Каждый его сын также имел свою семью. Численность этой большой семьи в 1920-е годы по списку продовольственного комитета района достигала 125 чел. Имея взрослых сыновей, Джемербай фактически отстранился от непосредственного участия в хозяйственных делах, все заботы по уходу за скотом лежали на взрослых сыновьях и старших женщинах

²⁷ Такое полное описание большесемейного коллектива у скотоводов, насколько нам известно, дается впервые

семьи, которые кочевали со скотом и реализовывали продукты хозяйства. Сам Джемербай как глава семьи занимался только общим руководством в хозяйственных и семейных делах (выдача дочерей замуж, женитьба сыновей и внуков). Он не жил на одном месте со своей семьей, так как занимался воспитанием породистых лошадей, тренируя их к скачкам. По роду своих занятий он был вынужден часто менять пастбища, а для удобства личной жизни в нескольких кочевьях, обыкновенно на колодцах, Джемербай ставил юрту одной из своих жен с одним или двумя верблюдами для хозяйственных нужд и парой коз для молока.

Часто меняя свои стоянки с 10—15 лошадьми, Джемербай тем не менее не отделялся от жизни своего аула и был в курсе всех дел и событий.

По словам стариков, Джемербай не выделял женатых сыновей. Каждый из них имел личное жилище, но весь доход от скотоводческого хозяйства поступал в общее пользование и распоряжались им, конечно, сам Джемербай и его старшая жена. Как и все зажиточные скотоводы, эта семья ежегодно снаряжала караван в Хиву или на Гюрген. На продажу везли масло, кожу, шерсть, домашние ткани из верблюжьей шерсти, в обмен получали пшеницу, рис, приобретались также другие вещи.

Все привезенное распределялось поровну между членами большой семьи.

В 1915 г. произошел раздел другой большой семьи, во главе которой стоял богатый скотовод из рода атабай Хаджа Парси. Мамен-Софи, сын Хаджа-Парси, рассказывал, что раздел всего хозяйства произошел из-за того, что женатые сыновья Хаджа-Парси, сами имевшие уже женатых сыновей, не могли прекратить раздоров между женами внуков Хаджа-Парси²⁸, сопровождавшихся убийствами и кровной мстью за убитых²⁹.

Все изложенное свидетельствует, таким образом, о том, что родовая организация у туркмен была лишь внешней формой организации общества и как пережиток патриархально-родового строя существовала пока экономическая база не была подготовлена к созданию новых отношений, а практически до победы советской власти на местах.

SUMMARY

The present article treats of the survivals of the tribal way of life among the cattle raisers of Western Turkmenia. The author notes the original forms of feudalism among these peoples and analyses the causes of the specific character of their socio-economic development. The disintegration of the clan structure in the second part of the 19th century among the Turkmenians was quite intensive; the Turkmenian commune of cattle raisers had long ceased to exist as a consanguineous unit. Yet in their way of life the Turkmenians retained certain traits of the primitive-communal system, which were combined in a peculiar way with feudalism.

In the second part of the 19th century the class stratification in the Turkmenian aul was clearly manifested. The consanguinity ties within the commune were loosened by the departure of the poorer members. Analysing the structure of the clan on the basis of the Dzharfarbai Kor clan, and also the structure of the large family, the author arrives at the conclusion that the clan, while continuing as a form of social organization, no longer was a community of blood relatives. As a carry-over of the patriarchal-clan system, the clan continued to exist up to the time of the emergence of the socio-economic basis for new relationships—in actual fact, until the establishment of the Soviet system throughout the area.

²⁸ Конечно, не ссоры были первопричиной раздела больших семей. Ссоры сами по себе являлись результатом неравномерного раздела доходов среди входивших в большую семью отдельных семей.

²⁹ После раздела семьи перестала существовать хаджи-парсинская порода лошадей, выведенная когда-то этой большой семьей (примечание автора).

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. Н. МОРОЗОВА

ШВЕДСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ XX ВЕКА¹

Типичными поселениями для шведских крестьян являются деревни (кучевые, рядовые, уличные и круговые) и хутора². Шведские деревни, в большинстве своем небольшие по размеру, состоят из 12—15 дворов. Только в некоторых местах средней Швеции и кое-где в северных местностях деревни состоят из 20—25 дворов.

Усадьба или двор как хозяйственная единица называется у шведов *гörd* (*gård*). Этим термином обозначаются и хутора.

Можно выделить несколько типов дворов.

В областях южной и юго-восточной Швеции жилой дом и хозяйственные постройки в большинстве случаев образуют замкнутый четырехугольник, близкий к квадрату, с просторным двором в середине. Такой тип распространен в областях Сконе, Блекинге, Смоланд, Халланд, Вестергётланд и в более или менее измененных формах по всему Гёталанду³. В XVII—XVIII вв. замкнутый двор был менее обычным. Он стал распространяться в начале XIX в. Можно предположить, что увеличение хозяйственных построек, чаще всего появление второго гумна, кото-

¹ Статья не претендует на подробное и полное исследование жилища XX в., а имеет намерение ознакомить читателей в общих чертах со строениями шведских крестьян в основном 1900—1940 гг. Что касается жилища последующего 20-летия, то его не удается представить конкретно из-за отсутствия в нашем распоряжении достаточных данных; известно лишь, что после 1940-х г. развитие жилища идет по линии переделок внутри старых построек, улучшения их отделки и т. п.

² S. Erixon, *Technik und Gemeinschaftsbildungen in schwedischen Traditionsmilieu*, Stockholm, стр. 9—41; его же, *Svenska gårdstyper*, Stockholm, 1919, стр. 1—39; «Skansen hus och gårdar» Stockholm, 1953; S. Erixon och S. Wallin, *Västgötågårdar*, Stockholm, 1932; S. Svensson, *Bygd och Yttervärld studier över förhållandet mellan nyheter och tradition*, «Nordiska Museet Hand», 15, Stockholm, 1942, стр. 84—95; S. Dahl, *Torna och Bara studier i skånes bebyggelse — och näringsgeografi före 1860*, Lund, 1942, стр. 1—247; G. Berg och S. Svensson, *Svensk bondekultur*, Stockholm, 1934, стр. 66—113; «Fataburen, Nordiska Museets och Skansens årsbok», Stockholm, 1939, стр. 77—98; E. Lundberg, *Svensk bostad*, Stockholm, 1942, стр. 15—158; E. Campbell, *Våra bondgårdar*, Lund, 1921; «Folkliv», XVII—XVIII, 1953—1954, стр. 5—18; A. Hazellius, *Ur de Nordiska Folkens lif*, Stockholm, 1882, стр. 1—40; «Sverige, Svenska turistföreningen», Stockholm, 1922; A. Campbell, *Skånska bygder under förra hälften av 1700—talet*, Uppsala, 1928.

³ «Skansen hus och gårdar», стр. 7—124; S. Erixon, *Svenska gårdstyper*, стр. 4—31; его же, *Skansens kulturgeshichtliche Abteilung*, Stockholm, 1928, стр. 14—105; его же, *Bilder från Skansen hus och gårdar*, Stockholm, 1924; «Folk — liv», Stockholm, 1953, стр. 22, 31—39; его же, *Vinterbilder från Skansen*, Stockholm, 1901, стр. 1—50; его же, *Ur de Nordiska Folkens lif*, Stockholm, 1882, стр. 1—40; его же, *Bilder från Skansen*, Stockholm, 1896; E. Lundberg, *Svensk bostad*, Stockholm, 1942, стр. 1—156; G. Ekholm, *Studier i Upplands bebyggelsehistoria*, Uppsala, 1915.

рое дополняло покоеобразный двор до замкнутого четырехугольника, было связано с улучшением обработки пашни и повышением урожайности.

В Средней Швеции планировка дворов покоеобразная. В некоторых случаях двор представляет собой площадку прямоугольной формы; по краям площадки располагаются дом и хозяйственные постройки, соединенные загородкой, а сам двор разделен на две части — чистый, перед жилой частью дома, и скотный, перед хлевом. Такие дворы распространены в Естерьёгланде, западном Вестманланде, Даларне и других областях⁴.

Для двора северной Швеции характерно множество построек, важнейшие из них составляют четырехугольник вокруг внутреннего двора. остальные расположены свободно за пределами этого четырехугольника.

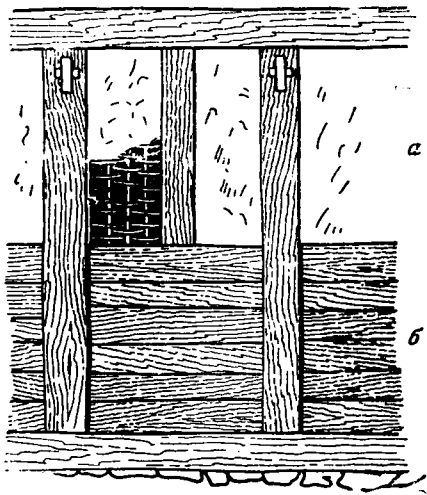

Рис. 1. Образцы клеточной (а) и каркасной (б) техники

Характерной чертой северошведского двора является то, что скот не загоняют во внутренний двор. Развитию этого типа двора, имеющего множество строений, по-видимому, способствовали следующие обстоятельства: во-первых, в северной Швеции главная отрасль хозяйства — мясо-молочное животноводство; во-вторых, здесь дольше, чем в других частях страны, население жило большими семьями; в-третьих, широкое распространение северошведского типа двора объяснялось обилием строительного материала — хвойного леса. Такие дворы распространены в Емтланде, Хэрьедалене, Норрланде, Даларне и в соседних районах Финляндии⁵.

На всей территории Швеции жилой ряд строений располагается чаще всего во дворе с южной стороны, а хлевы — с северной. Осталь-

ные постройки ставят, сообразуясь с положением дома. Из хозяйственных построек во дворе имеются гумно, хлев, сарай, кладовая, амбар, баня, клеть. Более зажиточные крестьяне имеют два гумна, несколько хлевов — для коров, лошадей, мелкого рогатого скота, свиней, птицы, несколько сараев и навесов, кузницу, помещение для работников и другие постройки. Кроме того, в некоторых старых дворах сохранился так называемый «дом с очагом» — эльдхус (eldhus), который используется как летнее жилье или кухня.

Хлева находятся чаще всего напротив жилого дома, гумна и сарай ставят перпендикулярно к нему. Выездные ворота обычно расположены в ряду хозяйственных построек и выходят на пашню и другие угодья. Колодезь копают ближе к жилой части дома и к гумну. Баню строят ближе к воде. Двор иногда выкладывают камнем — полностью или только перед хлевами.

Основным материалом для постройки жилища в Швеции служит дерево (деревянные срубные постройки прослеживаются археологически с раннего средневековья), кроме того, используются камень, кирпич, глина и другие материалы. Для сруба употребляют хвойные деревья — сосну и ель, а также и лиственные деревья — дуб, ореховое дерево, иву — в

⁴ См. работы, указанные в прим. 2 и 3.

⁵ Там же.

клеточной технике (фахверк). Мастеров приглашают редко, так как каждый шведский крестьянин умеет строить сам.

Дома теперь строят с фундаментом, но в прошлом веке часто ограничивались тем, что подкладывали под углы сруба камни. Почти на всей территории Швеции, за исключением южной части, где преобладает клеточная и каркасная техника (рис. 1), распространена срубная техника⁶.

Наиболее старые постройки сделаны из круглых бревен. Во второй половине XIX века бревна стали обтесывать с внутренней стороны дома, позднее их стали делать овальными или гранеными с обеих сторон. Пазы между бревнами конопатят мхом.

Самым старым способом соединения сруба в углах является рубка в угол. Бревна соединяются в углах друг с другом при помощи полукруг-

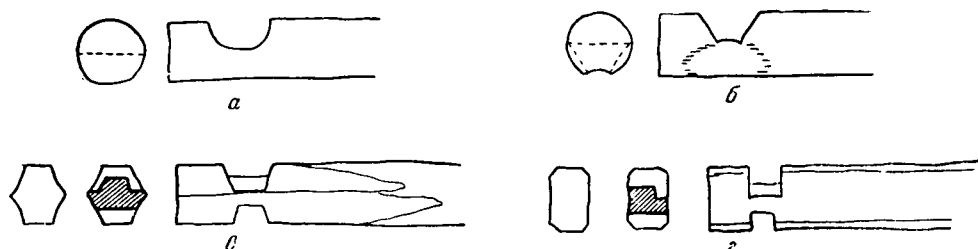

Рис. 2. Рубка углов в срубных постройках: а — соединение бревен при помощи полукруглого выреза в верхней части нижнего бревна, б — соединение бревен при помощи желобообразного выреза в верхней части бревна, в — соединение посредством двойной зарубки желобообразной формы в обоих бревнах, г — соединение посредством двойной зарубки прямоугольной формы в верхнем и нижнем бревне

лого (рис. 2, а) или желобообразного (рис. 2, б) выреза в верхней части нижнего бревна, а также посредством двойной зарубки желобообразной (рис. 2, в) или прямоугольной (рис. 2, г) формы в верхнем и нижнем бревне. Концы бревен имеют закругленную, грушевидную, четырехгранную, прямоугольную или шестигранную форму.

Способы соединения бревен в углах, обработка их концов, а также самих бревен изменялись с течением времени, и поэтому их можно использовать для датировки построек⁷.

В XX в. входят в употребление в дополнение к старым новые строительные материалы, инструменты, появляется ряд технических новшеств. Начинает шире распространяться рубка в гладкий угол и обивка досками, а также обшивка досками всей жилой части дома. Обшитые дома красили преимущественно в красный цвет, а наличники окон — в белый⁸.

Дома (стены и фронтоны) в клеточной технике построены из горизонтально положенных бревен (верхнего и нижнего) и вертикальных жердей между ними, переплетенных соломой. Сверху солома с обеих сторон обмазана глиной. Глина для прочности смешивается с нарезанной соломой. Переплетение может быть и из хвороста. Промежутки между таким

⁶ Клеточная техника, по терминологии шведских ученых, называется «korsvirke», каркасная — «skiftesverk».

⁷ «Skansen hus och gårdar»; G. Gustafsson, Skansens handbok i vården av gamla byggnader, Stockholm, 1953; N. Tengvik, Byggnadsforskningen i Sverige, № 1, Stockholm, 1945, стр. 1—114; S. Erixon, Teknik und Gemeinschaftsbildungen, стр. 75—80; G. Boëthius, Studier i den nordiska timmerbyggnadskonsten, Stockholm, 1927; G. Berg och S. Svensson, Svensk bondekultur, тл. 4; «By og Bygd arsbok», Oslo, 1960, стр. 195—157; K. Visted og H. Stugum, Vår gamle bondekultur, Bd. 1, Oslo, 1951; «By og Bygd», 1959, стр. 99—124; *By og Bygd», 1945, стр. 89; «By og Bygd», 1944, стр. 71—100; E. Lundberg, Svensk bostad, Stockholm, 1942, стр. 49—55, 156—158; E. Sundt, Byggningsskik paa Bygderne i Norge, Kristiania, 1900.

⁸ «Skansen hus och gårdar», стр. 7—75, 125—140; S. Svensson, Bygd och Yttervärld studier över förhållandet mellan nyheter och tradition, Stockholm, 1942, стр. 83—95.

переплетением могут заполняться глиной, кирпичом или другим материалом и обмазываться сверху глиной (рис. 1). Эта техника уходит своими корнями в доисторическое время. Такая конструкция характерна также для Дании и некоторых стран Западной Европы — севера Германии, севера Франции и других⁹.

В каркасной технике отделения между вертикально положенными бревнами закрыты горизонтальными планками, вложенными в желоба в стенках бревен (рис. 1), или же планки закреплены сверху свободно наколаченными рейками. Угловые столбы стоят на прочной основе — на валунах или деревянных шпалах, а в прошлые века нередко укреплялись в земле¹⁰.

В южной и средней Швеции нередко можно встретить сочетание срубной и каркасной техники, когда наружные стены дома сделаны в срубной, а перегородки и хозяйственные постройки — в каркасной технике. Это сочетание можно рассматривать как переходную форму к районам с господством срубной техники¹¹.

В средние века каркасная техника имела более широкую область распространения, но с сокращением лесов стала заменяться клеточной¹².

Для рассматриваемого периода характерна двускатная стропильная крыша. Правда, изредка в Швеции можно встретить и другие формы крыши — на самцах и на столбах. Крыши на самцах встречаются в хозяйственных постройках: банях, домах с очагом, сараях, в строениях на пастбищах, а в районах с финским населением — и в жилых домах. Крыши на столбах встречаются главным образом в сараях для молотбы. Столбы вкопаны в землю посередине, вдоль всего здания, на них укрепляют коньковую балку. Поверх коньковой балки укрепляются слези, другой конец которых лежит на верхнем венце сруба. Срединная опора из столбов подпирается врубленными в нее поперечными балками (рис. 3, а) часто с добавлением еще двух балок. В других случаях срединная коньковая балка отсутствует, и крыша держится на двух боковых колоннах из столбов, несущих прогоны (продольные балки крыши) (рис. 3, б). Обе колонны соединяются поперечной балкой. Крыша может держаться и на трех колоннах из столбов — срединной и боковых (рис. 3, в)¹³.

На юге, в районе применения клеточной техники, крыши соломенные, а на хозяйственных постройках соломенная крыша распространяется далеко в районы средней Швеции, где господствует срубная техника. Иногда и жилые дома в Средней Швеции покрыты соломой. Кроме соломенной, на юге распространена торфяная крыша, особенно на хозяйственных постройках. Встречается также и тростниковая крыша. В остальной части Швеции делают по большей части деревянные крыши — досчатые, из горбылей, покрытые жердями, щепой, а кроме того, и железные, черепичные, шиферные¹⁴.

На территории Швеции можно выделить несколько основных вариантов жилых домов, различающихся по планировке.

На юге дом чаще всего состоит из жилого помещения (*stuga*), в ко-

⁹ «Skansen hus och gårdar»; S. Srixon, *Technik und Gemeinschaftsbildungen*, стр. 24—104; G. Gustafsson, *Skansens handbok i vården*; E. Lundberg, *Svensk bostad*, стр. 156—158; S. Erixon, *Skansens kulturgeschichtliche Abteilung*; S. Svensson, *Bygd och Yttervärld studier...*, стр. 83—95; И. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Покровская, К вопросу о типах крестьянского жилища Германии, Франции и Нидерландов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. 29, М., 1958.

¹⁰ Там же.

¹¹ См. работы, указанные в прим. 9.

¹² Там же.

¹³ S. Erixon, *Technik und Gemeinschaftsbildungen*, стр. 92—108; «Skansen hus och gårdar»; G. Berg och S. Svensson, *Svensk bondekultur*, стр. 89—113; E. Lundberg, *Svensk bostad*, стр. 9—318; S. Erixon, *Skansens kulturgeschichtliche Abteilung*; G. Gustafsson, *Skansens handbok i vården*, «Fataburen», 1937, стр. 119—137.

¹⁴ Там же.

торое входят через небольшую прихожую (förstuga); кухни (sterset, kök) с очагом и духовой печью; двух кладовых (framloft, bakloft) по бокам дома и небольшой каморы, рабочей комнаты хозяина (рис. 4). Жилое помещение обогревается печью, расположенной у внутренней стены, общей с кухней. Топка находится в кухне. Около печи стоит «каминная» скамья, на которой обычно отдыхает хозяин дома. Из мебели в избе можно отметить стол, неподвижный в начале XX в., а позднее передвижной, стоящий против печи; скамьи вдоль стен, в старых домах неподвижные. Деревянные кровати бывают различного устройства — с высокими боковыми резными бортами, прочно приделан-

Рис. 3. Конструкция столбовых крыш: а — крыша держится при помощи одного ряда столбов и поперечных балок, б — крыша держится на двух рядах столбов, в — крыша опирается на три ряда столбов

ные к стене; кровати, встроенные в стену наподобие алькова и закрывающиеся занавесами; кровати-шкафы, закрывающиеся дверцами; двойные кровати и др. Стулья — с плетеными из соломы сиденьями, типичные для южной и юго-западной Швеции. Около стола стоит кресло или стул — почетное место хозяина, рядом угловой шкаф для хранения его вещей. На полу или на скамье, часто между кроватями, помещаются часы. Вдоль фронтовой стены на полках расставлена самая лучшая посуда — глиняная, оловянная и фарфоровая. Эта полка, а также наличие в некоторых домах шкафов и комодов, украшенных резьбой или яркой росписью, в известной степени свидетельствуют о состоятельности хозяина¹⁵.

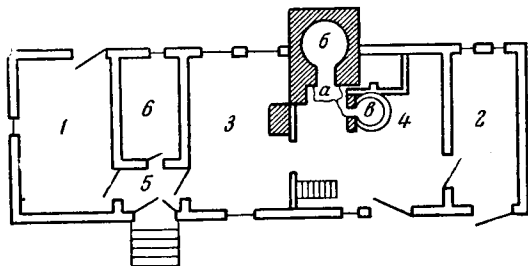

Рис. 4. План южношведского жилого дома: 1, 2 — кладовые (фрамлёфт и баклёфт), 3 — жилое помещение (стуга), 4 — кухня (sterset), 5 — прихожая (фёрстуа), 6 — камора (кámмаре), а — очаг, б — печь. в — солодосушилка и котел для хозяйственных целей

¹⁵ См. работы, указанные в примечании 2, а также S. Erixon, *Möbler och heminredning i svenska hygder*, Bd. I—II, Stockholm, 1925—26; его же, *Folklig möbelskultur i svenska bygder*, Stockholm, 1938, стр. 1—147; G. Berg och S. Svensson, *Svensk bondekultur*, стр. 114—132; «Fataburen», 1959, стр. 184—190; «Fataburen», 1939, стр. 99—122; «Fataburen», 1938, стр. 21—199; «Fataburen», 1937, стр. 217—235; E. Lundberg, *Svensk bostad*, стр. 33—36, 56—120, 121—155; «Folkkliv», 1943—44, стр. 38—55, 260—272; A. Hazelius, *Sommarbilder från Skansen*, стр. 31—33; его же, *Ur de Nordiska Folkens lif*, стр. 1—160; его же, *Bilder från Skansen, första häft*, стр. 3—8, 10 och II häft, *Sverige i bilder*, Stockholm, 1930, стр. 1—71; «Nordisk kultur», 1931, стр. 353—358.

В кухне у продольной южной стены, напротив входа находится духовая печь с очагом перед нею. Очаг используется для приготовления пищи и обогреть помещения, а печь главным образом для выпечки хлебных изделий. Мебель в кухне довольно простая. Напротив печи с очагом стоит кухонный стол, рядом с печью или около двери размещена всевозможная кухонная утварь, над дверью посудная полка, в углу часто стоит посудный шкаф и около стола стул или табуретка. У зажиточных крестьян в кухне часто помещается солодосушилка и котел для пивоварения, присоединенные к общей трубе. Здесь же находятся жернова, инвентарь для выпечки хлеба и варки пива. Кухня может несколько выступать из общей линии дома. Пол в кухне каменный, во всех других помещениях жилого дома полы дощатые, кроме прихожей, где пол также каменный или земляной¹⁶.

Кладовые используются для хранения тканых изделий, постельного белья и одежды. Все это размещено в сундуках различных размеров и форм — с дугообразной крышкой, кованных железом, на ножках и т. д., украшенных яркой росписью по передней стенке и крышке. Верхняя одежда висит на стенах на крюках. В кладовых же хранятся принадлежности для прядения и ткачества, непряденая шерсть, льноволокно и пряжа, стоят кровати, которыми пользуются в летнее время¹⁷.

Стены в жилых домах оклеены обоями и украшены картинами.

Предметы внутреннего убранства: одеяла, пологи над кроватями, скатерти, полотенца и другие вещи — представляют собой образцы художественного тканья с богатыми узорами, выполненными преимущественно красными и синими шерстяными нитками.

Из орудий труда, связанных с домашними занятиями, наиболее богато — резьбой и росписью — украшаются прялки. Прялка — «башнеобразная», близкая к русской ярославской прялке. Кружки, ковши, ложки и всевозможные гончарные изделия тоже украшены росписью или резьбой. Художественно отделаны также хомуты, вожжи, телеги, сани¹⁸.

Снаружи дом почти не декорирован.

Другой вариант дома представляет собой жилое помещение (*stuga*) с кухней и двумя кладовыми (*framloft* и *bakloft*) по бокам. Кладовые несколько выше жилого помещения. Между одной из кладовых и жильем нередко помещается прихожая (*förstuga*), идущая в ширину всего дома, что обычно в южношведских домах. В некоторых домах имеется по две прихожих, около каждой кладовой. Духовая печь и очаг расположены также у продольной стены. Внутренняя обстановка дома и назначение отдельных помещений в нем в основном такое же, как в предыдущем варианте. Такой тип дома называется южногётским (*sydgötiska*), так как он особенно часто встречается в южном Гёта-ланде.

Оба рассмотренных варианта распространены в южной и средней Швеции.

Жилой дом третьего типа состоит из двух помещений и сеней посредине; задняя часть сеней отделена как камора (*kammare*), а передняя считается прихожей. При входе в дом налево — жилое помещение (*vardagsstuga*), направо — чистое (*gäststuga*, *helgdagsstuga*). Перед сенями — крыльцо (рис. 5)¹⁹.

В жилом помещении семья проводит большую часть своего времени. Здесь находятся очаг и печь, где женщины готовят обед, тут же собираются все члены дома после работы. Очаг в старых домах, построенных в XIX в., состоит из четырехугольной каменной плиты,

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

лежащей на полу, и железного дымового колпака сверху. Над очагом подвешен котел. В XIX в. очаг в таких домах часто был без печи, а в XX в. наряду с ним появились духовая печь и плита. Очаг в прошлые века находился посередине помещения, а в рассматриваемый период его стали ставить в углу.

Место хозяина дома находится прямо против очага, стол стоит в том же углу, вдоль стен у стола — скамьи, а около входа — посудный шкаф. Наискось от входа в заднем углу стоят кровати, около них часы. Мебель выполнена в стиле рококо, широко распространенном в северной Швеции. На полках расставлены посуда и изделия из дерева, луба, бересты (коробки, кружки, сосуды и т. д.).

В избе к потолку нередко подвешена колыбель, которую мать может качать, сидя за работой. Вдоль стен стоят стулья, в прошлом веке их часто заменяли чурбаны. Стены украшаются ткаными изделиями и картинами. В чистой избе мебель более современная, городского типа.

Крыльцо дома, фронгон и карниз украшены богатой и разнообразной резьбой.

Такой дом характерен для северной Швеции. Двери в домах всех вариантов по большей части двухстворчатые, потолок и пол дощатые.

В конце XIX и в XX веке стали строить и двухэтажные дома, и дома с мезонином²⁰.

Развитие жилого дома определялось главным образом имущественным положением его владельца и в основном сводилось к увеличению числа помещений и их дифференциации, к замене одного строительного материала другим, к улучшению качества наружной и внутренней отделки дома²¹.

Из хозяйственных построек следует отметить те, которые, за немногими исключениями, всегда обязательны на усадьбе.

Гумно (loge) состоит из трех частей: помещения для молотбы и очистки зерна в середине и по бокам двух сараев для снопов, соломы и необходимого инвентаря. Собственно гумно имеет твердый пол из спрессованной глины, в сараях пол земляной. Въезд находится на продольной стороне строения. В стене напротив ворот имеются люки, которые открываются во время очистки зерна и дают необходимый приток сквозного воздуха и свет при работе. Иногда пустующее гумно используется как помещение для телег.

В прошлом веке гумно в северной Швеции было проще по устройству, состояло из площадки для молотбы и сарая. Но позднее здесь, как и на юге, распространилось парное гумно.

Хлев (fähus, stall) — срубная или клеточная постройка с каменным или земляным полом без печи, почти всегда имеет потолок, на который накладывают сено для тепла. На стенах между стойлами развешен необходимый инвентарь для уборки. Хлева имеют двери как во двор,

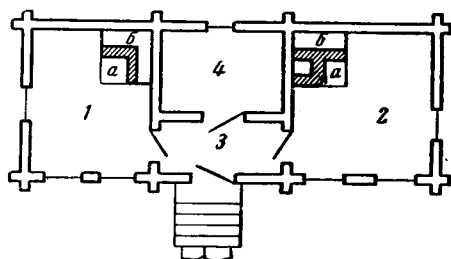

Рис. 5. План северошведского жилого дома: 1 — жилое помещение (вардагстуга), 2 — чистое помещение (гэстстуга), 3 — прихожая (фёрстуга), 4 — камора (кámмаре), а — очаг, б — печь

²⁰ См. работы, указанные в прим. 15, а также «Nordiska Museets Handlingar», 15, стр. 83—95; «Skansen hus och gårdar», стр. 125—140, 225—228.

²¹ Там же, см. также «Skansen hus och gårdar», стр. 76—82; E. L u n d b e r g, Svensk bostad, стр. 298—305.

так и на пашню. Рядом с хлебом, вплотную к нему или через небольшой промежуток, располагается сарай (*lada*) для хранения сена и фуража. Он в отличие от хлева имеет дощатый пол для предохранения кормов от гниения²².

Интересной архитектурной особенностью двора в Швеции является двухэтажная клеть — лёфт (*loft*) и амбар на столбах (*bur, stabbur, stolpbod*). Обе постройки довольно монументальны и украшены резьбой. Нижний этаж лёфта используется для хранения припасов, а верхний — для тканых изделий, одежды, орудий ткачества и другого имущества, а также как летняя спальня. Иногда на втором этаже хранят и зерно, если во дворе отсутствует амбар²³.

Амбар представляет собой деревянный сруб, поднятый от земли на столбах, примерно на 0,6—0,7 м. Пространство между столбами остается открытым, чтобы не задерживать циркуляции воздуха и предохранить тем самым от плесени хранящееся в амбаре зерно. На верхнем этаже хранят зерно, а на нижнем — другие съестные припасы. Верхний этаж амбара используется также молодежью как летняя спальня. На верхний этаж проходят через внутреннюю лестницу. Часто такие амбары имеют снаружи приставные лестницы²⁴. Нередко функции амбара и клетки выполняет на дворе лишь лёфт.

Амбары на столбах распространены также в Норвегии, Финляндии, на севере России, в альпийских странах и во многих других местах²⁵.

Непременная постройка на усадьбе — баня (*badstuga*). Она состоит обычно из самой бани и сеней на фронтовой стороне. Посредине бани находится каменная печь без трубы.

В некоторых старых дворах, преимущественно в северной Швеции, сохраняется «дом с очагом» (*eldhus*) как летнее жилье или кухня для приготовления корма скоту, он встречается также на летних пастбищах как временное жилье для пастухов. «Дом с очагом» представляет собой грубое срубное здание с дверью в фронтовой стене. Продольные стороны дома несколько выступают вперед и образуют сени. Посредине пола расположен очаг из камней, над которым висит котел на крюке, укрепленном на поперечной жерди. Труба отсутствует, и дым выходит через дымовое отверстие в потолке. Вдоль стен расположены неподвижные лавки для сиденья и спанья, используемые также как стол. Окон нет, и вместо них дом имеет в стене узкие отверстия²⁶.

Следует отметить некоторые пастбищные постройки, своеобразной конструкции.

Срубный сарай для сена, встречающийся в областях Норрботен и Норрланд, имеет расширяющуюся кверху форму, которая дает возможность предохранить сено от сырости и частично сено от спрессовывания, так как оно зимой тоже лежит в сарае. Такие сараи встречаются и в Финляндии²⁷.

Интересны овчарни на пастбищах на островах — Готланде, Форе и других. Это двухэтажная постройка. Нижний этаж низкий, с земляным полом, второй представляет собой высокий и просторный чердак, используемый для хранения кормов. На чердак поднимаются по лестнице

²² «*Fataburen*», 1940, стр. 149—159; «*Folk-liv*», Bd. XVI, Stockholms, 1953, стр. 74—89, см. также работы, указанные в примеч. 2.

²³ Там же, см. также S. Erixon, *Folkling Möbelskultur i svenska bygder*, стр. 17—50.

²⁴ Там же, см. также «*Fataburen*», 1937, стр. 121—125; K. Visted og H. Stigum, *Vår gamle bondekultur*.

²⁵ Там же, см. также «*Friluftsmuseet på Norsk folkemuseum*», Oslo, 1925; И. Н. Гроздова, Н. М. Листова, Л. В. Покровская. Указ. раб.; Л. М. Лебедева, Материальная культура Псковско-Новгородской области, М., 1928—1929. Рукопись хранится в Литературном музее; Н. В. Шлыгина, Эстонское крестьянское жилище, канд. дисс., М., 1953.

²⁶ См. работы, указанные в прим. 2.

²⁷ Там же.

через отверстие с дверцей с наружной стороны. Крыша покрыта болотной травой²⁸.

Во дворах зажиточных крестьян имеются, кроме того, такие постройки, как кузница, валяльная, мастерская для обработки льна, отдельная сушилка для солода, пивоварня, мельница — водяная или ветряная²⁹.

Почти на каждом дворе имеется колодец. Его облицовывают камнем или деревянным срубом. Каменные колодцы обычно круглые в плане, покрыты плитой с отверстием. Воду из колодца чаще всего достают при помощи журавля или ворота.

Дворы в Швеции всегда обнесены деревянными или каменными (из валунов) изгородями. Деревянные заборы встречаются различного устройства: из вертикальных, горизонтальных и наклонных жердей и досок. Делают также и плетни. В заборах оставляют места, где жерди не закрепляются, и их отодвигают, когда нужно пройти или проехать. Делают также калитки и двустворчатые ворота. Их сбивают из жердей, планок или досок.

Жилище менее зажиточных крестьян может быть в плане такое же, как у состоятельных, только меньших размеров или более простое по устройству. Это однокамерная или двухкамерная постройка, с жилой частью и сенями, деревянная или из камня, покрытая дерном; одну стену ее нередко составляет склон холма. Освещается жилище через отверстие в крыше. Очаг находится у задней стены или в углу и занимает нередко четверть помещения. Пол земляной. Обстановку составляют: кровать, стол, скамья, а также ларь, угловой шкаф, несколько табуреток, доска для кухонной утвари и иногда часы. Эта довольно примитивная форма жилища широко распространена в южной Швеции. Большое количество каменных построек появилось во второй половине XIX в., особенно в 70-х годах, в связи с обезземеливанием и обеднением крестьян. Сооружение подобных построек связано также с значительным удорожанием деревянного материала для строительства и с недостатком дерева. Камень как строительный материал играл в южной Швеции значительную роль, особенно в XIX в. Хозяйственные постройки — хлев, сарай и иногда гумно — строятся вместе с жильем или на некотором расстоянии от него³⁰.

Несколько обособленное место занимают оставшиеся от XIX в. крестьянские дворы в области Вермлянд. Двор состоит из избы — *pörte* (*pörte*), в прошлом курной, кухни, кладовой, сарая и «черной» бани — *räckstugor*, которая построена из толстых бревен, с крышей из горбылей. Баня использовалась также как жилье и снопосушильня. Такая баня состояла из одной комнаты со входом во фронтонной стене, с несколькими волоковыми оконцами и с курной печью, которой пользовались для отопления, выпечки хлеба и приготовления пищи; это наблюдалось, как известно, и в Восточной Европе³¹.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ S. Erixon, «Skansen hus och gårdar», стр. 55—56, 61—75; E. Lundberg, *Svensk bostad*, стр. 56—79; «Folkliv», 1944, стр. 48; A. Hazelius, *Minnen från Nordiska Museet*, Stockholm, 1882, стр. 10, 27—28; его же, *Vinterbilder från Skansen*, его же, *Bilder från Skansen*; «Agricultural policy in Scandinavian Countries, International Labour Review», 1960, т. LXXI, № 1, January, стр. 26—27; S. Erixon, *Svenska gårdstyper*; Э. Д. Жибickaя, Швеция, М., 1954, стр. 170—206.

³¹ «Путеводитель для посетителей музея на острове Сеурасаари», Хельсинки, 1946; Н. В. Шлыгина, Эстонское крестьянское жилище, стр. 31—100; Л. М. Лебедева, Указ. раб.; Г. И. Гозина, Жилище и хозяйственные строения Восточной Литвы, канд. дисс., М., 1952, стр. 4—117; Н. Харузин, Очерк развития жилища у финнов, СПб., 1895; «Skansen hus och gårdar», стр. 67—75; N. Lid og S. Solheim, (изд.), *Ord og Sed*, IV, стр. 84—86; N. Keyland, *Folkliv i Varmlands finnmarken*, Sthockholm, 1954; A. Hämäläinen, *Bostads — och buggnadsskick hos skogstinnorna i Mellan — Skandinavian*, 23, Stockholm, 1945.

Обстановка очень простая: кровать, стол, неподвижные скамьи. Изба по плану такая же, как «черная» баня.

Очевидно, этот тип двора появился в Швеции в связи с переселением финнов в XVI в. из областей средней Финляндии, так как там он существовал уже раньше. Термины также финские. Но это нуждается, несомненно, в дальнейшем исследовании, которое может дать интересные сведения о старых связях шведов с народами Восточной Европы и Финляндии и о взаимном культурном влиянии.

Из других построек, отличающихся от шведских, встречается в среднем и северном Емтланде и частично в соседних районах Онгерманланда коническая кухня. Она бытует и у оседлого земледельческого населения Лапландии, особенно в южной части. В качестве летней кухни этот тип постройки существует у финнов. Ее можно встретить в некоторых местах в области Даларне, особенно в тех приходах, где поселились финны.

Коническая кухня распространена у эстонцев, а в прошлом веке встречалась также у латышей и у населения Псковской области³².

* * *

Традиционные формы жилища в настоящее время сохраняет среднее по зажиточности крестьянство. Однако в жилище и этой группы крестьян происходят некоторые изменения: строят дома в два этажа или с мезонином, дифференцируются помещения, меняется внутренняя и внешняя отделка дома, появляется мебель городского типа.

SUMMARY

The aim of the author is to give the reader a general idea of the types of courtyards, dwellings and outhouses of the Swedish peasants in 1900-1940, as well as of the appointments, decoration, purpose and actual use of the premises.

Considered in the article are mostly the dwellings of the well-to-do peasants, who were able to preserve the folk traditions more fully.

It is the intention of the author to give a more comprehensive treatment to the above questions in the course of further investigations.

³² Там же; см. также S. Erixon, Skansens kulturgeschichtliche Abteilung, стр. 4—14; «Государственный музей крестьянского быта Латвии XVII—XIX вв.», Рига, 1958; A. Hazelius, Bilder från Skansen; S. Erixon, Sommarbilder från Skansen, Stockholm, 1924; его же, Vinterbilder från Skansen, Stockholm, 1934.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Ю. А. РАПОПОРТ

ХОРЕЗМИЙСКИЕ АСТОДАНЫ (К истории религии Хорезма)¹

Изучение древних погребальных комплексов имеет для археологии и палеоэтнографии большое значение. Получаемый при этом материал нередко помогает решить важные вопросы экономической и политической истории, многие этногенетические и историко-культурные проблемы. Очевидна роль погребальной обрядности для изучения истории религии.

В дискуссиях о месте и времени сложения зороастризма — одной из мировых религий древности, оказавшей серьезное влияние на буддизм, христианство и ислам, многие авторы привлекают данные о погребальном ритуале, причем иногда рассматривают их как важнейшие аргументы в своих построениях².

Уже давно было высказано мнение, что с зороастризмом связан характерный для Средней Азии обряд, согласно которому очищенные от мягких тканей кости умерших помещались в небольшие гробики-астоданы, или, как их иначе называют, оссуарии³. Связь эта остается доказанной и сейчас, хотя становится очевидным, что оссуарии не были широко распространены в ряде областей, где зороастрийская религия безусловно господствовала⁴. Более того, можно полагать, что для зороастризма, если под ним понимать религию Авесты в целом, а не только каноническую религию сасанидского Ирана, выставление трупов

¹ Ряд положений настоящей статьи был доложен на XXV Международном конгрессе востоковедов. См.: Ю. А. Рапопорт, Некоторые вопросы сложения зороастрийской погребальной обрядности, XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.

² Н. Nyberg, Questions de cosmogonie et de cosmologie Mazdéens, «Journal Asiatique», CCXIX. juillet-septembre, 1931, стр. 17, сл.; его же, Die Religionen des Alter. Iran. Leipzig, 1938, стр. 310, 321—322, 363; E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, London, 1935, стр. 31—40; его же, Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, стр. 205—220; его же, Zoroaster and his World, т. II, Princeton, 1947, стр. 746—749; ср. W. B. Henning, Zoroaster, politician of witch-doctor?, London, 1951, стр. 21—24.

³ J. J. Modi, Astôdân or a Persian coffin, Bombay, 1889; L. C. Casartelli, Astodan and the Avestic funeral prescriptions, «The Babylon and Oriental Record», т. IV, 1889—1890; К. А. Иностранцев, О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, «Журнал Министерства народного просвещения», нов. серия, СПб., XX, 1909, № 3.

⁴ R. Chirshman, Iran from the earliest times to the Islamic conquest, London, 1954, стр. 332.

Однако нельзя на этом основании считать оссуарный обряд не зороастрийским. Известное многообразие форм погребения сохраняется при господстве самых догматических религий. В частности, даже для Фарса кануна исламизации источники называют ряд

на съедение хищным птицам и животным не всегда и не везде было единственно допустимым погребальным ритуалом. Подобно тому, как на протяжении многих веков складывалась из многих элементов зороастрийская религия, на основе разных ритуалов постепенно формировалась, видимо, и ее погребальная обрядность.

Некоторые вопросы, связанные с возникновением и развитием оссуарного обряда, мы попытаемся осветить на материалах Хорезмской экспедиции АН СССР, возглавляемой С. П. Толстовым. Результаты работ последних лет позволяют считать, что Хорезм был тем центром, откуда началось широкое распространение этого обряда в первых веках нашей эры⁵. В то же время Хорезм прочно входит в круг авестийской географии и, по мнению ряда исследователей, является древнейшим центром сложения зороастрийской религии. Таким образом, археологические материалы, относящиеся к погребальным культам Хорезма, могут быть полезны для изучения истории религии Средней Азии и зороастризма в целом.

В пределах Хорезма за многие годы широких исследований не было открыто ни одного погребального комплекса, относящегося ко времени существования здесь рабовладельческого и раннефеодального государства (VI в. до н. э.—VIII в. н. э.) и связанного с трупоположением. Между тем уже при первых разведках на соседней территории низовьев Сыр-Дарьи такие комплексы были обнаружены в большом числе⁶. Поэтому можно считать, что погребение трупов в Хорезме в указанное время сколько-нибудь широко не практиковалось.

Древнейшим памятником, где сохранились погребальные сооружения интересующего нас времени, является расположенное в левобережном Хорезме городище VI—V вв. до н. э.—Кызели-гыр⁷. В центре крепости находятся три массивные, квадратные в плане постройки, внутри которых были заключены небольшие камеры. Захоронения здесь обнаружены не были, однако расположение сооружений, их конструкция и сходство с некоторыми сакскими мавзолеями, открытыми недавно в древней дельте Сыр-Дарьи, позволяют утверждать, что это были погребальные постройки. Следует подчеркнуть, что крайне незначительные размеры камер не оставляют сомнения в том, что предназначаться для трупоположения они не могли.

В правобережном Хорезме при раскопках городища Кой-Крылганкала, мавзолея-храма, центра династического погребального культа⁸, а также в его окрестностях были обнаружены фрагменты керамических масок и пустотелых керамических скульптур⁹. Две такие скульптуры были найдены в развалинах небольшой усадьбы (точка 13/70) вместе с инвентарем, относящимся к IV—III вв. до н. э.¹⁰. Одна из

способов захоронения (ср. E. Herzfeld, Указ. раб., стр. 748). Можно отметить некоторые несоответствия между детальнейшими предписаниями Видевдата и обрядностью, связанной с применением оссуариев. Однако сами эти предписания, как справедливо указывает Хеннинг, нередко были фиктивными и часто не отражали реального положения, не считая, правда, умонастроения их авторов (ср. W. В. Henning, Указ. раб., стр. 18).

⁵ К подобному выводу приходит Б. Я. Ставиский, автор работы, в которой сведены данные о находках оссуариев в Средней Азии по 1953 год. См. Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 37, М.—Л., 1953, стр. 95.

⁶ С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, «Сов. этнография», 1961, № 4, стр. 131, сл.

⁷ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 143—153.

⁸ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., «Сов. археология», 1958, № 1, стр. 121—123.

⁹ Ю. А. Рапопорт, К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXX, М., 1958, стр. 54—65.

¹⁰ Радиоуглеродный анализ, проведенный в Ин-те геохимии и аналитической химии АН СССР им. В. И. Вернадского, датировал этот комплекс рубежом III и II вв. до н. э.

скульптур изображает стоящую женщину (рис. 1). Голова статуи, лицевая часть которой, к сожалению, сильно разрушена, была моделирована с большой тщательностью. Совершенно в иной манере выполнен корпус, от которого верхняя часть скульптуры была отрезана до об-

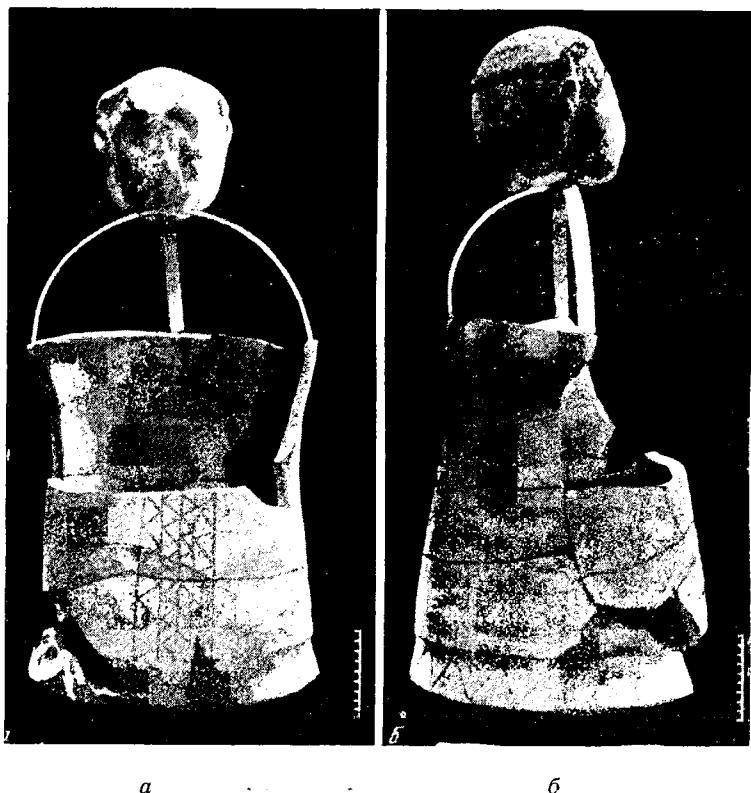

Рис. 1. Погребальный сосуд, найденный близ Кой-Крылган-кала.
а — вид спереди; б — вид сбоку

жиги по уровню плечей. Это по сути дела сосуд, сформованный на круге, причем сосуд, сохранивший форму архаических хумчей, характерных для Хорезма и других районов Средней Азии в VI—V вв. до н. э. Однако на поверхности его невысоким рельефом и нарезкой были переданы руки и детали одежды.

Более сложна вторая статуя, изображавшая сидящего мужчину (рис. 2). Основанием статуи также является своеобразной формы сосуд, сделанный на круге, однако он рассматривался как кресло (типа *sella curulis*), на котором восседает статуя. Срезом, проходящим чуть ниже пояса, верхняя часть фигуры была отделена еще до обжига. Изображен короткий кафтан, запахнутый на левую сторону. По бортам, подолу и обшлагам нешироким налепом с насечкой обозначена оторочка, очевидно меховая. Руки скульптуры прилеплены таким образом, что изображенный персонаж сидит подбоченясь, в довольно нелепой позе. Последняя объясняется, очевидно, как тем, что перед нами первая, еще робкая попытка отделить от корпуса руки, ранее передававшиеся только рельефом, так и тем, что они служили ручками, за которые брались, перемещая верхнюю часть фигуры (фактически крышку сосуда). Голова статуи была сделана путем наложения на глиняную основу деталей головного убора и лица¹¹.

¹¹ Найденные детали — глаз, нос, губы, щека с частью бороды и ухо — позволили с достаточной, видимо, точностью реконструировать лицо. Автор благодарен М. М. Гера-

Таковы древнейшие погребальные скульптуры, которые, как мы увидим, весьма близки более поздним статуарным оссуариям. Однако они не были костехранилищами, оссуариями в прямом смысле этого слова. Среди обломков этих погребальных сосудов найдены древесные угольки и мелкие обломки пережженных человеческих костей. Таким

Рис. 2. Погребальный сосуд, найденный близ Кой-Крылган-кала: а — вид спереди; б — вид сбоку

образом, имеются все основания считать, что обнаружены следы трупосожжения и что керамические пустотелые скульптуры служили урнами.

Естественным представляется наличие в нашей серии наряду с антропоморфными сосудами также и масок (рис. 3). Весьма вероятно, что сочетание маски и сосуда, куда собирали пепел, и было началом эволюции от урны-сосуда¹² к статуе-урне. Именно так шло развитие погребальных сосудов у этрусков, где сначала маску привешивали к сосудам, затем горло сосуда превратилось в голову, а на тулове стали

символу за ценные советы, полученные при работе над реконструкцией как рассматриваемого, так и других статуарных оссуариев. Отсутствие фрагментов, изображающих прическу, заставило при реконструкции оставить затылок открытым, что, разумеется, вряд ли соответствует первоначальному виду. Можно полагать, что верна реконструкция головного убора, в основе которого лежит массивная диадема. Интересна деталь венца, изображающая ухо животного, вероятно, лошади. Этот фрагмент и налпы в виде ног копытного животного (ножки трона) привели нас вначале к ошибочному мнению, что найдена статуя всадника, подобная характерным для Хорезма более позднего времени (ср. Ю. А. Рапопорт, Указ. раб., стр. 56).

¹² Можно думать, что для установки погребальных сосудов, еще не отличавшихся от бытовых хумчей, предназначались небольшие камеры упомянутых выше погребальных построек на Кюзели-гире.

обозначать детали тела и одежду и, наконец, появилось изображение целой человеческой фигуры¹³.

Как в правобережном, так и в левобережном Хорезме были обнаружены погребальные скульптуры, основания которых (сформованный на круге сосуд, передняя часть которого упрощена) свидетельствуют о намечающемся переходе к ящичкам-сидениям прямоугольных очертаний, характерным для статуарных оссуариев. Последние распространены в позднекангюйское время (II в. до н. э.—I в. н. э.), найдены на многих памятниках и довольно однотипны. Так, на Кой-Крылган-кале обнаружены обломки примерно десятка оссуариев, которые, отличаясь размерами, передают, несомненно, один и тот же образ. Поэтому мы ограничимся описанием одного оссуария, реконструированного почти полностью (рис. 4).

Рис. 3. Керамическая маска. Кой-Крылган-кала

Изображена сидящая молодая женщина, одетая в платье, широкий подол которого как бы раскинут по сидению-ящику. Поверх платья неясно обозначена еще какая-то одежда, возможно, широкий длинный шарф. Предполагалась, очевидно, дальнейшая проработка деталей росписью по алебастровой подгрунтовке, следы которой сохранил оссуарий. Левая рука была согнута в локте таким образом, что предплечье должно было почти касаться корпуса несколько ниже груди. Правая рука не сохранилась; несколько нарушающий общую статичность поворот корпуса позволяет полагать, что она была протянута вперед. Фигура изображена очень широкобедрой; узкие длинные ступни приходятся выше дна ящика-основания. Керамическая скульптура дополнялась металлическими, очевидно, серьгами, для которых сделаны проколы в ушах; не исключено, что какие-то изготовленные отдельно атрибуты вкладывались в руки статуи. Верхняя часть фигуры отделена срезом, начинающимся на уровне поясницы, а впереди проходящим по коленям.

Итак, рассмотрение погребальных урн и статуарных оссуариев не оставляет сомнения в том, что они взаимосвязаны, что эти (применяя традиционный археологический термин) лицевые урны послужили непосредственным прототипом оссуариев. Однако это лишь одна сторона вопроса. Остается неясным, каким образом обряд захоронения пепла в урнах мог смениться захоронением костей в оссуариях, пусть весьма близких урнам по форме.

Согласно свидетельству античных и китайских авторов, среди восточноиранских племен было распространено выставление трупов на съедение животным и птицам¹⁴. Тот же обычай практиковали маги¹⁵,

¹³ Л. Нидерле, *Человечество в доисторические времена*, СПб., 1898, стр. 366. Эта аналогия приводится в данном случае как формальная. Вопрос о том, может ли существовать какая-то историческая причина для несомненного внешнего сходства этрусских и хорезмийских пеплохранилищ, требует специального изучения (ср. С. П. Толстов, *Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.*, стр. 122).

¹⁴ См. о массагетах — Страбон, XI, 8, 6; о бактрийцах — Страбон, XI, 11, 3; о каспиях — Страбон XI, 11, 9, Порфирий, *О воздержании от мясной пищи*, IV, 21. Евсевий, *Евангельское приуготовление*, I, 4, 7 и др.; о гирканцах — Цицерон, *Тускуляanske беседы*, I, 45, Силий Италик, *Пуническая война*, XIII, 482—487 и др.; об оритах — Диодор, XVII, 105; о парфиях — Юстин, XLI, 3, 5; о Согде — свидетельство Вэй-цзе («Сборник Трудов Орхонской экспедиции», т. VI, СПб., 1903, стр. 133; К. А. Иностранцев, *Указ. раб.*, стр. 114).

¹⁵ Геродот, I, 140.

которые заимствовали его, как полагают, у своих восточных соседей¹⁶. Выставление трупов предписывает Авеста¹⁷. Однако в источниках нет данных об употреблении оссуариев: упоминаемое в Видевдате сооружение *uzdāna*, которое сопоставляют с более поздними астодами, вряд ли напоминало, насколько можно судить по скупой характеристике, керамические оссуарии. Последние встречены почти исключительно в Средней Азии и в основной массе датируются не ранее чем IV в. н. э. Следовательно, отмеченный уже в V—IV вв. до н. э. обычай выставления трупов, видимо, длительное время не сопровождался захоронением костей в оссуариях.

Рис. 4. Статуарный оссуарий, Кой-Крылган-кала: а — вид спереди; б — вид сбоку

В той же этнической среде, что и выставление трупов, как это мы показали пока на примере Хорезма, существовало трупосожжение, которое весьма рано привело к появлению лицевых урн.

Естественно возникает предположение, что оссуарный обряд мог возникнуть как контаминация выставления трупов и кремации¹⁸. Для того, чтобы эта гипотеза могла считаться правомерной, следует подтвердить достаточно широкое распространение трупосожжения на территории Средней Азии. Данные об этом можно найти в китайских и западных источниках середины I тысячелетия н. э., однако для этого времени не исключено влияние тюркского мира¹⁹, где кремация достаточно

¹⁶ И. М. Дьяконов, *История Мидии*, М.—Л., 1956, стр. 403.

¹⁷ «Sacred Books of the East» (далее SBE), IV, *The Zend-Avesta*, P. I, *Vendidad*, Oxford, 1880, стр. 52—53, 73.

¹⁸ С. П. Толстов, *Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг.*, стр. 122; Ю. А. Рапопорт, *Указ. раб.*, стр. 62.

¹⁹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М.—Л., 1950, стр. 272, 282; Аммиан Марцеллин, XIX, 1—2.

известна. Более ранние античные авторы о кремации в интересующих нас районах не упоминают, возможно, и по той причине, что этот обряд не казался им сколько-нибудь примечательным. Однако археологически помимо Хорезма²⁰ трупосожжение зафиксировано в районе Бухары²¹ (для IV—III вв. до н. э.), Ашхабада²² и в низовьях Сыр-Дарьи, где оно отмечено в погребальных комплексах VIII—II вв. до н. э.²³

Таким образом, хронологические и территориальные границы интересующего нас обряда достаточно широки.

Весьма интересно, что и в самой Авесте можно найти данные о трупосожжении. Прежде всего термин «дахма», т. е. по Видевдату то место, где трупы выставлялись на съедение птицам и животным, первоначально обозначало «место сожжения», «погребальный огонь»²⁴. В этом мнении единодушны, в частности, Х. Нюберг и Э. Херцфельд, весьма по-разному подходившие к проблемам зороастризма²⁵. Неоднократно устанавливаемое жестокое наказание за сожжение трупа, конкретные указания, как вести себя при встрече с этим обрядом, свидетельствуют о том, что вопросы эти оставались актуальными для авторов Видевдата²⁶.

В первом фаргарде Видевдата упоминается целая область, где производится сожжение трупов²⁷. Обращает внимание, что только она наряду с Маргианой охарактеризована как верующая в Арту, т. е. олицетворение религиозной праведности зороастризма²⁸.

Таким образом, если принять наиболее распространенную сейчас датировку I фаргарда, во II в. до н. э. существовала зороастрийская страна, где еще практиковалось сожжение трупов. Область эта названа Чахра (Сахга), локализовать ее сколько-нибудь удовлетворительно не удалось.

В Хивинской хронике Баяни центральный горный массив Хорезма (сейчас именуемый Султан-Уиздаг) назван Чагра (کوه چغرا)²⁹. Я. Г. Гулямов справедливо считает, что это древнехорезмийское наименование хребта³⁰. Совпадение хорезмийского географического названия с авестийским очевидно. Некоторые дополнительные соображения заставляют отнестись к этому особенно внимательно. Во-первых, как сказано, трупосожжение именно близ Султан-Уиздага отмечено археологически. Во-вторых, интересен сам термин «Сахга» — «круг», «колесо»³¹.

О том, что этим может быть отмечен какой-то конкретный планировочный момент, свидетельствует упоминание в следующем же стихе Ви-

²⁰ Можно полагать, что кремация практиковалась и в левобережном Хорезме. См.: Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр в 1958 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6 (в печати).

²¹ Я. Г. Гулямов, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1956, стр. 160.

²² При раскопках А. В. Комарова близ Анзу, о которых было доложено 25 февраля 1888 г. в Восточном отделении русского археологического общества (см. газ. «Новости» № 62 и 65 за 1888 г.). Ср. К. А. Иностранцев, Указ. раб., стр. 110.

²³ С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, стр. 135—136; его же, По древним дельтам Океа и Яксарта, в печати, стр. 201—203.

²⁴ W. Geiger, Ostiranische Kultur in Altertum, Erlangen, 1882, стр. 268; Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, стлб. 675—676; E. Vennist, The Persian Religion, Paris, 1929, стр. 32.

²⁵ H. Nyberg, Указ. раб., стр. 322; E. Herzfeld, Указ. раб., стр. 748—749.

²⁶ SBE, т. IV, стр. 110—112.

²⁷ SBE, т. IV, стр. 8—9.

²⁸ Ср. В. В. Струве, Восстание в Маргиане при Дарии I, «Вестник древней истории», 1949, № 2, стр. 17.

²⁹ Шаджара-йи Хорезмшахи, рукопись, Ин-т востоковедения АН УзССР, № 9596, лист, 175а.

³⁰ Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, Ташкент, 1957, стр. 22. О тех же хорезмийских горах упоминают некоторые средневековые авторы. Однако локализация гор Чагра у Баяни наиболее конкретна.

³¹ Chr. Bartholomae, Указ. раб., стлб. 576, В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, М.—Л., 1958, стр. 287—288.

девдата местности, охарактеризованной как «Вагепа с четырьмя углами»³². В этой связи следует вспомнить чрезвычайно напоминающую колесо (рис. 5) планировку важнейшего культового сооружения, расположенного в центре оазиса, ограниченного хребтом, который еще совсем недавно именовался Чагра. Я имею в виду развалины Кой-Крылган-кала, которые в течение семи лет были основным объектом раскопок Хорезмской экспедиции³³.

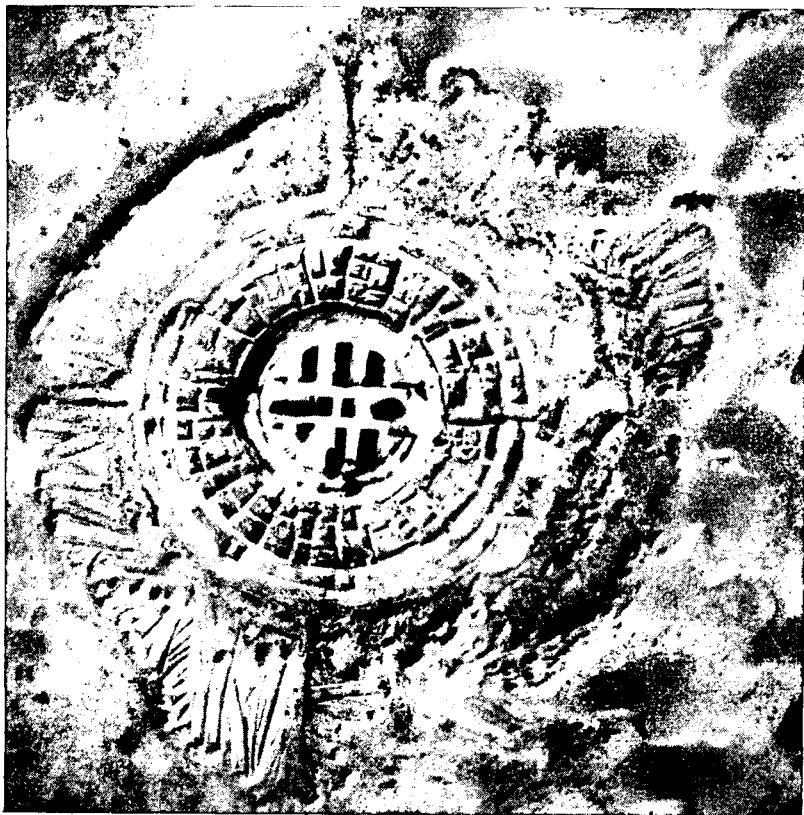

Рис. 5. Кой-Крылган-кала. Снимок с самолета после раскопок

Как было упомянуто, время перехода от урн к астодам, видимо, приходится в Хорезме на II в. до н. э. Вероятно, этот процесс не случайно совпадает со сложением ряда текстов, вошедших в Видевдат, кодифицированный при Аршакидах. Видимо, к этому времени и относится возведение одного из обычаев, практиковавшихся в зороастрийской среде — выставления тел умерших, в степень догматического предписания. Тогда же, можно полагать, распространилось и «теоретическое» обоснование этого обряда: представление об осквернении стихий огня, земли и воды нечистой трупом³⁴.

³² SBE, т. IV, стр. 9.

³³ С. П. Толстов, Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала, «Вестник древней истории», 1953, № 1, стр. 160—174; е го же, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 117—135.

³⁴ Трудно предполагать, что этот весьма сложный комплекс представлений и чрезвычайно обременительный ритуал, с ним связанный, были изначальными. По мнению Херцфельда (Указ. раб., стр. 748), терминология древнейших Яштов свидетельствует о погребении в могилах; Видевдат использует термины, связанные с кремацией. Скорее всего обычай выставления трупов, также весьма древний, имел в основе какие-то иные, более свойственные ранним верованиям представления. Кажется возможным такое

Нужно полагать, что настойчивое осуждение непрощаемого греха трупосожжения, пронизывающее Видевдат, сыграло свою роль в Хорезме. Кремация была вытеснена выставлением трупов, несомненно распространенным среди родственных и соседних с хорезмийцами племен и, вероятно, среди некоторых групп хорезмийского населения. Керамические погребальные сосуды-статуи были сохранены, превратившись из пеплохранилищ в костехранилища, оссуарии.

Попытаемся в свете сказанного выше рассмотреть вопрос, кого изображают хорезмийские погребальные статуи. Первоначально нам казалось, что они передают облик того умершего, останки которого помещались внутри³⁵. Было предположено, что статуи служили предметом поклонения в ритуале, связанном с культом предков, который для средневекового Хорезма отмечен Бируни. Теперь ряд соображений заставляет нас дополнить эту трактовку.

Прежде всего подчеркнем еще раз однотипность статуарных оссуариев, которая по мере накопления материала становится все более очевидной. Так, все женские изображения передают сходный, лишенный индивидуальных черт облик молодой женщины, сидящей в статичной, торжественной позе. Иногда на скромных керамических оссуариях, оссуариях отнюдь не царских, изображаются ножки тронов, делаются приспособления для установки маленьких балдахин.

Совершенно очевидна близость погребальных скульптур и ряда статуэток, которые считать портретными не приходится и которые, по общему мнению, изображают богов. Все это заставляет предположить, что и статуарные оссуарии передают облик каких-то божеств.

Наиболее вероятной нам представляется следующая трактовка: скульптура рассматривалась как изображение умершего, воплощенного в облике хтонического божества. Сходная традиция была широко распространена в Средиземноморье и на Боспоре³⁶. Если это предположение правильно, можно считать вероятным, что женские статуарные оссуарии изображают умерших в образе Ардвисуры Анахиты. Подобная трактовка хорезмийских терракот была предложена С. П. Толстовым³⁷. Действительно, именно эта великая богиня зороастрийского пантеона олицетворяла плодородие земли и благодатные воды Аму-Дарьи — основы жизни земледельческого Хорезма. Имя ее было известно в Хорезме и во времена Бируни³⁸.

Если обратиться к иконографии этой богини, то можно отметить, что древнейшие изображения ее на ахеменидских печатях передают образ величественно сидящей на троне женщины, весьма близкий тому, который мы видим на статуарных оссуариях³⁹.

Приведем еще один довод в пользу предлагаемой трактовки. Несколько забегаая вперед, отметим, что в первых веках нашей эры в Хорезме изготовлялись оссуарии, на крышках которых изображался парящий

предположение: трупы выставлялись для съедания животным-тотемам, в теле которых в результате этого должна была воплотиться душа умершего. Подобные представления и ритуал этнографической науке известны (E. Bendall, *Death Customs. An Analytical Study of Burial Rites*, London, 1930, стр. 206—207, 220). Для прикарпатских областей — одного из центров обряда выбрасывания трупов, где мертвым собакам воздавали равные с людьми почести (Валерий Флакк, *АргонAUTика*, VI, 105), в частности для Гиркании — «страны волков», такое осмысление обряда не исключено. Добавим, что в Видевдате можно найти указание не только на почитание собаки, но и на ее тотемистическую сущность.

³⁵ Ю. А. Рапопорт, *Указ. раб.*, стр. 62—63.

³⁶ М. И. Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб., 1914, стр. 59, 79; М. И. Артамонов, *Антропоморфные божества в религии скифов*, Гос. Эрмитаж, «Археологический сборник», вып. 2, Л., 1961, стр. 65.

³⁷ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 205.

³⁸ Ал-Бируни, Асар ал-бакйя, Избр. произведения, т. 1, Ташкент, 1957, стр. 187.

³⁹ «A Survey of Persian Art» (далее SPA), т. IV, London — New York, 1938, табл. 124; L. I. Ringbom, *Zur Ikonographie der Götting Ardvi Sura Anahita*, Abo, 1957, стр. 6—7, рис. 1.

голубь. Общие очертания этих асгоданов, сохранение некоторых деталей трона (в частности, балдахина, натягивавшегося над фигуркой птицы) говорят о том, что они восходят к рассматриваемому типу статуарных оссуариев⁴⁰. Очевидно, изображение птицы заменило здесь скульптуру богини. Но голубь — птица, посвященная Анахите и постоянно сопровождавшая ее изображения⁴¹. В то же время хорошо известно, что животные — спутники божеств — являются их зооморфными прообразами, первоначально тотемами. Таким образом, представляется естественным, что фигуркой голубя могло подменяться именно изображение Анахиты.

Разумеется сейчас, когда еще не найдены погребальные статуи с четко определяемыми атрибутами, нельзя категорически настаивать на предлагаемом отождествлении. Можно назвать ряд сходных образов: близки как иконографически, так и по технике изготовления (пустотелая керамика) многие статуэтки Деметры⁴², хорошо сопоставимы изображения, встречающиеся в искусстве скифов и сарматизированного Боспора⁴³. Во всяком случае рассматриваемые хорезмийские оссуарии передают образ, несомненно входящий в круг представлений о Великой богине, матери всего живого, владычице царства мертвых.

Чтобы предложить трактовку мужских изображений на хорезмийских погребальных сосудах, вернемся к скульптуре, найденной близ Кой-Крылган-калы (рис. 2). Наиболее близок к ней образ, часто передаваемый рельефами на парфянских керамических гробах, находимых главным образом в Двуречье⁴⁴. Они также изображают подбоченившегося мужчину в короткой куртке с оторочкой и в своеобразном головном уборе. Авторы публикаций воздерживаются от трактовки этого персонажа⁴⁵. Нам представляется, что поскольку другая, наиболее распространенная группа рельефов несомненно изображает богиню плодородия, то и в данном случае передается образ божества, очевидно паредра богини. В Хорезме таковым был Сиявуш⁴⁶, бог умирающей и воскресающей природы, связь которого с культом мертвых как нельзя более естественна.

На головном уборе рассматриваемой скульптуры изображены уши животного. Подобная деталь характерна для корон ряда царей хорезмийской династии Афригидов. Мифическим основателем последней считался Сиявуш⁴⁷, как правило изображаемый в виде всадника. Более

⁴⁰ Подробнее см. Ю. А. Рапопорт, Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г., «Сов. археология», 1962, № 2.

⁴¹ L. I. Ringbom, Указ. раб., стр. 6, 15, 17; К. В. Тревер. Очерки по истории культуры Кавказской Албании, М.—Л., 1959, стр. 322.

⁴² Ср. М. М. Кобылина, Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории, М., 1961, табл. II, 3.

⁴³ Ср. С. И. Руденко, Культура населения горного Алтая в скифское время, М.—Л., 1953, стр. 339, табл. XCV; М. И. Артамонов, Указ. раб., стр. 60, рис. 3, стр. 62, рис. 6; М. И. Ростовцев, Указ. раб., табл. LI, рис. 6. Заметим, что указанные сцены, видимо, носят эсхатологический характер, передавая момент приобщения умершего к богине. Возможно, покойного при этом воплощали в образе бога-спутника.

⁴⁴ Библиография вопроса см. в работах: R. Ettinghausen, Parthian and Sassanian Pottery, SPA, т. I, стр. 649—654; N. C. Debevoise, Parthian pottery from Seleucia on the Tigris, Ann Arbor, 1934, стр. 1—5; E. Schmidt, Persepolis, т. II, Chicago, 1957, стр. 120—122.

⁴⁵ Иногда его именуют «воином, стоящим в вызывающей позе» (SPA, т. I, стр. 410). Нам кажется, что объяснение этой своеобразной позы можно искать именно в том, что облик рассматриваемого персонажа сложился под влиянием погребальных статуй (ср. стр. 69).

⁴⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 202—205; его же, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 83—87.

⁴⁷ Ал-Бируни, Асар ал-бакийя, Избр. произв., т. I, стр. 47. Отметим, что, согласно традиции, то же происхождение приписывалось парфянским Аршакидам. Ср. М. М. Дьяконов, Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии, «Краткие сообщения ИИМК», XL, 1951, стр. 40.

того, этимология его имени в наиболее ранней, авестийской форме «Сияваршана» — «черный жеребец»⁴⁸.

Известно, что на коронах, в частности коронах сасанидских царей, воспроизводились символы, характерные для различных божеств. Среди них, как символ Анахиты, известен мотив волны-спирали⁴⁹. Этот мотив мы видим на тех же венцах Афригидов, что и уши животного. Поэтому весьма вероятно, что и последний атрибут являлся символом божества-предка. Указанная выше этимология имени Сиявуша, постоянная связь этого образа с конем заставляет полагать, что в глубокой древности, на стадии тотемистических культов, он представлялся в виде коня. При последующей антропоморфизации Сиявуша стали изображать как всадника или же сохранять какие-то символы, напоминающие о его образе.

Изложенное выше позволяет думать, что сидящая на троне мужская статуя, головной убор которой украшен ушами лошади, — изображение Сиявуша. Весьма скромные размеры усадьбы, в развалинах которой найдена статуя, не позволяют считать ее портретом царя, символика венца которого могла бы просто предвосхищать афригидскую⁵⁰.

В Хорезме позднекангюйского и раннекушанского времени среди астоданов с мужскими изображениями преобладают фигуры всадников⁵¹. К ним особенно близок более поздний оссуарий, найденный близ Самарканда. Следует подчеркнуть, что он изображает только фигуру лошади⁵². Весьма вероятно, что в народных верованиях непрерывно сохранялся образ божества-животного, который стал воспроизводиться в погребальных статуях того времени, когда начала сказываться общая «варваризация» культуры.

В этой связи отметим, что при наличии огромного количества изображений богини, число мужских фигур в коропластике Хорезма крайне незначительно, зато столь же много статуэток коней. Весьма вероятно, что и они олицетворяли какое-то наиболее почитаемое божество.

В свете сказанного было бы естественно предположить, что эти статуэтки символизировали Сиявуша. Однако такая трактовка была бы несколько упрощенной. Дело в том, что если женские фигурки с достаточной уверенностью можно связывать с образом Анахиты, т. е. со стихией земли и воды, то естественно ожидать, что второй наиболее распространенный образ хорезмийского пантеона должен символизировать солнце.

Отметим, что наиболее вероятная этимология слова «Хорезм» — «Земля солнца»⁵³ может найти объяснение в религиозных представи-

⁴⁸ Chr. Bartholomae, Указ. раб., стлб. 1631; М. М. Дьяконов, Указ. раб., стр. 42.

⁴⁹ R. Göbl, Investitur im sassanidischen Iran und ihre numismatische Bezeugung, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», т. 56, Wien, 1960, стр. 45.

⁵⁰ Можно указать ряд других изображений среднеазиатских божеств с ушами животного. Такова скульптура, найденная на Топрак-кале в зале «танцующих масок», оформление которого несомненно передает сцены культа, близкого к дионисийскому (напомним установленную С. П. Толстовым близость образов Сиявуша — Саббазия — Диониса, ср также упоминания об оргастическом празднике «Сакая»); сходный образ передает и ряд терракот коллекции Кастаньского; очень интересно изображение четы божеств, найденное Л. Р. Кызласовым на Ак-Бешиме (Л. Р. Кызласов, Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг., Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 208).

⁵¹ Ю. А. Рапопорт, К вопросу о хорезмийских статуарных оссуариях, стр. 54—56.

⁵² М. С. Юсупов и С. И. Скиндер, Оссуарий из Тургай-мазара, Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина, нов. серия, LXXXI, Исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 140—143.

⁵³ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 80.

ях, а отнюдь не в климатических условиях этой, может быть наиболее суровой области Средней Азии. Подтверждение широчайшего распространения здесь солнечных культов (и, добавим, культа водной стихии) дает семантика орнаментации керамики Хорезма этого времени (рис. 6).

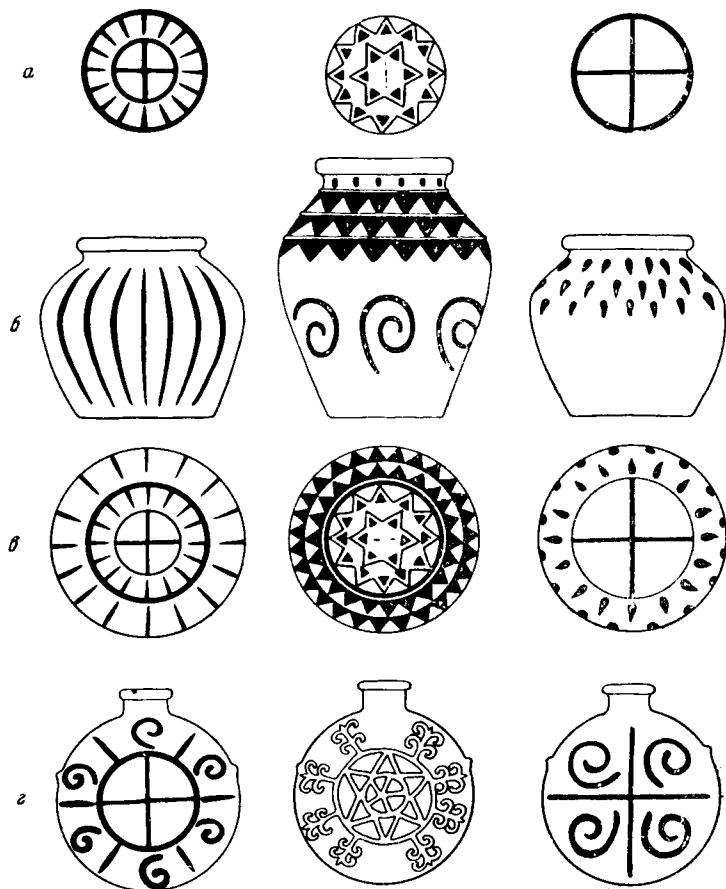

Рис. 6. Схемы орнаментальных композиций на хорезмийской керамике: а — крышки; б — сосуды сбоку; в — сосуды, накрытые крышками, вид сверху (сочетания предметов и масштабы условны); г — фляги

Хорошо известно сообщение Геродота (I, 216) о том, что массагеты из богов чтут только солнце, посвящая ему лошадей; напомним также свидетельство Страбона (XI, 8, 8) о сако-массагетской принадлежности хорезмийцев.

Можно полагать, что в Хорезме, как и в других областях распространения авестийских культов, главным солнечным божеством почитался Митра⁵⁴. Однако хотя известные хтонические черты можно отметить и в этом образе, непосредственная связь его с культом мертвых представляется сомнительной. Еще менее вероятна такая связь для божества-светила, которое в средневековой хорезмийской форме «А-х-и-р» Бируни дает как эквивалент для греческого «Гелиос» и персидского Михр-

⁵⁴ Термин Хорезм в Авесте упомянут именно в Михр-Яште (Яшт, X, 14); ср. теофорные имена документов из Топрак-калы: С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 220.

Хуршид⁵⁵. Между тем почитание солнца в массагето-хорезмийской среде нашло яркое отражение в погребальных памятниках. Как отмечено, здесь широко засвидетельствовано трупосожжение, всегда связанное с культом огня-солнца. Явно солнечные символы лежат в основе планировки погребальных построек, открытых в низовьях Сыр-Дарьи⁵⁶ и в Хорезме⁵⁷ (рис. 7). Нередко встречаются солярные знаки на оссуариях.

Можно полагать, что в погребальном культе представления о Митре и Сиявуше как-то объединились. Напомним, что в сложном образе Сиявуша достаточно четко проступают черты солнечного божества. Об этом, по мнению С. П. Толстова, в частности свидетельствует огненная инициация, отмечаемая в «Шахнаме»⁵⁸.

Вряд ли лишь плодом придворного красноречия является приводимое там же уподобление брака Сиявуша с Ференгис браку Солнца с Нахид (Анахитой)⁵⁹. Широко известно сообщение Наршахи о том, что в Бухаре в день Нового года каждый мужчина перед восходом солнца приносил в жертву Сиявушу петуха⁶⁰ — птицу, повсеместно посвящавшуюся солнцу. Повторим, наконец, что образ Сиявуша и представление о массагетском солнечном божестве ассоциировались с конем; о быстроконном солнце многократно говорится в Авесте. Следует, однако, подчеркнуть, что образ Сиявуша

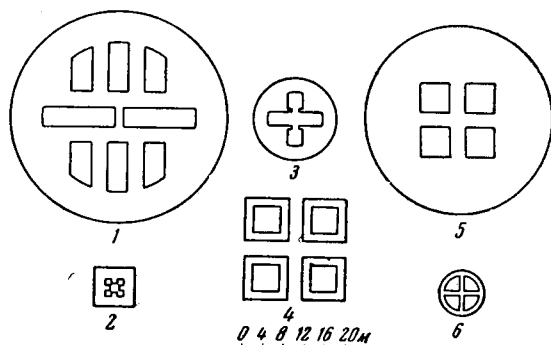

Рис. 7. Планировочные схемы хорезмийских и сакских погребальных сооружений: 1 — Кой-Крылган-кала, центральное здание; 2 — Кюзели-гыр, постройки в центре городища; 3 — Тагискен, мавзолей № 1; 4 — Бабиш-мулла; 5 — Чирик-рабат, круглый мавзолей; 6 — Баланды 3 (крестовина)

⁵⁵ Ал-Бируни, Асар-ал-бакийя, Избр. произв., т. 1, стр. 187.

⁵⁶ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 202, рис. 117.

⁵⁷ О связи планировки Кой-Крылган-калы с солярной символикой см.: С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 123. Отметим, что колесо (ср. «Чагра») — один из основных солнечных символов. Очень большое сходство планировочных принципов Кой-Крылган-калы и ряда погребальных памятников, обнаруженных в низовьях Сыр-Дарьи, представляется сейчас несомненным. Однако в отличие от мавзолеев массагетской группы племен, у которых, если и не единственным, как утверждает Геродот, то главным божеством было солнце, крестообразная планировка центрального здания Кой-Крылган-калы усложнена разделением на два одинаковых взаимоизолированных комплекса. Вероятно, это свидетельствует о возросшей в хорезмийской среде роли какого-то второго хтонического божества. Таким божеством с развитием земледелия должна была стать Анахита, олицетворявшая плодородие земли и воды.

Можно полагать, что два комплекса памятника были посвящены соответственно Сиявушу и Анахите. Наличие колодцев в западной половине центрального здания заставляет думать, что здесь локализовался культ богини. Второй комплекс, окна которого были обращены на юг и восток, вероятно, был посвящен божеству солярному.

Может быть в предположении о членении памятника на два культовых (а в основе погребальных) комплекса, связываемых с мужским и женским божествами, можно искать объяснение того, что западная половина центрального здания была замурована уже в процессе постройки. Проще всего думать (хотя это и не представляется единственным решением), что здание предназначалось для захоронения царя и царицы. Постройка была вызвана смертью последней или совпала с ней. Естественно, что ее погребение сразу же было изолировано от внешнего мира.

⁵⁸ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 223, 318.

⁵⁹ Фирдоуси, Шахнаме, т. II, М., 1960, стр. 196.

⁶⁰ Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 33.

непрерывно связан с черным конем, а это опять указывает на его хтонический характер⁶¹.

Нам представляется, что это противоречие можно объяснить, исходя из хорошо обоснованных сопоставлений Митры с Аполлоном и Сиявуша с Дионисом.

В своем интереснейшем исследовании А. Ф. Лосев убедительно показывает близость, а порой и слияние образов Гелиоса, Аполлона и Диониса⁶². Очень четко эти представления выражены в «Сатурналиях» Маркобия: «Солнце, когда оно находится в верхней, т. е. дневной полусфере, называется Аполлоном. Когда же оно в нижней, т. е. ночной полусфере, — то считается Дионисом, т. е. Либером — отцом»⁶³. Весьма вероятно, что сходная концепция для объяснения солнечного цикла существовала и в Средней Азии⁶⁴.

Надо полагать, что круг образов, передаваемых статуарными оссуариями, не исчерпывался отмеченными выше. Так, явно детские черты лица мы видим на обломке астодана, найденного близ Кузы-Крылган-кала. Образ бога-ребенка известен и в коропластике Хорезма⁶⁵. Весьма вероятно, что наряду со статуарными оссуариями в кангюйский период существовали костехранилища, обломки которых выделить из массового материала пока невозможно, так как они практически не отличаются от бытовых сосудов.

В кушанское и кушанско-афригидское время типы оссуариев становятся более многочисленными. Очевидно с упрочением позиций зороастрийской ортодоксии к оссуарному обряду быстро начинают переходить те области Средней Азии⁶⁶, где ранее господствовало трупоположение или выставление трупов, не сопровождавшееся захоронением костей в сосудах. При этом возникли формы оссуариев, далеко не всегда восходящие к урнам, они начинают воспроизводить элементы гробниц, саркофагов, погребальных носилок.

Во II в. н. э. в Хорезме почти исчезают статуарные оссуарии. Создается впечатление, что они продолжают использоваться лишь в аристократических семьях, причем меняется и характер статуй (как правило очень крупных)⁶⁷. Так, вероятно уже портретным изображением является большой астодан, найденный в развалинах усадьбы к северо-востоку от Кой-Крылган-калы (рис. 8). Можно думать, что вытеснение Сиявуша из зороастрийского пантеона, постепенное превращение его в героя дружинного эпоса сделало его образ неприемлемым для погребальной символики знати. С другой стороны, канонизированные божества, возможно, становились чуждыми культам рядового населения. Последнее обстоя-

⁶¹ Не исключено, что у народов Средней Азии существовало представление и о другой ипостаси солнечного божества, не вошедшей, как это по сути дела произошло с Сиявушем, в канонический зороастрийский пантеон и представлявшейся в виде светлого коня. Ср. Th. Nöldeke, *Das Iranische Nationalepos*, Berlin und Leipzig, 1920, стр. 10, примеч. 8.

⁶² А. Ф. Лосев, *Античная мифология в ее историческом развитии*, М., 1957.

⁶³ Привожу по указ. раб. А. Ф. Лосева, стр. 327.

⁶⁴ Не исключено, что, как и в русских волшебных сказках, смена дня и ночи связывалась при этом с появлением черного и белого (красного) коня.

⁶⁵ Такова, например, головка, найденная в 1952 г. при раскопках цитадели Базар-калы, несущая, на наш взгляд, явные черты влияния иконографии Горпократы — Гора младенца.

⁶⁶ В частности, некоторые районы Хорезма, где, видимо, до этого времени продолжали существовать какие-то локальные культовые традиции.

⁶⁷ Наиболее поздние погребальные статуи (IV—V вв. н. э.) найдены на городищах Канга-кала и Куны-Уаз (см. С. П. Толстов, *Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг.*, Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 94; Е. Е. Нерзик, *Археологическое обследование городища Куны-Уаз в 1952 г.*, там же, стр. 381—382), однако пока нет уверенности в их генетической связи со статуарными оссуариями; своеобразна техника изготовления статуй: обертывание каркаса «лоями» ткани, пропитанной алебастром.

тельство могло служить одной из причин замены антропоморфных изображений зооморфными, глубоко традиционными.

В крупнейшем оссуарном могильнике II — начала IV в. н. э., обнаруженном на городище Калалы-гыр I в левобережном Хорезме, стату-

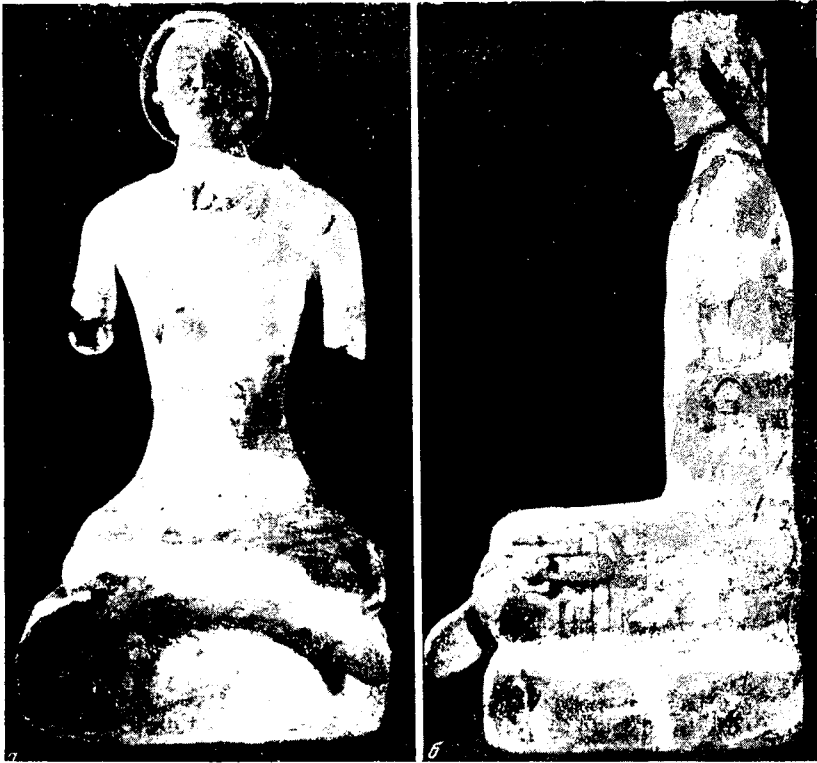

Рис. 8. Статуарный оссуарий из окрестностей Кой-Крылган-чала;
а — вид спереди; б — вид сбоку

арных оссуариев нет⁶⁸. Здесь найдены лишь восходящие к последним астоданы с фигуркой голубя, помещавшейся под небольшим балдахином (рис. 9, а). Ближе всего рассматриваемый вариант стоит к более позднему, так называемым «юртообразным» оссуариям, характерным для Ташкентского оазиса и Семиречья⁶⁹.

Чаще всего в Калалы-гырском некрополе встречаются саркофагообразные оссуарии (рис. 9 б, в), формы которых близки к керамическим, так называемым «туфлеобразным» гробам парфянского времени. Третий тип астоданов, называемый нами «сводчатым»⁷⁰ (рис. 9, г), видимо восходит к каким-то погребальным постройкам, напоминавшим характерные для погребений узбеков «сагона». Небольшие сводчатые гробницы,

⁶⁸ О раскопках на Калалы-гыр см.: С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., стр. 95, 153—167; его же, По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 108—116. Подробнее о некрополе см.: Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, Указ. раб.

⁶⁹ Ср. напр. М. Е. Массон, Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 29—30; Л. И. Ремпель, Некрополь древнего Тараза, «Краткие сообщения ИИМК», 69, 1957, стр. 103—107.

⁷⁰ Ближе всего к этой форме некоторые оссуарии Южной Туркмении (ср. С. А. Ершов, Некоторые итоги изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г. Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 172—173, табл. 4, 7).

служившие как бы дахами, оссуариями и наусами одновременно, достаточно характерны для парфянской среды⁷¹. Можно полагать, что у каких-то групп древнехорезмийского населения имелась сходная традиция, послужившая основой для выработки формы сводчатых оссуариев,

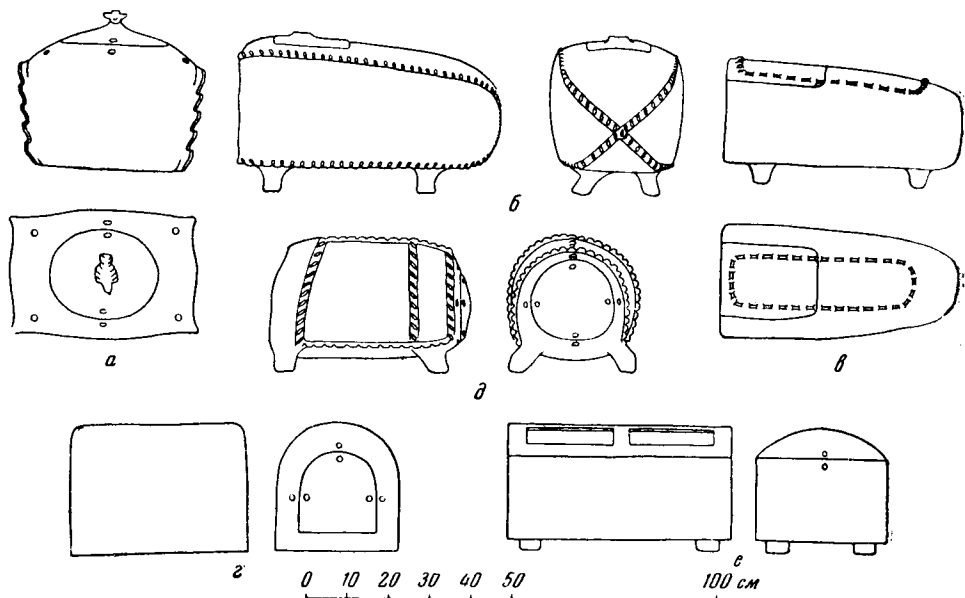

Рис. 9. Оссуарии из Калалы-гырского некрополя

сосуществовавшая с оссуарным обрядом и пережившая его. Очень любопытна встреченная и в других хорезмийских некрополях так называемая «боченкообразная» форма, имеющая вид цилиндра, горизонтально положенного на четыре ножки (рис. 9, д). Подобные оссуарии опоясаны лепными жгутами, иногда покрыты росписью, имитирующей обертывание полосами ткани. Изображается, видимо, тело, лежащее на погребальных носилках. Трудно с уверенностью сказать, является ли эта форма оссуариев следом незадолго перед их возникновением существовавшего в каких-то районах Хорезма труположения или воспроизведением погребальных носилок, водружавшихся на дахе.

Отметим также астоданы в виде каменных и керамических ящиков с крестообразно пересекавшимися рельефными полосами на крышках (рис. 9, е).

Наибольшее количество черепов получено из ниш, прорубленных в стенах (более древнего, чем некрополь) дворцового здания Калалы-гыра.

Для некоторых районов Ирана отмечены вырубленные в скалах небольшие ниши, являющиеся фактически единственным археологическим свидетельством существования там обряда захоронения костей⁷².

В позднеафригидское время (VII, VIII вв. н. э.) господствует форма оссуария в виде алебастрового или керамического ящика на ножках с четырехскатной, уплощенной сверху крышкой (рис. 10). Лишь общие очертания и приспособление для установки балдахина у некоторых

⁷¹ R. Ghirshman, Указ. раб., стр. 271.

⁷² E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, стр. 33; его же, Iran in the Ancient East, стр. 205—206, 217—218; E. Schmidt, Persepolis, т. I, Chicago, 1953, стр. 57; т. II, стр. 121.

экземпляров напоминает о связи их с исходной формой — статуарными оссуариями.

В заключение кратко суммируем предположения, к которым приводит нас изучение хорезмийских астодамов.

Оссуарный обряд возник в результате слияния двух обрядов, распространенных среди восточноиранских племен, — выставления трупов

для поедания хищными животными и птицами и кремации, сопровождавшейся захоронением

праха в урнах. В связи с начавшейся канонизацией первого обряда, видимо во II в. до н. э., стало практиковаться захоронение костей в оссуариях, прототипом которых послужили урны. Древнейшие оссуарии изображали умерших, воплощенных в образе хтонических божеств. Вероятным центром сложения нового обряда был Хорезм. Широкое распространение оссуарии получают в первой половине I тысячелетия н. э. в связи с упрочением позиций ортодоксального зороастризма. Возникшие при

этом многочисленные формы оссуариев далеко не всегда восходят к урнам. Оссуарный обряд был широко распространен лишь в Средней Азии, что позволяет говорить о местном варианте зороастрийского погребального ритуала, распространившемся, видимо, из Хорезма.

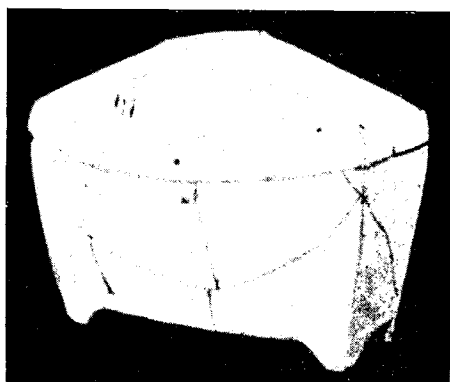

Рис. 10. Афригидский оссуарий, Беркут-калинский оазис (замок № 36)

SUMMARY

Investigation of the Khwarizmian astodans warrant the hypothesis that the ossuary rite emerged as a result of the merging of two rites widespread among the East Iranian tribes — that of exposing the bodies of the dead to the beasts and birds of prey, and that of cremation with the subsequent interment of the ashes in urns. In connection with the incipient canonization of the former rite, apparently in the 2nd century B. C., the practice was established of burying the bones in ossuaries, for which the urns served as a prototype. Depicted on the oldest ossuaries were the dead, represented as Chthonian deities. The centre where the new rite arose was probably Khwarizm. The ossuaries became widespread in the first half of the 1st millennium A. D., with the consolidation of the positions of orthodox Zoroastrianism. The numerous forms of ossuaries which then arose, are far from always traceable to urns. The ossuary rite was current only in Central Asia, and this makes it possible to speak of a local variant of the Zoroastrian funeral rite, which evidently emanated from Khwarizm.

О МЕГАЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕИ

Корея славится богатством памятников мегалитической культуры, которые распространены почти по всей территории страны, как в приморских, так и в горных районах. Лишь в северо-восточной части страны — в провинциях Северный Хамген и Янган — влияние этой культуры сравнительно слабее.

Памятники мегалитической культуры различных районов Кореи обладают рядом местных отличительных черт, позволяющих отнести их к отдельным этническим группам.

Наиболее характерными памятниками корейской мегалитической культуры являются дольмены и отдельно стоящие менгиры. В Корее не обнаружено кромлехов и полей или рядов менгиров.

В мегалитическую культуру Кореи включаются также каменные могилы в виде пирамид и каменных ящиков. Эти две формы могил принадлежат к одной генетической группе и первоначально не имели ничего общего с мегалитической культурой, но в дальнейшем они, по-видимому, смыкаются с последней. Каменные пирамиды и каменные ящики существовали как в древние времена, так и в средние века. В северных районах Кореи есть каменные могилы чжурчженей, насчитывающие лишь несколько сот лет, но некоторые каменные пирамиды, без сомнения, восходят к временам мегалитической культуры. В провинции Канвон автор лично видел разрушенные каменные пирамиды доисторических времен. Эти первобытные сооружения есть не что иное как каменный ящик, покрытый камнями; если убрать эту кучу камней, то под ними сразу обнаруживается каменный ящик. Но не все аналогичные памятники относятся к первобытным временам. На материке подобные могилы и ящики позднее превратились в каменные могилы различных видов. Такие каменные могилы были перенесены также в Корею. Недавно в Мукбан-ри, уезда Кячен пров. Южный Пхенан, в бассейне реки Тэдонган мы обнаружили материалы, свидетельствующие о том, что в конце периода мегалитической культуры создатели таких каменных могил слились с носителями мегалитической культуры.

Автору еще не удалось самому раскопать такой доисторический могильник. Но мы согласны с их датировкой временем мегалитической культуры. Что касается каменных ящиков, то мы немало обследовали их после освобождения страны.

В результате одновременного существования дольменов, каменных могил-пирамид и ящиков сложились видоизмененные формы дольменов. Японские исследователи называют их «южными дольменами» или же «дольменами в форме столика для игры в го». Они считают, что такие дольмены существуют только в Южной Корее. Однако наши исследования после освобождения страны показали, что они широко распространены и в Северной Корее (рис. 1, 2, 3).

Видоизмененные дольмены имеют много форм. Наиболее типичные состоят из одного каменного ящика, окруженного камнями и перекры-

того огромной каменной крышей (рис. 4). Гроб иногда бывает сложен из простых камней вместо плит. Могила содержит два и более гробов, сложенных из плит или прочных камней, а вся могила покрыта одним огромным камнем.

Подлинный характер культуры создателей этих могил мы смогли уяснить лишь после ознакомления с их жилищами. Наиболее типичной керамикой для остатков таких жилищ была посуда «вымявидной» формы, которую мы раньше называли «роговидной». Жилище с такой посудой представляло собой в большинстве прямоугольную полуземлянку глубиной около 30 см. Иногда жилище стояло прямо на земле. Пол был большей частью обожжен. Очаг помещался посередине пола или несколько в стороне. Крыша, по-видимому, была двускатной. Примечательно, что абсолютное большинство доисторических жилищ, особенно с вымявидной посудой, со времени бронзового века носит следы пожаров.

Культурные остатки мегалитических стоянок наряду с указанной посудой включают и ряд каменных орудий; нож полулунной формы с односторонним дугообразным лезвием, каменная монета (рис. 5), ступенчатые тесла с выемкой, ромбические в поперечном разрезе наконечники стрел (рис. 6), наконечники дротиков (рис. 7), различные типы кинжалов (рис. 8), тесловидное долото, четырехгранный топор, валиковый топор с выровненным лезвием и пр. Обнаружено много разновидностей топоров, но все они по форме являются вариантами валиковых и четырехгранных топоров.

Некоторые из этих предметов были извлечены из обычных и видоизмененных дольменов, а некоторые из могильников и каменных ящиков. Как будет отмечено далее, дольмены, по-видимому, южного происхождения, каменные могильники — северного. Но жилище с вымявидной посудой представляет слияние двух культур различного происхождения.

В каменных могилах и видоизмененных дольменах были обнаружены цилиндрические бусы, которые еще не найдены на стоянках. Но это не имеет особого значения, поскольку различия в составе комплексов предметов, обнаруженных на разных стоянках, уменьшаются по мере дальнейших исследований. Например, цилиндрические бусы первоначально были найдены только в могилах в виде каменных ящиков, но затем были обнаружены и в видоизмененных дольменах (Пхунцонри, Мукбанри и т. д.).

Наличие каменных монет можно было ожидать лишь в жилищах и в каменных ящиках, но потом в Симцоне (уезд Хвандю) мы обнаружили один экземпляр, диаметром в 75 см и толщиной 6 см, в видоизмененном дольмене. Обычно каменные монеты делаются из шифера, диаметром 35—40 см. Но в Тхясенри (уезд Кансе, пров. Южный Пхенан) были экземпляры более крупные, из гранита, а обнаруженные в Миримри около Пхеньяна были приблизительно такого же размера, как и в Симцоне.

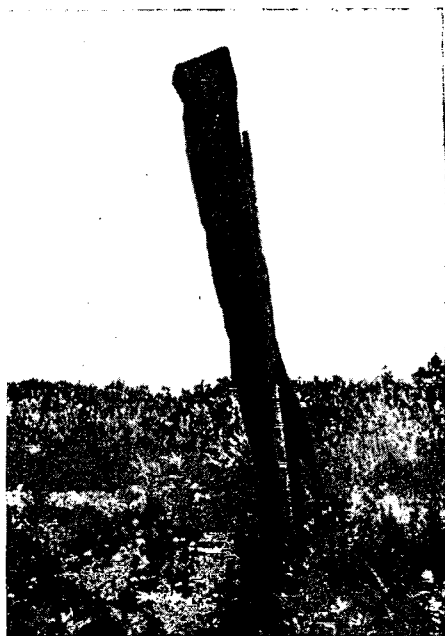

Рис. 1. Менгир. Дер. Отокри, уезд Ентанкун, пров. Сев. Хванхэ

Рис. 2. Дольмен. Дер. Отокри, уезд Ентанкун, пров. Сев. Хванхэ

Рис. 3. Дольмен Дер. Отокри, уезд Ентанкун, пров. Сев. Хванхэ

До Освобождения была найдена в могиле типа каменного ящика в Пхуненри (уезд Сидюн, пров. Дяган) бронзовая пуговица¹ типа, характерного для районов Великой стены или же карасукской культуры Южной Сибири. После Освобождения аналогичная бронзовая пуговица была найдена на стоянке бронзового века на острове Чходо у Начжина,

¹ К. Аримицу, Описание предметов, обнаруженных при раскопках каменной могилы в форме одиночного ящика в волости Орве, уезда Кангэ, провинции Северный Пхенан, «Кокогаку дзасси» («Археологический журнал»), Токио, т. 31, вып. 3 (на японском языке).

Рис. 4. Видоизмененный дольмен. Хванчу, пров. Сев Хванхэ

Рис. 5. Каменная монета

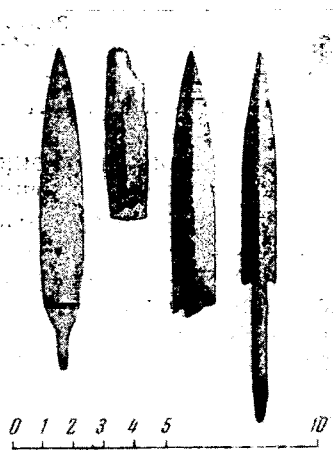

Рис. 6. Каменные наконечники стрел

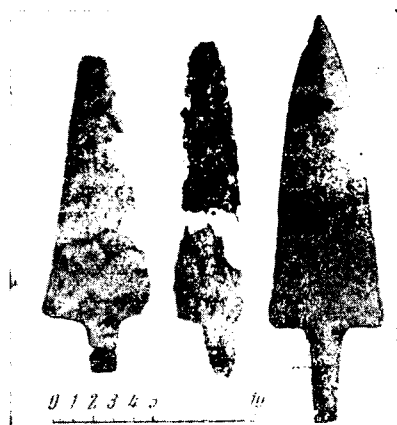

Рис. 7. Каменные наконечники дротиков

здесь же обнаружены каменная монета и дискообразная булава, хотя стоянка не относилась к мегалиту².

Позже такая же пуговица была найдена в жилище с выямвидной посудой в Бонсане (пров. Северный Хванхэ)³. Бронзовое долото было

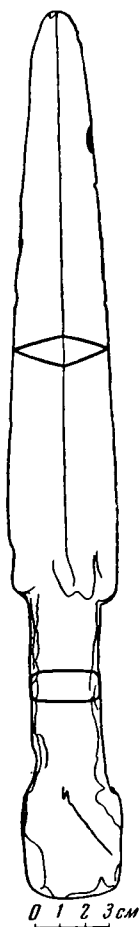

Рис. 8. Каменный кинжал

раскопано в жилище с выямвидной посудой в Кымтханри, вблизи Пхеньяна, в бассейне реки Тэдонган. Возможно, что оно попало из верхних слоев «посуды с гребенчатым орнаментом и с ручкой» более раннего периода, чем мегалитическая культура, но пока мы должны считать это долото находкой, принадлежащей указанной стоянке: еще ни одно жилище того же возраста не дало подобного долота. Бронзовый наконечник стрелы, пока единственный для могил этого возраста, был найден в каменном ящике в Санмэри около Саривона.

Таким образом, как свидетельствует находка бронзовой пуговицы, различия между отдельными стоянками разных типов и по комплексам бронзовых изделий уменьшаются при дальнейшем исследовании. И, как указывалось, на жилых стоянках одновременно находятся могилы, представляющие различные традиции. Отсюда ясно, что каменные ящики в Корее также принадлежат мегалитической культуре.

Появились разновидности выямвидной посуды. Прежде всего, найдены традиционные горшки этого типа, но с плечиками. Однако найденный в Миримри (около Пхеньяна) кувшин с плечиками своей черной поверхностью и прочностью напоминает скорее керамику не бронзового, а железного века. Аналогичные горшки были обнаружены на стоянке в Симгвири в бассейне реки Тонкногана, притока Амнокгана. На этой стоянке найдены и другие разновидности выямвидной посуды. Из них самой характерной является посуда, имеющая у горла налпный валик с зашипам. Подобный мотив орнамента отмечается на стоянке бронзового века в Хверёне; он был распространен в Причерноморье и на Северном Кавказе в доскифский и скифский периоды. Плоский топор и нож сигматической разновидности полулунной формы — находки, неожиданные для стоянки бронзового века. Во всяком случае, стоянка в Симгвири с вариантами выямвидной посуды выявляет самую последнюю стадию этой керамики, претерпевшей значительные изменения под местными культурными влияниями.

Мегалитическая культура в бассейне реки Амнокган имеет много местных различий. Так, например, керамический комплекс каменного ящика в Пхуненри вряд ли может быть обнаружен в Пхеньяне и южнее. Стоянка в Конгвири около Кангэ, несомненно, связана с соседним каменным ящиком, но она не имеет выямвидной посуды⁴. Керамический комплекс этой стоянки родственен комплексу каменного ящика в Пхуненри. Тот же комплекс найден в Симгвири и в бассейне реки Туманган. Еще до освобождения страны считалось, что керамика каменного ящика

² «Отчет о раскопках первобытных стоянок на о. Чходо близ г. Начжина», Пхеньян, 1956, табл. СXXXII, рис. 1 (на корейском языке).

³ То Ю Хо, Изучение мегалитической культуры Кореи, «Мунхва Юсан» («Культурное наследие»), 1959, № 2, стр. 7 (на корейском языке).

⁴ «Отчет о раскопках первобытной стоянки в местности Конгвири близ г. Кангэ», «Археологические доклады», вып. 6, Пхеньян, 1959 (на корейском языке).

в Пхуненри выявляет связь с культурой материка. Она также родственна керамике Ляодуна.

В пещере в Мисонри около Ычу (в бассейне реки Амнокган) мы раскопали посуду с большой горловиной, которая напоминает нам керамику «яёи» Японии. Аналогичная керамика найдена в каменных могилах Сидуаньшаньцзы около Гирина на северо-востоке Китая⁵. В последнее время подобная посуда отмечена в видоизмененном дольмене в Мукбанри (уезд Кячен в бассейне реки Тэдонган) (рис. 9). Подобный комплекс керамики ранее мог ожидаться только в бассейне реки Амнокган, но посуда из Мукбанри указывает, что подобные местные черты доходили и далее на юг.

Во всяком случае, мегалитическая культура Кореи содержит материковые элементы. Но более глубокое изучение покажет, что она имеет еще больше элементов с Юга.

Вымявидная посуда, характерная для мегалитических стоянок, редко может быть обнаружена в захоронениях. В видоизмененном дольмене в Симцоне (уезд Хвандю) найден лишь один экземпляр. Обломки вымявидной посуды были извлечены из разрушенного каменного ящика в Эсугу (уезд Бонсан)⁶. В последнем случае обломки могли попасть туда позже. Однако ясно, что вымявидная посуда не чужда для мегалитических могил. Она, видимо, имеется и на северо-востоке Китая, и там также считается признаком мегалитических стоянок. Мы не знаем, сколь далеко распространяется вымявидная посуда в южные области. Но аналогичная посуда, обнаруживающая много южных элементов, была найдена в Гуанхань уезда Синьфань (пров. Сычуань)⁷, а также на стоянке в Баньнэ и в Паньси (Северный Китай).

Ступенчатое тесло с выемкой также южного происхождения. Гейне-Гельдерн считал, что родина этого тесла — Юго-Восточная Азия, но проф. Линь Хуэй-сян помещал ее в материковой части Юго-Восточного Китая⁸. Мне не ясны основания проф. Лина для такой локализации. В Китае тесло этого типа распространено главным образом в юго-восточной части материка и на острове Тайвань, а также на севере —

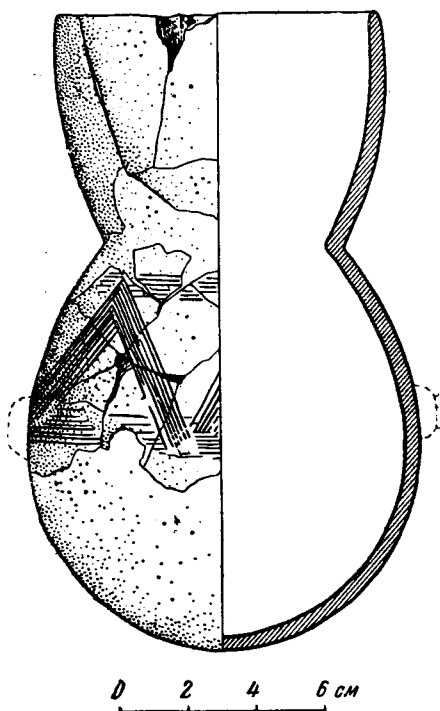

Рис. 9. Сосуд из видоизмененного дольмена в Мукбанри, уезд Кячен (бассейн р. Тэдонган)

⁵ «Раскопки могил с саркофагом в местности Сидуаньшаньцзы, провинции Гири. (Выставка культурных памятников при факультете истории Гиринского университета)». «Каогу» («Археология»), 1960, № 4, вып. 46, общая серия, стр. 35—37 (на китайском языке).

⁶ Ли Ен Ель. Гробница в форме каменного ящика в местечке Эсугу уезда Бонсан, «Мунхва Юсан» («Культурное наследие»), 1959, № 2, стр. 7 (на корейском языке).

⁷ Ван Цзя-ю, Цзян Дянь-чао, Отчет об археологическом обследовании древних развалин в уездах Синьфань и Яньча провинции Сычуань, «Каогу тунсюнь» («Вестник археологии»), Пекин, 1958, № 8, вып. 26, стр. 27, рис. 1 (на китайском языке).

⁸ Линь Хуэй-сян, Один из элементов культуры неолита Юго-Восточного Китая — ступенчатое тесло, «Каогу сюэбао» («Археологические известия»), Пекин, 1958, № 3, стр. 12 (на китайском языке).

в Шаньдуне и на северо-востоке страны. Считают, что они встречаются в районах, где есть мегалитические памятники.

Нож полулунной формы с односторонним дугообразным лезвием также имеет южный характер. Я мало информирован об его распространении в Юго-Восточной Азии, но во всяком случае все каменные ножи полулунной формы в Юго-Восточном Китае имеют одно дугообразное лезвие. Конечно, на Ляодуне, кроме них, есть ножи с двойным прямым лезвием. Дискообразные или звездообразные булавы также обычны для Юго-Восточной Азии.

Родина упомянутых каменных монет, видимо, также находится в Юго-Восточной Азии. Экземпляры из Симсона и Миримри напоминают нам «fei» из Микронезии.

Каменный кинжал свидетельствует о связях с районами Великой Стены и Южной Сибирью. Р. Торин указывал однажды, что каменные кинжалы Северо-Восточного Китая и Кореи происходят от так называемого «турецкого кинжала»⁹. За исключением Торин, все другие японские исследователи, исходя лишь из соображений типологии, заявляют, что указанный каменный кинжал происходит от так называемого «тонкого бронзового кинжала» или же «криссовидной алебарды» того же периода. Но такое мнение неприемлемо. Верно, что в Южной Корее есть экземпляры, очень схожие с «тонким бронзовым кинжалом» периода Древнего Чосон¹⁰. Но они связаны с влиянием культуры Древнего Чосона на Южную Корею и никакого отношения к происхождению корейских каменных кинжалов не имеют. Сообщалось, что из каменного ящика в уезде Ендэк, пров. Северный Кенсан, извлечен бронзовый кинжал, форма которого может быть принята за промежуточную между кинжалом «маньчжурского» типа и древнеchosонским бронзовым кинжалом. Но эта находка также ничего не говорит о прототипе корейского каменного кинжала, будучи лишь случаем проникновения этого типа в позднюю стадию южнокорейской мегалитической культуры.

Типологическое сравнение само по себе недостаточно для объяснения археологических объектов. Стоянки с выямвидной посудой, имеющие различные виды каменных кинжалов, определенно предшествуют периоду узких бронзовых кинжалов Древнего Чосон. Их возраст также старше так называемых кинжалов «маньчжурского» типа, которые являются прототипом кинжалов Древнего Чосон.

В связи с этим следует коснуться вопроса о могиле в Ундэри (пров. Северный Чжолла), где найдены обломки кинжала маньчжурского типа, и которая считается «южным типом дольмена». Это каменная могила без скальной крышки, характерной для дольмена. Однако японские исследователи утверждают, что крышка исчезла позже. Мне же кажется, что крышки не было с самого начала. Судя по раскопкам в Ляонине, мы знаем, что обладатели подобных кинжалов были захоронены в каменных могилах¹¹, и могила в Ундэри, бесспорно, одна из таких каменных могил.

Во всяком случае, прототип мегалитического каменного кинжала нельзя искать среди бронзовых кинжалов железного века. Даже если говорить о форме, то поперечное сечение каменного кинжала имеет форму ромба. Каменный кинжал, найденный в Дярене (пров. Южный Хванхэ), имеет длину более 35 см и напоминает нам бронзовый кинжал

⁹ Р. Торин, Относительно коротких кинжалов «турецкого типа», «Дзинруйгаку дзасси» («Антропологический журнал»), т. 37, № 9 (на японском языке).

¹⁰ К. Аримицу, Изучение типологии корейских зернотерок и каменных кинжалов, 1959, табл. 3, рис. 11—12 (на японском языке).

¹¹ Лай Гуэ, Могилы с короткими бронзовыми мечами в местности Шиэртанцзы уезда Чжаоян, провинции Ляонин, «Каогу сюэбао» («Археологические известия»), 1960, № 1, вып. 27, общая серия, стр. 63—70 (на китайском языке).

районов Великой стены или поздней стадии карасукской культуры, или начального периода тагарской культуры.

Наконечники стрел и дротиков ромбической формы в поперечном сечении пришли, видимо, из тех же районов, что и каменный кинжал. Такие материковые элементы, кажется, имеют связь с каменными могилами и ящиками. А в конце эпохи мегалитической культуры каменная могила, как еще один материковый элемент, проникла в нашу страну. Это можно подтвердить примером видоизмененного дольмена в Мукбанри и Кячене. Но видоизмененный дольмен сам по себе появился раньше. Мы не можем предположить, что обычные дольмены исчезли с появлением видоизмененных. Дольмены, видоизмененные дольмены, каменные могилы и каменные ящики, видимо, сосуществовали значительный период времени. Но я считаю, что в конце концов обычные дольмены должны были уступить место видоизмененным. Дольмен, проникший в Западную Японию, также является видоизмененным.

Мегалитическая культура Кореи обнаруживает близкое родство с Юго-Восточной Азией. Как известно, Юго-Восточная Азия — один из центров мегалитической культуры, и в островных районах эта культура засвидетельствована этнографически. Индийский археолог У. Д. Кришнасвами указывал на близкое родство мегалитической культуры Южной Индии с Юго-Восточной Азией¹², и его мнение заслуживает внимания.

В связи с этим необходимо указать на данные, свидетельствующие о практике вторичного захоронения. В видоизмененном дольмене в Симцоне (уезд Хвандю) мы нашли конечности скелетов в беспорядочном положении. В недавно открытых двух видоизмененных дольменах в Мукбанри конечности скелетов находились в необычном положении. Одна из могил была расположена в направлении с востока на запад, другая с севера на юг. В первой могиле было найдено несколько зубов, во второй — только кости конечностей. Интересно их положение в виде буквы Х. Считается, что это результат позднейших нарушений, но споры по этому вопросу между исследователями продолжаются.

По-моему, это вероятнее всего связано с обычаями вторичного захоронения. Часто обычные дольмены имеют длину, не позволяющую хоронить покойника в вытянутом положении. По-видимому, такие дольмены указывают не только на захоронение в скорченном положении, но и на вторичное захоронение. В некоторых каменных могильниках и ящиках также могут быть вторичные погребения. В Мукбанри мы обнаружили, что глиняная посуда из одного видоизмененного дольмена принадлежит материковой традиции, и что все гробы видоизмененных дольменов были не типа ящиков, а каменными могилами. Таким образом, нет сомнения в их материковых традициях. Но это не исключает практики вторичного захоронения. А именно этот обычай наиболее характерен для Юго-Восточной Азии.

Во всяком случае, главный источник мегалитической культуры Кореи связан с Юго-Восточной Азией; в ней есть также материковые элементы. В прошлом я указывал, что мегалитическая культура сперва развивалась в провинции Хванхэ, а затем оказалась связанной непосредственно с Юго-Восточной Азией. Но в дальнейшем я пришел к выводу, что проникновение ее в Корею шло через Китай.

Первоначально мы знали лишь, что мегалитическая культура представлена на северо-востоке Китая и в Ляодуне; затем ее присутствие было установлено в Шаньдуне, а также Фуцзяне и Сычуане в Южном Китае. Но теперь мы знаем, что ее распространение в Южном Китае прослеживается значительно шире.

¹² U. D. Krishnaswami, Megalitic types of South India, «Ancient India», 1953, № 9. Цит. по: Г. М. Бонгард-Левин, Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955 гг.), «Советская археология», 1957, № 3, стр. 304.

Район Хванхэ или Южный Пхенан, а не Южная Корея, остается той частью страны, куда раньше всего пришла мегалитическая культура, поскольку в провинциях Хванхэ и Южный Пхенан подавляющее большинство составляют обычные дольмены, тогда как в Южной Корее абсолютно преобладают видоизмененные.

В провинции Канвон также обычные дольмены численно преобладают, их проникновение туда происходило, по-видимому, вдоль рек Имдинган и Пукханган и других притоков Хангана.

В районах севернее реки Ченченган мегалитические стоянки сравнительно редки, но в бассейне реки Амнокган они встречаются более часто и проникают выше по реке, преодолевают водораздел и достигают бассейна реки Туманган. Мегалитическая культура района реки Амнокган, видимо, имеет связь с Ляодуном.

Хронологически корейская мегалитическая культура большей частью относится к бронзовому веку, за исключением ее последней стадии. В Южной Корее она продолжается в железном веке. Данные о мегалитической культуре в Южной Корее ограничиваются материалами, полученными до Освобождения, и публикациями японских авторов последнего времени. Последние утверждают, что из видоизмененных дольменов извлекается даже керамика периода Силла. Но я не в состоянии сказать, насколько точны их сообщения.

Не так много бронзовых орудий найдено в мегалитических стоянках, однако благодаря сравнительным данным они достаточны для утверждения, что эта культура относится к бронзовому веку. Даже на начальном этапе Шаньского периода в Китае бронзовые орудия были очень редки, и до конца этого периода, когда бронзовая культура была в расцвете, широко использовались каменные орудия.

Абсолютное большинство стоянок мегалитических времен с вымывной посудой определенно принадлежит бронзовому веку. Даже включая разновидности этой посуды, мы не могли найти такой стоянки с вымывной посудой, которую можно было синхронизировать с периодом бронзового кинжала Древнего Чосон.

Первоначально мы относили мегалитическую эпоху в Корее к VII—III вв. до н. э. Но последующие исследования позволяют отнести ее истоки к началу VIII и даже концу IX века до н. э. Конец мегалитической эпохи в Южной Корее может быть отнесен к гораздо более позднему времени, однако вряд ли она достигла нашей эры.

SUMMARY

The remains of the ancient megalithic culture are widely spread throughout Korea: Its monuments including dolmens, menhirs, stone graves (cairns and stone cists) and dwelling sites present certain local varieties.

Describing various Korean megalithic monuments and sites the author points out that the main source of the Korean megalithic culture is intimately related to South East Asia; continental elements also took part in it. Chronologically it belongs mostly to the Bronze age. Basing, on new investigations and his own field researches, the author refers the beginning of the megalithic culture in Korea to the early part of the 8th or even to the late part of the 9th century B. C.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ А. И. ГЕРЦЕНА В 30-х ГОДАХ XIX ВЕКА

Этнографические работы А. И. Герцена 30-х годов XIX века, написанные им во время ссылки в Вятке и Владимире, неоднократно были предметом внимания и в дореволюционной, и в советской литературе¹. И тем не менее, многое в этой теме остается еще невыясненным. Справедливо было замечено С. А. Токаревым о работах Герцена 30-х годов: «Слабо выявлено идейное наследство Герцена в изучении народной поэзии, народной культуры»².

В данной статье делается попытка подвести итоги разработки этой интересной и важной темы в истории русской этнографической науки и вместе с тем поставить некоторые новые вопросы, упущенные прежними исследователями.

В годы ссылки Герцен впервые близко соприкоснулся с народными массами и узнал жизнь русского народа и других народов Российской империи. «Теперь я увидел хоть часть России», — пишет он в письме к своим друзьям Н. Х. Кетчеру и Н. И. Сазонову 18 июля 1835 года³. В письме к тому же Н. Х. Кетчеру от 22 ноября 1835 года Герцен вновь указывает: «Единственная польза, которую я приобрел, что ближе узнал некоторые части законовещения и самую Русь»⁴.

Проблема народа встала, однако, перед Герценом еще до его ссылки. Неудачное восстание декабристов в 1825 году выдвинуло перед новым поколением дворянских революционеров, перед Герценом и его друзья-

¹ Н. М - в а, Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции, «Русская мысль», 1900, февраль; М. К. Лемке, Очерки жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей (По неизданным источникам), Очерк второй, Арест, тюрьма и ссылка, «Мир божий», 1906, февраль; П. Н. Луппов, А. И. Герцен в Вятской ссылке, «Вятская жизнь», 1923, № 2; К. В. Дрягин, Вятская ссылка Герцена, Сб. «А. И. Герцен в Вятке», Киров, 1940; «Статистические работы Герцена в Вятке», публикация П. Луппова, «Литературное наследство», т. 39—40, М., 1941; В. Е. Гусев, Герцен и народная поэзия, «Сов. этнография», 1951, № 3 (повторно в изданиях — В. Е. Гусев, Русские революционные демократы о народной поэзии, М., 1955; «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 1, М., 1956 (статья В. Е. Гусева «А. И. Герцен — этнограф и фольклорист»)); М. Косаткин, Герцен во Владимире, «Владимир, Литературно-художественный альманах», кн. первая, 1951; Н. Н. Баландина, А. И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости», «Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958.

² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 545.

³ А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. XXI, стр. 44, изд. АН СССР, М., 1961. В дальнейшем цитирую это издание сокращенно — «А» с указанием цитируемого тома, в данном случае — А — XXI.

⁴ Там же, стр. 56. Разрядка моя. — Н. С.

ми («кружок Герцена») вопрос о причинах этой неудачи, и это закономерно привело их к новой постановке вопроса о народных массах и их роли в истории. Герцен и члены его кружка внимательно следили за всем тем, что давало материал о жизни народа, считая, что на очереди стоит создание именно «народной истории», то есть такой истории, которая «смотрит на массы народа, а не на отдельные лица, на движение ее, ищет в ней одной ко всему причины»⁵.

Таким образом, интерес к жизни народа, так ярко проявившийся у Герцена в его этнографических работах второй половины 30-х годов, не был только результатом новых впечатлений в условиях ссылки. Герцен был подготовлен к ним и жадно стремился к этой встрече с народом. Герцен любил народ, верил в него и вместе с тем понимал, что тяжелые условия жизни наложили свой отпечаток на характер этой жизни, уродуя и коверкая ее. «Люблю я народ — пишет он Н. А. Захарьиной 6 сентября 1835 г., — люблю, несмотря на его невежество, на его униженный, подлый характер, ибо сквозь всей этой коры проглядывает душа детская, простота, даже что-то доброе»⁶.

Герцен прибыл в Вятку 19 мая 1835 г. и 1 июня был определен переводчиком вятского губернского правления. Но уже 6 сентября Герцен сообщает Н. А. Захарьиной, что губернатор Тюфяев поручил «дело более родное» ему — «составление статистики здешней губернии»⁷.

Действительно, вопросы статистики интересовали Герцена еще в студенческие годы. В плане журнала, который проектировали издавать Герцен и его друзья, статистика занимала видное место. Ей был отведен особый раздел, носивший название «статистическое обозрение». Статистика рассматривалась в плане журнала как «последнее слово», «halte истории»⁸.

Вятский губернский статистический комитет был открыт 2 мая 1835 года. Производство дел по комитету было возложено на губернского прокурора Мейера. К работе в этом комитете и был привлечен Герцен.

В комитете имелась программа для собирания статистических сведений. Эта программа, носившая название «О собирании статистических сведений», была опубликована в 1941 г. П. Лупповым, который приписал ее составление Герцену⁹. П. Луппов писал: «Хотя в делах вятского губернского статистического комитета нет прямого указания на автора записки, но несомненно, что она написана Герценом: почерк в записке сходен с почерком в черновых бумагах по вятскому губернскому статистическому комитету за то время, когда Герцен заведовал перепиской по этому комитету»¹⁰. Эти соображения П. Луппова вряд ли могут быть приняты. Прежде всего, П. Луппов не мог установить точно по рукописи, что перед нами автограф Герцена. Таким образом, авторство Герцена нельзя доказать палеографически. Но даже если бы удалось

⁵ Письмо А. К. Лахтина (член кружка Герцена) к Н. П. Огареву от 28 июня 1833 г. — «Литературное наследство» (в дальнейшем — ЛН), т. 63, М., 1956, стр. 295.

⁶ А — XXI, стр. 194.

⁷ Там же.

⁸ А — I, стр. 60—61. Halte — итоги.

⁹ ЛН, т. 39—40, стр. 172.

¹⁰ От П. Луппова это утверждение об авторстве Герцена перешло и к В. Е. Гусеву. См. В. Е. Гусев, Русские революционные демократы о народной поэзии, стр. 68. В своей более ранней работе «А. И. Герцен в Вятской ссылке» П. Н. Луппов держался иной точки зрения. Он писал: «Кем составлена была эта записка, в делах комитета нет указания; почерк руки не похож на почерк правителя дел Мейера и мало похож на почерк А. И. Герцена» — («Вятская жизнь», 1923, № 2, стр. 49, прим.). Изменение точки зрения П. Н. Луппова произошло, видимо, под влиянием статьи К. В. Дрягина «Вятская ссылка Герцена», в которой К. В. Дрягин мельком высказал предположение: «Может быть, Герценом была составлена записка «О собирании статистических сведений», находящаяся в делах комитета» («А. И. Герцен в Вятке», Киров, 1940, стр. 9). Аргументировать это «может быть» К. В. Дрягин ничем, однако, не смог.

установить, что перед нами автограф Герцена, это не решало бы еще вопроса об авторстве этой программы. В начале служебной деятельности Герцена в комитете ему пришлось переписывать многие служебные документы. Позже, в «Былом и думах» он вспоминал о «барщине переписки бумаг», которой был занят в комитете¹¹.

Анализ самой записки «О собирании статистических сведений», бесспорно, доказывает, что автором ее не мог быть Герцен. В «Былом и думах» Герцен писал: «Министерство внутренних дел было тогда в припадке статистики; оно велело везде завести комитеты и разослало такие программы, которые вряд ли возможно было исполнить где-нибудь в Бельгии и Швейцарии; при этом всякие вычурные таблицы с *maximum* и *minimum*, с средними числами и разными выводами из десятилетних сложностей (составленными по сведениям, которые за год перед тем не собирались!), с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями»¹².

Содержание «Записки о собирании статистических сведений», опубликованной П. Лупповым и приписанной им Герцену, убеждает, что эта «Записка...» и есть та самая программа, о которой писал Герцен. Она составлена каким-то чиновником в центре безотносительно к особенностям какой-либо губернии (в данном случае — Вятской), а применительно ко всем губерниям Российской империи. Так, в графе «О чрезвычайных по губернии происшествиях» указывается, что нужно собрать сведения: «О А) грабежах и разбоях, В) самоубийствах, С) скоропостижно умерших, D) умерших от пьянства, E) умерших от угара, F) замерзших, G) утонувших, H) об убийствах — а) умышленных, б) неумышленных, J) кораблекрушениях...» В той же «Записке» сообщается, что «сведения о духовенстве магометанских Омаровой и Алиевой секты должно требовать из оренбургского магометанского собрания»¹³.

Все это, бесспорно, доказывает, что «Записка...» не была составлена в Вятке и автором ее не мог быть Герцен.

Работа Вятского губернского статистического комитета во время пребывания Герцена в Вятке не была плодотворной. Вся работа в комитете свелась к переписке с местами. Неподготовленность чиновников на местах к статистической работе создавала различного рода недоразумения, которые трудно было разрешить одной перепиской. Выход из создавшихся трудностей Тюфяев видел в командировании на место чиновника, «совершенно знающего сию часть». В конце своего донесения в центр Тюфяев испрашивал разрешение послать Герцена.

Герцен с нетерпением ожидал разрешения Блудова и возлагал на предстоящую поездку большие надежды. Она должна была дать материал не только для статистического комитета, но и для личных работ.

12 ноября 1836 г. Блудов ответил отказом на просьбу Тюфяева. Проектировавшаяся длительная поездка Герцена по Вятской губернии была сорвана.

Герцен пробыл в Вятке до конца 1837 г. Ездил ли он в это время по Вятской губернии хотя бы на короткие сроки? Переписка Герцена с друзьями (Н. Х. Кетчером и Н. И. Сазоновым) и Н. А. Захарьиной дает сведения только об одной поездке на р. Великую, в 50 верстах от Вятки на главный летний праздник в Вятской губернии — праздник Николая Хлыновского¹⁴.

¹¹ А — VIII, стр. 246.

¹² Там же, стр. 245 (разрядка в тексте).

¹³ ЛН, т. 39—40, стр. 174, 181.

¹⁴ А — XXI, стр. 80. В «Былом и думах» Герцен вновь вернулся к описанию этого праздника и дал более подробный рассказ. — А — VIII, стр. 291—292. Позже этот же праздник описал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» (М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собр. соч., т. II, 1933, стр. 129—140).

О других поездках Герцена в переписке нет никаких данных. М. К. Лемке в комментарии к I тому «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена» сообщает, однако, что монография Герцена о Вятской губернии (о ней см. ниже) «составлялась на месте, после нескольких поездок по губернии, которые были совершены Герценом в конце 1836 и в начале 1837 г.»

Данные об этих поездках мы встречаем в более поздних работах Герцена, что, очевидно, и было учтено М. К. Лемке, хотя он нигде и не сообщил своих обоснований. В статье «1836—1863», опубликованной в «Колоколе» в 1863 г., Герцен мельком указал, что в 1835 г. во время ссылки ездил в город Сарапул¹⁵. Об этой поездке Герцена в его переписке времени ссылки нет ни слова. Наконец, в «Былом и думах» в главах, посвященных вятской ссылке, мы находим убедительные доказательства поездок Герцена по Вятской губернии. Здесь даны живые зарисовки быта русского крестьянства, а также быта «вотяков» (удмуртов)¹⁶, которые могли быть сделаны только по памяти о прошлых поездках.

Этнографические исследования Герцена начались собственно еще раньше, на пути в Вятку. Впечатления от Казани и от ее многонационального населения легли в основу статьи «Письмо из провинции». Это — первая статья из задуманного, но полностью не осуществленного цикла статей о Казани, Перми, Вятке, в котором значительное место должны были занимать этнографические вопросы.

В «Письме из провинции», описывая свой путь в Казань, Герцен уже в Чебоксарах подмечает пестрый национальный состав населения, отличный от русских городов центра.

Непривычные для Герцена пестрота и своеобразие национального мира Казани не закрыли для него, однако, картины тяжелого положения народностей этого края. Особенно безотрадным было впечатление после выезда из Казани. «Русское население сменялось татарским, татарское — финским. Жалкие, бедные племена черемис, вотяков, чувашей и зырян нагнали на меня тоску»¹⁷.

Тема о вотяках была развита Герценом позже в статье «Вотяки и черемисы», опубликованной в «Прибавлениях к Вятским губернским ведомостям» за 1838 г. уже после отъезда Герцена из Вятки. Статья сопровождалась примечанием: «Из первой тетради Статистической монографии Вятской губернии, состав[ленной] А. Герценом».

Ни рукопись статьи, ни рукопись монографии до нас не дошли, и это обстоятельство до настоящего времени является причиной многих неясностей, с которыми сталкивается исследователь, изучая вопрос об этой работе Герцена. Впервые вопрос о монографии Герцена был поставлен в статье Н. М-вой «Культурная деятельность А. И. Герцена в провинции» («Русская мысль», 1900, февраль). Н. М-ва приписала Герцену ряд статей без подписи, опубликованных в «Вятских губернских ведомостях» в 1838—1842 гг.: «Русские крестьяне Вятской губернии», «Географическое описание Вятской губернии», «Состояние народов в Вятке до времен Петра Великого», «Нечто о характеристике племен, обитающих в Вятской губернии», «Вотяцкие молитвы», «Взгляд на состояние разных ветвей хозяйства и промышленности», а также описания уездных городов Вятской губернии и ее достопримечательностей. Все доказательства Н. М-вой в пользу авторства Герцена сводились к тому, что «все вышеупомянутые очерки написаны в одном тоне, обнаруживают в авторе человека с исторической подготовкой и широким кругозором и дают право приписать их Герцену, как составные части его монографии». О

¹⁵ А—XVII, стр. 96, примечание.

¹⁶ Желая избежать разнобоя в тексте статьи, мы вслед за Герценом употребляем старые термины «вотяки» и «черемисы» вместо принятого, теперь правильного обозначения этих народов «удмурты» и «мари». — ред.

¹⁷ А—I, стр. 131—133.

статье «Вотяцкие молитвы» дополнительно отмечалось, что она составляет «как бы дополнение» к статье «Вотяки и черемисы», подписанной именем Герцена¹⁸. М. К. Лемке в 1905 г. не согласился с аргументацией Н. М-вой, указав, что она «очень неосторожно приписывает Герцену» массу статей, не основываясь, однако, на неоспоримых данных». Из всей этой «массы» статей Лемке, кроме статьи «Вотяки и черемисы», бесспорно принадлежащей Герцену, считал возможным приписать Герцену еще одну статью — «Вотяцкие молитвы», принимая, видимо, мнение Н. М-вой, что она составляет продолжение статьи «Вотяки и черемисы»¹⁹.

Редактируя в 1915 г. I том «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена», М. К. Лемке вновь вернулся к этому вопросу. Лемке отмечал, что из указания редакции «Вятских губернских ведомостей» (при публикации статьи «Вотяки и черемисы» было напечатано, что она «из первой тетради Статистической монографии Вятской губернии, составленной А. Герценом») «ясно, что тетрадей было несколько, значит минимум две», но «решить теперь, что из напечатанного о губернии в 1838 и следующих годах принадлежало Герцену, нет никакой возможности»²⁰. Исходя из этого, Лемке отказался от публикации в «Полном собрании сочинений и писем А. И. Герцена» статьи «Вотяцкие молитвы», о которой он раньше писал, что ее «с достоверностью» можно считать принадлежащей Герцену.

В 1923 г. в статье «А. И. Герцен в Вятской ссылке» и в 1941 г. в публикации «Статистические работы Герцена в Вятке» П. Н. Луппов вновь поставил вопрос о статьях, которые Н. М-ва приписывала Герцену. Единственной статьей, которую П. Луппов считал возможным связать с именем Герцена, была статья «Русские крестьяне Вятской губернии»²¹.

Статья «Русские крестьяне Вятской губернии» вошла наряду со статьей «Вотяки и черемисы» в I том академического издания собрания сочинений А. И. Герцена.

Следует ли этими двумя статьями ограничивать этнографические работы, написанные А. И. Герценом в годы вятской ссылки? Думается, что к этим двум статьям следует добавить и статью «Вотяцкие молитвы», которую считали принадлежащей Герцену и Н. М-ва (в 1900 г.) и М. К. Лемке (в 1905 г.). Н. М-ва правильно указывала, что эта статья составляет «как бы дополнение» к статье «Вотяки и черемисы». К этому следует добавить, что в самом начале статьи «Вотяки и черемисы» дана как бы заявка на описание не только их быта, но и религии. «Исследование о вотяках и черемисах должно обратить на себя большое внимание. Доселе не было ничего полного собрано ни о их быте, ни о их религии...»²².

Материалы о религии вотяков и были даны в статье «Вотяцкие молитвы». Здесь приведены тексты вотяцких молитв на различные праздники. В примечании к статье прямо подчеркивалась связь этой статьи со статьей «Вотяки и черемисы». В примечании указывалось: «В предшествовавших номерах этой газеты мы сообщили сведения о домашнем быте полудикого племени вотяков, теперь не излишним считаем предложить некоторые из их молитв, более замечательные»²³. Важным аргументом в пользу авторства Герцена служит и то, что в своих последую-

¹⁸ Там же, стр. 3.

¹⁹ «Мир божий», 1906, февраль, стр. 142.

²⁰ А—I, стр. 536.

²¹ П. Н. Луппов, А. И. Герцен в Вятской ссылке, «Вятская жизнь», 1923, № 2, стр. 55 прим. 2; «Статистические работы Герцена в Вятке», ЛН, т. 39—40, М., 1941, стр. 182. Авторство ряда статей П. Н. Луппову, однако, установить не удалось.

²² А—I, стр. 368.

²³ «Прибавление к № 9 «Вятских губернских ведомостей» за 1838 г.

ших работах Герцен неоднократно возвращался к религии вотяков и к их молитвам ²⁴.

Этнографические работы А. И. Герцена о русских, вотяках и черемисах Вятской губернии, несмотря на свой небольшой объем, несомненно, крупное явление в этнографической литературе 1830-х годов.

Прежде всего, перед нами не просто фактическое описание отдельных явлений быта и культуры, а исследование, охватывающее важнейшие стороны материальной и духовной культуры этих народов, причем все эти явления взяты в определенном теоретическом аспекте.

Статья «Вотяки и черемисы» начинается с определенных теоретических положений. «...Описание же их (вотяков и черемисов.— Н. С.) быта чрезвычайно важно, ибо это — последний документ их истории,— пишет Герцен.— У них нет преданий; можно только по настоящему быту догадаться о их прошедшем» ²⁵. Герцен, конечно, ошибался, утверждая, что у вотяков и черемисов не было исторических преданий. Они были ему просто неизвестны. Но это не умаляет значения той теоретической постановки вопроса, какую сделал Герцен о роли этнографического материала как исторического источника. Современный быт народа рассматривается им как важнейший источник, «документ» истории народа.

В такой четкой форме вопрос о связи этнографии и истории был впервые поставлен в русской науке.

Далее Герцен переходит в статье к отдельным вопросам этнографии вотяков и черемисов. Герцен освещает вопросы этногенеза, материальной культуры (жилище, одежда), духовной культуры (религия, народное творчество) и, наконец, христианизацию вотяков и черемисов. При изучении этногенеза вотяков и черемисов Герцен использовал русскую и иностранную литературу, имевшуюся в то время. Он ссылается на материалы Карамзина и Фишера, излагает взгляды немецкого географа и натуралиста Гумбольдта и известного французского географа Мальбрена и т. д. Используются и скандинавские саги. В соответствии с твердо установившимся в науке XVIII и начала XIX в. мнением о древних финских государствах Кириаландии и Биармии, Герцен считает, что финны до переселения народов, в эпоху Римской империи, составляли «племя сильное и очень многочисленное», занимавшее огромную полосу территории на севере Европы и Азии. При появлении новых племен с востока финны уступили место пришельцам. «Цель бытия их как бы окончилась: они расчистили землю, обновили ее, доказали обитаемость и, теснимые другими племенами, разбежались, скрываясь от победителей за Карпатскими горами, в странах прибалтийских и оставляя часть своего племени на прежде бывшем месте жительства. Павши совершенно, они должны были прийти в дикость». В этих условиях и произошла встреча новгородцев с вотяками и черемисами на берегах Камы и Вятки. «Малочисленная ватага» новгородцев победила эти племена. В итоге встречи произошла ассимиляция вотяков и черемисов с русским племенем. «Физиономия этого племени начинает стираться, русское население поглощает более и более финское,— новый повод к тому, чтоб заняться ими...»

Далее Герцен переходит к современной материальной культуре вотяков, говорит об их жилище, показывая отличия вотяцких деревень от русских, рассказывает об их одежде, подчеркивая близость ее к одежде русских крестьян. Рассказывая о религии вотяков, Герцен сообщает о тех богах, в которых верят вотяки, о их жертвенных местах. («кереметь»), их представлениях о будущей жизни, их молитвах и религиозных праздниках.

²⁴ А—II, стр. 92; А—VIII, стр. 265, прим. 1.

²⁵ А—I, стр. 368—369.

Останавливается Герцен и на устном творчестве вотяков (песни), и на их языке. Замечания о языке вотяков показывают, что он старался уяснить себе особенности их языка.

Особый раздел посвящен христианизации вотяков. Герцен отмечает формальный характер крещения и религиозный синкретизм вотяков. «Но должно признаться, что большая часть из них нисколько не понимают христианской веры и в душе остались теми же идолопоклонниками, хотя и скрывают свою привязанность к прежней вере. Благоразумные священники в некоторых местах приняли весьма хорошую методу: они дозволяют им некоторые языческие обыкновения, не относящиеся к догматам веры, но к которым они привыкли с незапамятных времен. Еще более, они самые эти обычаи соединили с формами религиозными и таким образом привязали их к новым обрядам. Так, например, они дозволяют в летний праздник закалывать лошадь и есть ее, но предварительно служат молебен и части лошади кропят святой водою»²⁶.

В характеристике черемисов Герцен останавливается на их материальной культуре (одежда), брачных обрядах и религиозных воззрениях.

Небольшая статья «Русские крестьяне Вятской губернии» дает общую этнографическую характеристику русских крестьян Вятской губернии. Герцен подчеркивает «резкое» отличие их от крестьян других губерний. «Новгородская колония, поселившаяся около XIII столетия на берегах Вятки, управляемая почти без всякой зависимости от Москвы, отделенная татарами и финскими племенами от Новгорода и от соотчичей вообще, осталась как бы забытая в своих дремучих лесах и образовала свой быт — смесь быта древнего с влиянием местности». Наречие вятских крестьян «удивительным образом» походит на язык «старинных летописей».

Архитектура изб — «дургой факт», также свидетельствующий об отличии быта вятских крестьян от быта крестьян других губерний. «Они строят вообще избы высокие, двухэтажные...». Третье различие — «еще ярче». «Это — страсть вятских крестьян к переселениям на новые места». Если во внутренних губерниях одна власть помещика может заставить крестьянина расстаться с местом его жительства и он оставляет его со слезами, то вятские крестьяне поступают совсем иначе — истощение земли, малейшие неудобства — «и он готов идти со своим семейством во глубину леса, расчистить там поле, поставить избу и жить без соседей».

В заключение статьи перечисляются занятия вятских крестьян: хлебопашество, пчеловодство, скотоводство и «обыкновенные работы сельского быта». В особенности они хорошо выделывают «все деревянное», «отдавая тем дань» богатым лесам²⁷.

Статьи Герцена в «Вятских губернских ведомостях» — историко-этнографические исследования, в которых, несмотря на их небольшой объем, ставятся основные вопросы этнографии русского и национального населения Вятской губернии. Этнографические факты умело сочетаются с фактами историческими (особенности быта русских крестьян выводятся из фактов самой колонизации края и т. д.).

Говоря об этнографических работах Герцена, опубликованных в «Вятских губернских ведомостях», нельзя не коснуться одного эпизода, подчеркнувшего особую актуальность и остроту этих статей.

Как мы уже отмечали, Герцен в статье о вотяках и черемисах указал на формальный характер крещения вотяков и на сохранение у них многих языческих обычаев. Прекрасно это было раскрыто и в статье «Вотяцкие молитвы». Хотя каждая из приведенных молитв и начиналась обра-

²⁶ А—I, стр. 368—372.

²⁷ А—I, стр. 372—373.

щением к богу («дай, господи...»), но, по существу, это были старые языческие молитвы, связанные с хозяйственными работами вотяков (молитвы: «перед посевом хлеба», «при выходе на сенокос», «при выходе на жатву», «перед кладкою хлеба», «когда приносят в жертву быка», «на случай звероловства» и др.).

Писарь Балезинской волости Глазовского уезда прочитал статьи Герцена вотякам на волостном сходе. Услышав описания своих языческих обычаев, напечатанные в газете, вотяки вывели заключение, что начальство разрешает им держаться прежних языческих обычаев, так как — рассуждали они — газета прислана сюда по обычному ходу дел — к исполнению тех циркуляров и распоряжений, которые в ней печатались. То же самое получилось с вотяками соседних с Балезинским приходов — Кулигинского, Понинского и Глазовского. Местный миссионер донес обо всех этих фактах вятскому епископу, причем высказал опасения, что эти статьи могут привести к возобновлению языческих обычаев у вотяков. Епископ обратился к губернатору с просьбой изъять из районов жительства вотяков номера газет с криминальными статьями. Одновременно губернатором было назначено следствие «о законопротивном поступке» балезинского писаря. На следствии писарь объяснил чтение им газет на сходе желанием выяснить «действительно ли вотяки читают в настоящее время такие молитвы, какие приведены в газете». Опрошенные 165 вотяков Балезинской волости подтвердили это показание, прибавив, что они никому не говорили, что теперь имеют разрешение совершать старые моления. Так были восприняты вотяками статьи Герцена в чтении балезинского писаря.

Вятский епископ, возбудив дело о криминальных статьях Герцена, одновременно обратился в Синод с опровержением этих статей, особенно той части «Вотяки и черемисы», где Герцен писал о «благоразумных священниках», разрешающих вотякам некоторые языческие обычаи, например, в летний праздник приносить в жертву лошадь и есть ее, при условии совершения предварительного молебна с окроплением частей лошади. «Этого не только благоразумный, но и самый безрассудный священник не сделает», — писал епископ. Скоро однако, вятский епископ вынужден был признать правоту Герцена, сообщив в своем последующем донесении в Синод о подобном факте²⁸.

С именем Герцена связана и первая выставка в Вятке. Она была организована в 1837 г. в связи с проездом через Вятку наследника. Вся организация выставки была поручена Тюфяевым Герцену. «Между разными распоряжениями из Петербурга велено было в каждом губернском городе приготовить выставку всякого рода произведений и изделий края и расположить ее по трем царствам природы. Это разделение по царствам очень затрудняло канцелярию и даже отчасти Тюфяева. Чтоб не ошибиться, он решился, несмотря на свое неблагоприятное положение, позвать меня на совет. «Ну, например, — говорил он, — куда принадлежит мед? Или золоченая рама — как определить куда она относится?» Увидя из моих ответов, что я имею удивительно точные сведения о трех царствах

²⁸ Дело о криминальных статьях Герцена по материалам вятских архивов было изложено П. Н. Лупповым в статье «А. И. Герцен в Вятской ссылке» («Вятская жизнь», 1923, № 2). П. Н. Луппов ошибочно связал это дело только со статьей «Вотяки и черемисы». Между тем, как это совершенно ясно видно из показаний балезинского писаря, дело шло о статьях «Вотяки и черемисы» и «Вотяцкие молитвы». Балезинский писарь зачитывал молитвы именно из последней статьи. В статье «Вотяки и черемисы» текста молитв нет.

Статья П. Н. Лупова, интересная изложением именно этого дела, прошла незамеченной в свое время, и в обширной литературе о Герцене нет упоминания ни о ней, ни о деле о криминальных статьях. Надо указать также, что обстоятельства этого дела остались неизвестными, видимо, и самому Герцену. Когда возникло дело, Герцен был уже во Владимире. В работах Герцена нигде нет даже малейшего упоминания об этом деле.

природы, он предложил мне заняться расположением выставки»²⁹. На этой выставке Герцен занимался и «размещением деревянной посуды и вотских нарядов, меда и чугунных решеток...»³⁰.

Выставка отняла у Герцена много времени. «Проклятая выставка вся на моей шее...» пишет он Н. А. Захарьиной 15 мая 1837 года³¹. Объяснения на выставке при посещении ее наследником и В. А. Жуковским пришлось давать тому же Герцену.

До нас дошел каталог выставки. Он носит название «Систематический указатель естественных и искусственных произведений, находящихся на губернской выставке 1837 года в Вятке»³². Из каталога видно, что заметное место на выставке занимал этнографический материал. На выставке были представлены посуда «крестьянской работы», а также земледельческие орудия и «слесарные изделия» удельных крестьян, «разные вещи, плетеные из корней», «столярные произведения крестьян различных уездов», «сельская утварь», предметы одежды и обуви (юфтенные, опойки, козлиные, овечьи, бараньи, лосиные, замшевые изделия) и т. д. На выставке были представлены также предметы культуры и быта национального населения Вятской губернии: «татарские костюмы», «вотские шляпы», «татарские шляпы» и «малахаи», «вотское сукно» и т. д.

Исходя из истории организации выставки, не приходится сомневаться, что Герцен имел к составлению каталога самое прямое отношение. Он был либо автором, либо редактором каталога.

Этнографическая работа Герцена была продолжена во Владимире. Здесь, как и в Вятке, ему было поручено редактирование неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей». Начиная с № 10 этого издания, вышедшего в январе 1838 г., и до июля 1839 г. он осуществлял это редактирование.

Вопрос о работе Герцена во владимирской газете недавно был специально исследован в интересной статье Н. Н. Баландиной: «А. И. Герцен и «Владимирские губернские ведомости»»³³. Н. Н. Баландина показала глубокое отличие содержания неофициальной части «Владимирских губернских ведомостей» до редакторства Герцена и при нем. Первый номер «Прибавлений», от 8 января 1838 г., содержал программное редакционное сообщение: «Назначение и предметы содержания губернских ведомостей, особенно части их неофициальной». Статья имела ярко выраженный монархический характер.

В номерах 16 и 17 «Прибавлений» появилась обширная заметка «От редакции», принадлежавшая Герцену, имевшая программный характер и намечавшая новый курс издания. В этой заметке Герцен обращался ко всем корреспондентам с просьбой присылать материалы и намечал те основные разделы, по которым «с особенной благодарностью приняла бы редакция всякие сведения». Прежде всего — это раздел «О быте народном».

В заметке развернута целая программа изучения народного быта, причем программа, исходящая из определенных теоретических позиций. Быт народа, быт крестьянства чрезвычайно важен для изучения истории народа — «всякая особенность, в каком бы роде она ни была, есть драгоценный факт» и «самые праздники и обычаи ведут иногда к историческим открытиям». «Ничего не должно пропадать из быта народного», подчеркивает Герцен. Акцентируя внимание на быте крестьян-

²⁹ А—VIII, стр. 293.

³⁰ Там же.

³¹ А—XXI, стр. 170.

³² «Губернская выставка в городе Вятке в 1837 году», «Труды Вятской ученой архивной комиссии», 1912, вып. III, отд. III, стр. 57—66.

³³ «Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958.

ства, Герцен не забывает и городского населения, указывая на необходимость изучения и его быта, отмечая, что оно «имеет свои отличительные черты в каждом городе». Стесненный рамками официального издания, Герцен, конечно, не мог поставить в своей программе в полном объеме тему о крепостном праве и его влиянии на быт крестьянства. Однако его призыв изучать «частные причины возвышения или упадка деревень» содержал недвусмысленный намек на крепостничество в деревне.

Второй раздел программы — «Исторические памятники». «Вся Владимирская губерния есть огромный памятник Суздальского великокняжества и веков последующих. Сколько же должно находиться в пределах этой губернии драгоценных древностей; Владимир, Суздаль, Александров и другие города представляют обширное поле для исторических исследований»³⁴. Далее Герцен останавливается на необходимости изучения памятников архитектуры, как исторических памятников (старинные церкви) и памятников письменности (документы, рукописи.)

Третий раздел озаглавлен «Торговля», но содержание его шире. Герцен говорит в нем также о «мануфактурной и фабричной деятельности губернии», указывая, что изучение этой деятельности поведет к «прямому заключению о материальном благосостоянии ее жителей». Все значительные заводы и фабрики, по мнению Герцена, «имеют право на подробное описание». Наконец, чрезвычайно важны сведения и о ремеслах как крестьян, так и горожан. Все это необходимо «для полного обзора промышленного быта губернии». Не следует забывать и «мелочную торговлю», а также ярмарки.

Четвертый раздел — «сведения физические». В нем Герцен пишет о желательности получения материалов о климате губернии, почве, горных породах, растениях, животных и т. д.

«Вот на первый случай краткое исчисление самонужнейших предметов для составления полной и отчетливой топографии Владимирской губернии», заканчивает свой призыв к читателям и корреспондентам Герцен³⁵.

В какой степени Герцену удалось осуществить свою программу? В той же статье Н. Н. Баландиной приведен любопытный материал, показывающий, что Герцену, если не в полной мере (это было невозможно в рамках официального издания), то отчасти удалось ее реализовать.

Правда, специальных статей, посвященных положению трудовых масс, в газете не было. Но разбросанные в различных статьях материалы и сведения о жизни народа находим в обоих отделах газеты — статистическом и историческом.

В противоположность этому, дворянству в газете отводилось мало места. «Сообщения о награждении М. М. Сперанского, да три заметки о губернских выборах — вот все, что писала неофициальная часть о «господах помещиках»³⁶.

Герцен всячески стремился поощрять читателей и корреспондентов «Владимирских губернских ведомостей» к присылке материалов о положении народных масс и их быте.

Конечно, в помещении материалов о положении народных масс Герцен был связан и цензурными рамками и самим характером издания. Так, в газете печатались извлечения из официальных материалов об экономике, образовании и т. д. Однако умело подобранные материалы зачастую даже без всяких комментариев говорили за себя. Так, в 1839 г. Герцен поместил выдержки из отчетов Приказа общественного призре-

³⁴ А—I, стр. 375.

³⁵ А—I, стр. 375—376.

³⁶ «Ученые записки Владимирского государственного педагогического института им. П. И. Лебедева-Полянского», Владимир, 1958, стр. 152.

ния, раскрывавшие картину потрясающей детской смертности в воспитательных домах. В одной из таблиц указывалось, что в 1837 г. в Суздале из 43 младенцев приюта умерло 40, а в 1838 г. в юрьевском приюте из 38 младенцев умерло 36³⁷.

Показательна также заметка «Состояние урожая и вообще средства народного продовольствия». В заметке сообщались данные о том, что урожай во Владимирской губернии в 1838 г. «был сам друг небольшим превышением» и с крестьян при сборе остались недоимки³⁸.

Обработку официальных статистических материалов проводил сам Герцен. Свидетельство об этом находим в статье К. А. Тихонравова «Замечательные деятели во «Владимирских губернских ведомостях», с начала их существования»³⁹, написанной, несомненно, по материалам архива этого издания. В этой статье К. А. Тихонравов писал: «С № 10 [1838 г.— Н. С.] А. И. Герцен уже постоянно участвует в губернской газете трудами своими по разработке официальных статистических данных о губернии за 1837 год и разными заметками по современной хронике».

Обработка официальных статистических данных по городам проведена была Герценом по единой программе: здания, народонаселение, потребление, торговля, промышленность, ремесла, хозяйство города.

Газета знакомила читателей с местным народным творчеством. Были напечатаны местные пословицы, извлеченные из сборника Снегирева «Русские пословицы»⁴⁰.

Успешно реализовалась и вторая часть программы, развернутой Герценом в редакционной статье,— публикация материалов об историческом прошлом Владимирской губернии. В газете печатались сообщения о древних монастырях и церквях, заметки о прошлом губернии, а также старинные документы.

В конце 1838 г. в № 50 «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям» Герцен вновь поместил сообщение «От редакции», где подвел итоги издания «Прибавлений» за 1838 г.⁴¹

Герцен отмечает всю важность помещенных в газете статистических материалов, считая, что «совокупность «Прибавлений» за несколько лет должна представить возможно полную статистику Владимирской губернии».

Работа Герцена во «Владимирских губернских ведомостях» продолжалась до середины 1839 г. В июле 1839 г. Герцен уезжает в Москву.

Редакторская работа Герцена — необычный факт в истории провинциальной печати 30-х годов. Та программа по изучению народного быта, которую выдвинул Герцен на страницах «Владимирских губернских ведомостей», бесспорно, единичное явление. И реализовать ее в полном объеме было, конечно, невозможно. В начале 1839 г. Герцен сам признал неполноту и недостатки редактируемого им издания в сравнении с намеченной программой. Это не умаляет, однако, значения ни редакторской работы Герцена, ни самой программы.

Программа исследования народной жизни, развернутая Герценом на страницах «Прибавлений» к «Владимирским губернским ведомостям» и тесно связанная с работой, которую он начал еще в Вятке, требует особого рассмотрения и сопоставления как с общественно-политическими и научными взглядами Герцена 30-х годов, так и с фактами в области развития русской этнографической науки того времени.

Молодому Герцену была прекрасно известна этнографическая лите-

³⁷ «Прибавления к Владимирским губернским ведомостям», 1839, № 11 от 18 марта.

³⁸ «Прибавления к Владимирским губернским ведомостям», 1839, № 21 от 27 мая.

³⁹ «Владимирские губернские ведомости», 1874, № 74.

⁴⁰ Там же, 1838, № 33, от 20 августа.

⁴¹ А—I, стр. 376.

ратура 30-х годов, и по отношению к тем течениям, которые были в современной ему этнографической науке, он занимал вполне определенные позиции. Герцену были знакомы работы Надеждина и Сахарова, труды Снегирева и Пассека.

Герцен понимал все значение этнографических явлений для раскрытия исторического процесса. Еще в «Вятских губернских ведомостях», в статье о вотяках и черемисах, он подчеркнул все значение этнографических фактов для изучения истории народа. Этнографические факты важны для воссоздания истории не только народов, не имеющих развитой литературы (вотяки и черемисы), но и таких, как русские или англичане и другие народы Западной Европы. Значение этнографического факта для истории русского народа Герцен подчеркнул в статье о русских крестьянах Вятской губернии. А в редакционной статье в «Прибавлениях» к «Владимирским губернским ведомостям» он высказал следующие принципиальные соображения о современном состоянии исторической науки на Западе. «Ныне во всей Европе с величайшим вниманием собираются малейшие частности быта простого народа, в котором преимущественно сохранились и поверия и предания древности: к этому привело современное состояние исторических наук, которое стремится к воссозданию прошедшего со всем его духом и телом. Каким пособием служили, например, знаменитому О. Тьерри подробности нравов и обычаев времени Вильгельма Завоевателя!»⁴².

Отчетливо и ярко формулируя значение этнографических явлений для понимания исторического прошлого, Герцен не ограничивался только этим в характеристике задач изучения народного быта. Изучение современного быта народа было для него еще более важной задачей.

Односторонний уход в историческое прошлое и идеализация этого прошлого встречали резкое осуждение Герцена.

Этнографические работы Герцена во второй половине 30-х годов — не только замечательная страница в творческой биографии великого русского революционера, но и новая яркая страница в истории русской этнографической науки.

Акцентируя внимание на современном народном быте, Герцен, вместе с тем, сближал этнографию с историей, вносил принцип историзма в этнографическую науку.

В советской науке были высказаны соображения, что эти важные принципиальные установки в развитии этнографической науки связаны с именами Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина и падают на 40-е годы XIX века⁴³.

Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин, бесспорно, имеют крупные заслуги в истории русской этнографии, но вряд ли их можно считать «первооткрывателями» и именно с ними связывать первые формулировки о связи этнографии и истории, первые формулировки о значении изучения народного быта для воссоздания исторического прошлого.

Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин в этом отношении подхватили то, что было уже сказано передовыми представителями русской общественной мысли 30-х годов — А. И. Герценом и В. Г. Белинским⁴⁴. Русская этнографическая наука XVIII — первой половины XIX века, так же как и в целом русская историческая наука, тесно связана именно с передовой русской общественной мыслью. Татищев, Ломоносов, Крашенин-

⁴² А—I, стр. 379. Герцен имеет здесь в виду широко известную работу О. Тьерри «История завоевания Англии норманнами» («Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands»).

⁴³ Н. Н. Степанов, Русское географическое общество и этнография, «Сов. этнография», 1946, № 4; С. А. Токарев, Вклад русских ученых в мировую этнографию. «Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I, М., 1956.

⁴⁴ Творческое наследство В. Г. Белинского в области этнографии еще ждет своего исследователя.

ников, Радищев, декабристы, Герцен и Белинский, Чернышевский и Добролюбов — таковы основные имена, которые определяли переломные этапы в развитии русской этнографической науки. И не случайно принцип историзма в русской этнографической науке был сформулирован впервые в 30-е годы XIX века.

Разгром восстания декабристов заново поставил перед новым поколением дворянских революционеров проблему народных масс. Герцен и его друзья впервые в истории русской общественной мысли выдвинули вопрос о создании «народной истории», рассматривая народ как «пружину» исторического движения.

В связи с этим и проблема народного быта становится проблемой исторической. То, что раньше, казалось, не имело значения для исторического движения, приобретает сейчас определенную ценность и значимость.

Конечно, высказывания А. И. Герцена о значении изучения народного быта и связи этой проблемы с историей народа — только первые формулировки в разработке очень важной теоретической проблемы «историзма в этнографической науке». В 60-х годах следующий шаг в этом направлении был сделан представителями нового поколения революционеров — Чернышевским и Добролюбовым. Однако впервые эти задачи были выдвинуты во второй половине 30-х годов в работах Герцена. И в этом большое историографическое значение этнографических работ Герцена этого времени.

SUMMARY

The ethnographic works of A. I. Herzen, written in the 1830's, constitute an important stage in the creative work of this great Russian Revolutionary Democrat and a notable contribution to the history of Russian ethnography.

Herzen was the first in the history of Russian science to bring together history and ethnography. He regarded the life and culture of the Russian people and of other peoples of the Russian empire as historical realities of cardinal importance. This approach to the problem reflected a new stage in the development of Russian revolutionary thought following the defeat of the Decembrists' rising, when the new generation of revolutionaries stemming from the nobility began to look upon the people as a creative force, as the mainspring of historical progress.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Я. В. ЧЕКАНОВСКИЙ

К ОЦЕНКЕ «ЛЬВОВСКОЙ ШКОЛЫ» ПРОФЕССОРОМ Г. Ф. ДЕБЕЦЕМ

Свою критическую статью о методах расового анализа «львовской школы»¹ Г. Ф. Дебец заканчивает словами: «Приходится признать, что работы «львовской школы» ни в малейшей мере не продвинули антропологическую науку в целом по пути объективизации методов, что в основе этих работ по существу лежит еще бо́льшая произвольность, чем в критикуемых сторонниками этой школы «впечатлениях морфологов» (стр. 153). Неужели положительная оценка наших достижений, данная передовым американским антропологом А. Л. Крёбером в его учебнике антропологии и в предисловии к работе С. Климека², а также оценка «Антропологического ежегодника» (1955) совсем лишены основания, точно так же, как и избрание меня в почетные члены «Швейцарского Антропологического Общества» после напечатания труда, посвященного антропологическому составу населения Швейцарии, исследование которого проведено нашими статистическими методами?

Следует выяснить, насколько обосновано мнение Г. Ф. Дебеча о том, что «львовская школа» не продвинула антропологию по пути объективизации методов и какие рассуждения могли его привести к заключению, что, «пользуясь методом Я. В. Чекановского, можно с тем же успехом доказать, что: а) четыре элемента *a, e, h, l* входят в состав любой популяции в иной пропорции; б) в составе любой популяции имеются четыре (или три, или пять, или любое другое количество) каких-либо иных элементов» (стр. 152).

Эти аргументы выдвинуты моим критиком для защиты субъективного «морфологического метода» от уже существующей возможности объективно контролировать наши субъективные впечатления, а также уточнять результаты исследований, теснее связывая обобщения с непосредственными наблюдениями. Целесообразность применения объективного контроля была мною уже показана на примере неандертальской расы³, а лучшим доказательством положительной оценки этого достижения «по пути объективизации методов» было помещение моего метода в известном учебнике проф. Р. Мартина⁴. Этот знаменитый антрополог уже в 1914 г. считал объективизацию «морфологического метода» существен-

¹ Г. Ф. Дебец. Методы расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы. «Сов. этнография», 1959, № 3, стр. 138—153.

² A. L. Kroeber, *Anthropology*, New York, 1948; S. Klimek, *The Structure of Californian Indian Culture, Culture Element Distributions, I*, «University of California. Publications in American Archaeology and Ethnology», 1935, т. 37, № 1, стр. 1—70.

³ J. Czekanowski, *Zur Differentialdiagnose der Neandertalgruppe*, «Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie», 1909, т. 41, стр. 44—47.

⁴ R. Martin, *Lehrbuch der Anthropologie*, 2-e Auflage, Jena, 1928.

ной необходимостью и в этом отношении принципиально отличался от Г. Ф. Дебеца. Я, его ученик, стараюсь только исполнить его завешание. Я тоже убежден, что без объективизации методов, т. е. без применения математической статистики, антропология не выйдет из морфологического хаоса, вызванного тем, что авторитеты оперируют собственными «расами», точно их не определяют и не берут на себя труд выяснить их отношение к «расам», введенным ранее.

Антропологические описания населения Европы базируются на предположении, что оно представляет собой результат смешения нескольких рас. Дольше применяемый морфологический метод не привел к общепринятому синтезу. Однако в большинстве случаев различными названиями обозначены незначительно отличающиеся друг от друга морфологические типы. Это сознавали передовые антропологи в восьмидесятых годах прошлого столетия. Не следует забывать, что уже Ю. Кольманн обратил внимание на синонимы антропологической терминологии⁵. Применение статистического метода позволяет нам не только выяснять взаимоотношение «рас» у различных авторов, но и использовать результаты исследований, произведенных не совсем идентичными методами⁶.

Главные синтетические достижения «морфологического метода» в области исследования антропологического состава нынешнего населения Европы к концу прошлого столетия были даны И. Деникером и У. З. Рипли⁷. Оба, базируясь на географическом распределении арифметических средних головного указателя и роста, а также на численностях категорий цвета глаз и волос, пришли к различным результатам. Деникер выделил десять рас, различая шесть первичных и четыре вторичных, а Рипли по-прежнему только три. Этого разногласия не умели объяснить морфологи первой четверти нашего столетия. Скептики считали это якобы бесспорное противоречие лучшим доказательством неаучности методов, применяемых передовыми антропологами в их исследованиях.

Наши типологические определения убедили нас, что Рипли в своей «альпийской расе» соединил два сильно отличающихся короткоголовых элемента, выделенных уже Ю. Кольманном⁸. «Львовская школа», базируя аналитическое описание населения Средней Европы на следующих четырех расовых элементах: северном, средиземноморском, арменоидном и лапаноидном (в формулах их численности обозначены соответственно: *a, e, h, l*), является наследницей Кольманна и Рипли, а также и их предшественников, включая Поля Брока. Новое, внесенное «львовской школой», заключается в модификации характеристик рас, данных Кольманном, и способе их использования для антропологического анализа.

Гипотеза четырех рас имеет старую почтенную традицию. Ее не опровергли результаты, полученные И. Деникером. «Львовской школой» было показано, что он получает свои десять рас, приобщая к трем расам В. Рипли гибридные формы выделенных нами рас и «восточную расу», по его мнению, свойственную Восточной Европе, светловолосость которой была подчеркнута уже Л. Суворецким в 1824 г. Это — «палеоазиатский тип», который «львовская школа» считает характерным первоначальным составным компонентом финских племен. Однако то обстоя-

⁵ J. Kollmann, Europäische Menschenrassen. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1882, т. 9, стр. 2—4.

⁶ J. Czekanowski, Schweizerische anthropologische Aufnahme im Lichte der polnischen Untersuchungsmethoden. «Przegląd antropologiczny», 1954, т. 20, стр. 236; его же, Polska synteza antropologiczna w perspektywie historycznej, там же, 1956, т. 22, стр. 562; его же, Zur Anthropologie des Baltikums, «Materiały i prace antropologiczne», 1957, стр. 9, 11.

⁷ J. Deniker, Les races européennes, «Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris», 1897, série IV, т. 8, стр. 189—208; его же, Les races de l'Europe, «L'Anthropologie», 1898, т. 9, стр. 113—133; W. Z. Ripley, The Races of Europe, London, 1900.

⁸ J. Kollmann, Указ. раб., стр. 4.

тельство, что эта раса была уже выделена Ю. Кольманном на обработанном им материале, говорит в пользу мнения В. Кочки⁹, который считает ее «палеоевропеоидной» формой, свойственной европейскому мезолитическому периоду, реликтом, лучше сохранным в более архаической Восточной Европе, а в особенности у финнов. Таким образом, исчезает подрывающее авторитет антропологии противоречие синтезов И. Деникера и В. Рипли. Это очень важно потому, что синтезы антропологического состава населения Европы, данные в последних десятилетиях (Гюнтер, Эйкштедт, Биасутти), составляют только модификации синтеза И. Деникера, отличающиеся количеством гибридных форм, принятых в расчет, и терминологией. Это можно показать, пользуясь нашими статистическими методами.

Антропологический анализ населения швейцарских кантонов на основании точно сформулированных свойств антропологических элементов и аналитических методов, так положительно оцененный швейцарскими антропологами, составляет достаточное обоснование гипотезы о сложении населения Средней Европы из четырех компонентов. Отрицательное отношение проф. Г. Ф. Дебеца к нашим исследованиям не позволило ему заметить это опровержение его тезиса. Его интересует только то, что, по его мнению, компрометирует «львовскую школу».

Сущность критики Г. Ф. Дебеца заключается в том, что он произвольно модифицирует данные исследователями интерпретации групп, выделенных при типологизации материала графическим методом, или меняет характеристики антропологических элементов. Для него эти произвольные действия допустимы, если они приводят к сумме четырех элементов равной 1,000. Это предположение позволяет ему показывать, что «четыре элемента *a*, *e*, *h*, *l* входят в состав любой популяции в иной пропорции» (стр. 152) и что в составе одной средневропейской популяции можно выделить четыре других элемента.

Это было бы правильно, если бы сумма элементов, равная единице, или теоретическая средняя головного указателя, очень близкая к наблюдаемой, доказывали верность антропологического результата статистического анализа. Но ведь эти критерии свидетельствуют лишь о том, что данный аналитический вывод допустим исходя из этих двух критериев. Однако удовлетворение двум указанным условиям еще недостаточно. Может случиться, что одно из двух решений, в одинаковой степени удовлетворяющих оба условия, приходится признать невероятным по иным соображениям. Наши критерии только контролируют результат анализа, но ничего не доказывают.

Рассмотрим теперь доказательства, которые якобы позволяют проф. Г. Ф. Дебецу утверждать, что «четыре элемента *a*, *e*, *h*, *l* входят в состав любой популяции в иной пропорции».

Р. Ендык¹⁰ показал, что черепа кочевников VIII—IX в., опубликованные Г. И. Чучукало¹¹, по своему антропологическому составу очень близки черепам из кавказских дольменов, курганов и могил, а отклоняются от них в направлении антропологического состава черепов из могил скифо-сарматской эпохи б. Полтавской губернии (обе эти серии черепов были опубликованы А. Богдановым¹²). Таким образом, было показано, что результат антропологического исследования подтверждает предполо-

⁹ W. Kočka, Zagadnienia etnogenezy ludów Europy. «Materiały i prace antropologiczne», 1958, № 22, стр. 1—296.

¹⁰ R. Jendyk, Czaszki złańskie z VIII—IX wieku, «Kosmos», 1930, т. 55, стр. 127—140.

¹¹ Г. И. Чучукало, Черепа из Верхне-Салтовского могильника, «Материалы по антропологии Украины», Харьков, 1926, т. 2.

¹² А. П. Богданов, О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов, «Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1880, т. 35, ч. 1, вып. 1—3, стр. 263—278; его же, О черепах из кавказских курганов и могил, там же, стр. 419—434.

жение А. А. Спицына, который считал могильник с черепами, обработанными Г. И. Чучукало, принадлежащим иранским аланам. Как известно, они были средневековой племенной формацией, родственной древним скифо-сарматам.

Но не этот важный результат интересует Г. Ф. Дебеца. Он его не замечает. Для него важно вычисление антропологического состава при опечатке в работе Р. Ендыка, искажающей текст автора, хотя внимательный читатель не может ее не заметить точно так же, как и опечатку в таблице на стр. 150 статьи Г. Ф. Дебеца, искажающую работу Ф. Вокроя. Что вычисленный моим критиком «иной состав» невероятен, можно убедиться, применяя критерий арифметической средней головного указателя. Для состава (с опечаткой), вычисленного критиком, получается теоретическая средняя 73,85. Она отклоняется на 1,10 от действительной 74,95, а состав, данный Ендыком, только на 0,01. Эта попытка дискредитировать «львовскую школу» показывает, что критик не умеет пользоваться ее контрольным аппаратом.

Не менее интересна попытка дискредитировать диссертацию Р. Ендыка¹³. Критикуя данный Р. Ендыком антропологический состав черепов из львовской «казацкой могилы», Г. Ф. Дебец высказывается против исключения 20 черепов, которые Р. Ендык на основании диаграммы разниц считает чуждыми «казацкой» серии. Основанием для критики служит то обстоятельство, что при иной системе уравнений получается сумма четырех элементов, равная 0,9944. Применение критерия арифметической средней головного указателя здесь невозможно, потому что арифметические средние полной серии неизвестны. Что Р. Ендык был прав, исключая 20 спорных черепов, подтвердила 8 лет спустя работа Ф. Вокроя, рассмотренная ниже¹⁴. Г. Ф. Дебец доказывает, что после исключения 20 черепов при иной системе уравнений получается сумма четырех элементов, равная 0,9981. Невероятность этой «иной пропорции» показывает применение критерия арифметической средней головного указателя. И здесь контрольный аппарат «львовской школы» справился со своим критиком.

Проф. Г. Ф. Дебец не отдает себе отчета в том, что перемена системы уравнений, из которых вычисляются доли антропологических элементов, влечет за собой перемену интерпретации антропологического содержания групп, выделенных при типологизации материала. В каждом случае следует показать, что вводимая перемена интерпретации соответствует свойствам интерпретированных групп. Этим вопросом не занимался наш критик, свободно жонглирующий членами системы уравнений.

Сопоставим здесь аналитические результаты Р. Ендыка и Г. Ф. Дебеца с результатами анализа антропологического состава кубанских казаков украинского происхождения, данного Ф. Вокроем на основании наблюдений над живыми, сделанных Н. В. Гильченко¹⁵. Как известно, кубанские казаки украинского происхождения — потомки запорожских казаков, переселенных императрицей Екатериной II на Кубань в 1775 году после разрушения Запорожской Сечи. Генерал Текелий насчитал в то время 59.637 жителей Сечи.

Сравнение результатов исследования черепов из львовской «казацкой могилы» и живых (кубанские казаки украинского происхождения) очень интересно. Оказывается, что эти две серии (черепа и живые) почти не отличаются по своему антропологическому составу. Это позволяет заключить, что:

¹³ R. Jendyk, Czaszki z lwowskiej mogiły kozackiej, Lwów, 1930 (диссертация).

¹⁴ F. Wokroj, Kozacy Kubańscy pod względem antropologicznym, «Przegląd antropologiczny», 1938, т. 12, стр. 419—440.

¹⁵ Н. В. Гильченко, Материалы для антропологии Кавказа. 2—3. Кубанские казаки. «Изв. Общ-ва любителей естествознания... Труды антропологич. отдела», 1897 т. 90, № 28, стр. 109—254.

гипотезе (а). Вследствие этого вычисления проф. Г. Ф. Дебеца лишены основания.

Проф. А. Ванке заметил, что результаты типологических определений живых соответствуют гипотезе:

$$(a + e + h + l)^3 = 1 \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (б)$$

значит, доли антропологических элементов соответственно гипотезе (б) дают следующее вычисление:

Немецкие колонисты Прикарпатья			
Мужчины		Женщины	
$a^3=0,0229$	$a=0,284$	$a^3=0,0110$	$a=0,222$
$e^3=0,11$	$e=0,226$	$e^3=0,0110$	$e=0,222$
0,0191 $h^3=0,0115$	$h=0,267$	$h^3=0,0257$	$h=0,295$
$l^3=0,0191$	$l=0,267$	$l^3=0,0363$	$l=0,353$
Сумма элементов		1,044	1,072

Хотя результаты типологизации живых на основании диаграмм очень неточны, однако и здесь по гипотезе (б) полученные суммы четырех элементов несравненно ближе к теоретической величине 1,0, чем полученные при гипотезе (а). Их отклонения от 1,000 показывают, что у мужчин два, а у женщин три представителя гибридных форм, вопреки статистическому ожиданию, попали в категорию расовых элементов. Только в последнее время вполне удовлетворительное решение вопроса типологического определения живых дало применение приблизительной формулы А. Ванке. Это доказано работами Б. Мишкевича и Б. Гржесецкой¹⁷.

Соответствие результатов типологических определений черепов гипотезе (а), а определений живых — гипотезе (б) объяснить нетрудно. Определение черепов базируется на двух независимых комплексах признаков — на скелете лица и мозговой коробке. При определении живых принимают в расчет еще третий независимый комплекс — пигментацию. Степень, в какую возводится уравнивание, зависит от количества независимых комплексов признаков, принятых в расчет при типологическом определении. Это нам объясняет, почему к первым точно сформулированным результатам нас привели краниологические работы.

Относительно вычислений антропологического состава на основании результатов типологических определений следует заметить, что только в 1930 г. я убедился, что численность динарского типа в гипотезе (а) соответствует члену $2ah$, а альпийского — $2hl$. Первоначально я предполагал обратное. Выделение каждого из этих типов затруднительно. Именно поэтому У. Рипли, не отличая арменоидного элемента от лапоноидного, принял в расчет только «альпийскую расу».

Выше было показано, что при вычислении антропологического состава немецких колонистов Прикарпатья следовало бы применить гипотезу (б). Это чрезвычайно затруднительно. Однако можно упростить задачу особым приблизительным вычислением по гипотезе (а). Приближение (в) получаем, взяв для каждого антропологического элемента, совместно с его численностью, численности всех трех его гибридных типов. Тогда анализ антропологического состава немецких колонистов Прикарпатья сводится к решению следующих уравнений:

$$\begin{aligned} a^2 + 2ae + 2ah + 2al &= 0,8129 \\ e^2 + 2ae + 2eh + 2el &= 0,2176 \\ h^2 + 2ah + 2eh + 2hl &= 0,4046 \\ l^2 + 2al + 2el + 2hl &= 0,4928 \end{aligned} \quad (в)$$

¹⁷ B. Miszkiewicz, Struktura antropologiczna Mazurów, «Materiały i prace antropologiczne», 1956, № 23, стр. 1—63; его же, Struktura antropologiczna autochtonicznej ludności Warmii, Wrocław, 1959 (диссертация).

Этот способ приблизительного вычисления антропологического состава известен проф. Г. Ф. Дебецу и приведен в его таблице 6 (стр. 145). Однако он не применил этот способ, а дал иные вычисления, чтобы показать во что бы то ни стало возможность получить «иные» результаты, пользуясь методами «львовской школы». Он не отдавал себе отчета в том, что можно доказать недопустимость его вычислений. Эти «иные пропорции» компрометируют не «львовскую школу», а ее критика.

В нижеследующей таблице сопоставлены результаты вычислений: Г. Ф. Дебеца, Ф. Вокроя, приближением (в), приближением по формуле А. Ванке для немецких колонистов Прикарпаття, для немцев Прирейнского Палатината — родины предков карпатских колонистов (по данным К. Рот-Лютра¹⁸) — приближением по формуле Ванке.

Немецкие колонисты Прикарпаття и немцы Прирейнского Палатината

Антропологические элементы	Немецкие колонисты Прикарпаття				Восточный Палатинат	Северо-западный Палатинат
	Г. Ф. Дебец, %	Ф. Вокрой, %	Приближение (в), %	Приближение по формуле Ванке, %	Приближение по формуле Ванке, %	
Северный	32,88	42,6	41,7	40,5	46,7	44,8
Средиземноморский	16,46	11,4	11,5	15,6	15,4	15,0
Арменоидный	36,84	20,6	21,2	18,2	15,9	17,1
Лапоноидный	13,82	25,4	25,6	25,7	22,0	23,1
Средние головного указателя	теоретическая	83,71	83,82	83,89	82,6	82,9
	действительная	83,92	83,92	83,92	83,3	83,8
Разница средних	—0,21	—0,10	—0,03	—0,7	—0,7	—0,9

Основанное на несоответствующей результатам наблюдения гипотезе (а) вычисление Г. Ф. Дебеца крайне отличается от всех остальных. Результаты Ф. Вокроя и вычисленные приближением (в) почти тождественны. Применение приближения А. Ванке обнаруживает очень большую близость антропологического состава немецких колонистов Прикарпаття и немцев Прирейнского Палатината. Оказывается, что антропологический состав эмигрантов, проживших полтора столетия в полной изоляции в Карпатах, не отличается от нынешнего населения родины их предков. Мы констатируем здесь такую же устойчивость антропологической структуры, как у украинских казаков.

Эти результаты для нас особенно важны потому, что показывают, как близки результаты, полученные приближением Ванке, результатам типологических определений, данных Вокроем и проконтролированных приближением (в). Очень важно также и то, что применение приближения Ванке экономит более 90% труда, затрачиваемого на графическое определение типологической принадлежности изучаемого материала. Подчеркивая большую вероятность результатов, полученных нашими методами, следует еще заметить, что антропологического состава, похожего на полученный Г. Ф. Дебецем, мы до сих пор еще не встретили в Европе. Разве возможность защититься от попытки такой беспощадной критики не является уже сама по себе серьезным достижением по пути объективизации методов антропологии?

При применении приближения Ванке для антропологического анализа женщин принято в расчет, что в единицах указателей их головы на

¹⁸ K. Roth-Lutra, Beiträge zur Anthropologie der Pfalz. Kaiserlautern-München. Dissertation, Anthropologisches Institut der Universität, München, 1928

+1,2 круглее, лица на —1,7 ниже и носы на —0,2 уже. Тогда для немок-колонисток Прикарпатья получается следующее сопоставление результатов аналитических вычислений:

Немецкие колонистки Прикарпатья

Антропологические элементы	Г. Ф. Дебец, %	Ф. Вокрой, %	Приближение (в), %	Приближение Ванке, %
Северный	12,10	37,0	34,7	33,7
Средиземноморский	13,62	7,9	13,4	15,3
Арменоидный	28,54	26,8	26,1	20,0
Лапоноидный	45,74	28,3	25,7	31,0
Средние головного указателя	теоретическая 85,40 действительная 85,34	85,03 85,34	85,22 85,34	84,93 85,34
Разница средних	+0,06	—0,31	—0,12	—0,41

Здесь все разницы средних настолько малы, что лежат в границах точности метода. Применение критерия арифметических средних не устраняет результата, полученного Г. Ф. Дебецем, несмотря на то, что он исходит из недопустимых предположений, как было показано выше. С такими возможностями следует считаться потому, что наши критерии являются лишь необходимым, но не достаточным условием. Они не доказывают правильность анализа. Невероятность результатов вычислений, основанных на недопустимых предположениях, обнаруживается здесь в резком отличии антропологического состава мужчин и женщин, принадлежащих к той же самой популяции. Наши результаты показывают, что наименьшие различия антропологического состава между обоими полами получаются при вычислении по приближению Ванке, вероятно, вследствие того, что оно дает более точные результаты по сравнению с вычислениями на основании типологических определений. Типологизация женщин (живых) более затруднительна, чем мужчин, уже лучше изученных. Это отражается и на результатах наших анализов. Для мужчин нашими методами получены менее расходящиеся результаты. Однако все наши результаты очень близки между собой, сильно отличаясь от полученных Г. Ф. Дебецем.

На примере результатов типологического определения черепов из Валиса, проведенного М. Грыгльшеской¹⁹, Г. Ф. Дебец показывает, что в данном случае нет необходимости считать расовыми элементами типы: северный, средиземноморский, арменоидный и лапоноидный, потому что сумму элементов равную 0,9945 и теоретическую среднюю, отклоняющуюся от эмпирической на +0,02, можно получить и при другом предположении, а именно, что составными расовыми элементами являются гибридные типы: подсеверный, северо-западный, литторальный и динарский (стр. 152). Средние черепного указателя компонентов при этом, конечно, подобраны так, чтобы получилась очень малая разница +0,02, которая только свидетельствует о большом усердии критика, но ничего не доказывает. Средние этих элементов не тождественны со средними наших гибридных типов.

Что обобщение этого случайного совпадения численностей, позволяющих дать новые «расовые элементы», не соответствующие результатам наблюдений над наследственностью, недопустимо²⁰, Г. Ф. Дебец мог бы убедиться, применяя свой антропологический анализ к иным результа-

¹⁹ M. Grygłaszewska, Typy kranologiczne Szwajcarii, Lwów, 1929 (диссертация).

²⁰ J. Mydlarski, Rasa. Człowiek jego rasy i życie, Warszawa, 1939, стр. 98, 99.

там типологических определений. Так, например, для черепов из львовской казацкой могилы, рассмотренных выше, получается сумма новых элементов 1,598, а по исключении 20 оспариваемых черепов даже 1,673, для немецких колонистов Прикарпатья (мужчин) — 1,659, для женщин — 1,660. Суммы, так сильно отличающиеся от теоретической величины 1,000, доказывают недопустимость обобщения частного случая, позволяющего получить сумму элементов равную 0,9945 для черепов из Валлиса, особенно если при этом не учитывать законы наследственности. Увеличение Г. Ф. Дебеца не позволило ему критически отнестись к собственным результатам, якобы разрушающим основы «львовской школы».

Очень странный характер имеет обобщение Г. Ф. Дебеца на стр. 146, в котором он утверждает: «Чаще всего Чекановский начинает подсчет с a^2 , что, при равном распределении фенотипов, приводит к увеличению доли северной расы». Еще удивительнее пояснение к этому обвинению в тенденциозности, компрометирующей исследователя: в сноске на этой странице мы читаем: «Если бы все расы были представлены поровну, то имели бы для a^2 , e^2 , l^2 и h^2 по 0,1384, а для шести смешанных типов по 0,0744. При этом доля первого, с которого начинается подсчет, равна 0,3720, второго — 0,2206, третьего — 0,2063, четвертого — 0,2011». Просто глазам не верится. По крайней мере мы учились совсем иной арифметике и алгебре.

Прежде всего следует заметить, что решение системы квадратных уравнений не зависит от порядка вычисления неизвестных. Поэтому лишено основания обвинение, что я чаще всего начинаю с вычисления доли северного элемента с тенденцией увеличить его долю. Порядок вычисления неизвестных обусловлен морфологической интерпретацией результатов типологических определений.

Перейдем теперь к рассмотрению арифметики Г. Ф. Дебеца. Если бы все четыре расы были представлены поровну, то:

$$a = e = h = l = 0,25$$

отсюда:

$$a^2 = e^2 = h^2 = l^2 = 0,0625, \text{ а не } 0,1384.$$

При этой численности получается сумма элементов:

$$a + e + h + l = 1,488$$

при исходном предположении, что эта сумма равна 1,000. Таким образом, было бы доказано, что: $1,000 = 1,488$. Численность каждого из шести смешанных типов равна 0,1259, а не 0,0744. Не мои «тенденциозные вычисления», а только своеобразная математика Г. Ф. Дебеца приводит его к выводу, что для четырех равных составных популяций получаются численности: 0,3720, 0,2206, 0,2063 и 0,2011.

Остается также загадкой, почему решение линейного уравнения с одним неизвестным $xa + (1 - x)b = p$ при $a = 70$; $b = 80$; $p = 78$ производится следующим образом:

$$p - a = 8; b - a = 2;$$

$$\frac{1}{8} = 0,125; \frac{1}{2} = 0,500; 0,125 + 0,500 = 0,625; x = \frac{0,125}{0,625} = 0,2; y = \frac{0,500}{0,625} = 0,8 = 1 - x$$

Зачем эта длительная возня при решении уравнения:

$$70x + 80(1 - x) = 78.$$

Можно задать себе вопрос — на кого рассчитана эта полемическая и резкая критика?

Около 40% своей критики Г. Ф. Дебец посвятил приблизительной формуле Ванке и притом в первой части своей статьи. Можно заключить, что этой части своего труда автор придает наибольшее значение, так как приблизительная формула Ванке, рационально примененная, дает те же результаты, что и графический метод «львовской школы».

Главный удар критики Г. Ф. Дебеца состоит в том, что он показывает на фиктивных примерах, не соответствующих антропологической действительности, неправильность результатов, получаемых по формуле Ванке. Это верно тогда, когда наследственность не усложняется доминантностью и в результате смещения получаются идеально средние формы. Если бы так было в действительности, то антропологический анализ сводился бы к решению системы линейных уравнений. Примера такого решения Г. Ф. Дебец не дал и дать не может, оставаясь на почве действительности. Поэтому его критика имеет чисто отрицательный характер.

«Львовская школа» стремится к положительным решениям. На примере немецких колонистов Прикарпатья было показано, что применение формулы Ванке дает результаты, согласные с результатами типологических определений. Аналогичные результаты в более точной формулировке дают работы Б. Мишкевича и Б. Гржесецкой. Эти достижения позволяют заключить, что при пяти антропологических признаках, принятых в расчет, вероятные последствия доминантности вызывают такие модификации арифметических средних этих признаков, что по формуле Ванке получаются удовлетворительные результаты.

На фиктивном примере, приведенном на стр. 141, Г. Ф. Дебец показывает, какие отклонения от фиктивного состава при четырех компонентах, дает применение приближения Ванке.

Фиктивный состав и его вычисление по Ванке

Антропологические компоненты	Фиктивный состав	Формула Ванке	Разница
Северный	0,250	0,255	+0,005
Средиземноморский	0,250	0,231	—0,019
Арменоидный	0,250	0,233	—0,017
Лапоноидный	0,250	0,281	+0,031

Фиктивный состав соответствует предположению, что доминантность не усложняет вычисления антропологического состава. Это предположение недопустимо потому, что доминантность доказана непосредственным наблюдением, а также и вычислением теоретической средней головного указателя и теоретического процента светлых глаз. По формуле Ванке получается антропологический состав, соответствующий данным фиктивным средним, эмпирически учитывающий последствия усложнений, внесенных доминантностью. Результат Ванке соответствует результатам типологических определений. В данном фиктивном случае полученные разницы показывают нам только последствия того, что не принята в расчет доминантность. К счастью для формулы Ванке, она увеличила долю лапоноидного элемента на 3,1%, а северного на 0,5%. Поэтому нельзя ее упрекать в тенденциозном увеличении последнего, как это было сделано в странных утверждениях Г. Ф. Дебеца на стр. 146.

В своей критике формулы Ванке на примерах, относящихся к результатам исследований швейцарских призывников и лимбажских латышей, Г. Ф. Дебец пользуется свойством суммы не изменяться при перестановке слагаемых. Отсюда по формуле Ванке получается тот же антропологический состав и та же теоретическая средняя головного указателя для 24 перестановок рядов слагаемых, если горизонтальный ряд, относя-

щийся к головному указателю, остается на первом месте. Понятно, что соответственно этим перемещениям горизонтальных рядов слагаемых меняются и предположения относительно характеристик антропологических компонентов, принятых в расчет. Остановившись на одной из 24 возможных характеристик, Г. Ф. Дебец создает следующие расы: кроманьонскую, понтийскую, балтийскую и динарскую, не задавая себе вопроса, соответствуют ли они действительности, т. е. результатам типологизации. Так, для Швейцарии охарактеризованные новые компоненты при применении формулы Ванке дают те же численности, какие получаем для наших рас. Применяя эти новые расы к анализу состава лимбажских латышей, получаются численности, очень сильно отличающиеся от наших. Чтобы получить для латышей результаты, идентичные с нашими, следует новые компоненты соответственно иначе характеризовать. Точно так же при рассмотрении черепов из Валлиса, Г. Ф. Дебец поспешно обобщает единичное наблюдение. Его новые расы ведут к своеобразным результатам, а не дают «иного» равноценного решения. В каждом частном случае приходится особенно характеризовать эти «новые» расы, а это ведет к хаосу в антропологии. Полезно вспомнить речь Рудольфа Вирхса на конгрессе в Линдау в 1899 году.

Мнение Г. Ф. Дебца, что «с тем же успехом можно исходить из множества других компонентов, характеризующихся иными сочетаниями признаков» (стр. 145), не соответствует действительности. В этом мой критик мог бы убедиться при попытке дать количественными критериями обоснованное аналитическое описание населения России, не менее точное, чем данное мною для Швейцарии. Я считался с достижениями наших предшественников. Неужели их достижения не заслуживают внимания? Они позволяют мне говорить о четырех главных элементах населения Средней Европы. Их не опровергают фиктивные примеры Г. Ф. Дебца, как было показано выше.

Я работаю с условными константами приближенной формулы Ванке. Они уже в нынешней редакции позволяют с успехом противостоять критике Г. Ф. Дебца. Недостаток формулы Ванке состоит в том, что она не дает нулевых результатов при включении представителей совсем далеких рас, а только небольшие численности, лежащие в пределах ее точности. Это показал мой критик, включая в таблицу средних величин тихоокеанский и центральноазиатский типы (стр. 153). Формула Ванке приспособлена к анализу популяций, состоящих, по нашему предположению, из четырех элементов, принимаемых нами в расчет в качестве главных составных. Полученные правдоподобные результаты показывают, что эту формулу можно с успехом применять при антропологическом анализе нынешнего населения Средней и Северо-Западной Европы (Скандинавия и Прибалтика). Они соответствуют наблюдениям над наследственностью.

Каждая гипотеза по своему существу — произвольное предположение. Допустимость и целесообразность каждой гипотезы определяется тем, в какой мере она позволяет получить простейшее и удовлетворительно точное описание наблюдаемых явлений. Гипотеза четырех исходных компонентов нынешнего населения большей части Европы базируется на результатах исследований наших предшественников и позволяет вычислить взаимоотношение типов, выделенных этими исследователями. При точной формулировке «произвольных», гипотетических предположений эта гипотеза дает простое, краткое и удовлетворительно точное антропологическое описание населения Средней Европы. Оно лучше обосновано, чем все предыдущие. Это не значит, что оно наилучшее из всех возможных. Возможно, что Г. Ф. Дебец, судя по его статье, на основании иной гипотезы даст другое, лучшее решение вопроса количественного антропологического анализа, но это дело далекого будущего.

Раньше я показал²¹, что достижения «биометрической школы» в области исследования наследственности не что иное, как количественная формулировка последствий законов Менделя. Закон Пирсона, Law of Ancestral Heredity, с выводом которого, несмотря на несколько попыток, сам знаменитый статистик не сумел справиться, легко и просто выводится при гипотезе наследственности Г. Менделя, с которой он не считался, увлеченный гипотезой Ф. Гальтона.

«Львовская школа» основывается на предположении, что гипотеза наследственности Г. Менделя дает допустимое упрощение антропологического количественного анализа. Оказывается возможным: а) считать изучаемые человеческие группы статистическими представителями биологических популяций, б) синтезировать результаты типологических определений особей, входящих в состав популяций, в) интерпретировать параметры, получаемые по формуле Ванке, считая их количественной оценкой долей антропологических компонентов, входящих в состав анализированных популяций, а также г) использовать в аналитическом отношении работы, авторы которых ограничиваются приведением арифметических средних указателей головы, лица, носа и численностей категорий пигментации волос и глаз. Применение формулы Ванке к краниологическому материалу пока не удалось еще разрешить удовлетворительным образом²².

Я очень благодарен Г. Ф. Дебецу за его попытку беспощадной критики, написанной с пожертвованием стольких часов тяжелого труда. Она позволила выяснить многие недоразумения и убедиться, по крайней мере мне самому, что «львовскую школу» не обременяют существенные промахи и недосмотры. Значения этой критики не умаляет то, что при таком казалось бы тщательном рассмотрении работы, посвященной черепам из Валлиса, не было замечено проф. Г. Ф. Дебецем несоответствие решенной там системы уравнений результату применения приближения (в). С. Жеймо-Жеймис еще в 1931 г. обратил на это мое внимание, применяя вычисление, приведенное моим критиком на стр. 145, в табл. 6

В моем ответе я ограничился рассмотрением примеров, относящихся к европейскому материалу, потому что туда входят в расчет уже хорошо нам известные антропологические элементы. Работа Годлевского²³ имеет характер первой разведки в области Полинезии, и рассмотрение этой работы чересчур увеличило бы размер моего возражения. В ней не даны результаты наблюдений над наследственностью, позволяющие отличить элементы от их гибридных форм. Я счел также лишним отвечать на теоретические рассуждения на стр. 149. Там приведены выведенные мною эмпирические формулы — результат типологических определений, а результаты применения формул демонстрированы на примерах, выдвинутых моим критиком. Эти формулы позволили вычислить теоретические величины, удовлетворительно близкие к наблюдаемой действительности. По моему мнению, это необходимое условие правильности анализа, но не достаточное. Оно не доказывает его правильности.

В письме, направленном Г. Ф. Дебецу в 1940 году по поводу его критики «львовской школы», написанной совместно с М. В. Игнатьевым²⁴, я позволил себе привести слова моего знаменитого учителя проф. Ру-

²¹ J. Czekanowski, Les lois de Mendel et Galton et les coefficients de l'hérédité de Pearson, «Revue Générale des Sciences», Paris, 1921, т. 32, № 22, стр. 671—675; е го же, Prawa Mendla i Galtona i współczynniki dziedziczności Pearsona, «Archiwum Towarzystwa Naukowego», Dział matematyczno-przyrodniczy, Lwów, 1921, т. 1, стр. 301—334.

²² W. Kočka, Указ. раб.

²³ A. L. Godlewski, Struktura antropologiczna polinezyjczykow, «Materiały i prace antropologiczne», Wrocław, 1955, № 8.

²⁴ Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатьев, О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии, сб. «Наука о расах и расизм», М., 1938.

дольфа Мартина. Когда, еще будучи студентом, я показал ему проект моей отрицательной, едкой рецензии, он сказал мне: «Оставьте это. Когда человек настроен отрицательно, он не может понять существа дела».

Критика Г. Ф. Дебеца показывает, что лучший антрополог первой четверти нашего столетия был вполне прав. Отрицательное отношение к «львовской школе» не позволяет нашему критику объективно отнестись к ее достижениям, так положительно оцененным в Америке и Швейцарии.

SUMMARY

In distinguishing four races in the population of Europe, the author proceeded, apart from his personal investigations, also from the material previously obtained by other scientists. The methods offered by him yield adequate results, as revealed by comparison with historical data. The arbitrary replacement of the four types established by the author by other types, which is at the basis of G. F. Debets' criticism, leads to strained interpretation and discrepancy between the results of anthropological research and historical data. The statistical calculations of G. F. Debets, moreover, are in many cases incorrect. G. F. Debets' critique is thus devoid of both logical and factual foundations.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

ПО ПОВОДУ ОТВЕТА Я. В. ЧЕКАНОВСКОГО

Об установлении доли исходных компонентов при помощи квадратных уравнений

Я. В. Чекановский признает, что сумма может быть равна единице, а теоретическая величина головного указателя может оказаться близкой к наблюдаемой величине не только при том распределении типов, которое получено в работах львовской школы, но и при совершенно ином их распределении. Оба условия, по утверждению Я. В. Чекановского, являются необходимым, но не достаточным критерием проверки правильности полученных результатов. Для того чтобы получить достаточный критерий, Я. В. Чекановский считает необходимым обратиться к истории.

Привлекая исторические данные, мы можем встретиться с разными возможностями.

Задача может иметь единственное решение на основе исторических данных. Тогда значение антропологических данных практически равно нулю. Вряд ли нужно, например, привлекать антропологические данные, чтобы узнать откуда русские пришли в Сибирь.

Значение антропологических исследований возрастает в том случае, когда на основе исторических данных возможны разные решения. Но так как и сумма, равная единице, и совпадение средних величин головного указателя могут получиться при разном распределении типов, то какое из этих распределений следует считать соответствующим историческим данным? Ведь в самих результатах антропологического анализа по методу Я. В. Чекановского не содержится никаких указаний на большую или меньшую вероятность того или иного распределения!

Антропологи «львовской школы» выбирают ту систему уравнений, которая даст результат, более соответствующий какой-либо исторической концепции. Взяв другую систему, можно подтвердить другую концепцию.

О формуле Ванке

Применение формулы Ванке для сопоставления состава разных серий, относящихся к разным эпохам, исходит из следующих предпосылок.

1. Заранее известно, что в состав анализируемой серии входят определенные типы. Формулу Ванке нельзя применять, если в составе серии отсутствует хотя бы один из заранее установленных типов или если кроме этих типов присутствуют другие.

В некоторых случаях возможно, конечно, что такие данные у исследователя имеются.

2. Заранее известно, что средние величины смешанной серии изменяются адекватно доле входящих в ее состав элементов.

В отношении большинства морфологических признаков, применяемых в этнической антропологии, такое предположение возможно, хотя в общей форме оно, конечно, неприемлемо.

3. Заранее известно, что признаки, используемые для характеристики типов, не изменяются на протяжении всего того отрезка времени, к которому относятся сравниваемые серии.

Некоторые признаки современных рас действительно отличаются значительным постоянством. Однако к числу таких признаков во всяком случае не относится широтно-продольный указатель.

Но дает ли формула Ванке правильное решение при соблюдении перечисленных условий ее применения?

Это можно проверить арифметически. Предпосылка об адекватности средних величин доле элементов, входящих в состав смешанной популяции, означает, что средние величины биологически смешанной популяции не отличаются от средних величин механически смешанной серии. Можно, следовательно, проверить правильность результатов подсчета, применив формулу Ванке к серии, составленной из заданных долей определяемых типов.

В работах последователей Я. В. Чекановского, посвященных населению Северной и Средней Европы, фигурируют теперь не четыре, а пять рас. Соматологическая и краниометрическая характеристика этих рас дана в табл. 1.

Таблица 1

Соматологическая и краниометрическая характеристика пяти рас, входящих в состав населения Северной и Средней Европы

		Северная	Средне-земно-морская	Арменоидная	Лапоноидная	Палеоевропейская
Соматологическая характеристика	Широтно-продольный указатель	78,0	71,5	89,0	89,0	71,5
	Морфологический лицевой указатель	89,5	88,0	86,0	80,0	80,0
	Носовой указатель	63,0	63,0	57,0	72,0	72,0
	Цвет глаз (разница с швейцарской средней в долях стандарта)	—1,252	0,984	2,170	0,944	—1,252
	Цвет волос (то же)	—1,052	0,074	1,146	0,477	—1,052
Краниометрическая характеристика	Широтно-продольный указатель	76	69	86	84	73
	Верхний лицевой указатель	55	56	53	46	44
	Носовой указатель	46	44	43	56	58
	Орбитный указатель	87	77	85	75	70
	Высотный указатель	75	87	85	80	88

Эти данные взяты из работ Б. Мишкевича¹ и В. К. Кочки².

Формула Ванке применяется обоими авторами в несколько различных редакциях. В редакции Я. В. Чекановского разницы в соматологических признаках выражаются в долях стандарта и возводятся в квадрат. В редакции В. Кочки разницы в краниометрических признаках выражаются непосредственно в единицах индекса и возводятся в куб.

Представим себе «популяцию», в которой все пять рас представлены в равной доле, т. е. по 20%. Подставим средние величины этой «популяции» в формулу Ванке в редакции Чекановского для соматологических данных и в редакции Кочки для краниометрических. Результаты подсчета представлены в табл. 2. При подсчете по соматологическим данным оказывается, что доля арменоидной расы в два с поло-

¹ B. Miszkiewicz, Die anthropologische Struktur der Bevölkerung aus der Schwalm, «Homo», Bd. 12, H. 2—3, 1961.

² W. Kočka, Zagadnienia etrogenezy ludów Europy. Materiały i prace antropologiczne, № 28, Wrocław, 1958.

виной раза меньше доли северной расы; по краниометрическим — доля палеоевропейской в два с половиной раза меньше доли лапоноидной.

По условию же эти доли должны быть равны.

Таблица 2

Частота пяти рас по формулам Ванке в сериях, составленных из равных долей всех пяти типов

	Заданное распределение, %	Распределение по формулам Ванке, %	
		по соматологическим данным	по краниометрическим данным
Северная	20	31	18
Средиземноморская	20	25	22
Арменоидная	20	12	19
Лапоноидная	20	17,5	29
Палеоевропейская	20	14,5	12

Можно представить себе «популяцию», в которой доли резко различны. Результаты подсчета представлены в табл. 3.

Таблица 3

Частота пяти рас по формулам Ванке в сериях, составленных из резко различных долей всех пяти типов

	Заданное распределение, %	Распределение по формулам Ванке, %	
		по соматологическим данным	по краниометрическим данным
Северная	5	25	11
Средиземноморская	30	38	38
Арменоидная	30	10	17
Лапоноидная	5	12,5	20
Палеоевропейская	30	14,5	14

Частоты, полученные при помощи формулы Ванке, еще более отличаются от заданных.

В свете этих данных представляются совершенно излишними какие бы то ни было формы контроля результатов применения формулы Ванке при помощи вычисления широтно-продольного указателя, сопоставления полученного распределения с историческими данными и т. п.

В своем ответе Я. В. Чекановский утверждает, что формула Ванке автоматически учитывает явления доминантности, а поэтому результаты подсчета не совпадают с заранее заданными долями. Эта позиция, конечно, совершенно неуязвима. Но ее лучше защищать в каком-нибудь теологическом издании. Ибо если достаточно возвести разницы в ту или иную степень, чтобы отразить законы наследования признаков, то это нельзя назвать иначе, как чудом.

SUMMARY

The method of race analysis applied by J. Czekanowski offers several different solutions for every given problem.

The Wanke formula is based on the premise that the means of mixed population reflect the percentage of the types which it comprises. According to this premise, biological intermixing yields the same results as mechanical intermixing. This makes it possible to verify the figures received. The results of this verification have revealed a huge discrepancy between the pre-set percentage and the figures received on the basis of the Wanke formula.

В. П. АЛЕКСЕЕВ, Т. А. ТРОФИМОВА, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ МЕТОДОВ РАСОВОГО АНАЛИЗА В РАБОТАХ Я. В. ЧЕКАНОВСКОГО И ЕГО ШКОЛЫ

1

Около четверти века прошло с тех пор, как в советской антропологической литературе появилась первая критическая статья Г. Ф. Дебеца и М. В. Игнатьева, посвященная рассмотрению метода расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы¹.

Еще раньше, в 1927 году, критическое отношение к методическим приемам, применяемым Я. В. Чекановским, выявилось со стороны польских антропологов — К. Столыгво и его ученика Х. Шпидбаума². Против метода Я. В. Чекановского с тех пор выступали также антропологи и других стран³. Эта дискуссия не получила своего завершения и до настоящего времени, несмотря на то, что в течение последнего десятилетия в ряде стран социалистического лагеря — в Польской Народной Республике⁴, Венгерской Народной Республике⁵, Чехословацкой Социалистической Республике⁶ на антропологических конференциях и в публикациях, а также и в советской научной печати⁷, метод расового анализа, применяемый «львовской школой», неоднократно подвергался критике.

Метод Я. В. Чекановского, начиная с 1909 года, когда он был предложен, до настоящего времени испытал ряд изменений. В 50-х годах в

¹ Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатьев, О некоторых вариационно-статистических методах расового анализа в буржуазной антропологии (Школа Чекановского), Сб. «Наука о расах и расизм», М.—Л., 1938. Еще раньше в советской печати метод Чекановского был подвергнут критическому разбору в работах зоологов. См.: С. В. Афанасьев, Метод Я. В. Чекановского и его применение к зоотехнии, Тр. Ленинградского сельскохозяйственного ин-та, Л., 1929, т. VII, вып. 1.

² K. Stolyhwo, La question des méthodes dans l'anthropologie contemporaine, «Revue Anthropologique», fasc. 1/3, 1927; A. Szpidbaum, Ueber das sogenannte Typenfrequenzgesetz, «Verhandlungen der Gesellschaft für phys. Anthropologie», Bd. 6, 1931—32.

³ Y. Schwidetzky, Die Rassenforschung in Polen, «Zeitschrift für Rassenkunde», 1935, B. I, H. 2.

⁴ I. Michalski, Metoda morfologiczna w zastosowaniu do określenia taksonomicznego materialu ludzkiego, «Przegląd antropologiczny», Poznań, 1953, т. XIX, стр. 167—208; T. Henzeli I. Michalski, Podstawy klasyfikacji człowieka w ujęciu Tadeusza Henzla i Jreneusza Michalskiego, «Przegląd antropologiczny», Wrocław, 1955, т. XXI, стр. 537—662, 824—825; См. также выступления на антропологической конференции во Вроцлаве в 1951 г., посвященной обсуждению таксономических методов, и на конференции в Осечной в 1952 г. по вопросам организации этногенетических исследований (там же, стр. 28 и сл.).

⁵ Этому вопросу были посвящены выступления на антропологической конференции в Будапеште в 1959 г. по докладу Б. Мишкевича (Вроцлав) «Аппроксимация Адама Ванке» («Antropologiai közlemények», Budapest, 1961, вып. 1—4).

⁶ Этому вопросу были посвящены выступления по докладу Г. Щотки (Вроцлав) «Типологические методы проф. Адама Ванке (метод стохастической корреляции и аппроксимации)», доклад А. Вьерцинского (Варшава) «Критический обзор различных типологических методов в антропологии» и др. выступления на V конференции чехословацких антропологов (см. Т. А. Трофимова, V конференция чехословацких антропологов, «Вестник Академии наук СССР», 1962, № 2, стр. 93—94).

⁷ Г. Ф. Дебец, Методы расового анализа Я. В. Чекановского и его школы, «Сов. этнография», 1959, № 3, стр. 138—153.

Польше появился ряд работ Я. В. Чекановского и его учеников, в которых анализируется расовый состав различных современных этнических групп, а также краниологических серий методом Я. В. Чекановского с привлечением к анализу материала формулы Ванке. Критическому разбору ряда этих работ посвящена статья Г. Ф. Дебеца, опубликованная в № 3 «Советской этнографии» за 1959 г. В ответ на статью Г. Ф. Дебеца в настоящем номере «Советской этнографии» напечатана новая статья Я. В. Чекановского под названием «К оценке «львовской школы» профессором Г. Ф. Дебецем»⁸. Учитывая длительность затянувшейся больше чем на четверть века дискуссии о правомерности применения метода Я. В. Чекановского к анализу расового состава этнических групп и палеоантропологических материалов и появление новой статьи главы этой школы в советской печати, мы просили редакцию «Советской этнографии» дать нам возможность также высказаться по этому вопросу. В нашей статье мы не предполагаем разбирать всю сумму сложных вопросов, связанных с методами расового анализа. В настоящее время мы ставим перед собой более ограниченную задачу — критически оценить как сами методы расового анализа Я. В. Чекановского, так и их обоснование. Таким образом, в нашей статье речь пойдет не только о «технических приемах», применяемых в анализе расового состава человеческих популяций, но о гораздо более важном вопросе — методологии исследования в области этнической антропологии. Несмотря на то, что метод Я. В. Чекановского на протяжении своего развития пережил ряд изменений, однако на всех этапах, включая и последний, когда он получил название метода Ванке — Чекановского, он оставался неприемлемым с точки зрения позиций марксистско-ленинской науки. Антиисторичность, отсутствие понимания учения о таксономической неравноценности расовых признаков и пластичности антропологических типов, их изменений во времени и в разных локальных группах, схематическое отношение к оценке биологических и исторических процессов в этнических популяциях — вот основные черты подхода Я. В. Чекановского к анализу антропологических материалов, отраженные в его методе. Субъективное стремление основоположника этого метода найти способы «объективизации» приемов исследования антропологических данных привело с течением времени к все большему отрыву анализа от конкретного материала, к все более усиливающемуся формализму.

При применении этого метода считается заранее данным не только число типов, входящих в состав изучаемой популяции, но и их характеристика, остающаяся неизменной для антропологических типов различной древности. Сама же характеристика антропологических типов вытекает теперь в работах школы Я. В. Чекановского не из каких-либо объективных наблюдений, но из той формулы, которая положена в основу анализа. Конечно, большинство антропологов всего мира, в том числе и советские антропологи, широко используют методы вариационной статистики. Можно вполне согласиться с мнением, высказанным польским антропологом Я. Мыдлярским еще в 1951 г. о том, что в усовершенствовании и улучшении исследовательских методов антропологам должны помочь математики и статистики. Я. Мыдлярский совершенно правильно считает, что «математические методы должны быть современным прогрессивным орудием в наших работах, а не вести к отрыву от конкретной действительности»⁹. К сожалению, как мы по-

⁸ Школа Я. В. Чекановского в работах его последователей иногда называется и «львовской школой», так как ее основатель много лет работал во Львове (когда он входил в состав старой Польши).

⁹ Заключительное слово проф. Я. Мыдлярского на антропологической конференции во Вроцлаве в 1951 г., посвященной обсуждению методов расового анализа. См. «Przebieg antropologiczny», Wrocław, 1955, т. XXI, тетрадь 1, стр. 181.

стараемся показать ниже, методы расового анализа Я. В. Чекановского как раз и приводят к такому отрыву. Выражаясь словами того же Я. Мыдлярского, представители школы Чекановского не избежали опасности «перематематизировать» антропологию и впали в «математические спекуляции»¹⁰.

2

Я. В. Чекановский уделяет большое внимание вопросу о закономерностях наследственности в применении к человеку и, в частности, о наследовании расовых признаков. Проблему эту он трактует по-разному в первых работах и в настоящее время, и ее трактовка изменялась в связи с развитием его метода. Так как в своем ответе Г. Ф. Дебецу Я. В. Чекановский неоднократно указывает на соответствие результатов, получаемых его школой, генетическим данным, целесообразно рассмотреть, в какой мере это утверждение соответствует действительности. В качестве основных предпосылок Я. В. Чекановский принимает так называемые «правила Менделя» и считает, что именно они в первую очередь должны учитываться при решении вопросов расового анализа.

Каково значение сделанных Г. Менделем наблюдений о наследовании признаков при скрещивании?¹¹ Неумеренное раздувание значения этих наблюдений в работах генетиков школы Т. Г. Моргана привело к тому, что они получили наименование законов¹². При этом не учитывалось то обстоятельство, что правила наследственности, установленные Г. Менделем в опытах на растительных гибридах, как оказалось, не во всех случаях могли быть распространены на наследование признаков у животных. Особенно это относится к правилу независимого наследования признаков. Были отмечены многочисленные случаи сцепления наследственных факторов, а также комбинированного действия одного наследственного фактора, определяющего наследование многих признаков, или так называемой плейотропии, при которой многие особенности наследуются как бы комплексом¹³.

Я. В. Чекановский, указывая на «правила Менделя» как на генетическую основу своей концепции, должен был бы отметить, что фактически она базируется не на «правилах Менделя», а на исключениях из них. В работе, содержащей вторую редакцию его метода, Я. В. Чекановский отрицал правило независимого наследования признаков¹⁴. Он не упоминает об этом, ссылаясь на свои более ранние работы, в которых показано значение исследований Г. Менделя для изучения наследственности у человека¹⁵. Однако через три года после появления второй редакции своего метода Я. В. Чекановский снова возвращается к оценке этих исследований¹⁶. Предложенная им классификация европейских рас и разбивка их на основные, названные им элементами, и гибридные, получающиеся в результате смешения основных рас, по его мнению, полностью опираются на принципы генетического анализа, соответствующие «правилам Менделя».

¹⁰ Там же.

¹¹ G. Mendel, Versuche über Pflanzenhybriden. «Ostwald's Klassiker der exacten Wissenschaften», № 121, Leipzig, 1901; перевод см. Г. Мендель, Опыты над растительными гибридами, М.—Л., 1935.

¹² См., например, T. Dobzhansky, Evolution, genetics and man, New York, London, 1957.

¹³ Огромное количество фактов такого рода собрано в любом современном руководстве по наследственности.

¹⁴ J. Czekanowski, Zum Problem der Systematik der kurzköpfigen schweizerischen Pfahlbau-Wohner, «Archiv für Anth., N. F.», B. 20, 1925.

¹⁵ J. Czekanowski, Le lois de Mendel et les coefficients de l'hérédité de Pearson, «Revue générale de sciences», 1921, т. 32, № 22; его же, Prawa Mendla i Galtona i współczynniki driedzicznosci Pearsona, «Archiwium Towarzystwa Naukowego, Dział matematyczno-przyrodniczy», т. 1, Lwów, 1921.

¹⁶ J. Czekanowski, Das Typenfrequenzgesetz, «Anthropologischer Anzeiger», Jahr. 5, 1928, H. 4.

Конкретно аргументируя свою гипотезу образования гибридных форм Я. В. Чекановский использует результаты исследований Ф. Бернштейна над наследованием групп крови системы АВО у человека¹⁷. Согласно этим данным, наследование четырех групп крови системы АВО определяется тремя серологическими факторами. Я. В. Чекановский переносит эту гипотезу на наследование расовых комплексов и предполагает, что свойства каждой из выделенных им основных рас зависят от одного наследственного фактора. Можно было бы указать на то, что интенсивное развитие серологических исследований за годы, прошедшие со времени выхода в свет работ Ф. Бернштейна, существенно обогатили понимание наследственности групп крови, и многими специалистами гипотеза Ф. Бернштейна считается устаревшей, как не объясняющая всех случаев наследования АВО¹⁸. В частности, количество наследственных факторов, управляющих передачей по наследству групп крови системы АВО, некоторыми исследователями увеличивается до четырех¹⁹. Но главное и основное возражение против использования гипотезы Ф. Бернштейна в применении к человеческим расам заключается не в слабости самой гипотезы или несоответствии ее результатам новейших исследований, а в неправомерности отождествления группы крови и расы. Последняя даже с морфологической точки зрения представляет сложный комплекс разнообразных особенностей, в наследовании которых в каждом отдельном случае могут проявляться специфические закономерности. Чисто умозрительно трудно представить, чтобы наследование этого сложного морфологического комплекса зависело от одного наследственного фактора. Поэтому переносить на расы гипотезу Ф. Бернштейна можно было бы только в том случае, если бы было доказано, что наследование любого расового комплекса, как правило, зависит от одного наследственного фактора. В работах Я. В. Чекановского таких доказательств нет.

Однако может быть их можно найти в обширной литературе, посвященной наследственности у человека? Правда, и в этом случае, если они будут найдены, нужно будет признать, что концепция Я. В. Чекановского противоречит правилу независимого наследования признаков и основывается, вопреки утверждениям самого Я. В. Чекановского, не на «правилах Менделя», а на исключениях из них, каковыми являются плейотропия и сцепление генов. Хотя роль этих явлений в наследственности велика, все же они имеют второстепенное значение в сравнении с независимым наследованием.

Зафиксировано ли у человека сцепление генов? В недавнее время сводку всех относящихся сюда данных произвел И. Мор²⁰. Насколько можно судить по имеющимся фактам, сцепление генов проявляется у человека в форме сцепленной с полом наследственности. Иными словами, развитие сцепленного с полом признака происходит по-разному у мужчин и женщин. Некоторые случаи сцепления признаков с полом изучены исключительно тщательно — к их числу относятся дальтонизм и гемофилия²¹. Однако редкость и специфичность этих особенностей

¹⁷ T. Bernstein, Zusammenfassende Betrachtungen über die erblichen Blutstrukturen des Menschen, «Zeitschrift für Abstammung- und Vererbungslehre», т. XXXVII, 1925; его же, Beiträge zur mendelistischen Anthropologie, «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», B. V, 1925; его же, Über mendelistische Anthropologie, «Zeitschrift für Abstammung und Vererbungslehre», suppl. 1, 1928, его же, Fortgesetzte Untersuchungen aus der Theorie der Blutgruppen, там же, т. LVI, 1930; его же, Zur Grundlegung der Chromosomentheorie der Vererbung beim Menschen mit besonderer Berücksichtigung der Blutgruppen, там же, т. LVII, 1931.

¹⁸ J. Dausset, Immuno-hématologie biologique et clinique, Paris, 1956.

¹⁹ A. S. Wiener, The blood factor C of the ABO system with special reference to the rare blood group C, «Annals of Eugenics», т. XVIII, 1953.

²⁰ J. Mohr, A study of linkage in man, Copenhagen, 1954.

²¹ J. S. S. Haldane, C. A. B. Smith, A new estimate of the linkage between the genes for colour-blindness and hemophilia in man, «Annals of Eugenics», 1947, т. XIV.

сами по себе предохраняют против переоценки роли сцепления генов в явлениях наследственности человека. Правда, в литературе имеется указание на связь с полом пигментации, каковая является одним из основных расовых признаков и роль которой особенно подчеркивает Я. В. Чекановский. Речь идет о неграх Западной Африки, у которых, по исследованиям П. Юлиэна²², наблюдается отчетливая связь с полом интенсивности окраски кожи. Но, по мнению многих авторитетных современных специалистов, эти исследования нуждаются в серьезной проверке²³. Сцепление генов, следовательно, не может считаться сколько-нибудь существенным моментом в наследственности у человека и, очевидно, не играет заметной роли в наследовании расовых признаков.

Явление плейотропии также не получило подтверждения как основная закономерность наследования расовых признаков у человека²⁴. Единственной попыткой эмпирически подтвердить значение этой закономерности является исследование одного из учеников Я. В. Чекановского — А. Вьерцинского²⁵. Используя литературные данные об изученных антропологически семьях разных популяций, он пытается доказать, что характерный для индивидуума расовый тип наследуется по типу плейотропии. Однако вместо точных количественных данных в основу доказательств положено визуальное определение расового типа на фотографии, само по себе не свободное от субъективизма. Во всяком случае, бесспорность выводов, сделанных на основании таких наблюдений, сомнительна. Таким образом, и в форме плейотропии наследование расовых признаков целым комплексом не может быть доказано при современном состоянии наших знаний о наследственности человека. В целом, следовательно, мы приходим к выводу о том, что концепция Я. В. Чекановского полностью противоречит генетическим данным даже в том узком их понимании, которое характерно для Я. В. Чекановского.

Морфологические данные, хотя и имеющие косвенное отношение к выяснению закономерностей наследственности, также свидетельствуют о независимом наследовании расовых признаков у человека. Мы имеем в виду слабую морфологическую связь расовых признаков между собой, что находит отражение в малых величинах коэффициентов корреляций. Морфологическая, или функциональная, связь между признаками рас первого порядка практически отсутствует²⁶. Между признаками, характерными для более мелких единиц расовой систематики, с которыми и приходится в основном иметь дело при конкретном антропологическом исследовании, связь несколько больше. Но все же величины связи очень невелики, и, как правило, межгрупповая, или историческая, корреляция более тесна, чем внутригрупповая, или морфологическая²⁷. Как объяснить это явление в рамках представления о наследовании расовых признаков целым комплексом? Мы такой возможности

²² P. Julien, Die Blutgruppenverteilung bei einigen Völkern von Liberia und Sierra Leone, West Afrika, «Zeitschrift für Rassenphysiologie», 1937, B. 9.

²³ См., например, R. R. Gates, Human genetics, New York, 1946.

²⁴ См., например, J. V. Neel, W. J. Schull, Human heredity, Chicago, 1954.

²⁵ A. Wierciński, Dziedziczenie typu antropologicznego, «Materiały i prace antropologiczne», Wrocław, 1958, № 43.

²⁶ См. Г. Ф. Дебеч, Антропологические исследования в Камчатской области, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVII, М., 1951, стр. 66—69.

²⁷ О межгрупповой и внутригрупповой изменчивости см.: E. Tschepoukowsky, Contribution to the study of interracial correlation, «Biometrika», 1905, т. IV, ч. 3; Е. М. Челурковский, Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения, преимущественно Великороссии, в связи с колонизацией ее славянами, «Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. CXXIV, вып. 2, М., 1913.

не видим. Наконец, чаще всего промежуточное положение смешанных популяций между исходными, соответствующее обычно доле исходных компонентов, также свидетельствует против концепции Я. В. Чекановского²⁸.

Почти во всех работах Я. В. Чекановского и его последователей, посвященных палеоантропологии и этнической антропологии (расоведение) Европы, за основу расового анализа принимается гипотеза, согласно которой в состав любой древней или современной европейской популяции входят четыре основных «элемента» — северный (*a*), средиземноморский, или иберо-островной (*e*), арменоидный (*h*) и лапоноидный (*l*), а также ряд гибридных типов, сложившихся в результате смешения названных элементов²⁹. В некоторых новейших исследованиях антропологов «львовской школы» к этим четырем элементам добавляется еще «палеоазиатский тип», который, по словам самого Я. В. Чекановского, «львовская школа» считает характерным первоначальным составным компонентом финских племен³⁰. Однако, поскольку подобный тип был выделен еще Ю. Кольманном в Европе на палеоантропологическом материале³¹, в последнее время Я. В. Чекановский поддерживает мнение В. Кочки, называющего тот же тип «палеоевропеоидным» или «кроманьеоидным»³². Однако как в работах самого Я. В. Чекановского, так и других исследователей его школы, мы напрасно стали бы искать убедительных доказательств, что эти типы и только они входят в состав любой европейской группы населения.

Конечно, все перечисленные типы в какой-то мере являются реальными, поскольку они не придуманы «львовской школой», а выделены предшествующими антропологами, главным образом У. Рипли и И. Е. Деникером, на основании изучения географической изменчивости расовых признаков, в первую очередь — длины тела, головного указателя и пигментации³³.

Напрасно, однако, Я. В. Чекановский старается доказать, что он продолжает дело, начатое этими исследователями. У. Рипли и И. Е. Деникер (а частично и Ю. Кольманн) действительно много сделали для выделения в Европе определенных, географически локализованных комбинаций некоторых расовых признаков. Но эти исследователи никогда не абсолютизировали выделенные ими типы, не рассматривали их в качестве неизменных и единственных «элементов», из которых сложилось в процессе метисации все население Европы. Я. В. Чекановский же, превращая типы У. Рипли (с расчленением среднеевропейских брахикефалов на «арменоидов» и «лапоноидов») в исходные и единственные «расовые элементы» всех народов Северной и Средней Европы, делает большой шаг назад от первых работ по выделению и систематике европейских рас.

Содержащиеся в работах «львовской школы» характеристики морфологических особенностей отдельных типов, их генетических взаимоотношений и географического распространения в Европе и за ее пределами не соответствуют ни основным теоретическим положениям совре-

²⁸ J. C. Trevor, Race crossing in man, «Eugenics laboratory memoirs», т. XXXVI, London, 1953.

²⁹ J. Czekanowski, Das Typenfrequenzgesetz, «Anthropologischer, Anzeiger», Jahrgang 5, Heft. 4, 1928.

³⁰ Я. В. Чекановский, К оценке «львовской школы» профессором Г. Ф. Дебецем, наст. номер журнала, стр. 107.

³¹ J. Kollmann, Europäische Menschenrassen, «Mitteilungen der Anthropolog. Gesellschaft in Wien», 1882, т. IX, стр. 1—8.

³² W. Kóčka, Zagadnienia etnogenezy ludów Europy, Wrocław, 1958, стр. 256.

³³ W. Z. Ripley, The Races of Europe, London, 1900; J. Deniker, Les races de l'Europe, «L'Anthropologie», 1898, т. 9, стр. 113—133.

менной антропологии, ни конкретным антропологическим данным. Так, например, если можно еще согласиться с тем, что средний головной (широотно-продольный указатель) северного элемента составляет около 78, то совершенно произвольными являются средние индексы для средиземноморского (71,5) и особенно для арменоидного и лапоноидного (89) элементов³⁴. Ведь хорошо известно, что как в палеонтологических сериях самых разных эпох, так и среди современного населения столь крайние формы долихо- и брахицефалии встречаются даже и индивидуально как редкое исключение.

Большие возражения вызывают также и другие морфологические характеристики, приписываемые школой Я. В. Чекановского тем или иным расовым типам. Вряд ли, например, для лапоноидного типа можно считать характерной прямую (а не вогнутую) спинку носа³⁵. Еще менее вероятны средние величины носового указателя, даваемые по краниологическим данным В. Кочкой. Почему, например, арменоиды оказываются крайне узконосыми (средний индекс 43!), а кроманьониды, напротив, крайне широконосными (средний индекс 58!)?³⁶

Переходим к рассмотрению генетических взаимоотношений расовых элементов в работах Я. В. Чекановского. Совершенно произвольным представляется отнесение только северного, средиземноморского, арменоидного и лапоноидного компонентов к основным, несмешанным расовым элементам, а всех остальных типов европейского населения — к гибридным формам³⁷. Прежде всего надо подчеркнуть, что с точки зрения всех советских и многих зарубежных антропологов вопрос об отнесении тех или иных расовых типов к первичным или вторичным тесно связан с учением о таксономической неравноценности расодиагностических признаков и с выделением в составе человечества расовых категорий различных порядков³⁸. В настоящее время никакая генетическая классификация человеческих рас, отражающая реальную историю их формирования, невозможна без учета этих кардинальных положений антропологической науки. К сожалению, методы расового анализа «львовской школы» не только не приводят к выделению расовых типов различных порядков, но и не дают возможности их выделить, так как само представление о таксономической неравноценности диагностических признаков в работах Я. В. Чекановского и его последователей полностью отсутствует. Конечно, разделение рас на основные и гибридные не имеет ничего общего с учением об их таксономической неравноценности. Если учитывать эти положения современной антропологии, то вряд ли можно сомневаться в том, что население Европы на всем протяжении истории человечества от позднего палеолита до наших дней в антропологическом отношении состояло из различных вариантов европеоидной большой расы, выделяемой под различными наименованиями большинством антропологов мира, с весьма вероятной примесью негро-австралоидных (экваториальных) элементов на юге, а частично и в центральной части материка. В более поздние периоды, начиная с раннего неолита, а может быть, и мезолита, эта картина была еще осложнена проникновением в Восточную

³⁴ J. Czekanowski, Die Schweizerische anthropologische Aufnahme im Lichte der polnischen Untersuchungsmethoden, «Przegląd antropologiczny», 1934, т. XX.

³⁵ Г. Ф. Дебец и М. В. Игнатъев, Указ. раб., стр. 179 (табл. 4, дающая характеристику десяти типов населения Европы по Климку и Чекановскому); см. также S. Klimmek, Studja nad krantologija Azji polnocznej, sródkowej, wschodniej, «Kosmos», т. 52, 1927.

³⁶ W. Kočka, Указ. раб., стр. 256.

³⁷ J. Czekanowski, Das Typenfrequenzgesetz...; ср. также: Г. Ф. Дебец и М. В. Игнатъев, Указ. раб., стр. 178.

³⁸ См., напр., Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы расовых классификаций, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, 1951, стр. 291—324.

Европу древнемонголоидных (азиатских) компонентов³⁹. Именно из этих основных положений необходимо исходить при анализе расового состава любой группы европейского населения.

Подходя с таких позиций к оценке расовых компонентов, выделяемых Я. В. Чекановским, можно, конечно, согласиться с тем, что средиземноморский элемент, если понимать под ним относительно длинноголовых и сравнительно темных европеоидов, действительно является одним из основных и древнейших типов населения Европы. Однако уже по крайней мере с раннего неолита в составе мезодолехокранных европеоидов совершенно ясно выделяются, с одной стороны, более массивные и широколицые, а с другой стороны, более грацильные узколикие варианты. В дальнейшем и те, и другие прослеживаются в качестве самостоятельных «элементов» на протяжении всей истории вплоть до настоящего времени⁴⁰. Хотя непосредственными данными о связи пигментации с абсолютными размерами и пропорциями лицевого скелета для краниологических серий мы, конечно, не располагаем, но на основании материалов о современном населении надо предполагать, что среди темных мезодолехоцефальных европеоидов издавна встречались как узколикие, так и сравнительно широколицые типы. Примерами первых среди современного населения Европы могут служить южные итальянцы и испанцы, примерами вторых — многие группы Северо-Западного Кавказа (адыге, черкесы и др.)⁴¹. Таким образом, в пределах обширной категории относительно интенсивно пигментированных европеоидов в Европе выделяются по крайней мере две самостоятельные группы типов (или «расы») — собственно средиземноморская (иборо-островная), наиболее характерная для Западного Средиземноморья, и понтийская (по терминологии В. В. Бунака), распространенная главным образом в бассейне Черного моря⁴². За пределами Европы к этим расам могут быть добавлены «ориентальная», «североиндийская» и др., происхождение которых никак нельзя объяснить гибридизацией четырех (или пяти, шести и т. д.) мифических «элементов», но вполне можно представить себе в процессе дифференциации в разных географических районах Южной Европы, Северной Африки и Юго-Западной Азии южной — интенсивно пигментированной — ветви европеоидов («меланохрой» в понимании Т. Гексли)⁴³.

К аналогичным выводам можно прийти и по отношению к «северному элементу» Я. В. Чекановского. В свете новейших антропологических данных совершенно очевидно, что в Северной Европе между Атлантическим океаном и Уралом значительная депигментация волос и радужины глаз сочетается с различными средними величинами длины тела (роста), головного указателя и многих других расодиагностических

³⁹ Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Проблемы заселения Европы по антропологическим данным, там же, стр. 409—468; Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы в населении Центральной Европы, «Уч. зап. МГУ», вып. 63, Антропология, 1941, стр. 246—268; Г. Ф. Дебеч, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6, стр. 52—69.

⁴⁰ Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.; Т. А. Трофимова, Краниологические данные к этногенезу западных славян (славяне раннего средневековья на территории Германии и Польши), «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 39—61.

⁴¹ C. S. Coon, The Races of Europe, N. Y., 1939; Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. I, 1947, стр. 235—267; В. И. Левин, Этногеографическое распределение некоторых расовых признаков у населения Северного Кавказа, «Антропологический журнал», 1932, № 2, стр. 84—88.

⁴² V. Bunak, Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas, «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», 1932, т. XXX, стр. 441—503; Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры.

⁴³ T. H. Huxley, On the geographical distribution of the chief modifications of mankind, «Journal of the Ethnological Society», London, 1870, ser. VI, стр. 404—412.

признаков⁴⁴. Представление о северной (нордийской) высокорослой мезодолыхокефальной расе в качестве единственного светловолосого и светлоглазого типа человечества должно быть отброшено. Можно говорить лишь о большой историко-географической совокупности морфологически очень разнообразных (по признакам второго порядка) светлых северных европеоидов на северо-востоке Европы, несущих следы древнего смешения с монголоидными элементами, проникавшими из Сибири по крайней мере с начала неолита⁴⁵. Совокупность эту, соответствующую «ксантохром» Т. Гексли, В. В. Бунак обозначает как «североевропейскую большую расу»⁴⁶, а один из авторов настоящей статьи — как «балтийскую расу» с подразделением на две ветви (группы расовых типов) — западную («атланти-балтийскую») и восточную («беломорско-балтийскую») ⁴⁷; последняя группа несет, по мнению многих советских антропологов, следы древней монголоидной примеси⁴⁸. О едином «северном» элементе говорить, конечно, не приходится. Наиболее вероятной гипотезой генезиса ксантохромов является допущение об их формировании в процессе постепенной депигментации различных европеоидных (а частично и монголоидных) расовых типов по мере их продвижения, начиная с позднего палеолита, на север от Средиземноморья и Причерноморья к бассейнам Балтийского, Северного и Белого морей⁴⁹. Вряд ли можно сомневаться, таким образом, что светлые европеоидные типы (ксантохрои) сложились позднее более темных вариантов той же большой расы.

В полном противоречии с конкретными антропологическими данными находится взгляд Я. В. Чекановского на арменоидный тип как на один из основных расовых элементов населения Европы. Конечно, в реальности самого арменоидного (переднеазиатского) типа нет оснований сомневаться. Однако тип этот, характеризующийся сочетанием резко выраженных признаков европеоидной большой расы с брахицефалией, сильно выступающим носом с выпуклой спинкой и некоторыми другими признаками лицевого скелета и мягких частей лица, как в настоящем, так и в прошлом, никогда не был широко распространен в Европе (за исключением юга Балканского полуострова и Эгейского архипелага)⁵⁰. Если принять допущение Я. В. Чекановского о том, что расовые элементы наследуются как целое, то и в смешанных популяциях следовало бы ожидать появления определенной доли «чистых» арменоидов; а этого у европейских народов (кроме греков), как известно, никогда не наблюдается. Хотя вопрос о происхождении арменоидного типа и остается до наших дней дискуссионным, все же палеоантропологические материалы свидетельствуют о том, что тип этот сложился сравнительно поздно (не раньше бронзового века, т. е. в III—II тысячелетиях до н. э.), вероятно, в процессе брахицефализации более древних мезодолыхоке-

⁴⁴ Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, «Антропологический журнал», 1936, № 2, стр. 193—227; его же, Этногенез коми по данным антропологии, «Сов. этнография», 1946, № 2, стр. 51—80; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, «Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции», т. II, 1959, глава VI, стр. 122—131.

⁴⁵ См. работу, указ. в прим. 39.

⁴⁶ В. В. Бунак, Расы Западной Европы, Больш. Сов. Энцикл. (1 изд.), т. XXIV, 1932, стр. 227—236.

⁴⁷ Н. Н. Чебоксаров, Основные принципы расовых классификаций, стр. 316—317; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 122—123.

⁴⁸ См. прим. 39.

⁴⁹ Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., часть вторая (История антропологического состава народов Восточной Прибалтики), стр. 139—231.

⁵⁰ С. S. Coon, The Races of Europe; В. В. Бунак, Расы Западной Европы; Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 430—433.

фальных вариантов европеоидной большой расы⁵¹. Во всяком случае арменоидов по времени их формирования никак нельзя ставить в один ряд со средиземноморцами или даже северными депигментированными европеоидами. Считать поздний и морфологически очень специфичный арменоидный тип одним из исходных «элементов» формирования расового состава населения Европы совершенно невозможно.

В еще большей степени такой вывод справедлив по отношению к четвертому «расовому элементу» Я. В. Чекановского — лапоноидному. Как и арменоидный, этот брахицефальный тип прослеживается по данным палеоантропологии, только начиная с III—II тысячелетия до н. э., сосредоточиваясь (в отличие от первого) преимущественно на северо-востоке Европы между Уралом и Балтикой, хотя и достигая в виде незначительных примесей более западных районов (Польша, Восточная Германия, Скандинавия)⁵². О присутствии в прошлом или настоящем лапоноидов в собственно западноевропейских или даже в центрально-европейских странах, в том числе и в Швейцарии, где Я. В. Чекановский «нашел» при помощи своего метода 16,5% «лапоноидного элемента»⁵³, в нашем распоряжении нет никаких фактических данных. Вопрос о происхождении лапоноидов еще более сложен, чем вопрос о происхождении арменоидов. Большинство советских антропологов (в том числе и все авторы настоящей статьи) считают этот тип гибридным, сложившимся на востоке Европы в процессе метисации умеренно темных, а может быть, и светлых европеоидов («шатенов» и «блондинов») с монголоидными скорее всего сравнительно низкими элементами, проникавшими из-за Урала⁵⁴. Лапоноидный тип, по Я. В. Чекановскому, — один из первичных и древнейших в Европе, в действительности является скорее гибридным и во всяком случае поздним.

Итак, тезис о формировании расового состава населения Европы из четырех элементов (*a*, *e*, *h*, *l*), лежащий в основе всех построений Я. В. Чекановского и его школы, оказывается в противоречии как с теоретическими положениями современной антропологии, так и с конкретными материалами по этнической антропологии Европы. Но, если несостоятелен этот тезис то, очевидно, столь же несостоятельны и все результаты проделанного «львовской школой» расового анализа различных групп древнего и современного населения Европы. Ведь сам Я. В. Чекановский в своей статье, помещенной в настоящем номере журнала, сначала указывает, что «львовская школа» базирует «аналитическое описание населения Средней Европы на следующих четырех расовых элементах: северном, средиземноморском, арменоидном и лапоноидном», а затем подчеркивает что «наши критерии только контролируют результаты анализа, но ничего не доказывают»⁵⁵. Дело, впрямь

⁵¹ Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Указ раб. (особенно стр. 425—429, 430—433). Ср. также Г. Ф. Дебец, Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии, нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 355—370. Другая точка зрения на происхождение арменоидов принадлежит В. В. Бунаку (см. «Станіа Армєніса», «Труды Антропол. ин-та при І МГУ», вып. II, 1927).

⁵² Н. Н. Чебоксаров, Монголоидные элементы...; Г. Ф. Дебец, О путях заселения северной полосы Русской равнины...

⁵³ J. Czekanowski, Die schweizerische anthropologische Aufnahme... Ср. также: Г. Ф. Дебец, Методы расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы, «Сов. этнография», 1959, № 3, стр. 138—153.

⁵⁴ См. работы, указ. в прим. 52, а также: М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Восточной Прибалтики, часть вторая (История антропологического состава народов Восточной Прибалтики), стр. 139—231; К. Ю. Марк, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике, «Изн. АН Эстонской ССР», т. V, Серия общественных наук, № 1, 1956; К. Ю. Марк, Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии, сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 219—242.

⁵⁵ Я. В. Чекановский, К оценке «львовской школы»... стр. 108.

чем, не только в фактической необоснованности «гипотезы четырех элементов», но и в том, что, кладя эту гипотезу в основу расового анализа, представители «львовской школы» идут и всегда будут идти по ложному пути, который неизбежно приведет к искаженному представлению об истории антропологического состава населения Европы. Игнорирование учения о таксономической неравноценности расовых признаков и об их изменчивости во времени закономерно и обязательно влечет за собой у Я. В. Чекановского и его последователей подмену сложной картины расогенеза и взаимодействия человеческих рас, включающей их эпохальную изменчивость, дифференциацию и смешение, мнимой всеобщей гибридизацией определенного, заранее заданного числа постоянных «расовых элементов», в действительности не существующих (по крайней мер в том виде, как их представляют антропологи школы Я. В. Чекановского).

Большинство работ Я. В. Чекановского и его учеников посвящено этнической антропологии Европы; содержание их, в сущности говоря, сводится к определению в исследованных группах мнимых долей не менее мнимых основных «расовых элементов». Однако в некоторых работах «львовской школы», особенно написанных до применения формулы А. Ванке, наряду с четырьмя основными элементами фигурируют, как уже упоминалось, и результаты их смешения — шесть гибридных типов — подсеверный ($\gamma = \alpha + \lambda$), преславянский ($\beta = \varepsilon + \lambda$), альпийский ($\omega = \chi + \lambda$), динарский ($\phi = \alpha + \chi$), литторальный ($\rho = \chi + \varepsilon$) и северо-западный ($\iota = \alpha + \varepsilon$). В свое время Г. Ф. Дебеч и М. В. Игнатьев уже показали неправдоподобность указанных комбинаций с чисто морфологической стороны⁵⁶. Я. В. Чекановский до сих пор не опроверг этой критики (с нашей точки зрения вполне убедительной) и в то же время не отказался от своих построений относительно гибридных типов, хотя в последних работах почти перестал к ним обращаться. К критике М. В. Игнатьева и Г. Ф. Дебеча нам хотелось бы только добавить, что единственный «новый» гибридный тип, выделенный «львовской школой», — «преславянский» (β) — представляет собой по существу конгломерат самых различных расовых типов Восточной Европы, очень неоднородных по пигментации, развитию третичного волосяного покрова, особенностям мягких частей лица и многим другим признакам. Типы эти никак не могут быть объединены в одну систематическую категорию; они сближаются то с «восточнобалтийской», то с «северопонтийской», то с «сублапоноидной (вятско-камской)» расами других исследователей⁵⁷.

Я. В. Чекановский почти не занимался этнической антропологией неевропейских народов, хотя и предпринял в 1935 г. крайне неудачную попытку распространить свои представления об основных элементах («расах») и гибридных типах на все человечество (включая не только современные расы, но даже... неандертальцев)⁵⁸. В уже цитированной статье Г. Ф. Дебеча и М. В. Игнатьева эта «панглобальная» схема Я. В. Чекановского получила крайне суровую, но, по нашему мнению, вполне справедливую оценку. «Таким образом, — писали советские авторы в 1938 г., — никакой эволюции, по Чекановскому, нет. Ее заменяет панэйкуменная гибридизация, и даже неандертальцы оказываются помесью северных европейцев с неграми. Трудно представить себе более чудовищный отрыв от истории, от биологии, от генетики, наконец, вооб-

⁵⁶ Г. Ф. Дебеч, М. В. Игнатьев, Указ. раб., стр. 178—180.

⁵⁷ V. Вупак, Neues Material zur Aussonderung...; Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов..., М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., часть первая, главы V и VI, стр. 113—131.

⁵⁸ J. Czekanowski, Les buts de l'école anthropologique polonaise, «L'Anthropologie», 1935, т. 45, № 5—6.

ше от здравого смысла»⁵⁹. В более поздних работах Я. В. Чекановского эта панглобальная схема больше не фигурирует и поэтому, быть может, нет смысла в настоящее время разбирать ее подробно. Все же надо отметить, к сожалению, что в некоторых новейших работах представителей «львовской школы», посвященных антропологии внеевропейских стран, выделяются те же или почти те же типы и вся история расового состава любого народа сводится к их смешению. А. Л. Годлевский, например, считает, что самоанцы сложились из семи типов — тихоокеанского, центральноазиатского, ориентального, меридионального, медитерраноидного, австралийского и австро-африканского⁶⁰. Получается, следовательно, что на Самоа смешивались типы, характерные не только для китайцев (тихоокеанский), монголов (центральноазиатский), арабов (ориентальный) и австралийцев (австралийский), но также для берберов (медитерраноидный) и бушменов (австро-африканский). Ну разве это не тот же «чудовищный отрыв от истории, от биологии, от генетики, наконец, вообще от здравого смысла?».

3

Переходим от «субъективных», по выражению Я. В. Чекановского, соображений о морфологических и исторических критериях выделения типов к «объективным» данным статистического анализа в той его форме, которая предложена Я. В. Чекановским. К сожалению, придется повторить многое из того, что уже писалось о методах «львовской школы» и ее главы. Ибо заполнить свою статью такими выражениями, как «критик не умеет пользоваться ее контрольным аппаратом»⁶¹ (см. в этом номере стр. 109), «и здесь контрольный аппарат «львовской школы» справился со своим критиком» (там же), «наш критик свободно жонглирует членами системы уравнений» (там же) и т. д., Я. В. Чекановский просто не отвечает на многие адресованные ему в последней работе Г. Ф. Дебеца возражения.

Прежде всего несколько слов о том, насколько объективно сам Я. В. Чекановский пользуется предложенными им приемами. Казалось бы, если критерии, предлагаемые для проверки результатов расчетов, действительны, их не только можно, но и должно применять во всех случаях. Как же применяет их Я. В. Чекановский? Для контроля правильности расчетов он пользуется, например, соответствием величин эмпирической средней головного указателя и средней, которая получается суммированием величин головного указателя отдельных составляющих популяцию компонентов⁶². Г. Ф. Дебец разбирает эффективность этого приема и указывает на его искусственность⁶³. В частности, указано на искусственность и необоснованность предложенных для вычисления головного указателя формул и на неполное соответствие полученных с их помощью величин с величинами, применяемыми Я. В. Чекановским для расчетов. По-видимому, прежде чем пользоваться критерием головного указателя, следовало бы разобрать аргументы Г. Ф. Дебеца. Я. В. Чекановский даже не упоминает о них и продолжает указывать на совпадение эмпирической и вычисленной величин головного указателя как на обстоятельство, демонстрирующее правильность его вычислений и неправильность вычислений Г. Ф. Дебеца. При этом разница в величинах головного указателя в расчетах Я. В. Чекановского и Г. Ф. Дебеца в самом

⁵⁹ Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатьев, Указ. раб., стр. 181—182.

⁶⁰ A. L. Godlewski, Struktura antropologiczna polinezyczykow, «Materiały i prace antropologiczne», Wrocław, 1955, № 8.

⁶¹ Речь идет о математическом аппарате в работах «львовской школы».

⁶² Широко пользуются этим приемом и ученики Я. В. Чекановского, в частности, В. Кочка. См. W. Kočka, Wczesnodzieiowa antropologia słowian zachodnich, «Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego», 1953, сер. B, № 17.

⁶³ Г. Ф. Дебец, Методы расового анализа..., стр. 149.

крайнем случае не превышает нескольких десятых, и элементарная арифметика могла бы убедить Я. В. Чекановского, что эта разница не выдерживает никаких самых строгих критериев статистической достоверности. Кстати, следует отметить, что и Я. В. Чекановский, и его ученики полностью игнорируют критерии статистической достоверности, хотя и не приводят в своих работах их разбора и критики.

Но в некоторых случаях расчеты Г. Ф. Дебеца в большей степени соответствуют критерию головного указателя, чем расчеты Я. В. Чекановского. Так, при определении антропологического состава немецких колонистов Прикарпатья, по данным Ф. Вокроя⁶⁴, Г. Ф. Дебец приводит для каждого антропологического элемента процентную величину его удельного веса в популяции, существенно отличающуюся от аналогичной величины в работе Ф. Вокроя⁶⁵. Сделать это оказалось возможным потому, что, как известно из курса элементарной алгебры, системы многочленных алгебраических уравнений, которыми пользуется «львовская школа» при вычислении доли в популяции составляющих ее компонентов, могут иметь несколько решений. Иными словами, в каждом отдельном случае существуют не одна, а несколько числовых величин, обращающих уравнение в тождество⁶⁶. В расчетах Г. Ф. Дебеца разница в эмпирической и вычисленной величинах головного указателя равна 0,06, в расчетах Ф. Вокроя — 0,31. Практически обе разницы не выходят за пределы случайных колебаний и не говорят ни о чем, кроме произвольности критерия головного указателя, при помощи которого можно доказать правильность обоих расчетов, по существу значительно различающихся между собой. Но все же разница между эмпирической и вычисленной величинами головного указателя в расчетах Г. Ф. Дебеца в пять раз меньше, чем в расчетах Ф. Вокроя. И Я. В. Чекановский сразу же отказывается от критерия головного указателя, которым он пользуется с такой настойчивостью в других случаях, и предлагает другой критерий для проверки правильности полученных результатов — соответствие доли разных компонентов в мужской и женской группах. Почему? Может быть, в биологическом отношении контингент обследованных Ф. Вокроем качественно отличается от всех других популяций, фигурирующих в исследованиях Я. В. Чекановского и его учеников, что заставляет подходить к нему с особой меркой? Теоретически это маловероятно и во всяком случае требует дополнительного обоснования, которого нет. Но с другой стороны, сам Я. В. Чекановский указывал на возможность использования разных систем уравнений для определения антропологического состава мужской и женской групп одной популяции⁶⁷. Следовательно, заранее предполагается, что различные компоненты могут быть представлены среди мужчин и женщин в разной пропорции. Тогда как же можно считать, что соответствие долей различных компонентов в мужской и женской группах контролирует результаты вычислений и говорит об их правильности? Или Я. В. Чекановский полагает, так же как и мы, что с помощью различных уравнений можно получить одинаковые результаты и, подставляя в одно уравнение различные цифровые значения — разные результаты? Если это действительно так, мы готовы отказаться от дальнейшей полемики.

Мы придаем особое значение этому общему возражению против метода Я. В. Чекановского. Множественность решений любой системы уравнений, с которой оперируют Я. В. Чекановский и его ученики, практически лишает какого-либо позитивного значения все расчеты,

⁶⁴ F. Wokroi, Charakterystyka demograficzno-antropologiczna ludności kolonii podkarpackich, «Przegląd antropologiczny», 1954, т. XX.

⁶⁵ Г. Ф. Дебец, Методы расового анализа..., стр. 150.

⁶⁶ Г. Ф. Дебец, М. В. Игнатъев, Указ. раб.

⁶⁷ J. Czekanowski, Zarys antropologii Polski, Lwów, 1930.

производимые с помощью этих уравнений⁶⁸. Между тем Я. В. Чекановский, продолжая применять в настоящее время по существу те же приемы, какие он применял и 25 лет назад, нигде не ответил на это возражение. Да ему и не удастся на него ответить, ибо оно базируется уже не на «субъективных наблюдениях морфологов», а на железных законах алгебры. Тем не менее мы были бы очень признательны Я. В. Чекановскому, если бы он счел возможным высказаться по этому вопросу, который был адресован ему еще в 1938 г.⁶⁹ Может быть это устранило бы недоумение, возникающее вследствие того, что Я. В. Чекановский резко возражает Г. Ф. Дебецу по многим частным вопросам, не затрагивая общих проблем и не отводя ни одного общего возражения.

Аналогичным образом Я. В. Чекановский, придавая решающее значение совпадению суммы долей отдельных элементов в популяции с единицей и указывая на то, что в расчетах Г. Ф. Дебеца это совпадение иногда не осуществляется, обходит полным молчанием то обстоятельство, что вероятность данного совпадения с математической точки зрения очень высока и при желании его всегда можно получить⁷⁰. Мы не будем повторять многочисленные примеры разного рода манипуляций вплоть до исключения из расчета отдельных членов уравнений, которые применяют Я. В. Чекановский и его ученики для получения желанной единицы. Эти примеры указаны во многих работах⁷¹. С нашей точки зрения, они достаточно красноречивы. Но дело не в них. Ошибки в конкретных расчетах говорят только о слабом знакомстве с основами алгебры и арифметики и невнимательном отношении к числовым операциям. Гораздо более существенно, что Я. В. Чекановский пренебрегает общей алгебраической закономерностью, заключающейся в бесконечно большой вероятности получить систему решений, приводящих уравнение к единице. Впервые на это указала И. Швидетская в 1935 г. В 1938 г. это возражение было развито Г. Ф. Дебецем и М. В. Игнатьевым. У Я. В. Чекановского было достаточно времени, чтобы ответить на него, но он не сделал этого, продолжая использовать пресловутую единицу для доказательства некорректности расчетов Г. Ф. Дебеца, приведенных в статье 1959 года.

Именно логическая несостоятельность метода Я. В. Чекановского и позволила Г. Ф. Дебецу использовать тот критический прием, который заключается в придании принимаемым в расчет типам иной морфологической характеристики. При этом типы, предложенные Г. Ф. Дебецем, ничуть не менее убедительны и с морфологической, и с исторической точек зрения, чем типы Я. В. Чекановского. Последний указывает, что ввести иные элементы было бы можно, если бы было доказано их реальное существование. Но это производится не на основании каких-либо математических операций, а только логически, на основании рассмотрения как антропологических фактов, так и данных смежных дисциплин, которые могут быть привлечены для обоснования реальности выделенных типов.

Г. Ф. Дебес исходит из предположения, что место северного, средиземноморского, арменоидного и лапоноидного типов Я. В. Чекановского в составе суммарной популяции швейцарских призывных могут занять кроманьонский, понтийский, балтийский и динарский типы. Ни один из них не является вымышленным специально для данного конкретного

⁶⁸ Г. Ф. Дебес, М. В. Игнатьев, Указ. раб.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ J. Schwidetzky, Die Rassenforschung in Polen; Г. Ф. Дебес, М. В. Игнатьев, Указ. раб.

⁷¹ H. Szpidbaum, Über das sogenannte Typenfrequenzgesetz; Г. Ф. Дебес, М. В. Игнатьев, Указ. раб.; Г. Ф. Дебес, Палеоантропология СССР, Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948.

случая. Все они получили подтверждение как реальные единицы генетической классификации европейских рас. Так, низколиций и широколицый, сравнительно темнопигментированный тип может быть отмечен во Франции и среди населения Канарских островов⁷². Кстати говоря, многие работники «львовской школы» также выделяют его в качестве реальной единицы современной расовой классификации⁷³. Понтийский тип, как уже отмечалось, был выделен В. В. Бунаком среди восточных групп южной ветви европеоидной расы⁷⁴. В последние годы он получил обстоятельную морфологическую характеристику в исследовании М. Попова, посвященном антропологическому составу населения Болгарии⁷⁵. В качестве представителей балтийского типа можно назвать этнические группы Восточной Прибалтики — финнов, эстонцев, латышей, карелов, некоторые группы русского народа⁷⁶. Наконец, относительно узколикие, темнопигментированные, круглоголовые европеоиды также реально существуют и могут быть выделены среди болгар, македонцев, греков, албанцев и т. д. Значение всех этих типов, разумеется, неравноценно. Так, судя по палеоантропологическим данным, комбинация признаков, характерная для кроманьонского типа, имеет более древнее происхождение, чем остальные типы. Но это и неважно для нашей темы. Важно только, что используя эти типы, с помощью методики Я. В. Чекановского можно получить не менее правдоподобные результаты, чем его собственные. Я. В. Чекановский в качестве аргумента против расчета Г. Ф. Дебеца указывает на то, что предложенная последним классификация типов непригодна для других случаев и что введение этих типов в подсчет при анализе других популяций не дает желаемой единицы. Но при манипуляциях с типами Я. В. Чекановского сведение уравнения к единице, несмотря даже, как мы указывали, на высокую вероятность ее получения, достигается не без труда. Иначе зачем было бы при анализе славянских черепов XII в. из-под Плонска выбрасывать член 2 el, соответствующий преславянскому типу, встречающемуся в 50% случаев, зачем нужно было в одном случае уменьшать, в другом увеличивать долю подсеверного типа при рассмотрении расового состава украинцев и польской шляхты из одной и той же местности, зачем при составлении уравнения искажены первоначально полученные доли отдельных элементов в серии черепов раннего железного века из погребений на южном берегу озера Севан и т. д.⁷⁷

После всех этих общих возражений, многие из которых, как уже указывалось, по необходимости повторяют аргументацию предшествующих критиков метода Я. В. Чекановского, повторяют потому, что он не считает нужным ответить на нее, нет большой надобности рассматривать частные замечания Я. В. Чекановского по поводу статистических расчетов в статье Г. Ф. Дебеца. Я. В. Чекановский утверждает, например, что при подсчете по методу А. Ванке при заданном соотношении по 0,25 доля северной расы не увеличивается. Само собой разумеется, что если доля каждого из «чистых» типов составляет по 0,0625, а смешанных по 0,125, то в конечном счете доли исходных компонентов состава

⁷² E. H. Hooton, *Ancient inhabitants of the Canary islands*, Cambridge, 1925.

⁷³ A. Wierciński. *Badania antropologiczne nad czaszkami południowej Syberii od epoki młodszego paleolitu do środkowego brązu*, «Przegląd antropologiczny», 1955, т. XX, ч. I, Wrocław.

⁷⁴ V. V. Bunak, *Neues Material zur Aussonderung anthropologischer Typen unter der Bevölkerung Osteuropas*.

⁷⁵ М. Попов, *Антропология на българския народ*, София, 1959.

⁷⁶ Н. Н. Чебоксаров, *Из истории светлых расовых типов Евразии*, «Антропологический журнал», 1936, № 2; М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров, *Этническая антропология Восточной Прибалтики*.

⁷⁷ Г. Ф. Дебеч, М. В. Игнатьев, *Указ. раб.*, стр. 183—184; Г. Ф. Дебеч, *Палеоантропология СССР*, стр. 177—178; его же. *Методы расового анализа...*, стр. 146—148.

вят по 0,25, а сумма их будет равна единице. Но что этим доказывается, кроме тривиальных свойств квадратного уравнения? Конечно, в примере Г. Ф. Дебеца сумма $a+e+h+l$ не равна единице. Но то же самое мы, как уже указывалось, находим в работах самого Я. В. Чекановского и его учеников. Я. В. Чекановский сам пишет, что сумма $a+e+h+l$ далека от единицы в работе Ф. Вокроя. А в этом случае совсем не безразлично, с какого члена уравнения начинать подсчет.

Таких примеров можно было бы привести много. Но в этом нет нужды. Даже если бы Я. В. Чекановский и его ученики правильно пользовались алгеброй и статистикой, это не меняло бы общего безрадостного впечатления от основ предложенного Я. В. Чекановским метода расового анализа.

* * *

Подводя итог всему сказанному, мы должны еще раз констатировать, что методы расового анализа Я. В. Чекановского во всех их вариантах, а также конкретные выводы, к которым представители «львовской школы» приходят на основании этих методов, находятся в полном противоречии с положениями современной генетики, антропологии и статистики. К сожалению, Я. В. Чекановский в полемике со своими критиками (в том числе в статье, опубликованной в настоящем номере журнала) до сих пор не опроверг основных возражений, выдвинутых против его концепции. Напротив, в самых последних работах «львовской школы», написанных после применения формулы А. Ванке, все более и более ощущается отрыв от конкретного антропологического материала, схематизация истории антропологического состава всех исследуемых народов, метафизическое представление о формировании и взаимодействии расовых типов человечества.

SUMMARY

The conception of J. Czekanowski is based on the acknowledgment of the hypothesis of the hereditary transmission of race traits in their aggregate. This hypothesis totally ignores the available material on human genetics, which irrefutably warrants independent hereditary transmission of race traits. The same is born out by data on the interconnection between race traits and on the anthropological type of mixed populations. In his classification of European anthropological types, J. Czekanowski failed to make use of available data and treated in an arbitrary way the question of the genesis of these types. The same holds true of the classification of anthropological types of the globe evolved by Czekanowski and his pupils. The untenability of Czekanowski's stand on questions of theory is aggravated by the arbitrary use of the mathematical aspect in his research, with the elementary qualities of algebraic equations neglected. Thus the methods of race analysis offered by J. Czekanowski in all their variants, as well as the concrete conclusions reached by the representatives of his school on the basis of these methods, stand in clear contradiction to the tenets of contemporary genetics, anthropology and statistics.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

И. А. ГЕНИН

АЛЖИРЦЫ

18 марта 1962 г. представители французского правительства и Временного правительства Алжирской республики подписали в Эвиане (на берегу Женевского озера) соглашение о прекращении огня в Алжире, и 19 марта на всей алжирской территории прекратились военные действия. Так закончилась кровопролитная война, длившаяся 89 месяцев. «Если говорить языком цифр,— писал первый секретарь Алжирской коммунистической партии Ларби Бухали,— то эта война... стоила девятимиллионному алжирскому народу миллиона убитых, в большинстве своем женщин, стариков и детей, двух миллионов перемещенных лиц и беженцев, укрывшихся в Тунисе и Марокко, десятков тысяч узников в тюрьмах и концентрационных лагерях, не говоря о множестве изувеченных, о невыразимых лишениях, физических и моральных страданиях и колоссальных материальных разрушениях, причиненных нашей стране»¹. Но народ не прекращал борьбы и добился победы. На референдуме 1 июля 1962 г. алжирский народ единодушно высказался за независимый Алжир, сотрудничающий с Францией. 3 июля было официально объявлено об образовании независимого Алжирского государства.

Алжир — страна в Северной Африке, занимающая площадь в 2192 тыс. км², из которых 1982 тыс. км² приходится на Алжирскую Сахару². Природные условия страны разнообразны. Северную часть Алжира пересекают в широтном направлении Телльский Атлас, и южнее, Сахарский Атлас, входящие в систему гор Атласа. Телльский Атлас состоит из невысоких хребтов, протянувшихся параллельно берегу Средиземного моря; эти хребты чередуются с широкими низкими плато, спускающимися террасами к морю. К северу от Телльского Атласа лежит узкая прибрежная равнина, которую вместе с северной цепью Телльского Атласа называют областью Телля, или Теллем³. В восточной части побережья расположены горные массивы Большой и Малой Кабилии. Между Телльским и Сахарским Атласом расположены Высокие плато: это сухие степи с цепью пересыхающих солончаковых озер, называемых шоттами. Южнее Сахарского Атласа находится пустыня Сахара. На крайнем юге Алжира возвышается высокое нагорье Ахаггар.

Климат северной части Алжира субтропический, средиземноморского типа. Средние температуры в г. Алжире в январе +12,2°, в июле +25,3°. На побережье выпадает до 1000 мм осадков в год. В Сахаре пустынный климат. Летом температура превышает 50°, однако зимой холодно. Осадков менее 100 мм в год. Осенью из Сахары часто дует жаркий изнурительный ветер — сирокко.

Речная сеть слабо развита. Реки несудоходны, но они служат источ-

¹ «Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость», М., 1961, стр. 3—4.

² «Grand Larousse Encyclopédique», т. I, 1960, стр. 239.

³ «Телль» означает на арабском языке холм, холмистую местность.

ником орошения и в некоторых местах используются для получения электроэнергии.

В освоенных районах Телля преобладает культурная растительность, в невозделанных местах — вечнозеленые сухолюбивые кустарники и деревья. На Высоких плато большие пространства заняты травой альфа (эспарто). В увлажненных долинах гор Атласа растут леса пробкового и вечнозеленого дуба, в оазисах Сахары — финиковая пальма.

Алжир — древний очаг развития культуры и государственности. В III в. до н. э. здесь возникло Нумидийское царство, в I в. до н. э. окончательно покоренное Римом. В VII—VIII вв. н. э. Алжир входил в состав Арабского халифата. В XI—XIII вв. вместе с Марокко Алжир стал территориальным ядром государств Альморавидов и Альмохадов. В начале XVI в. страна была присоединена к Османской империи; с ослаблением последней с начала XVIII в. Алжир вновь становится фактически независимым государством с выборным правителем — деем во главе, хотя формально он продолжал входить в состав Османской державы.

В 1830 г. Франция захватила г. Алжир, изгнала правителя и приступила к завоеванию страны, длившемуся более трех десятилетий; восстание в горах Кабилии было подавлено лишь в 1867 г. Неоднократные восстания, носившие разрозненный, стихийный характер, жестоко подавлялись колонизаторами. Алжир стал французской колонией. Во главе колонии был поставлен французский генерал-губернатор, облеченный широкими полномочиями. Южная часть под названием «Территории Юга» была подчинена военным властям.

Стремясь укрепить свои пошатнувшиеся после второй мировой войны позиции, французское правительство несколько изменило административное устройство Алжира. Должность генерал-губернатора была упразднена. Алжир стал управляться генеральным делегатом французского правительства. В его руках формально была сосредоточена гражданская и военная власть, однако на деле большую роль играли военные власти. «Территории Юга» были преобразованы в два сахарских департамента: Саура и Оазис. Весь остальной Алжир разделялся на 13 департаментов: Алжир, Тизи-Узу, Медеа, Орлеанвиль, Оран, Мостаганем, Сетиф, Батна, Бон, Сайда, Тлемсен, Тиарет, Константина. Департаменты делились на округа, округа — на коммуны (общины). Во главе департаментов были поставлены назначавшиеся французским правительством префекты. В 1957 г. была создана правительственная «Совместная организация сахарских районов», на которую возлагалась задача «освоения пустыни», а на деле — оказания содействия французским и другим монополиям в разграблении минеральных богатств Сахары.

На 1 января 1960 г. численность населения Алжира оценивалась в 10 484 тыс. человек, из которых 9925 тыс. приходились на 13 северных департаментов и 559 тыс. — на два департамента Сахары⁴.

Основная группа населения Алжира — арабы (около 8 млн. чел.). Другой крупной группой алжирского населения являются берберы, к которым относятся кабилы (около 1 млн.), туареги (около 10 тыс.), берберы оазисов Сахары (100 тыс.). За последние десятилетия значительно усилился процесс смешения арабского и берберского населения, вследствие чего современных алжирцев иногда называют арабо-берберами. В настоящее время близок к завершению процесс формирования единой алжирской нации.

Преобладающий язык алжирцев — арабский, но в удаленных оазисах сохраняются диалекты берберского языка. Алжирцы — мусульмане суннитского толка.

Из некоренного населения наиболее многочисленны европейцы. Всего их в Алжире 1050 тыс. человек. Большинство из них французы (но меньше половины европейского населения), второе место по численности

⁴ «Statesman's Yearbook», London, 1961. стр. 1010.

занимают испанцы, меньше итальянцев, греков и др. Европейцы в городах — это владельцы промышленных и торговых предприятий, представители иностранных фирм, технический персонал и квалифицированная рабочая сила, чиновники и служащие, адвокаты и врачи. Европейцы в сельских местностях, как правило, землевладельцы-колонисты. Однако многие родившиеся в Алжире европейцы из числа трудящихся потеряли связь с Францией и считают себя алжирцами европейского происхождения.

Население размещено неравномерно по территории страны. Плотность уменьшается по направлению с севера на юг. В Телле приходится в среднем 80 человек на 1 км², по другую же сторону Телльского Атласа плотность падает до 23 человек, а в Сахаре приходится в среднем меньше 1 человека на 1 км². Большая плотность отмечена в окрестностях крупных городов, на морском побережье, а также в Телльском Атласе и в горах Ореса, куда колонизаторами оттеснено коренное население. Искключительно густо населена Кабилия, где в среднем приходится 500 человек на 1 км² ⁵.

В Алжире наблюдается быстрый рост коренного населения. Несмотря на высокую смертность (даже по французским официальным данным, среди коренного населения в детском возрасте умирает 168 из тысячи родившихся), прирост значителен: 30 человек на 1000 жителей ⁶. Полагают, что в 1980 г. численность коренных жителей страны достигнет 17 млн. человек.

Алжир — страна с довольно молодым населением: более половины коренных жителей моложе 20 лет и лишь около 5% составляют лица старше 60 лет. Это обстоятельство сулит быстрое развитие производительных сил страны.

Подчиняя Алжир, французские власти конфисковали огромные земельные массивы, принадлежавшие ранее местным племенам. Захваченные земли были переданы банкам, компаниям, генералам, разным авантюристам и спекулянтам. Колонизация Алжира сопровождалась оттеснением коренных жителей в горные неплодородные районы и ограничением их в правах. Все пастбищные земли племен были объявлены собственностью Франции. Французские компании стали эксплуатировать недра страны и вывозить минеральное сырье за границу. Алжир был превращен в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Экономика страны находится в руках крупных французских монополий и банков, контролирующих промышленность, транспорт и значительную часть сельскохозяйственной продукции Алжира. Важнейшую роль играют банковские группы: «Банк де Л'Юнион паризьен — Мирабо» (действующий через свой филиал «Компани Алжьерьен де Креди э де Банк»), банки Ротшильдов и братьев Лазар. С французскими банками и монополиями тесно связана местная европейская верхушка в Алжире — «сотня сеньоров», как их называют, среди которых выделяются крупные капиталисты Боржо, Блашетт, Скъяффино. Колониальные компании и крупные индивидуальные собственники-европейцы сосредоточили в своих руках большие массивы лучших земель в Телле и создали на них капиталистические хозяйства.

В руках европейцев сосредоточено сейчас 38% всех обрабатываемых земель и 23% земель, пригодных к обработке. В то время как 22 тысячи европейских хозяйств владеют 2,7 млн. га, у 543 тыс. хозяйств коренного населения всего 7130 тыс. га земель ⁷. Европейские хозяйства занимают сотни и тысячи га посевной площади, а такие крупные компании, как «Компани Алжьерьен», «Льеж де Хаменда э де ля Птит Кабили», «Ком-

⁵ Grand Larousse Encyclopédique, т. I, 1960, стр. 239.

⁶ У европейского населения Алжира смертность детей составляет 48 на тысячу родившихся.

⁷ Grand Larousse Encyclopédique, т. I, 1960, стр. 239; «Géographie Universelle Larousse», 1959, стр. 12.

пани Женевауз де Сетиф» владеют десятками тысяч га⁸. Лишь небольшая группа европейцев-колонистов ведет хозяйство собственным грудом на небольших участках. Часть земель находится в руках алжирских помещиков-феодалов. Земельная собственность коренных алжирцев часто юридически не оформлена, очень раздроблена; большей частью она не разделена между членами семьи.

Для алжирской деревни характерен земельный голод. Число безземельных растет из года в год. Даже по официальным данным 500 тысяч семей не имеют земли. Малоземельные и безземельные крестьяне вынуждены наниматься в батраки в европейские хозяйства или арендовать землю у арабских помещиков, либо уходить на заработки в города. Даже по данным французской администрации, имеется 900 тысяч человек «неполностью занятых», из них в сельском хозяйстве 800 тыс. человек, т. е. свыше четверти самодеятельного населения. В число «неполностью занятых», несомненно, входят многие полностью безработные. Много отходников дают оазисы Мзаб и особенно Кабилия. Они поставляют чернорабочих, батраков, мелких торговцев. Часть алжирцев, не находя работы на родине, эмигрирует во Францию — в Париж и в некоторые промышленные районы, где они используются в качестве неквалифицированной рабочей силы, готовой выполнять любую работу. Во Франции проживает 400 тысяч алжирцев⁹ и на присылаемые ими на родину средства живет около 10% коренного населения Алжира.

Некоторые проведенные французскими властями после второй мировой войны мероприятия в области сельского хозяйства, носившие ограниченный характер, не могли в корне изменить тяжелое положение алжирского крестьянства. Немного сделано и по «плану Константины» (провозглашенному де Голлем в октябре 1958 г.), по которому французское правительство обещало в течение пяти лет распределить среди крестьян 250 тыс. га земли, которые подлежали выкупу у крупных собственников. Практически выкуп земли производился у европейских компаний в тех районах, где было невозможно вести хозяйство из-за происходивших там военных действий. Но и эти земли не были розданы алжирским крестьянам.

В то время как большинство хозяйств колонистов ведется на капиталистической основе (в них применяются сельскохозяйственные машины и минеральные удобрения, используется дешевый наемный труд арабов), хозяйства коренных алжирцев большей частью полунатуральные. На клочках земли, собственной или арендованной, крестьянин возделывает продовольственные культуры, необходимые для прокормления его и его семьи. Отсутствие средств не позволяет крестьянину поднять уровень своего малопродуктивного хозяйства. Он обрабатывает землю деревянной сохой с железным лемехом, а нередко и мотыгой, применяет и такие примитивные орудия, как серпы, цепы, лопаты для просеивания зерна, ручные зернотерки. Немногочисленные ирригационные сооружения обслуживают, как правило, крупные хозяйства европейцев и алжирских помещиков. Преобладает богарное земледелие.

В результате урожай крайне низкий: 5—6 центнеров пшеницы с га (у европейцев 8—10 центнеров). Сбор зерновых в последние годы заметно снизился: в 1959 г. было собрано пшеницы 1105 тыс. т, ячменя 642 тыс. т, в 1960 г. соответственно 850 тыс. и 600 тыс. т. Кроме засух, сказывались военные действия. Хлеба стране часто не хватает, особенно в годы сильных засух, и Алжиру, который ранее вывозил зерно, нередко приходится импортировать пшеницу: в 1950 г. было импортировано 520 тыс. т, в 1960 г. — 700 тыс. т. Дополнительным продуктом питания основной массы населения служат бобовые культуры — бобы и нут

⁸ Б. Е. Косолапов, Алжир, М., 1959, стр. 57.

⁹ «Géographie Universelle Larousse», 1959, стр. 11.

(европейцы в засушливых местах вводят в севооборот пшеницу и чечевицу). В последние годы проводились опыты с посевом риса на орошаемых равнинах, в частности, в департаменте Оран.

Важнейшая товарная культура — виноград; под виноградниками занято 360 тыс. га, но 90% виноградников принадлежат европейцам, которые экспортируют изготавливаемое вино во Францию (в 1960 г. продукция вина составила 15,9 млн. гектолитров). Хозяйства европейцев дают также 93% цитрусовых (в 1959 г. собрано 240 тыс. т) и большое количество ранних овощей, вывозимых во Францию.

Из общего сбора огородных культур на долю хозяйств коренных жителей приходится около 35%. Оливки и оливковое масло — предмет вывоза и важный продукт питания — производились в основном в хозяйствах коренного населения. Оазисы Сахары поставляют на рынок финики (в 1959 г. их было собрано 50 тыс. т). Из технических культур алжирские крестьяне возделывают на арендованных землях табак, идущий на экспорт.

Наряду с оседлым земледельческим населением, в Алжире немало кочевников и полукочевников. Последние сочетают скотоводство с земледелием; периодически они возвращаются в свои постоянные селения для проведения полевых работ и сбора урожая.

Скотоводство — вторая основная отрасль занятий алжирцев, носящая экстенсивный характер. Скотоводством занимаются в основном кочевники и полукочевники. С конца XIX в. поголовье стада у алжирцев снизилось более чем на 6 миллионов голов. Сказались захват европейскими колонистами пастбищ под земледельческие культуры, административные препятствия, чинившиеся властями сезонному перемещению стад, обнищание кочевников и полукочевников и переход многих из них к оседлости. Большой урон скотоводству нанесли военные действия. Наблюдается массовый падеж скота от эпизоотий, засух, ненастья и холодов, и поэтому численность стада резко колеблется. В 1959 г. поголовье стада насчитывало (в тыс. голов; в скобках поголовье в 1957 г.): овец — 5460 (6630), коз — 1927 (3130), крупного рогатого скота — 641 (826), ослов — 430 (348), верблюдов — 194 (194), лошадей — 200 (201), мулов — 194 (208)¹⁰. Крупный рогатый скот разводят преимущественно в Телле, в хозяйствах колонистов и состоятельных алжирцев, мелкий скот — в хозяйствах кочевников и полукочевников. В области шоттов и в Сахаре (кроме оазисов), где земледелие невозможно, пасутся стада овец, коз, верблюдов. В сухое время года стада перегоняются в предгорья Атласа, а зимой возвращаются на свои пастбища. Разбивая периодически шатры близ городов, кочевники продают продукцию своего скотоводческого хозяйства, закупают продовольствие и промышленные товары (муку, сахар, ткани, металлические и другие изделия).

В сухих степях население собирает траву альфа, из которой выделяются бумага, веревки, канаты, циновки (частично альфа вывозится). Некоторое значение в экономике Алжира имеет лесное хозяйство; пробка и пробковая кора — предметы экспорта.

В прибрежных районах жители занимаются рыболовством; улов составляет около 20 тыс. т рыбы в год.

Вся горнодобывающая промышленность и крупные предприятия в области обрабатывающей промышленности и торговли Алжира сосредоточены в руках европейцев, а алжирцы используются как рабочая сила; 68,4% неквалифицированных рабочих и 95,1% чернорабочих — алжирцы¹¹.

Богатые месторождения железной руды, фосфоритов, полиметаллов, а также открытые в Сахаре месторождения нефти и природного газа

¹⁰ «Statesman's Yearbook», 1960, 1961.

¹¹ Р. Ланда, Европейцы в Алжире, «Новое время», 1962. № 2, стр. 15.

захвачены французскими и другими иностранными капиталистическими монополиями. Почти вся продукция вывозится за границу. В 1960 г. было добыто 3,5 млн. т железной руды, 531 тыс. т (в 1959 г.) фосфоритов, 8,5 млн. т нефти (в 1961 г. — 16 млн. т). Железорудные месторождения эксплуатируются компаниями «Сосьете де л'Уэнза», «Мокта-эль-Хадид», «Мин де фер дю Кангуэт»; фосфориты — «Компани де фосфат де Константина», «Мин де М'Зайта»; полиметаллы — «Мин д'Уаста э Мезлула», «Мин де Зэнг де Гергур», «Алжерье де Зэнг». В Сахаре действуют свыше 30 крупных нефтяных компаний — французских, американских, английских, западногерманских.

Долгие годы колониального гнета затормозили развитие обрабатывающей промышленности Алжира, которая представлена в основном предприятиями пищевой и легкой промышленности и производством стройматериалов. Сравнительно развиты виноделие, производство оливкового масла, мукомольная, консервная, табачная промышленность, обработка пробковой коры и альфы, производство кислот и фосфатных удобрений; имеются текстильные фабрики, сахарный завод, производятся цемент, известь, кирпич, огнеупоры, асбесто-цементные плиты, стекло. Есть небольшие металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия, два (французских) автосборочных завода, трубный завод; в портах — судоремонтные и небольшие судостроительные предприятия.

По «плану Константины» начато сооружение первого в Алжире металлургического завода (производительностью 500 тыс. т стали в год), намечено строительство нефтеперерабатывающего завода в г. Алжире (который будет перерабатывать до 2,5 млн. т сахарской нефти в год), а также индустриального комбината в Арзеве, на морском побережье (последний, по проекту, будет работать на сахарском газе). По тому же «плану Константины» предполагалось сооружение других промышленных предприятий, однако «план Константины» слабо реализуется, так как французская финансовая олигархия не намерена способствовать индустриализации Алжира. Новые предприятия, вопреки намерениям французских властей рассредоточить промышленность страны, строились в основном в г. Алжире, где много свободной рабочей силы за счет безработных, стекающихся со всей страны, и где наиболее обеспечен рынок для сбыта промышленной продукции.

Из алжирских традиционных ремесленных изделий славятся особенно ковры, отличающиеся особым стилем, цветовой гаммой, характером выделки, и тончайшие вышивки золотом и серебром по тюлю или легкой шелковой вуали, металлическими нитями по бархату и коже. Известны также филигранные ювелирные изделия Алжира.

В общественном строе алжирцев сочетаются капиталистические и докапиталистические отношения. В городах, на торгово-промышленных предприятиях, а также в сельских местностях в хозяйствах европейских колонистов широко применяется дешевый наемный труд алжирских рабочих. Арабские помещики практикуют большей частью полуфеодалные методы эксплуатации, сдавая землю в аренду на основах издольщины. Все еще существует так называемый хаммасат, при котором арендатор-земледелец (хаммас) оставляет себе одну пятую урожая, отдавая четыре пятых землевладельцу за аренду земли, за пользование семенами, рабочим скотом и примитивными орудиями.

Ускорился процесс классового расслоения в деревне. Крестьянство разоряется, лишается последних клочков земли и превращается в батраков и хаммасов. Одновременно растет кулацкая прослойка, скупающая землю у разоренных крестьян, которых она закабаляет и нещадно эксплуатирует¹².

Среди кочевников, особенно вдали от городов и центров добываю-

¹² «Народы Африки», М., 1954, стр. 156.

щей промышленности, еще сохраняется племенная организация; но под натиском капиталистических отношений традиционные патриархальные устои рушатся, особенно там, где появляются отходники. Если раньше кризис кочевого хозяйства был обусловлен главным образом появлением автомобиля, то теперь к этому фактору прибавляется возможность, пусть пока в ограниченных размерах, найти заработок на горнопромышленных предприятиях, на строительстве дорог в Сахаре и в различных организациях, в задачу которых входит освоение тех или иных районов пустыни. Это ускоряет процесс перехода кочевников к оседлости. Для сахарского жителя стать рабочим, получающим заработную плату, означает стать относительно независимым по отношению к племени. Рушится авторитет вождя и всей племенной верхушки. Традиционная патриархальная семья имеет тенденцию распадаться на малые семьи, состоящие, как правило, из мужа, жены и детей, ослабляется и отцовская власть над детьми, которые хотят сами распоряжаться своим заработком. Наблюдатели свидетельствуют¹³, что стремление жителей Сахары иметь денежные доходы в виде заработной платы не только ведет в местах вербовки рабочей силы к отказу от разведения скота, но и отрицательно сказывается на земледелии. Издольщики бросают землю и уходят на нефтяные промыслы; туда же направляются и лица, обслуживающие фоггары — подземные галереи, по которым вода выводится к местам ее потребления. Все это приводит к дальнейшему оскудению оазисов, где и без того испытывается нехватка рабочих рук. Правда, многие рабочие горнопромышленных предприятий еще тесно связаны с землей, работают только сезонно, но по мере расширения работ в пустыне и здесь, как и на севере Алжира, образуются постоянные кадры пролетариата.

Массовый уход сельского населения в города и центры добывающей промышленности ведет к тому, что городское население в Алжире растет быстрее, чем сельское: с 1886 г. по 1954 г. число городских жителей увеличилось в четыре раза, а число сельских — только вдвое. Коренное население — в основном сельские жители, европейцы — городские. Из общего числа коренных жителей в городах живет только 16%, из общего числа европейцев городских жителей 80%, причем последние населяют, как правило, большие города. Эти города являются административными и торгово-промышленными центрами страны, а некоторые также портами. Города эти следующие (в скобках указана численность их населения в 1960 г. в тыс. чел.): Алжир (806), Оран (389), Константина (221), Бон (150), Сиди-бель-Аббес (105), Мостаганем (80), Сетиф (74), Тлемсен (73), Филиппвиль (70), Блида (69), Бужа (48)¹⁴.

Алжирские города состоят из двух частей: «европейской», или «нового города», и «медины», или «старого города». В европейских кварталах больших алжирских городов прямые широкие улицы, бульвары, высокие современные здания, кафе, рестораны, отели. Для «медины» же характерны узкие, извилистые и темные улицы, глухие стены домов, остатки крепостных стен, мечети, шумные рынки.

Характерным примером является главный административный центр страны — город Алжир, основанный в X в. Он расположен полукругом на западном берегу одноименного залива у подножья и по склонам большой горы. Европейские кварталы и загородные виллы богачей утопают в зелени. Основная же масса коренных жителей обитает в арабской части, расположенной на горном склоне, выше европейских кварталов. Извилистые, грязные улицы здесь столь тесны, что на них часто с трудом расходятся два груженных осла. Арки и перекрытия нередко за-

¹³ Fr. Borrey, Les problèmes humains du Sahara en voie d'industrialisation, «Industries et travaux d'outre-mer», 1959, № 67, стр. 346.

¹⁴ «Statesman's Yearbook», 1961, стр. 1010.

крывают небо. В маленьких каморках в тесноте и духоте ютятся множество семей трудового люда. Город Алжир — крупный порт, промышленный, торговый и банковский центр. Другой крупный деловой центр страны и порт — Оран. Как и Алжир, он расположен у подножья и по склонам горного массива. Близ Орана находится одна из крупнейших французских военно-морских баз — Мерс-эль-Кебир.

В городах, в связи с большим ростом населения и слабым жилищным строительством, наблюдается острый жилищный кризис. Крупные города побережья обросли трущобами — «бидонвиями», где ютятся бедняки, прибывшие из отдаленных мест в поисках работы. Только в «бидонвиях» Орана живет 40 тысяч человек. «Бидонвили» представляют собой нагромождение жалких лачуг, наскоро сооруженных из старых канистр из-под горючего, консервных банок, обломков дерева, тряпок и камней.

Оседлое крестьянское население живет в деревнях, многие из которых расположены близ городов, а также в оазисах Сахары. В Телле деревни расположены вдоль дорог или на склонах и вершинах гор. Жилища большей частью глинобитные, реже каменные, прямоугольной формы, с плоской крышей, окружены забором из камней или колючей ююбы. Все жилье состоит из одной комнаты без окон, с земляным полом. В центре находится очаг, дым которого выходит через дверь или отдушины под потолок. За невысокой перегородкой в комнате помещаются домашние животные. Немало и более примитивных хижин — гурби, сделанных из глины, ветвей или камня. «Отличительной чертой гурби является убогость и нищета», — пишет О. Бернар¹⁵.

Оседлые селения в оазисах обнесены стенами; в центре их высятся цитадели (касбы). Хижины глинобитные, с каркасом из стволов пальм, с плоской кровлей из утрамбованной земли. Несколько слившихся поселений образуют город с извилистыми и темными улицами. И в сахарских городах, как и в северной части Алжира, в отдалении от «старого города», где скученно живет коренное население, существуют благоустроенные европейские кварталы с гостиницами, магазинами и кафе. Иногда вокруг домов возводятся крытые галереи, которые частично защищают от солнца. Если температура в жилище днем на 7—8° ниже максимальной температуры наружного воздуха в тени, то такое жилище считается удовлетворительным. Однако ночью из-за перегрева стен за день температура внутри помещения выше наружной (например, в сентябре внутри помещения температура 33° при наружной температуре 25°)¹⁶.

Кочевники живут в шатрах, покрытых козьими шкурами или материей, сотканной из верблюжьей шерсти. Там, где произрастает финиковая пальма, используются ее стволы, ветви, листья. Шатры располагаются по кругу; в кольце шатров оставляют проход для пригоняемого каждый вечер стада.

Городское население, как правило, носит европейский костюм. Сельский житель предпочитает национальную одежду, которая состоит из джеббы и гандуры. Джебба — это белая или цветная просторная рубаша и широкие белые шаровары, гандура — хитон, сделанный из хлопчатобумажной, шерстяной или шелковой ткани. Для кочевника непременной частью одежды является бурнус — белый, синий или бурый плащ из верблюжьей шерсти с капюшоном (нередко можно видеть бурнус и на оседлом жителе). Особенно живописен костюм туарега. Его рубаша украшена вышивкой и стянута поясом. Взрослые мужчины-туареги носят покрывало черного или белого цвета, окутывающее голову и оставляющее только узкую щель для глаз. На ногах носят сандалии из верблюжьей кожи.

¹⁵ О. Бернар, Северная и Западная Африка, 1949, стр. 93.

¹⁶ Реферативный журнал «География», 1956, реферат 294.

В питании коренных жителей Алжира большое место занимают кушанья, приготавливаемые из ячменной и пшеничной муки, из различных круп и т. д. Алжирцы потребляют в пищу много овощей и фруктов. Иногда только из них и состоит пища бедного крестьянина. Мясо оседлые жители (не считая зажиточного населения) потребляют редко. Но в питании кочевников мясо занимает большее место наряду с финиками и молочными продуктами. Национальным кушаньем алжирцев, как и народов других стран Северной Африки, является кускус. Это любимое праздничное блюдо готовится так: в сосуд с небольшими отверстиями в дне кладут шарики из крутого теста, приготовленного из ячменной или пшеничной муки; этот сосуд вставляют в другой, в котором кипит жирный соус из баранины и овощей, приправленных перцем и другими специями. Из напитков наиболее распространен чай.

Хотя алжирцы — мусульмане, у многих из них, особенно в сельских местностях, еще сильны доисламские верования, сохранились различные магические обряды и заклинания. Широко распространены культы «святых мест», почитание местных «чудотворцев», «святых отшельников» — марабутов. Их гробницы — куббы — привлекают к себе многочисленных паломников. В Алжире существуют и религиозные секты, из которых наиболее значительна секта ибадитов. К этой «пуританской» секте принадлежат жители оазисов Мзаба — мозабиты. Их верования запрещают держать животных. Туареги хотя и считаются мусульманами, но не соблюдают многих обрядов ислама. У них очень сильны пережитки анимистических верований.

Ислам и особенно его «пуританские» течения наложили свой отпечаток как на материальную, так и на духовную культуру алжирцев. Ислам запрещает изображать человека и животных. Поэтому у мусульман по существу отсутствовали живопись и скульптура. Нет также изображений живых существ на произведениях прикладного искусства (коврах, плетениях). Вместе с тем достигли редкой тонкости и великолепия каллиграфия и орнаментальное искусство, использующее геометрические фигуры (треугольники, ромбы, квадраты), плетеные узоры, арабески. Широко используется текст корана: целые стихи или фрагменты фигурируют в отделке мечетей и богатых домов, а также в вышивках. Мечети с их белыми минаретами и мраморными колоннами, украшенными цветными изразцами, а также некоторые здания в алжирских городах поражают красотой архитектурного оформления и оригинальностью отделки интерьеров. Все это говорит о высоком мастерстве многих поколений зодчих, резчиков по дереву, художников, строителей.

Французские колонизаторы стремились держать народ в невежестве. В стране есть всего один университет (в г. Алжире) и 47 средних школ. Только половина детей школьного возраста охвачена обучением. При этом среди коренного населения процент учащихся в 50 раз меньше, чем среди европейского населения страны¹⁷. Коренные жители страдают от многочисленных болезней. Характерно, что во всем Алжире насчитывается менее двух тысяч врачей.

В условиях колониального режима, когда французские захватчики проводили политику ассимиляции, алжирцы все же сумели сохранить и передать из поколения в поколение наследие прошлого — свою процветавшую в средние века культуру. Существуют многочисленные произведения алжирской литературы на арабском языке. Колонизаторам не удалось вытеснить арабский язык. Но алжирский народ, борясь за независимость, не отказывается и от французского языка — как языка, связывающего алжирскую культуру с мировой. «На литературном арабском языке издаются некоторые газеты патриотических организаций, офици-

¹⁷ «Europe France outre mer», 1960, № 372, стр. 22.

альные документы Временного правительства Алжирской Республики; разговорный арабский язык часто употребляется в театре, на радио, в то время как французский остается языком науки, связывает нас с мировой культурой,— пишет один из руководителей алжирской компартии Садек Хаджерес...— Мы можем с уверенностью заявить, что осуществим одно из наших самых дорогих чаяний — организацию национального образования на народной арабо-мусульманской основе, которую колониализм стремился задушить и разрушить. Французская культура будет по-прежнему занимать привилегированное положение по сравнению с культурой какой-либо другой страны... В нашей свободолубивой стране, где арабский язык займет принадлежащее ему по праву первое место, французский язык и французская культура получат гораздо большее распространение, чем в мрачную эпоху, когда они были навязаны официально извне»¹⁸.

Алжирский народ никогда не мирился с колониальным гнетом, неоднократно восставал против французских поработителей. Особенно могучим толчком к развитию национально-освободительного движения в Алжире, как и во многих других колониальных странах, послужила Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

В годы второй мировой войны французское правительство обещало алжирцам за поддержку в войне против гитлеровской Германии отменить колониальный режим и предоставить стране независимость. Однако эти обещания не были выполнены. В результате провокации 8 мая 1945 г. было убито более 40 тысяч алжирцев. Колониальный режим был сохранен во всех областях политической, общественной и экономической жизни страны. Народу Алжира пришлось взяться за оружие, чтобы ликвидировать французское господство и добиться национальной независимости.

Вооруженное восстание, начавшееся 1 ноября 1954 г. в горах Ореса, охватило всю страну. В отличие от предыдущих стихийных выступлений, оно носило организованный характер. Движение охватило все патристические силы Алжира: рабочий класс, крестьянство, национальную буржуазию, интеллигенцию. Борьбу алжирского народа возглавил Фронт национального освобождения Алжира (ФНО). Руководители ФНО — выходцы из среды патристически настроенной национальной буржуазии и интеллигенции. Была создана Армия национального освобождения (АНО), насчитывающая 130 тыс. солдат и офицеров. АНО не только осуществляла военные операции, но и закладывала основы новой государственности Алжирской Республики. В освобожденных от неприятеля районах действовали национальные органы власти. В сентябре 1958 г. было создано Временное правительство Алжирской Республики (ВПАР).

Вооруженная до зубов французская армия и полиция оказались не в состоянии одержать победу в Алжире. Французское правительство было вынуждено отказаться от формулы «Алжир — это Франция» и признать право алжирского народа на самоопределение. Однако во время трехкратных переговоров с представителями ВПАР оно отказывалось дать гарантии осуществления принципа самоопределения и выдвигало требования, ставившие целью фактически увековечить французское колониальное господство в Алжире, придав ему лишь новые формы. Алжирские представители отвергли французские притязания.

Ни политические маневры французских империалистов, ни террор ультраколониалистов и фашистской организации ОАС (Секретной вооруженной организации) против алжирцев не поколебали решимости алжирского народа отстоять свое право на независимость. Французское

¹⁸ С. Хаджерес, Четыре поколения, две культуры, сб. «Культура современной Алжирии», 1961, стр. 39.

правительство было вынуждено пойти на новые переговоры с ВПАР, которые закончились подписанием 18 марта 1962 г. эвианских соглашений о прекращении огня, а также соглашений о культурном, экономическом, техническом и финансовом сотрудничестве между Алжиром и Францией.

Пленум ЦК ФКП призвал французский народ к бдительности и единству, чтобы добиться честного выполнения эвианских соглашений. Обезвредить фашистских преступников из ОАС и установить дружественные и равноправные отношения между Францией и Алжиром — в интересах обеих стран и их народов — заявил пленум ЦК. По призыву ФКП и других прогрессивных организаций громадное большинство французского народа одобрило (на референдуме 8 апреля 1962 г.) эвианские соглашения.

Немалый вклад в борьбу за победу алжирского народа внесла Алжирская коммунистическая партия. С самого начала освободительной войны она участвовала в ней и решительно поддерживала Фронт национального освобождения и Временное правительство. Алжирская компартия считает, что первой задачей алжирского народа является достижение национальной независимости; после этого в порядок дня встанет проведение ряда преобразований в экономической, социальной и культурной областях. В выпущенной партией брошюре говорится по этому поводу: «По вопросам национально-освободительной и демократической борьбы программа партии может быть выражена четырьмя словами: независимость, земля, хлеб и мир. Завоевание независимости — главнейшее условие реализации всех остальных пунктов. Остальное будет зависеть от степени политической, социальной и организационной сознательности рабочего класса, беднейшего крестьянства и всех трудящихся масс после освобождения»¹⁹.

Уверенность в своей конечной победе алжирский народ черпал в справедливости своего дела, в поддержке всех свободолюбивых народов, в поддержке и помощи стран социалистического лагеря. Как только пришла весть о подписании эвианских соглашений, Н. С. Хрущев сердечно поздравил героический алжирский народ с исторической победой. В послании, направленном главе ВПАР Бен Юсефу Бен Хедда, Н. С. Хрущев писал, что народы Советского Союза «были уверены в том, что справедливое дело, за которое в течение многих лет боролся алжирский народ, восторжествует, и цепи колониального гнета, в котором пытались держать колонизаторы алжирский народ, будут разорваны навсегда»²⁰. В том же послании говорилось, что правительство СССР заявляет о признании Временного правительства Алжирской республики де юре и выражает готовность установить с ним дипломатические отношения.

Французское правительство было вынуждено согласиться на создание Алжирского государства, признать его независимость во внутренней и внешней политике, а также в области обороны. Французские вооруженные силы постепенно, в течение трех лет, должны быть выведены с алжирской территории. Алжир, однако, разрешит Франции использовать, по соглашению об аренде сроком на 15 лет, военно-морскую базу Мерс-эль-Кебир, некоторые аэродромы, посадочные площадки и военные сооружения.

Проживающие в Алжире европейцы будут иметь возможность решить в течение трех лет, хотят ли они быть гражданами Алжирского государства или проживать в стране в качестве иностранцев. Европейцам будут гарантированы неприкосновенность их собственности, а также права в области культуры, языка и религии.

¹⁹ «Алжирская коммунистическая партия в войне за национальную независимость», М., 1961, стр. 39.

²⁰ «Правда», 20 марта 1962 г.

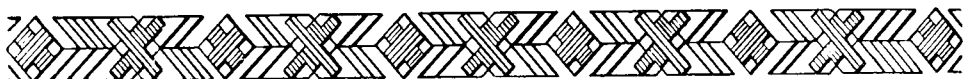
Особо оговорены условия франко-алжирского сотрудничества в деле эксплуатации сахарских нефтяных и других минеральных богатств.

Весть о результатах всенародного референдума в Алжире была с большой радостью и глубоким удовлетворением воспринята советским народом. В послании, направленном главе ВПАР Бен Юсефу Бен Хедда 3 июля 1962 г., Н. С. Хрущев писал: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик, приветствуя независимую Алжирскую республику, заявляет о своем искреннем стремлении и дальше укреплять и развивать с суверенным алжирским государством узы дружбы и плодотворного сотрудничества, сложившиеся в тяжелые годы борьбы алжирского народа за свою свободу и независимость»²¹. От имени советского народа и советского правительства Н. С. Хрущев пожелал свободолюбивому народу Алжира больших успехов в деле строительства и укрепления суверенитета своего национального независимого государства, в развитии его по пути мира, прогресса и процветания.

Алжирский народ выразил удовлетворение и признательность советскому народу и его правительству за поддержку алжирской революции.

---

²¹ «Правда, 4 июля 1962 г.

С О О Б Щ Е Н И Я

А. И. БАЛАНДИН

П. И. ЯКУШКИН и А. И. ГЕРЦЕН

В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века известный собиратель фольклора П. И. Якушкин обратил на себя внимание полицейских властей как революционный агитатор и подметчик «возмутительных прокламаций». Агенты полиции все чаще сообщали о том, что он занимается социальной пропагандой среди народа, действует по заданию неведомых им тайных обществ: «...Губернский секретарь Павел Иванович Якушкин... в гостинице Иордана при посетителях некоторых дворянах... позволял себе громко говорить и напевать в выражениях нескромных и неприличных о крестьянском деле, о наделе им земли и об отношениях дворовых слуг к господам, припевая: «авось мы им зададим»», — сообщал, например, 30 декабря 1859 г. в Москву штаб-офицер губернского жандармского управления в Орле полковник Арцышевский¹. В следующем, 1860 г. было перехвачено полицией письмо Якушкина к И. С. Аксакову от 23 сентября, в котором он, между прочим, писал: «Про мужицкое дело, верно, Вам известно: помещики непременно раздражат мужиков, мужики их и перережут; а пока помещики отнимают у мужиков хлеб, скот, переселяют на новые места; которые не соглашаются — тех порют; таковые, которые и тем не довольны и отправляются к предводителю, тех — предводитель. Такие происшествия у вас известны под названием бунтов»².

В правительственных кругах всерьез считали, что «Якушкин есть тайный агент «красных», посланный волновать народ, а что собрание глупых народных песен, которые поют одни пьяные, есть только предлог»³. Много лет спустя некий К. Н. Лебедев в своих «Записках», относящихся к 60-м годам, писал: «В Петербурге, я это знаю и читал в записке Мих. Ал. Безобразова, а, вероятно, и в Москве, дворянская (крепостная) партия считает его (Якушкина. — А. Б.) эмиссаром народной (едва ль не республиканской) пропаганды»⁴.

Компрометирующие Якушкина документы были доставлены в III Отделение в мае 1862 г. Московский обер-полицмейстер Г. К. Крейц доносил шефу жандармов: «На днях кн. Евгений Черкасский встретился на одной станции, между Москвою и Тулою, с Якушкиным (известным по полемике с псковским полицмейстером⁵) и одним студентом, которые предлагали ему печатные воззвания, присовокупляя, что таковых у них много. Кн. Черкасский отказался от этого подарка и впоследствии узнал, что господа заезжали в Тулу к графу Льву Толстому...»⁶. Об этом же свидетельствует и «справка» в деле III Отделения: «...Литератор Якушкин и проезжающий с ним вместе какой-то студент распространяли печатные и возмутительные воззвания и заезжали в имение графа Толстого»⁷.

¹ Государственный архив Орловской области, ф. 883, д. 8, л. 77. Сообщено Н. М. Черновым.

² Центральный государственный исторический архив Москвы (ЦГИАМ), ф. 109, 1 экспедиция 1860 г., ед. хр. 1937, л. 6.

³ «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», Берлин, 1860, вып. V, стр. 205.

⁴ «Русский архив», 1900, кн. III, вып. 10, стр. 262—263. М. А. Безобразов — помещик-крепостник.

⁵ В августе 1859 г. Якушкин был арестован псковской полицией. Формальным предлогом для ареста явилось отсутствие у него надлежащим образом оформленного письменного вида и простонародное платье, «не соответствующее его чину губернского секретаря». На самом же деле Якушкин был арестован по политическим мотивам, но они официальными властями тщательно скрывались. 31 августа Якушкин был освобожден и вскоре выступил с обличительной статьей «Проницательность и усердие губернской полиции» («Русская беседа», 1859, V, Смесь, стр. 107—122). Этой «истории» первоначально Якушкин и был обязан своей известностью.

⁶ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1862 г., ед. хр. 84, л. 27. Ср.: В. Базанов. Павел Иванович Якушкин, Орел, 1950, стр. 66.

⁷ Впервые опубликовано в статье И. Ильинского «Жандармский обыск в Ясной Поляне в 1862 г.» («Звенья», I, 1932, стр. 388).

Управляющий III Отделением генерал-майор А. Л. Потапов, получив эти сведения, 11 мая предложил полковнику жандармской службы в Туле Муратову иметь «по этому предмету надлежащее наблюдение»⁸. Частный пристав штаб-ротмистр Кобеляцкий, которому было поручено расследовать достоверность этих сведений, не нашел прямых доказательств, что Якушкин и Николай фон Болль (о нем шла речь в донесении Г. К. Крейца и в «справке» III Отделения.—А. Б.) распространяли печатные прокламации. Однако во время жандармского обыска в Ясной Поляне в июле 1862 г. у Николая фон Болля найдено было «несколько выписок из «Колокола», писанных не его рукою и оставшихся у него, как он показал, после одного студента, застрелившегося в прошедшем году в Москве»⁹. В революционно-пропагандистской деятельности Якушкина чиновники III Отделения не сомневались. Вскоре там были получены новые документы.

В марте 1863 г. агент Петербургского полицейского управления Волгин в одном из своих донесений сообщал: «Гр[аф] Толстой в Ясной Поляне, кроме сношения с крестьянами, ведет дела с Московским университет[ом]; его агентом в Петербурге был Н. Успенский, один из сотрудников «Современника», который теперь опять будет здесь, в Петербурге, если уже не приехал. Успенский ездил по России, по поручению Думы, для узнания духа простонародья. Он в большом количестве распространил между крестьянством брошюру Герцена «Крещеная собственность»; гг. Якушкин, Варенцов, Бессонов и Рыбников ездили с той же целью, но уже для растолкования народу настоящего положения Руси и подготвления его к революции. Успешнее всех действовал тут П. Якушкин, который вместе с тем давал знать обо всем и Герцену»¹⁰.

Петербургский обер-полицмейстер И. В. Анненков, осведомителем которого Волгин стал после исключения из Технологического института, весьма высоко отзывался о его «способностях»: «Это очень способный и даровитый молодой человек, с хорошим пером, бойкий, самолюбивый и с сознанием своего достоинства, но не имеющий никакого состояния и снискивающий себе в полном смысле слова кусок хлеба газетными статьями»¹¹.

Однако донесения этого «способного» осведомителя вызывали недоверие уже у М. К. Лемке, который впервые опубликовал их в комментариях к сочинениям А. И. Герцена. «Волгин городил всякий вздор, получавшийся им из десятых рук...», — писал он¹². В этом легко убедиться по приведенному нами донесению: Николай Успенский никогда не был «агентом» Л. Н. Толстого¹³, а фольклористы В. Варенцов и П. Бессонов никогда не занимались революционно-пропагандистской деятельностью. Но в донесении Волгина содержатся и достоверные факты. Одним из них является указание на связь Якушкина с А. И. Герценом.

Как справедливо отметил Н. М. Чернов¹⁴, по-видимому, в этом донесении объединились различные слухи о Якушкине после посещения им Л. Н. Толстого, а также сведения о связях Якушкина с А. И. Герценом, начавшие поступать в III Отделение еще с конца 50-х годов. В 1858—1860 гг. родной брат П. И. Якушкина, Виктор Иванович Якушкин, бывший врачом, ездил за границу, где изучал опыт зарубежной медицины. Обозреватель «Северной пчелы» после возвращения В. И. Якушкина из-за границы сообщил: «Молодые русские врачи, гг. Курочкин¹⁵ и Якушкин, в недавнее время вернувшиеся из-за границы..., открыли новую лечебницу и принимают к себе ежедневно от 11-и до 2-х часов пополудни»¹⁶.

За границей В. И. Якушкин познакомился и подружился с Артуром Бенни, который, как известно, был принят в кругах, близких к А. И. Герцену. Царская охранка

⁸ Там же, стр. 389.

⁹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1862 г., ед. хр. 230, ч. 39, л. 25 и об. Ср.: В. Базанов, Новые люди или нигилисты? (К истории русского демократического народоведения), «Русская литература», 1959, № 2, стр. 156. Следует отметить, что в Ясной Поляне Якушкин бывал дважды: второй раз — в конце августа 1862 г. (См.: Л. Н. Толстой, Собр. соч., Юбилейное издание, т. 48—49, стр. 42).

¹⁰ А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVI, Пг., 1920, стр. 167.

¹¹ Там же, стр. 165.

¹² Там же.

¹³ После разрыва Н. Успенского с редакцией «Современника» в 1862 г. Л. Н. Толстой принял в судьбе этого писателя самое живое участие, пригласив его учителем в яснополянскую школу и напечатав у себя в журнале его рассказ «Хорошее житье». Н. Успенский в то время довольно часто посещал Ясную Поляну. Л. Н. Толстой впоследствии сказал одному из своих посетителей: «Я ставлю Николая Успенского много выше превознесенного другого Успенского, Глеба, у которого нет ни той правды, ни той художественности». (См.: И. Н. Захарьин (Якунин), Встречи и воспоминания, М., 1903, стр. 214). По-видимому, все это и дало «основания» Волгину считать Н. Успенского «агентом» Л. Н. Толстого.

¹⁴ В докладе «П. И. Якушкин в годы революционной ситуации в России», прочитанном 18 января 1961 г. в Институте истории Академии наук СССР.

¹⁵ Н. С. Курочкин — поэт-искровец, однокурсник В. И. Якушкина по Медико-хирургической академии.

¹⁶ «Северная пчела», № 90, 22 апреля 1861 г.

не сомневалась, что молодой врач установил связь и с А. И. Герценом. Так, в «справке», составленной в 1871 г. графом Н. В. Левашовым, в то время товарищем начальника III Отделения, читаем: «...Якушкин, брат высланного Павла¹⁷, кончил докторский курс, и хотя нет сведений положительных, но весьма вероятно, что находился в сношениях с иностранными революционерами»¹⁸.

В Мценском уезде Орловской губернии, куда вскоре переехал В. И. Якушкин и где протекала вся его дальнейшая врачебная деятельность, в то время открыто говорили о его встречах с А. И. Герценом во время заграничной поездки. Е. И. Апрелева (Бла-рамбер) в своих воспоминаниях о жене В. И. Якушкина — Елизавете Мардарьевне впоследствии писала: «Мог ли он (отец Елизаветы Мардарьевны. — А. Б.) думать, что не успеет глаз закрыть, как его Лизанька... выйдет замуж за Якушкина... и с места в карьер понесется с молодым супругом в Лондон, на поклон Герцену»¹⁹.

28 июля 1864 г. один из агентов доносил в III Отделение: «Известный Якушкин давно уже подозревался в сношениях с Герценом; сколько можно припомнить, о нем писали даже и из-за границы²⁰. Последнее время стало слышно, что Якушкин опять собирается путешествовать по России и, разумеется, между народом. Слух этот заставил обратить на Якушкина особенное внимание; усиленные наблюдения за ним не были напрасны: на днях удалось взять у него черновое письмо его к Герцену, при сем представляемое. Документ этот может, кажется, служить несомненным и неопровержимым доказательством падаемого на Якушкина подозрения. Для сличения его почерка могут быть востребованы через цензурное начальство черновые статьи его, которые он помещал иногда в «Современнике». Якушкин теперь еще грознее и если в отношении его признаны будут необходимыми какие-либо меры, то полезно было бы поспешить, так как очень может быть, что он скоро уедет отсюда»²¹.

А в письме говорилось следующее:

«!7.2. Письмо к А. И. Герцену.

Я хотел, Александр Иванович, и это письмо послать прямо к Вам; а когда узнал, что Вы не совсем радушно принимаете письма об делах совершившихся, и некоторые происшествия совершенно верные Вы не помещаете в своем журнале, а потому я помещаю это письмо в другом журнале. Зная Вашу любовь к Руси, я думаю, что Вас обрадуют этим письмом.

Вы, верно, знаете, что я от русского правительства никаких субсидий никогда не получал²², а только из любви к русскому народу более двадцати пяти лет по Руси ходил и меня никто не может уличить ни в какой лжи против народа, и потому я могу говорить смело об теперешних делах»²³.

Управляющий III Отделением полковник Н. В. Мезенцов воспользовался советом своего агента слить почерк и на следующий день обратился к председателю С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Турунову с конфиденциальным письмом, в

¹⁷ П. И. Якушкин в это время отбывал ссылку в Астраханской губернии.

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1865 г., ед. хр. 253, л. 5 об.

¹⁹ «Русские ведомости», № 38, 15 февраля 1908 г. — Е. И. Апрелева писала под псевдонимом Е. Ардов.

²⁰ 4 июня 1864 г. А. И. Герцен в газете «The Daily News» напечатал статью «Свобода в России», в которой, рассказывая о «гражданской казни» Н. Г. Чернышевского в Петербурге, писал: «Молодая девушка (М. П. Михаэлис, участница студенческого движения 60-х годов, свояченица Н. В. Шелгунова. — А. Б.) бросила ему цветы, ее арестовали. Известный литератор крикнул: «Прощай, друг мой!» ...Он — в тюрьме». 16 июня 1864 г. А. И. Герцен в газете «Le Temps» напечатал другую статью, в которой, рассказывая об этом же событии, писал: «Какая-то молодая девушка бросила ему цветы, ее арестовали. Один широко известный литератор, П. И. Якушкин, крикнул ему: «Прощай, друг!» — и очутился в тюрьме». В «Колоколе» А. И. Герцен напечатал статью «Н. Г. Чернышевский», в которой привел слова одного очевидца экзекуции: «Известный литератор П. Якушкин крикнул ему «прощай!» и был арестован». (См.: А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, Издание АН СССР, т. 18, М., 1958, стр. 222, 232, 234). Эти статьи А. И. Герцена вызвали большой резонанс в России. 22 июня 1864 г. Н. И. Утин, например, писал Н. П. Огареву: «Хочется сказать юношеское спасибо Александру Ивановичу за его статью в «Daily News», «Siecle» (в этой газете 16 июня 1864 г. была перепечатана статья А. И. Герцена из «The Daily News». — А. Б.), «Temps»...» (См. «Литературное наследство», т. 62, стр. 658). По-видимому, агент полиции имеет в виду эти статьи А. И. Герцена.

²¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1864 г., ед. хр. 152, л. 1 и об.

²² В 1847 г. В. И. Даль, рекомендуя Якушкина Совету Русского географического общества, писал: «Если же обществу угодно будет выдать Якушкину... небольшое вспоможение, напр[имер], 150 руб. серб., то он обещает прислать все, что соберет, в распоряжение общества». Однако материальной помощи Якушкин не получил. Не получал он ее и позднее, когда стал членом-сотрудником этого Общества. Подробнее об этом см. в нашей статье «Новые материалы о П. И. Якушкине (О связях П. И. Якушкина с Русским географическим обществом)» («Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1961, № 2, стр. 154—161).

²³ ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1864 г., ед. хр. 152, л. 2.

котором писал: «По встретившейся надобности имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство, не изволите ли признать возможным доставить мне на некоторое время одну из подлинных рукописей г. Якушкина, статьи которого помещались иногда в журнале «Современник»»²⁴.

Из С.-Петербургского цензурного комитета в III Отделение пришел следующий ответ: «Статьи, предназначенные для помещения в журнале «Современник», представляются на рассмотрение цензуры не в рукописи, а в корректурных листах, а потому рукописных статей г. Якушкина в С.-Петербургском ценз[урном] ком[итете] не находится; в последнее же время, 9 марта сего года, представлена была г. Якушкиным для отдельного издания рукопись под заглавием «Русские народные песни», которая была дозволена к печати 10 мая и возвращена автору»²⁵.

Однако вскоре одна из рукописей Якушкина была представлена в III Отделение. Это был очерк из цикла «Небывальщина», опубликованный в свое время в «Искре» (1864, № 1). Принадлежность письма Якушкину была установлена.

В. Г. Базанов, опубликовав черновой набросок письма Якушкина к А. И. Герцену в подстрочном примечании к статье «Новые люди или нигилисты?»²⁶, отказался от каких бы то ни было комментариев. Вопрос о времени и содержании письма до сих пор остается открытым. Попытаемся установить, когда и в связи с какими событиями оно было написано.

А. И. Герцен внимательно следил за научной и литературной деятельностью Якушкина, откликаясь на все сколько-нибудь значительные события в его жизни. Особый интерес проявлял А. И. Герцен к деятельности Якушкина-собираателя: собрание фольклора в годы революционной ситуации приобрело политический характер, сами собиратели преследовались правительством. В статьях «Русские немцы и немецкие русские» и «Лишние люди и желчевники», напечатанных в «Колоколе»²⁷, А. И. Герцен откликнулся на так называемую «псковскую историю» — незаконный арест Якушкина в Пскове в августе 1859 г. Событиям в Пскове А. И. Герцен дает политическую оценку, рассматривая их на фоне той борьбы, которая разгорелась в середине прошлого века вокруг крестьянского вопроса. Откликнулся он и на известное постановление правительства «О порядке отправления учеными обществами лиц для собрания нужных им сведений»²⁸, принятое в связи с собирательской деятельностью Якушкина и серьезно ограничивающее фольклорно-этнографические разыскания. «Желая всеми мерами способствовать изучению России, — с иронией писал А. И. Герцен в заметке «Эпоха прогресса и гласности в России», — прогрессивное правительство сделало, под влиянием прогрессивного III Отделения, следующее положение: что «никто не имеет права производить или посылать кого-либо производить по России этнографические разыскания или собрания *каких бы то ни было* сведений, не спрося правительства, от которого то лицо получает особенный вид, с прописанием: как, почему и для чего посылается. Разумеется, это дозволение может быть дано только лицам, пользующимся доверием правительства». (Говорят, что литераторам это право вовсе отнято!). Поздравляем с будущей прогрессивной статистикой!»²⁹.

Неоднократно использовал А. И. Герцен в своих произведениях и материалы орловской действительности. Так, исследователи отмечают, что в основу «Сороки-воровки», например, был положен эпизод, действительно имевший место в орловском крепостном театре графа С. М. Каменского — самодура-крепостника, рядившегося в тогу «просвещенного» мецената. Трагическую историю из жизни талантливой крепостной актрисы рассказал Герцену великий русский артист М. С. Щепкин после своей гостевой поездки в Орел.

В статье «Русское крепостничество» А. И. Герцен описывает событие, случившееся в 1846 г. в одном из уездов Орловской губернии. Близкие родственники тогдашнего губернатора князь Трубецкой и его жена подвергали своих крепостных жесточайшим истязаниям. После того как один крестьянин был замучен до смерти, началось следствие, в ходе которого обнаружилось, что в имении процветают самые гнусные традиции русского барства. В усадьбе было найдено подземелье, где в цепях томились заключенные³⁰.

В статье «Постельная барщина продолжается» А. И. Герцен разоблачил так называемое «дело Гутцейта». Помещик Орловской губернии, член губернской врачебной управы Л. К. Гутцейт занимался растлением несовершеннолетних, избивал их, ссылая

²⁴ Центральный государственный исторический архив Ленинграда, ф. 775, оп. 1, ед. хр. 112, л. 1.

²⁵ Там же, л. 2.

²⁶ «Русская литература», 1959, № 2, стр. 157. К сожалению, черновой набросок этого письма опубликован В. Г. Базановым с досадными искажениями.

²⁷ «Колокол», 1859, лл. 53 (1 октября), 54 (15 октября), 57—58 (1 декабря), 59 (15 декабря); 1860, л. 83 (15 октября).

²⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. XXXV, отд. I, 1860, № 35337 (СПб., 1862).

²⁹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 14, М., 1958, стр. 410—411.

³⁰ Там же, т. 12, М., 1957, стр. 34—61.

на поселение³¹. Факты, приводимые в этой статье А. И. Герцена, были типичными для всей помещицкой России. Об этом свидетельствует, например, следующая запись в дневнике В. Ф. Одоевского, относящаяся к ноябрю 1860 г.: «Московский генерал-губернатор Тучков мне сказывал, что никогда, как теперь, помещики не предаются насильному разврату со своими крепостными женками и девками. Кажется,—говорил Тучков,— что они спешат воспользоваться остатками своей крепостной власти. Мои им убеждения тщетны»³².

Как видим, круг орловских корреспондентов Герцена был довольно широк. Однако до сих пор ни один из них документально не выявлен. Есть основания полагать, что орловские материалы доставляли А. И. Герцену члены кружка П. И. Якушкина.

В конце 50-х годов прошлого века в Орле образовался кружок молодежи, в который, кроме Якушкина, входили М. А. Стахович, И. В. Павлов, А. В. Маркович, Н. К. Рутцен, А. А. Ветров, М. А. Вилинская (Марко Вовчок) и др. Деятельность этого кружка еще не привлекла к себе внимание исследователей и его роль в истории русской литературы и русской общественной мысли не раскрыта. Между тем многие из названных лиц приживались передовых по тому времени взглядов. Так, И. В. Павлов еще в лицее был связан с М. В. Петрашевским, а в Московском университете, где он учился на медицинском факультете,—с кружком А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Долгое время он находился в дружбе с М. Е. Салтыковым-Щедриным, поддерживая с ним переписку. Связи И. В. Павлова с Герценом, установленные еще в университете, не прекращались и после. В письме к университетскому товарищу А. И. Малышеву Павлов в ноябре 1856 г. писал: «Юношей был, сошелся с главою «великих», теперешним известным европейским писателем»³³. Надо полагать, что Павлов еще в те годы информировал Герцена о наиболее значительных событиях в Орловской губернии. «Дело Гутцейта», например, хорошо знал именно Павлов: Гутцейт лечил больного П. В. Киреевского. «Надутый дурак», как пишет о нем И. В. Павлов, назначенное для больного лекарство давал «в десять раз меньшей дозе... Вскоре печальный исход и был очевиден»,—с горечью сообщает он³⁴.

По-видимому, посылал А. И. Герцену свои произведения и П. И. Якушкин. Так, из чернового наброска письма следует, что одна из его статей в свое время не была опубликована А. И. Герценом за давностью описанных в ней фактов, хотя они и были «совершенно верные». Это тем более вероятно, что Якушкин в ряде своих произведений весьма прозрачно намекает на выступления «Колокола» против крепостничества. Так, в рассказе «Велик бог земли русской!» он выводит помещика М***, который во время «освобождения» крестьян большую часть своих людей «прогнал на волю». В ответ на обвинения его в «дурном обращении» с людьми он откровенно заявляет, «что он ничего не боится, никакой там выдуманной гласности, что про него, пожалуй, пиши не только на колоколе (разрядка моя.—А. Б.), а хоть на всей колокольне, что про него писали и в «Отечественных записках»»³⁵.

Из чернового наброска письма видно, что на этот раз Якушкин решил одну из своих статей предложить в какой-то «другой журнал»³⁶, но в то же время сообщить А. И. Герцену о ее содержании, которое, вероятно, было связано с собирательской деятельностью Якушкина: он может смело говорить «об теперешних делах», ибо заслужил это своим более чем двадцатипятилетним хождением по России. События, о которых собирался написать Якушкин, стали уже достоянием истории: статью о них он не решался послать А. И. Герцену. По-видимому, это были события, связанные с выходом в 1860—61 гг. первых выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским».

Известно, что перед смертью (1856 г.) П. В. Киреевский «выразил желание, чтобы подбор собранных им песен и окончательная редакция произведены были по всем правам и в силу глубокого знания П. И. Якушкиным»³⁷. Якушкин приступил к работе. По его словам, «к осени 1857 года сборник песен был почти готов»³⁸. Однако в начале 1858 г. Якушкина неожиданно отстранили от издания песен. Родственники П. В. Киреевского передали издание особой комиссии Общества любителей российской словесности при Московском университете по изданию собрания П. В. Киреевского. В состав комиссии вошли К. С. Аксаков, П. А. Бессонов, В. И. Даль и Н. П. Гиляров-Платонов. В дальнейшем все издание перешло в руки П. А. Бессонова.

³¹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 14, стр. 74—75.

³² «Литературное наследство», т. 22—24, М., 1935, стр. 116.

³³ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ), М., 8223/8, л. 19. За сообщение этого документа приношу благодарность Н. М. Чернову.

³⁴ Там же, л. 20.

³⁵ «Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лескова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина», Издание Вл. Михневича, СПб., 1884, стр. 23.

³⁶ Словом «журнал» в то время нередко называли и газету. Поэтому Якушкин, говоря в письме о «журнале» Герцена, мог иметь в виду и «Колокол» и журнал «Полярная звезда», издаваемый Герценом в Лондоне.

³⁷ См.: Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 10, СПб., 1896, стр. 27.

³⁸ «Сочинения П. И. Якушкина», стр. 463.

Для Якушкина это был слишком большой удар. Многие годы странствовал он по России, бескорыстно передавая П. В. Киреевскому свои записи. Он действительно имел все права довести начатое дело до конца, тем более, что его записи составляли очень значительную часть собрания Киреевского. В письме к В. А. Елагину от 22 февраля 1858 г. он с горечью писал: «Мое положение довольно странное, Василий Алексеевич, я думаю, что я что-нибудь да значу в издании песен Петра Васильевича, а вышло, что нуль. Вы мне сказали, что без меня не будут издаваться песни, а мне говорят, что я совершенно посторонний человек в этом деле»³⁹. Но Якушкина волновало не только это. Филологическая подготовка Бессонова была весьма слабой, фольклорный материал, как правило, он брал из вторых рук, подчас не останавливаясь перед заведомой фальсификацией того или иного песенного текста. У Якушкина были все основания опасаться, что начатое им издание будет завершено Бессоновым без учета указаний П. В. Киреевского, которыми Якушкин, как известно, дорожил больше всего.

Первые выпуски «Песен», вышедшие в 1860—1861 гг., подтвердили эти опасения. Филологический аппарат издания был настолько неудовлетворителен, что Якушкин выступил со статьей «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен»⁴⁰, в которой подверг резкой критике бессоновские принципы издания и обосновал свои принципы, к сожалению, до сих пор недостаточно изученные.

П. А. Бессонов в том же году выступил со статьей «Объяснение на статью г. Якушкина, помещенную в «Библиотеке для чтения», 1863, № 10», в которой сделал попытку отвести выдвинутые против него обвинения. Признавая, что Якушкин «укоряет» его «подробно и грозно, едко и саркастически», Бессонов в то же время утверждал, что Якушкин не обладает «способностью издательской»⁴¹. Не вдаваясь в подробности этого спора, отметим, что Якушкин совершенно справедливо упрекал Бессонова в некритическом подходе к материалу, несостоятельности научного аппарата издания.

Что в черновом наброске письма к Герцену речь шла именно об издании Бессоновым песен, собранных Киреевским, свидетельствует следующий план этого письма, написанный Якушкиным карандашом на том же листе:

«Издавайте, об названии ни слова. На опечатки смотреть нечего.

1. Зависть к Киреевскому.
2. Буслаев и Забелин дали песен.
3. Взял у Киреевского песни для калик.
4. Не поместил ни одной песни в Собр. Киреевского.
5. Не то мысли Киреевского издал сборник песен.
6. Почему стихи Киреевского не издаются.
7. Непонимание вариантов и разноречия.
8. Самовосхваление: сперва издавать песни как родился, как жил и, наконец, как умер.

9. Неосновательность примечаний.
10. Неосновательность толкования слов и понятий ([неразб.]) Ерусалимский стих и жена Добрыни).
11. В младших стихах.
12. Об Аксакове и Погодине.
13. Филологический аппарат.
14. Киреевский идеал [неразб.]
15. Русский народ не профанирует стихами.
16. Православие может эпическую поэзию.
17. Весна начинается с 25 декабря».

Нетрудно убедиться в том, что план этот в самых общих чертах повторяет статью Якушкина «Кое-что об изданиях г. Бессоновым народных стихов и песен».

П. И. Якушкин в этой статье неоднократно говорит о том, что Бессонов из зависти к П. В. Киреевскому взял из его богатейшего собрания духовные стихи и поместил в своем сборнике «Калеки перехожие». «Где он (т. е. Бессонов.— А. Б.) проявил знание русской народной поэзии? Он решительно ничем не показал знания народной жизни; только впоследствии доказал отсутствия понимания русской поэзии и зависть к заслугам Петра Васильевича... Чем вы объясните, например, как не завистью, следующее: едва узнали люди совсем не близкие, а может быть и лично знакомые с Петром Васильевичем, об издании его собрания, как в ту же минуту предложили свои сборники в общую сокровищницу Киреевского; из числа многих я укажу на Ф. И. Буслаева, И. Е. Забелина (ср. 1 и 2 пункты плана.— А. Б.); г. Рыбников, имея под руками множество песен, не остался чуждом этому труду: он дал несколько песен в сборник Киреевского; один только г. Бессонов, которому бесконтрольно поручен сборник, взял себе часть, а может и лучшую, именно духовные стихи из сборника Киреевского и издал их в своих «Калеках перехожих» (ср. 3 пункт плана.— А. Б.), да при этом надо заметить, ни одной строки не вложил в собрание, порученное его благодеяниям»⁴².

Следует отметить, что Бессонов в упоминаемой ранее статье отрицал какую-либо причастность к изданию песен и Ф. И. Буслаева и И. Е. Забелина. «Об этих *многих*,—

³⁹ Отдел рукописей ГБЛ, ф. 99, п. 10, ед. хр. 84.

⁴⁰ «Библиотека для чтения», 1863, № 10, стр. 108—130.

⁴¹ «Библиотека для чтения», 1864, № 1, стр. 3 и 4.

⁴² «Сочинения П. И. Якушкина», стр. 464.

писал он.— ни комиссия, ни я ничего не знаем, сборников гг. Буслаева и Забелина не видели»⁴³. Возможно, что Бессонов очень плохо знал материал. Иногда он умышленно не указывал собирателей. Так или иначе вопрос этот окончательно не выяснен до сих пор. Но нам важно подчеркнуть сходство основных положений статьи Якушкина и плана его письма к А. И. Герцену.

П. А. Бессонов в специальном «Предупреждении» к первому выпуску «Песен, собранных П. В. Киреевским» писал: «По мысли, руководившей постоянно Петром Васильевичем Киреевским, комиссия, издающая ныне сборник его песен, не ограничивается тем, что нашла в бумагах покойного, но присоединяет сюда в пополнение и другие песни..., а где нужно, в приложениях к выпуску, помещает сказки, исторические показания». Якушкин в связи с этим замечает: «...Здесь все неверно, или, по крайней мере, неточно: в приложениях к выпуску помещать сказки, исторические показания; это совершенно не по мысли Петра Васильевича Киреевского, а между тем Бессонов уверяет, что он *постоянно* руководился мыслью Петра Васильевича»⁴⁴ (ср. 5 пункт плана.— А. Б.).

Далее, так же как и в плане письма к А. И. Герцену, Якушкин говорит о непонимании Бессоновым вариантов песен, о его самовосхвалении: «Во всем издании г. Бессонова одна только мысль его: заменить западную терминологию Петра Васильевича на свою, якобы славянофильскую: исторические песни он назвал былевыми; «вариант» заменил, хоть и не совсем верно, словом «разноречие»,— пишет Якушкин и в качестве примера разницы между вариантом и разноречием разбирает песню про свадьбу Ивана Грозного»⁴⁵ (ср. 7 пункт плана.— А. Б.).

П. И. Якушкин подробно останавливается на примечаниях Бессонова к песенным текстам, на его толкованиях отдельных слов и понятий (их последовательность также соответствует плану его письма к А. И. Герцену). Так, в плане письма речь идет о «желе Добрыни» (10 пункт). В статье он подробно развивает свою мысль: «Еще должно прибавить, что Петра Алексеевича господь и соображением не обидел. Соображение у него глубокое. Вот вам пример: жен добрыниных по разным вариантам зовут различно, а именно: 1) Тимофеевной, 2) Микулишной, 3) Григорьевной, 4) Гурьишной, 5) Никулишной... Вот и все. Которая же из них жена добрынина? Во век никому не отгадать!... И не отгадывайте, а прочтите на стр. XX, вып. 2, что гласит г. Бессонов. А г. Бессонов гласит, что Добрыня, боярин, был женат на *удалой развездной девице, Настасье Никуличне, дочери представителя землины, Никулы Селяниновича!*... Этого никто не мог прежде знать, да и сам Петр Алексеевич повертел-таки чубом, чтобы отыскать Добрыне тестя-батюшку. Да и кому придет в голову женить Добрыню, княжого племянника, на дочери мужика»⁴⁶.

Якушкин подмечает малейшие промахи Бессонова в комментировании и толковании отдельных слов и понятий песен. «Лисиц бурых, о которых упоминает Бессонов, видел один г. Бессонов, а члены О (Общества любителей российской словесности; имеются в виду, кроме П. А. Бессонова, К. С. Аксаков, В. И. Даль и Н. П. Гиляров-Платонов.— А. Б.) могли только видеть лошадей бурых, а лисиц видали чернобурых, бурнастых»⁴⁷. «Только вам еще раз просьба,— заканчивает он свой разбор издания,— оставьте песни Киреевского или займитесь изданием их серьезнее: с чужим добром так не поступают»⁴⁸.

Последующие пункты плана также полностью соответствуют основным положениям статьи Якушкина: он упрекает И. С. Аксакова и М. П. Погодина (ср. 12 пункт плана), знавших о деятельности П. В. Киреевского, в том, что они вовремя не остановили Бессонова, который сейчас «работу Петра Васильевича находит противному здравому смыслу и науке!»⁴⁹; критикует Бессонова за свободное обращение с текстом: Бессонов «сделал сводный стих по образцу, называемому в западной науке *филологическим аппаратом*» (ср. 13 пункт плана), но «у него вышел такой сумбур, что в этом аппарате ничего не поймешь»⁵⁰.

Последним пунктам плана (15—17) в статье соответствий не имеется. Возможно, первоначальный замысел статьи был значительно шире или во время публикации ее конец почему-либо не был напечатан⁵¹.

Таким образом, письмо П. И. Якушкина к А. И. Герцену, черновой набросок которого удалось разыскать В. Г. Базанову, следует относить к 1863 г. Оно было написано (хотя вполне возможно, что оно так и осталось неоконченным), как можно заключить, в связи с выходом первых выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским».

⁴³ «Библиотека для чтения», 1864, № 1, стр. 3—4.

⁴⁴ «Сочинения П. И. Якушкина», стр. 465.

⁴⁵ Там же, стр. 466.

⁴⁶ Там же, стр. 468.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 470.

⁴⁹ Там же, стр. 472.

⁵⁰ Там же, стр. 473.

⁵¹ В 1864 г. в газете «Голос» (№ 157) П. И. Якушкин вновь вернулся к вопросу об издании «Песен, собранных П. В. Киреевским». На этот раз Якушкин, критикуя П. А. Бессонова за произвольные толкования фольклорных текстов, использовал 15—16 пункты этого плана.

Полицейским властям, перехватившим этот черновой набросок письма, был важен, разумеется, сам факт обращения Якушкина к Герцену и то, что связи их существовали еще раньше.

В это-то время III Отделению стало известно, что Якушкин «намерен предпринять новое путешествие по России». И так как автографы Якушкина, которые позволили бы установить принадлежность ему письма к А. И. Герцену, еще не были получены в III Отделении, было принято решение задержать его под каким-либо предлогом в Петербурге. В секретной «справке» в деле III Отделения читаем: «По особым соображениям признается необходимым отложить это путешествие и задержать здесь Якушкина на некоторое время. Ввиду этого полагалось бы самым лучшим — поручить какому-либо благонадежному и опытному лицу сблизиться с Якушкиным и, не подавая ему вида, под благовидным предлогом отдалить его отъезд из столицы впредь до особого распоряжения, о котором будет сообщено в свое время»⁵².

Однако задержать Якушкина не удалось. «Справка» помечена 31 июля 1864 г., а 4 августа петербургский обер-полицмейстер Анненков доносил шефу жандармов князю В. А. Долгорукову: «Офицер, назначенный для задержания под благовидным предлогом известного Павла Якушкина от поездки его по России, донес мне, что Якушкин выехал в Нижний-Новгород 1-го августа»⁵³. На этом донесении Долгоруков наложил резолюцию: «Уведомить Н. А. Огарева⁵⁴ об отъезде в Нижний-Новгород Якушкина и о необходимости за ним учредить наблюдение».

В Нижнем-Новгороде за Якушкиным был учрежден секретный надзор полиции. События, разыгравшиеся на нижегородской ярмарке, ускорили его ссылку в Орловскую губернию. В Нижнем-Новгороде Якушкин был «уличен» в пропагандистской деятельности и по приказу из Петербурга управляющего III Отделением Н. В. Мезенцова был арестован и выслан сначала в столицу, а оттуда на родину.

Таким образом, связи П. И. Якушкина с А. И. Герценом были, как можно видеть из всего изложенного выше, постоянными, а не эпизодическими. Великий русский революционер-демократ А. И. Герцен оказал значительное влияние на формирование творческой личности П. И. Якушкина.

⁵² ЦГИАМ, ф. 109, 1 экспедиция 1864 г., ед. хр. 152, л. 4.

⁵³ Там же. ф. 109, 1 экспедиция 1859 г., ед. хр. 240, л. 68.

⁵⁴ Н. А. Огарев в то время исполнял обязанности нижегородского ярмарочного генерал-губернатора.

Л. А. ГОЛЬДЕНБЕРГ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ В. И. РОБОРОВСКОГО

Недавно в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) среди документальных материалов известного деятеля Русского географического общества Ф. Р. Остен-Сакена были обнаружены неизвестные ранее рисунки В. И. Роборовского, сделанные им во время второго Тибетского путешествия Н. М. Пржевальского¹. Восемь рисунков из четырнадцати посвящены этнографическим сюжетам и представляют известный научный интерес. Все рисунки отличной сохранности, выполнены мягким черным графитовым карандашом на листах плотной полуглянцевой бумаги бледно-кремового цвета размером 17×25,2 см. Каждый рисунок датирован, имеет авторскую пояснительную надпись и подпись художника.

Научные результаты второго Тибетского, или четвертого путешествия Н. М. Пржевальского в Центральную Азию, продолжавшегося с 21 октября (2 ноября) 1883 по 29 октября (10 ноября) 1885 г., широко известны и достаточно подробно опубликованы². В этом путешествии, как и в первом Тибетском, в качестве зоолога и ботаника принимал участие Всеволод Иванович Роборовский (1856—1910). Позднее он работал в Тибетской экспедиции М. В. Певцова, а в 1893—1895 гг. руководил экспедицией Русского географического общества в Центральную Азию. Ближайший помощник, друг и ученик Н. М. Пржевальского, Роборовский успешно продолжал комплексное географическое исследование Центральной Азии, начатое его учителем.

В программу работ второго Тибетского путешествия входили прежде всего чисто географические исследования и лишь затем естественноисторические и этнографические. Последние, как отмечает Н. М. Пржевальский, «весьма трудно собирать мимоходом», особенно при незнании местного языка. Поэтому при всех четырех путешествиях в Центральную Азию этнографические изыскания «производились лишь настолько, насколько то можно было выполнить в зависимости от исключительных условий этих путешествий»³. При этом путешественники подчеркивали, что «предметы этнографической коллекции, как-то: местная одежда, утварь, орудия и пр., мы не собирали по неудобству, часто даже невозможности перевозки столь громоздких вещей», но во время третьего путешествия В. И. Роборовский «делал карандашом наброски, главным образом этнографических типов, а во время четвертого путешествия имел с собою небольшую камер-обскуру, с заготовленными сухими пластинками»⁴. Рисунками с натуры, сделанными В. И. Роборовским, был иллюстрирован отчет о первом Тибетском путешествии⁵. В нем было помещено 108 рисунков и 10 политипажей. В первом издании отчета о втором Тибетском путешествии опубликовано 29 фотографий и 3 политипажа с оригиналов Роборовского. Наиболее удачными зарисовками художника-любителя оказались изображения людей, памятников старины, животных. Фотографии и рисунки Роборовского в значительной степени дополняют текст отчетов, являясь уникальными документальными материалами экспедиций.

На бивуаках во время перехода через горную область Гань-су, Куку-нор к Цайдаму в марте 1884 г. В. И. Роборовскому удалось сделать три рисунка. 9 марта вблизи большой дунганской деревни Бамба он зарисовал старинный китайский памятник (рис. 1). На оборотной стороне рисунка художник записал перевод китайской надписи на памятнике: «Вань-ё в сорок третьем году в 3-м месяце 10-го числа, жена его превосходительства похоронена Вань-ва-Вунь-си; с нею внук». По-видимому, этот памятник был частью старинного китайского кладбища, на котором, как свидетельствует Пржевальский,

¹ ЦГАДА, ф. Остен-Сакена, ед. хр. № 1118.

² Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима, 1-е изд., СПб., 1888; 2-е изд., М., 1948.

³ Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки, стр. 56—57 (ссылки здесь и далее по 2-му изд.).

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Н. М. Пржевальский, Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки, 1-е изд., СПб., 1883; 2-е изд., М., 1948.

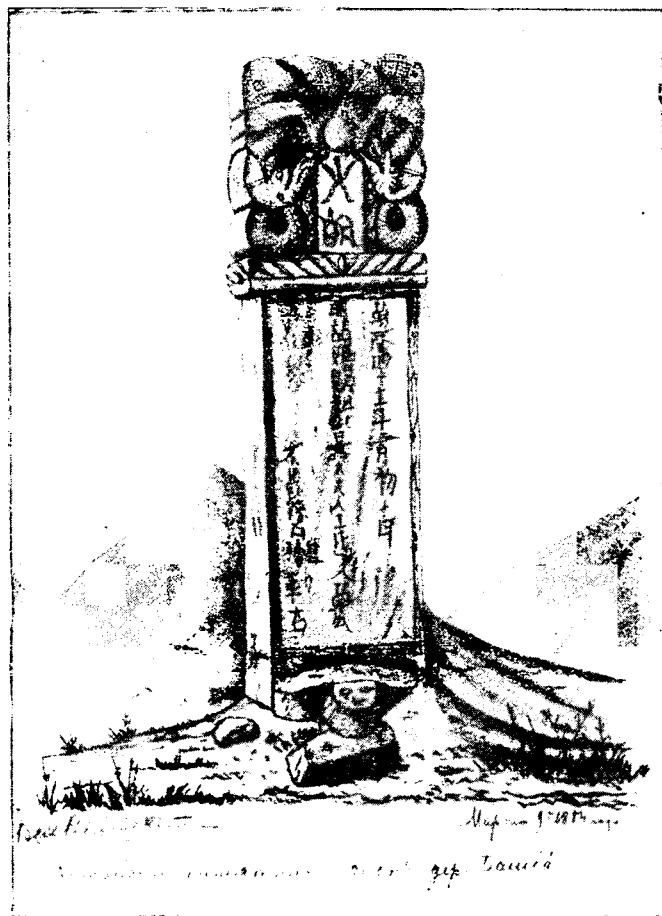

Рис. 3. Далды из окрестностей кумирни Чертынтон

Рис. 4. Тангуты из окрестностей кумирни Няму
на р. Голубой (Ды-чю)

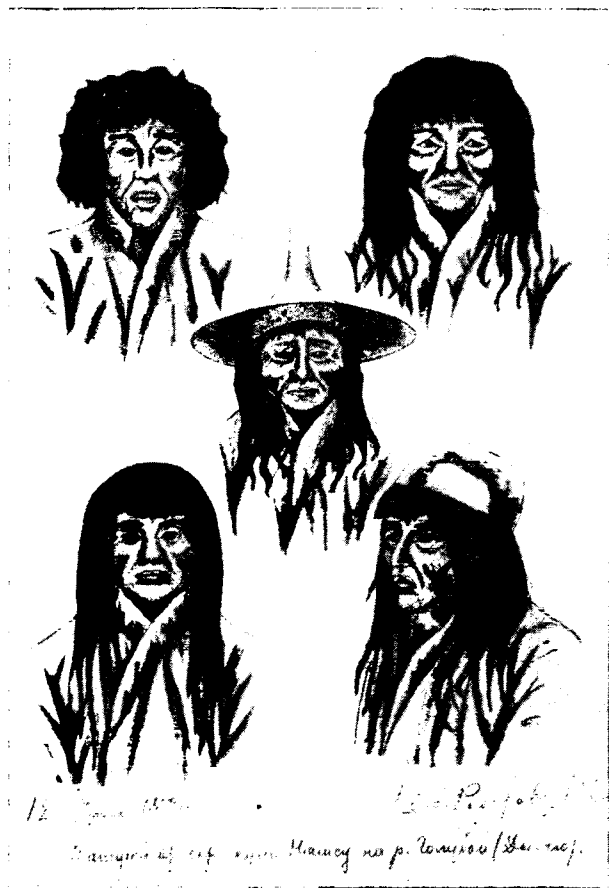

Рис. 5. Тангуты из окрестностей кумирни Нямсу на р. Голубой (Ды-чю)

Рис. 6. Цайдамцы Тайджинерского хошуна

Рис. 7. Цайдамцы Тайджинерского хошуна

сохранились каменные ворота и высокие каменные столбы. С последними связаны любопытные подробности: «На некоторых из этих столбов высечены грубые изображения лошадей и бурханов (идолов). У первых были отбиты сравнительно недавно ноги, а у последних головы. Сделано это было, по объяснению местных китайцев, потому, что каменные бурханы пасли по ночам на ближайших полях своих каменных лошадей. Поселяне обратились с жалобой к начальству и получили разрешение отбить ноги и головы у этих воров»⁶.

17 марта 1884 г. Роборовский зарисовал тангутского ламу Радзымбу (рис. 2). Рандземба (Радзымба) посетил путешественников перед их переходом через Южно-Тэтунгский хребет. Первое его знакомство с Пржевальским состоялось еще в 1872 г. при переходе из Ала-шаня в Чейбсен⁷. Путешественники очень тепло отзывались об этом «старинном приятеле» и «прекрасном человеке», который «живет по-прежнему в Тэтунгских горах, но охотой уже не занимается, ибо получил довольно высокий духовный сан»⁸. На рисунке Рандземба изображен сидящим на земле в одеянии ламы.

Преодолев перевал через Северо-Тэтунгский хребет, экспедиция перешла через р. Тэтунг-гол и расположилась лагерем недалеко от кумирни Чертынтон, живописная природа окрестностей которой столь восхитила путешественников. Здесь по пути из Чертынтон в Чейбсен в сравнительно густозаселенном районе, население которого состояло из китайцев, оседлых тангутов и племени далдов, Роборовский произвел очередную зарисовку. На рисунке от 20 марта 1884 г. «Далды из окрестностей кумирни Чертынтон» (рис. 3) с присущей художнику наблюдательностью переданы особенности внешнего вида, головных уборов, одежды мужчины и женщины племени далдов, которое и в настоящее время плохо изучено. Далды обитали к северу от Синина у Южно-Тэтунгского хребта в окрестностях городов Уям-бу и Му-байшинта.

⁶ Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки..., стр. 60.

⁷ Н. М. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, М., 1946, стр. 197.

⁸ Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки..., стр. 58.

Рис. 8. Типичная одежда и вооружение тангутов

В отчете о первом Тибетском путешествии приведено довольно детальное описание головного убора молодой далдянки, иллюстрированное рисунком Роборовского «Головные уборы женщины племени далды»⁹. На публикуемом рисунке (рис. 3) изображена пожилая женщина, которая не носит, в отличие от молодых, головного убора «квадратной формы, безобразно больших размеров»¹⁰. Она не носит и кокошника, а голову сзади покрывает куском синей материи, которая опускается почти до поясницы. Спереди волосы разделяются пробором посредине, сзади сплетаются в косу, которую заворачивают «в виде маленького шиньона» на деревяшку. Через большие медные кольца в виде серег, прикрепляемые тесемками возле ушей, проходят шнуры, завязываемые вокруг шеи. Женская одежда состоит из кафтана, рубашки с цветными рукавами, панталон, обычно темно-синего цвета, и китайских башмаков.

Следующая серия рисунков относится к летнему периоду работ экспедиции в северо-восточном Тибете, целью которых было исследование истоков Хуан-хе (Желтой реки) и водораздела Хуан-хе — Ян-цзы-цзян (Голубая река). На трех рисунках, датированных соответственно 11 (рис. 4), 12 (рис. 5) и 29 июня 1884 г. (рис. 8), изображены «Тангуты из окрестностей кумирни Нямсу на р. Ды-чю (Голубая река)».

Незнание местных диалектов чрезвычайно мешало общению с местным населением. Во время четвертого путешествия большую помощь экспедиции оказал сининский китаец-переводчик, который в молодости провел девять лет в плену у тангутов и хорошо знал их язык. Тем не менее все зарисовки местных жителей Роборовскому приходи-

⁹ См. Н. М. Пржевальский, Из Зайсана через Хами..., стр. 256.

¹⁰ Н. М. Пржевальский, Монголия и страна тангутов, стр. 199.

лось делать украдкой. В отчете упоминается по этому поводу, что «типы приходивших к нам как мужчин, так и женщин втихомолку срисовывал В. И. Роборовский, всегда искусно умевший пользоваться для этого удобными минутами»¹¹.

Северные тибетцы, изображенные на рисунках, это (по Пржевальскому) тангуты кам, занимавшие территорию от плато Тибета вниз по р. Ды-чю, а также за Тан-ла до границы владений далай-ламы. Тангуты, встреченные путешественниками в горной области Ды-чю, резко отличались от тангутов, живущих в Гань-су и на Куку-норе, но были более близки к ёграям на Тан-ла и к голькам верхней Хуан-хе (от выхода реки из больших озер)¹². Они подчинялись ведению сининского амбана, а в административно-территориальном отношении были разделены на хошуну, называвшиеся по имени феодалного владельца (князя) или главной кумирни. Кумирни были общественными и религиозными центрами, вокруг которых обычно «заводилось небольшое земледелие» и располагались постройки. Во всех кумирнях, «словно трутни в пчелиных ульях», жили лампы. Даже в небольшой кумирне, как, например, Чейбсен, находилось более двухсот лам, там ежедневно совершались моления и очень часто — религиозные процессии.

Любопытно проследить, насколько описание отчетов и рисунки Роборовского взаимно дополняют друг друга, особенно при характеристике внешнего облика местных жителей.

«По наружному своему типу описываемые тангуты представляют: рост средний, реже большой, сложение плотное, коренастое, глаза большие, но не косые и всегда черные; нос не сплюснутый, иногда даже орлиный, скулы обыкновенно не слишком выдаются, уши средней величины;... волосы черные грубые, длинные, спадающие на плечи, подстригаются эти волосы лишь на лбу, чтобы не лезли в глаза; ...усы и борода почти не растут: ...зубы отличные белые; череп в общем более удлинённый, нежели округлый; цвет кожи, как у всех хара-тангутов, грязно-светло-коричневый»¹³.

На всех рисунках тангутов Роборовским изображены только мужчины, вероятно потому, что в районе реки Ды-чю путешественники «видели только двух здешних тангутов, да и то пожилых». На одном из рисунков (рис. 8) представлены типичная одежда и обычное вооружение тангута (фитильное ружье, пика и широкая тибетская сабля за поясом). «Одежда мужчин состоит из бараньей шубы, которая, ради холодного климата, носится круглый год. Шуба эта надевается на голое тело и подпоясывается таким образом, что образует на спине мешок, куда кладутся чашка, кисет с курительным или нюхательным табаком, иногда разные другие предметы. За поясом впереди живота заткнута сабля. При непогоде сверх шубы накидывается плащ из грубого сукна бараньей шерсти. Панталон многие вовсе не знают; сапоги же носят все из цветной шерстяной ткани с подошвами сыромятной кожи. Голова обыкновенно остается непокрытой; изредка надевается войлочная шляпа с узкой высокой тульей и широкими полями»¹⁴.

Исследованием северо-восточного Тибета закончился первый этап четвертого путешествия в Центральную Азию. Дальнейший путь экспедиции пролегал по южному и западному Цайдаму. Вторую половину октября путешественники пробыли в безводном и пустынном районе западного Цайдама, в урочищах Гансы и Гас, входящих в состав Тайджинерского хошуна. Этот хошун, занимающий громадную площадь, был заселен незначительно. Здесь путешественники насчитывали около 500 семейств западноцайдамских монголов. 16 и 20 октября Роборовскому удалось сделать два рисунка — «Цайдамцы Тайджинерского хошуна» (рис. 6 и 7).

Из войлока местного изготовления цайдамцы носили халаты, нередко отороченные мехом; зимой надевали бараньи шубы. Головные уборы отличались разнообразием: наиболее распространены были бараньи шапки круглой или овальной формы, летом обертывали голову красной материей наподобие чалмы.

Остальные найденные нами рисунки В. И. Роборовского представляют интерес главным образом для историков естествознания. Среди них: «Ложные солнца и круги, наблюдавшиеся 4 декабря 1883 г. в средней Гоби, во время снежного бурана»; «Antilope Kuvieri» (2 февраля 1884 г.); «Кабарга» (20 марта 1884 г.); «Рога старого Ovis Dalai-lamy» (30 декабря 1884 г.) и «Ovis Dalai-lamy» (6 января 1885 г.)¹⁵.

¹¹ Н. М. Пржевальский, Из Зайсана через Хами..., стр. 217.

¹² Там же: описание «ёграи и гольки» (стр. 195—197), рисунок В. И. Роборовского «Ёграи» (стр. 192). О гольках см. также Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки..., стр. 104—105.

¹³ Н. М. Пржевальский, От Кяхты на истоки Желтой реки..., стр. 103.

¹⁴ Там же, стр. 103.

¹⁵ См. журн. «Природа», 1960, № 10, стр. 102—104.

Н. Р. ГУСЕВА

ПОЕЗДКА В ИНДИЮ

В Индии перед этнографом открывается необозримое поле для исследовательской работы. Здесь привлекает внимание все — и уличная толпа, внимательно наблюдая которую можно подметить много черт, характеризующих разные стороны общественной жизни страны, и производственная деятельность городского и сельского населения, и семейные отношения, и типы домов, и характер костюмов — словом, все без исключения является живой летописью современности.

К сожалению, специфические условия моей поездки и краткий ее срок не дали мне возможности заниматься полевой работой, поэтому данная статья не может служить отчетом о проведенных исследованиях¹.

Мне хотелось бы остановиться в основном на трех вопросах, по которым мне удалось собрать материал и которые почти или совсем не описаны в нашей этнографической литературе, — на обряде бракосочетания, на типах городских и сельских строений в некоторых штатах Индии и на деятельности этнографического общества в Раджастане. Ввиду того, что эти три момента тематически взаимно не связаны, данная статья будет состоять композиционно из трех самостоятельных разделов.

* * *

Апрель — май — это начало жаркого сезона в Индии, время окончания жатвы и период свадеб. Мне довелось несколько раз присутствовать на свадьбах, видеть различные обряды, связанные с бракосочетанием, и говорить с людьми из различных социальных слоев о процессе заключения брака.

Правилом, которое нарушается еще очень редко, является заключение брака по выбору родителей, причем и в наши дни иногда бывает так, что до свадьбы молодые не знают друг друга. Свадебная церемония почти всегда устраивается в доме родителей невесты. Здесь во дворе устанавливается навес, под которым производится церемония бракосочетания, и вокруг размещаются гости — женщины по одну сторону навеса, мужчины по другую.

С наибольшей полнотой мне удалось наблюдать свадебную церемонию в доме одного зажиточного горожанина — члена касты кшатриев из штата Уттар Прадеш.

Когда я приехала, в доме уже собралось свыше 200 гостей. Под навесом, на расстеленной ткани стоял низенький столик, на котором были приготовлены жертвоприношения для девяти планет — цветы, кокосовый орех (обязательный элемент всех обрядов и церемоний), листья священного дерева тулси и т. п. Здесь же стояли сосуды с топленным маслом, водой, сухим рисом и раствором красного порошка — турмерика, в одном из сосудов горел священный огонь. Перед огнем сидел брахман — жрец, всегда совершающий для данной семьи различные священные церемонии и обряды². Он вслух читал мантры — священные тексты на санскрите, а два мальчика, сидевшие за его спиной, подхватывали его слова. За мальчиками сидели два старика из числа родственников невесты, которые сплетали длинный шнур из хлопчатобумажных нитей, чтобы впоследствии связать им новобрачных.

Перед огнем, на низеньком помосте, покрытом красной тканью, справа от брахмана сидела невеста в высокой картонной короне, обклеенной фольгой. Ее лицо было скрыто гирляндами жасмина, свисавшими с короны.

Напротив брахмана сидели старший брат невесты и его жена. Обычно это место занимает отец, но в этой семье отец уже выдал замуж двух дочерей и уступил свое почетное место старшему сыну, предоставив ему право выдать замуж младшую девушку семьи.

Вскоре появился жених в сопровождении своей группы. На голове у него тоже была корона с гирляндами, а в руке он держал меч, обтянутый красной тканью. На

---

¹ Я была в Индии один месяц в качестве гостя, будучи приглашена в страну как автор пьесы «Рамаяна», написанной по теме древнеиндийской эпической поэмы и поставленной Центральным Детским театром в Москве. Мне была предоставлена возможность побывать почти во всех штатах страны.

² У каждого брахмана есть свой определенный круг семей, которые пользуются его услугами. Эти связи передаются из поколения в поколение.

пути к невесте его пытались задержать мальчики из числа ее родни. Они делали вид, что срывают обувь с его ног, а он откупался от них, бросая им монеты. В этом явно выступает пережиток брака умыванием, который по древнеиндийскому праву (во многом действующему по традиции и в наше время) считается одной из узаконенных форм брака и даже предписывается членам «высокой» варны кшатриев³.

Затем жених сбросил обувь и, ступив на помост, сел рядом с невестой. У его родных и друзей, пришедших с ним, лбы были вымазаны красной пастой, присыпанной рисом. Они заняли места среди гостей.

Сам обряд бракосочетания состоял в том, что брахман громко читал мантры, а брат невесты и его жена производили по его указанию ряд обрядовых действий — омывали водой ноги жениха, окрашивали их раствором турмерика, совершали возлияние маленькой ритуальной ложечкой масла в огонь, лили масло жениху в ладонь чтобы он его выпил, и т. п.

Во время этой церемонии присутствующие несколько раз в определенные моменты бросали в жениха и невесту горсти риса, окрашенного турмериком.

Когда обряд был завершен, молодые получили право впервые взглянуть друг на друга. Вслед за тем брахман обошел всех присутствующих и, читая мантры, призывающие на них благословение богов, нанес всем на лоб «знак счастья» — красное пятнышко.

Все направились к столам, где было приготовлено угощение — маленькие треугольные жареные пирожки с горохом и сильно напеченным картофелем, овощи и рис со специями, поджаренные орешки, жаренная в масле вермишель, лепешки печеные и жареные, тонкие завитушки из теста, сваренные в масле с сиропом, сладкие шарики из творога и т. п.

Это был дом зажиточных горожан из «высокой» касты, поэтому угощение стояло на столах, а не на скатерти, расстеленной на земле или на полу, как это бывает обычно. Гости ели с фаянсовых тарелок, тогда как обычно во время свадеб и праздников, а часто и в повседневной жизни, пользуются тарелками из листьев, которые чрезвычайно дешевы и удобны тем, что после использования их выбрасывают (этим в Индии всегда решалась не только проблема гигиены еды, но и традиционная проблема избегания «осквернения», к которому могло бы привести использование тарелки после того, как с нее ел человек другой касты).

Жених и его ближайшие родственники сели с невестой в автомобиль, оббитый гирляндами цветов, и он медленно двинулся вслед за музыкантами.

Я видела свадебные процессии во многих городах Индии, но далеко не всегда жених приезжал за невестой в автомобиле. Очень часто его приносили в традиционном паланкине, ярко расписанном цветами и изображениями богов и украшенном деревянными позолоченными масками. В этом же паланкине уносили его потом вместе с невестой в дом отца. Часто жених пешком приходил на свадебную церемонию и уводил с собой навесту, привязанную за угол сари к его одежде или к шарфу, на котором он ее вел до своего дома (рис. 1).

В каждом штате, а иногда и в разных городах одного штата и, главное, у разных каст есть свои мелкие отличительные особенности в проведении свадебного обряда.

В г. Варанаси (бывший Бенарес), например, я видела как участники свадеб шли к Гангу, чтобы помолиться, совершить возлияние и принести в жертву реке цветы. Часто готовят гирлянды цветов длиной до 1 км и, укрепив один конец на этом берегу Ганга, переезжают на лодке на другой берег, постепенно разматывая гирлянду, и там привязывают ее другой конец (с течением времени вода уносит цветы, а оставшиеся веревки забирают рыбаки).

В этом же городе существует обычай приносить дары в дом невесты в больших белых глиняных сосудах, покрытых яркой росписью. Прямо на улицах сидят ремесленники-художники, от руки рисующие на этих сосудах цветы, рыб, птиц и т. п. (рис. 2). В Бенгалии на головы жениха и невесты возлагают особые короны, являющиеся копией высоких головных уборов, которые можно видеть на статуях богов, а также на исполнителях танцев катхакали в южноиндийском штате Керала. Эти уборы делают из мягкой и упругой, как пенопласт, белой древесины кустарника, называемого по-бенгальски «шола». По обычаю, новобрачные должны хранить эти короны в своем доме в течение года после свадьбы.

Но как бы ни различались свадебные обряды в тех или иных районах Индии, в целом они преследуют цель соединения двух людей навеки в буквальном смысле этого слова. До сих пор брак рассматривается подавляющим большинством индийцев как священный союз, обязательный для каждого человека и не подлежащий разрыву по воле людей.

Характерной чертой, в корне отличающей отношение европейцев и индийцев к браку, является то, что для большей части последних почти немыслимо чувство любви до брака. Весь уклад воспитания направлен на то, чтобы подготовить человека к вступлению в брак как к наивысшему свершению своей дхармы, т. е. того комплекса обязанностей перед обществом, богами и собственной личностью, который предписывается древним обычным правом, возведенным в религиозную догму индуизма. Веро-

³ «Законы Ману», гл. III, 21—26, М., 1960. Эта форма брака известна под названием «Ракшаса».

Рис. 1. Свадебный обряд — жених приводит невесту в дом своего отца (штат Раджастхан) ⁴

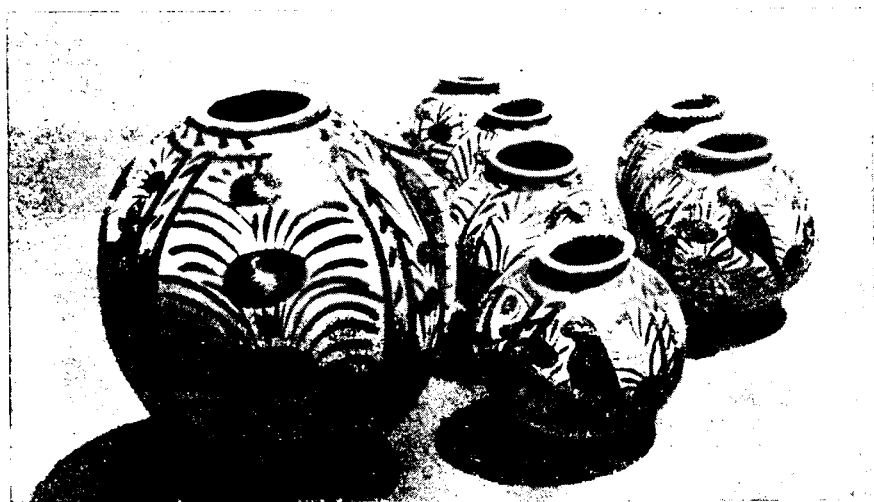

Рис. 2. Раскрашенные свадебные сосуды (Варанси)

⁴ Рис. 1—7 — фото автора

ятно, этой готовностью большинства юношей и девушек любить только в браке (и даже больше — обязательно любить в браке) и объясняется такое покорное, пассивное принятие того супруга, которого подберут родители.

Нельзя утверждать, что так же обстоит дело у всех так называемых «низших» каст, так как в их среде часто сохраняется много пережитков матриархальных отношений, и законы ряда этих каст не осуждают более свободных взглядов на брак. В среде же «высоких» и «средних» каст редкое исключение из общего правила составляет только европеизированная часть городской интеллигенции и некоторые локальные группы, вроде матрилинейных каст Кералы и в какой-то мере также «высокой» касты пателей в Гуджарате. У пателей брак тоже организуют родители, но юноша имеет право увидеть девушку до брака и отказаться от нее, если она ему не понравится. Обычно это быстро становится достоянием гласности, и на такой девушке, как правило, никто не женится. Поэтому в этой касте, чуть ли не единственной в Индии, много старых дев, которые живут на иждивении своих родных в доме своего отца.

Общим же правилом для всего индийского общества является обязательное заключение брака (обычно — в молодом возрасте), поэтому проблемы бессемейности в этой стране просто не существует.

* * *

Старый Дели по плану застройки и характеру зданий похож на большинство индийских старых городов. Трудно описать лабиринт этих сплетающихся и перекрещивающихся переулочков, где неискушенный человек сразу теряет направление. Они застроены в основном двух- и трехэтажными домами. Нижний этаж, пол которого на 50—70 см приподнят над землей, не имеет передней стены. В этих открытых помещениях расположены лавки-мастерские. Стены этих лавок внутри часто разрисованы или украшены яркими картинками или рекламными плакатами разных фирм.

Здесь мастера работают, пьют чай, торгуют и отдыхают, лежа на плетеных лежанках — чарпоях и часто высунув ноги на улицу (чарпой всегда делается короче человеческого роста, так как согласно распространенному в Индии суеверию это удлиняет жизнь). Дверь в задней стене лавки ведет в жилое помещение.

Среди лавок расположены небольшие храмы или глубокие ниши в стене, скрывающие в своей тени статуи богов или их символические изображения. Эти храмы, встроенные в ряды домов так плотно, что часто их фасады почти неотделимы от фасадов жилых зданий и отличаются от них только росписью по сторонам входной двери, поневоле наводя на мысль: не потому ли не могут обнаружить в раскопках городов долины Инда храмовые здания, что они таким же образом органически входили в архитектурную планировку улиц, и сейчас просто трудно понять, какое из зданий было жилым, а какое храмовым.

В промежутках между лавками сделаны узкие двери на лестницу, ведущую в верхние этажи, которая проложена в толще стены (так же, как в древнеиндийских городских строениях). Ширина такой лестницы не превышает 60—70 см, и на ней невозможно разминуться с человеком, идущим навстречу.

Почти обязательным элементом каждого жилого строения в Индии является внутренний двор, где протекает жизнь женщины семьи. В городских двух- и трехэтажных домах роль внутренних дворов играют галереи на каждом этаже или общие площадки. На эти галереи или площадки выходят двери жилых помещений, здесь работают ремесленники, здесь же играют, а часто и спят дети, сюда проведен водопровод.

Во многих домах в каждой комнате живет обычно одна семья. Обстановку комнаты составляют низкие скамеечки и сундук для одежды. Спят часто на полу, на циновках. Стены (и в городских, и в деревенских домах во всех районах Индии) украшены яркими литографиями в рамках, оклеенных фольгой, с изображениями богов и героев, и цветными календарями, которые по обычаю все дарят друг другу на праздник огня — дивали. В стене обычно сделана ниша, где помещаются статуэтки богов.

С деревенским жилищем штата Уттар Прадеш я познакомилась в районах трех городов — Дели, Агры и Варанаси. Деревни этих районов состоят из глинобитных домов, двускатные, а иногда плоские крыши которых покрыты соломой или черепицей. Окон в этих домах нет, только под Агрой в одном доме я видела круглое отверстие в потолке, играющее роль окна или вентиляционного отверстия. Потолок в этом доме являл собой плетенку из тонких жердей, обмазанную глиной. Снаружи непосредственно на нем лежала соломенная крыша.

Мое внимание привлекли деревянные столбы, на которые опирался потолок. Они заканчивались вверх тремя деревянными брусками, лежащими друг на друге, из которых каждый верхний был длиннее предыдущего. Их торцы были округло заточены, и вся конструкция вместе напоминала по форме классические капители — кронштейны каменных колонн старинных архитектурных ансамблей Индии. Трудно предположить, чтобы крестьяне копировали для своих домов детали храмовой или дворцовой архитектуры; по всей вероятности, дело обстоит как раз наоборот — такое устройство являлось, видимо, древнейшим типом деревянных опор для крыши, который был позже скопирован в камне.

В домах зажиточных крестьян под Варанаси на чердаках хранились глиняные корзины и горшки с зерном и другими продуктами.

В деревне под Варанаси, в типичном доме зажиточного крестьянина-индуса хозяйственные постройки и колодец находились на открытом месте перед домом, а во внутренний двор, окруженный жилыми помещениями, можно было попасть только через комнату матери семьи. На этот двор выходили двери комнат, где жили женатые сыновья со своими семьями. При этом в доме было отдельное строение для гостей — просторное, с белеными стенами и потолком. Этим помещением, как мне сказал хозяин, не должны пользоваться женщины (к сожалению, подробных разъяснений по этому поводу мне получить не удалось).

Во внутреннем дворе один угол был отгорожен глинобитной стенкой — это было место для омовений. Такие отдельные уголки во дворе или отдельные помещения в доме имеются почти у каждой индийской семьи за исключением тесно живущей городской бедноты.

При некоторых домах во дворе есть отдельные хлевы для скота, но часто скот находится в одном из помещений дома. Резаная солома, жмыхи сахарного тростника и другой фураж тоже часто хранятся в доме. Во дворе скот пьет и ест из больших металлических чанов, вмазанных по одному или по несколько в невысокие глиняные платформы. При домах и во дворах можно видеть и солому, сметанную в стога особой формы в виде узкого конуса, слегка закрученного по спирали.

Обстановку любого из деревенских домов Индии составляют неизменные чарпои и сундуки для хранения разных вещей. Вся одежда обычно развешана на веревке, протянутой в жилой комнате. В каждом доме есть внутренний очаг (в отдельной кухне, как правило) и иногда внешний очаг во дворе, которым пользуются в жаркое время года. В кухне возле очага стоят пирамиды поставленных друг на друга сосудов. Очаги представляют собой обычно низкие, открытые сверху глиняные печки, которые топят лепешками из навоза, сложенными во дворе в небольшом глиняном сарайчике или под соломенным навесом.

В одной из деревень под Калькуттой мне показали два традиционных типа бенгальских домов. Для одного из них характерны особые, как бы двойные крыши. Над серединой нижней четырехскатной крыши возвышается еще одна, тоже четырехскатная, под которой расположен чердак. Такой дом по-бенгальски называется «атчала», т. е. «дом с восемью крышами». (рис. 3). Дома другого типа, двухэтажные, имеют стены, слегка склоняющиеся внутрь. На расстоянии 1,5—2 м от крыши внешняя поверхность стен ступенеобразно углубляется, и почти над самой крышей делаются небольшие окна (окна есть почти во всех бенгальских домах).

И эти и другие дома в деревнях Бенгалии кроются обычно соломой или тростником, а иногда и пальмовыми листьями. У многих домов поверхность всех четырех скатов крыши делается выгнутой, и иногда настолько, что крыша по форме напоминает стог. Нижние края крыши часто бьвают слегка загнуты в сторону стены и сделаны таким образом, что над серединой стены они выше, чем по углам, и углы крыши свисают.

По гребню двускатной крыши обычно делают наладку из соломы и придавливают ее с обеих сторон гребня бамбуковыми жердями.

Существует заметное сходство между строительной техникой бенгальских крестьян и санталов, живущих в Бенгалии.

Основой жилого строения у тех и других обычно служит бамбуковый каркас. Стропила тоже делают в основном из бамбука, но опорную раму крыши делают из жердей пальмы, отличающихся большей прочностью и долговечностью. Стропила одного ската соединяют со стропилами другого бамбуковыми распорками. Места соединения жердей, стропил и распорок закрепляют пальмовыми веревками.

Стены возводят из глины, замешанной на воде. Концы жердей, образующих настил потолка, вмазывают в верхний край стен. Иногда санталы возводят стены без каркаса и тогда концы стропил тоже вмазывают в стены.

Санталы также строят иногда высокие дома, напоминающие небольшие квадратные башни, со стенами, слегка наклоненными внутрь (рис. 4). Часто такую форму имеет пристройка к жилому дому, используемая обычно, как мне сказали, для хранения запасов.

В способе делать крыши разница, как мне разъяснили, состоит в том, что бенгалцы укрепляют кровельный материал веревками из пальмового волокна, а санталы — соломенными жгутами; из соломенных жгутов санталы делают и круглые хранилища для зерна, похожие на огромные корзины (рис. 5).

Обстановку бенгальских домов, кроме чарпоев и сундуков, часто составляют маленькие стульчики (называемые «мора») с сиденьем, сплетенным из расщепленных листьев пальмы.

В Ориссе, соседнем с Бенгалией штате, дома складывают из больших сырцовых кирпичей, высушенных на солнце, или делают такие же, как в Бенгалии, бамбуковые стены с глиняной обмазкой. Здесь дома гораздо длиннее, чем в Бенгалии, они также крыты соломой, но крыши ниже, а скаты крыш плоские или ступенчатые, и нижний край подрезан ровно. Каркас крыши делают из бамбуковых решеток, укрепляемых на раме из бамбука или пальмы. Края этих решеток зажимают между двумя бамбуковыми жердями, прочно связанными веревками из пальмового волокна.

В деревнях Андхра-Прадеша, граничащего с Ориссой на юге, многие дома по внешнему виду заметно отличаются от орисских. Характерной их чертой (в особен-

Рис. 3. Бенгальский дом с двойной крышей

ности в районах бывшего северного Мадраса) являются очень высокие четырехскатные крыши с такими сглаженными стыками скатов, что эти крыши по форме приближаются к коническим (если дом в плане близок к квадрату). Верхушку такой крыши туго опоясывают веревкой. Есть здесь и дома, имеющие в плане форму вытянутого прямоугольника; у таких домов обычно концы верхней опорной жерди каркаса крыши вы-

водятся на 1—1,5 м наружу над торцовыми стенами дома. У некоторых домов края крыш нависают над стенами так низко, что почти касаются земли, а у других олираются на столбы или жерди, образуя навес. Дома крыты пальмовыми листьями, укрепленными на каркасе из пальмовых жердей или расщепленного бамбука. Этот каркас обычно делают в виде частой косой решетки.

Стены делают из жердей или прутьев с глиняной обмазкой и часто покрывают побелкой. Иногда дома возводятся на невысоком насыпном фундаменте. Многие крестьянские семьи живут в домах-навесах, состоящих только из крыши, опирающейся на столбы.

Дворы в Андхра обносят заборами, тоже сделанными из пальмовых листьев. Во дворах ставят на приподнятую платформу плетеные хранилища для зерна, крытые листьями пальм.

Некоторые группы населения Андхра (часть крестьянских каст, а также часть бывших «низших» каст, например, плетельщики корзин и матов) живут в круглых домах с конической высокой крышей. Каркас такого дома и крыша опираются на центральный столб, конец которого выводится наружу через вершину крыши.

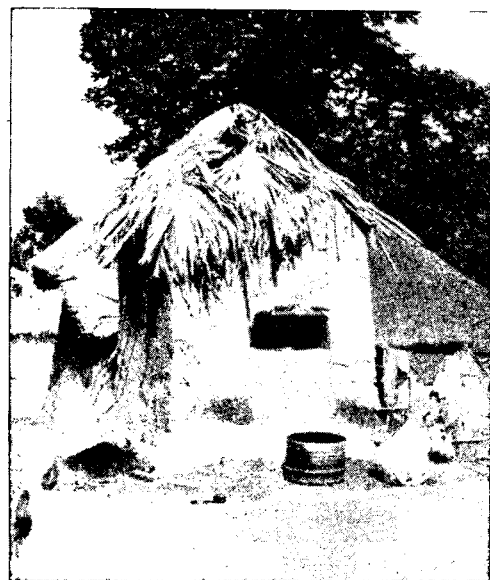

Рис. 4. Сантальский глинобитный дом с башневидной пристройкой

В западной части штата Андхра, в Теленгане, жилые строения имеют несколько другой характер. Здесь это по большей части глинобитные дома с невысокими двускатными крышами из листьев или соломы, с глинобитными стенами вокруг дворов, тоже покрытыми поверху пальмовыми листьями.

И в Теленгане, как в восточной части Андхра, часто встречается жилье, представляющее собой навес, опирающийся на столбы, а иногда можно видеть, как семья живет под большим деревом, обнеся оградой участок земли в радиусе кроны этого

Рис. 5. Амбар из соломенных жгутов в сантальской деревне (Бенгалия)

дерева. Здесь часто встречается характерная для деканского Карнатака каменная кладка в основании стен домов и сложенные из необтесанных камней невысокие стены вокруг участков.

Эта строительная техника наиболее ярко выражена в деревнях Майсура — штата, занимающего южную часть Деканского плато. Здесь стены многих домов состоят в своей нижней части из неровных кусков плитняка, скрепленных глиной, а в верхней — из глины, в которую иногда тоже вкраплены камни.

В Майсуре издавна развито кустарное производство обожженного кирпича и черепицы: повсеместно у дороги можно видеть кирпич, сложенный для обжига в виде «домика», в толще которого проделано много ходов, куда закладывается топливо. Каждый мало-мальски зажиточный хозяин имеет здесь кирпичный дом, крытый черепицей. Черепицей часто кроют и глинобитные дома.

В штате Мадрас, в рыбацком поселке мне довелось увидеть «самый дешевый дом», стены и крышу которого составляют циновки из расщепленных пальмовых листьев, укрепленные на бамбуковом каркасе и покрытые нашитыми на них сверху целыми пальмовыми листьями. Часто крышу сверху придавливают еще жердями, концы которых крестообразно пересекаются над коньком; на места этих пересечений сверху кладут еще одну продольную жердь, и все это прочно связывается пальмовыми веревками.

Типы городских домов, насколько мне удалось узнать, мало отличаются один от другого в разных районах Индии. Если это дом зажиточной интеллигентной семьи, то это или одноэтажный коттедж современного образца, или двух-, а иногда, и трех-этажный дом, имеющий внутреннюю лестницу, удобно распланированные комнаты, кухню и служебные помещения в первом этаже (иногда на заднем дворе) и садик перед фронтальной стеной. Обстановка таких домов носит полоевропейский характер — они меблированы диванами, креслами, столами, шкафами и т. п., хотя все эти вещи обычно украшены национальным резным орнаментом, росписью или инкрустацией. Обязательным элементом убранства всех домов являются традиционные декоративные фигурки, картинки-иконы и часто маски.

Дома людей так называемого «среднего» класса, т. е. в основном мелкой и средней торговой буржуазии и служащих, часто сохраняют традиционный характер. В столице Андхра, г. Хайдарабаде, мне довелось побывать в доме одного зажиточного торговца, выходца из Раджастанха. Это был типичный дом традиционной неразделенной семьи из «высокой» касты. Дверь с улицы вела в коридор, который выходил на внутренний двор. Из этого коридора лестница вела на второй этаж. Всего в доме было три этажа и все они имели галереи, с четырех сторон окружавшие внутренний двор и обнесенные резными решетками. Некоторые из этих галерей были узкими проходами вдоль стены с дверями во внутренние комнаты, другие были обширными помещениями, уходящими в глубь дома и имеющими в своих стенах двери, ведущие в другие помещения.

Некоторые из этих больших галерей были обставлены как комнаты, т. е. на полу здесь были расстелены ковры и лежали подушки, валики и матрасики для сиденья. кое-где стояли резные деревянные столики и эмалированные латунные блюда на подставках, на стенах висели зеркала, а в стенных нишах стояли на полках различ-

Рис. 6. Улица в городе Джайпуре (штат Раджастан)

ные стаканы и вазы цветного старого стекла. Во всех комнатах, которые мне удалось увидеть, верх стен был украшен фресковой росписью или сплошным рядом ярких традиционных картинок, изображающих богов и героев. Потолки были затянуты тканью, покрытой росписью, и под потолками висело множество ламп в стеклянных разноцветных абажурах (в одной комнате я насчитала двадцать ламп). Все эти лампы зажигают раз в год, в праздник огней — Дивали. Цветными стеклами были отделаны и двери, ведущие на наружные балконы (не могу сказать, характерно ли это для всех городских домов Хайдарабада, но в штате Раджастан я видела неоднократно оконные решетки, забранные цветными стеклами, в особенности — во дворцах махараджей).

Городские дома в самом Раджастане отличаются в большинстве своем лаконичным рисунком и часто напоминают крепости — это явный след славного боевого прошлого раджутов. По форме эти дома часто похожи на неровно составленные кубики — верхние этажи то уже нижних, то сдвинуты вперед, вбок или вглубь. Окна маленькие, как бойницы, иногда они прорезаны в решетках, заменяющих часть фронтальной стены (рис. 6). Резных балконов и галерей, которыми изобилуют, например дома Бароды (штат Гуджарат), здесь мало, но зато стены домов поверх побелки богато украшены цветной росписью, изображающей богов и героев и сцены из жизни раджутов — бои, шествия воинов, охоты, скачки на конях, процессии. Роспись видна повсюду — и на стенах храмов, и на заборах, и даже на стенах складских и фабричных помещений⁴.

Дома деревенских жителей обычно одноэтажные, но встречаются и двухэтажные, с маленькими окошками под самой крышей. Крыши домов часто плоские, но бывают и в форме свода. Такие крыши кроют соломой, накладывая ее продольными пластами так, что каждый верхний пласт находит на нижний и крыша выглядит как бы ступенчатой. Края крыши, выступающие над торцовыми стенами, слегка загibaются внутрь и стягиваются толстым соломенным жгутом.

Если через деревню проходит дорога или шоссе, то, как и повсюду в Индии, здесь расположены лавки и мастерские, не имеющие передней стены и являющие взору прохожих весь запас своих товаров. Городские же базарные улицы сплошь или по частям заселены кастами ремесленников, которые тут же в своих мастерских изготавливают на глазах у покупателей свой товар и продают его.

⁴ Следует сказать что традиционный древнеиндийский обычай нанесения росписи на стены домов соблюдается не только в Раджастане, но и в других штатах Индии, хотя и в меньшей мере. Роспись наносят и по всей стене, и только у двери, и на саму дверь, и на порог. Обычно это делают к дням праздников и семейных торжеств, и особенно к дням свадеб. В деревнях роспись часто имеет вид полосок, идущих или вокруг всего дома или только по фронтальной стене, но иногда это изображение цветов, птиц, людей и т. п., иногда цветные черточки или «птички», а иногда — полное или частичное воспроизведение древних магических рисунков, которые современные народы Индии унаследовали от далекого прошлого (в наибольшей сохранности и наибольшем многообразии эти рисунки можно видеть в деревнях племен тхару, гондов, سراпов и др.).

Повсюду — над каждой лавкой, над каждой дверью, над каждым окном сделан навес, укрывающий в своей тени и мастеров, и продавцов, и покупателей.

Проблему создания тени в Индии решают самыми различными способами. Иногда приходится создавать тень не только для людей и животных, но и для растений. Так, всюду, где выращивают бетель, его всходы со всех сторон закрыты густыми плетнями из тростника, на которые опирается на высоте примерно около двух метров плетеная же плоская крыша, поддерживаемая густо воткнутыми в землю прутьями.

Окна городских домов выходят на крытые затененные галереи, ворота дворцов и храмов не являются воротами в нашем понимании, а павильонами или башнями, под сводами которых приходящие находят первую тень и прохладу. Колясочки рикш имеют поднимающийся складной верх, деревянные повозки — покрытие из циновки, укрепленных на гнутых прутьях. Женщины закрываются от солнца краем сари или покрывалом, а мужчины — горожане и зажиточные деревенские жители — ходят под черными зонтиками.

У передней стены каждого дома, а часто и у всех стен, делают навес для тени, опирающийся на резные или гладкие деревянные столбы или просто на палки. Если нужно заняться какой-нибудь работой в стороне от этого навеса, то подпирают один конец чарпой палками и косо поднимают его над землей, создавая таким образом затененное место.

Для создания прохлады внутри дома в жаркое время года окна зашивают снаружи толстыми матами из пальмового волокна и поливают эти маты водой. Многие старинные дома имеют высоту комнат до 6 м и даже в городах часто бывают покрыты соломой, так как это способствует сохранению прохлады. Но новые жилые строения обычно бывают более низкими и, как правило, их кроют черепицей.

* * *

После 1947 г. — года освобождения от колониальной зависимости — в Индии возникло много культурных организаций и научных обществ, члены которых стремятся к тому, чтобы всемерно способствовать возрождению и дальнейшему развитию национальной культуры во всем ее богатстве и многообразии.

Сюда входят организации литераторов и художников, танцоров и музыкантов, искусствоведов и музееведов. Наибольший интерес для советских этнографов представляют те из них, в задачи которых входят изучение народной жизни и сбор материалов, имеющих этнографическое значение. Среди таких организаций Бхаратийя Лок-кала Мандал (т. е. Общество индийского народного искусства) в Раджастане занимает выдающееся место. Целью Общества, как явствует из названия, является, главным образом, изучение разных форм искусства народов Индии. В понятие искусства здесь входят народные танцы и игры, различные формы народного театра, песни, музыка, художественные ремесла, народный костюм, роспись стен и т. п. Но сотрудники Общества не ограничивают этим свою работу и уделяют много внимания также обычаям, религиозным обрядам и социальной жизни разных народов и, главным образом, племен Индии.

Общество было создано в 1952 г. В первые же годы своего существования оно провело обследование (путем личных наблюдений, киностежок и звукозаписи) жизни и искусства различных каст Раджастана и племен, живущих на территории штата, которые до этого изучались очень слабо. Широко проводился также сбор песенного и музыкального фольклора в различных районах штата.

Росла известность Общества, оно завоевывало широкое признание. Правительство Индии предложило ему в 1956—57 гг. провести обследование племен в штатах Мадхья-Прадеш и Виндхья-Прадеш. В результате проведенной работы были собраны, ценные сведения о жизни четырнадцати племенных групп, живущих как на равнинах, так и в горных и лесных районах этих штатов.

В Обществе работают и артисты, многие из них стали его активными членами. Они не только изучают танцевально-драматическое и музыкально-песенное искусство народов Индии, но и воспроизводят его, широко его популяризируя.

Директор Общества со дня его основания — Д. Л. Самар, бывший ранее одним из учеников прославленного индийского танцора Удай Шанкара. Получив прекрасное образование в области индийского театра, танца и музыки и будучи горячим энтузиастом своего дела, Д. Л. Самар развивает кипучую деятельность, добиваясь максимального расширения активности Общества.

В группу изучения народных танцев были зачислены многие выдающиеся танцоры из различных деревенских трупп, встреченные членами Общества во время их поездок по стране. Члены этой группы не только исполняют народные танцы, но творчески осмысливают и обогащают их, создавая на их основе новые хореографические представления. Особый интерес из числа созданных здесь спектаклей представляют балеты «Чамбал» о строительстве новой плотины и «Индра Пуджа» — о пятилетнем плане Индии. Показывая их в деревнях, члены Общества стремятся к расширению кругозора крестьян и к пробуждению их общественной активности.

Общество все время поддерживает тесный контакт с крестьянами Раджастана, с труппами странствующих артистов и с представителями различных племен. Группы

Рис. 7. Исполнение Гаури. На переднем плане тансор, исполняющий роль бога Шивы

Рис. 8. Раджастханские марионетки (фото Д. Л. Самара)

ремесленников, музыкантов, кукольников, исполнителей народных плясок приходят сюда, чтобы показать свое искусство и научить ему членов Общества.

Мне довелось увидеть исполнение бхилами чрезвычайно интересной народной танцевальной драмы «Гаури», посвященной извечной проблеме борьбы добра и зла. Силы добра в этой драме предстают перед зрителями в лице бога Шивы и его четырех супругов (т. е., вероятно, четырех ипостасей женского начала этого бога), а силы зла —

в лице двух демонов. В танце также принимали участие актер, изображавший жреца бога Шивы, и танцоры, изображавшие людей—приверженцев Шивы. Участниками этой танцевальной драмы могут быть только мужчины, так как считается, что если женщины будут танцевать Гаури, то сразу же умрут. Каждый бхил с детских лет знает как танцевать Гаури. Это не профессиональные танцоры, а просто жители бхильских деревень. По традиции определенные роли «закреплены» за некоторыми из них, и те, например, кто исполняет обычно роли богинь, не стригут волос, чтобы во время танца распустить их по плечам.

Костюмы танцоров комбинируются из элементов обычного повседневного платья, но надетых в необычной манере. Мужчины, танцующие богинь, обматывают, например, распущенным тюрбаном голову и лицо так, чтобы были видны длинные волосы, но не было видно усов. Во время танца, который мне довелось увидеть, на «богинях» были надеты картонные высокие головные уборы вроде тех, которые изображаются на индийских храмовых скульптурах. На лбу у них из полосок серебряной фольги были наклеены трезубцы — символы Шивы, на носах — тоже серебряная фольга. На «демонах» были шапки с тонкими высокими рогами.

Танцор, исполняющий роль бога Шивы, закрывает лицо большой круглой и плоской маской, которая покрыта красной фольгой и оклеена по краям короткими черными волосами (или, возможно, козьей шерстью), образующими какое-то подобие расходящихся лучей.

Вполне возможно, что изначально Шива считался божеством солнца, и, вероятно, именно такая концепция Шивы является одной из наиболее древних в Индии, если не самой древней. Это отражено не только в описанной маске, но и в том, что после победы богинь над демонами все участники драмы двигаются в танце по кругу против часовой стрелки, а Шива танцует один, двигаясь в обратном направлении и обходя их всех как бы по внешней орбите. (Вполне вероятно, что представления бхиллов о Шиве близки тем, которые застали древние арии у местных индийских народов, хотя, конечно, с уверенностью это утверждать нельзя.)

Трудно сказать также, какая символика отражена в образе богинь, сражающихся с демонами, и почему в этом танце не сам бог, а его жены ведут борьбу со злом, в то время как он стоит, наблюдая за ними. Возможно, что в этих образах запечатлелись представления о женщинах-воительницах, оставшиеся в народной памяти. Концепция женщины-воительницы (т. е. богини, убивающей демонов) заняла прочное место в религиозной философии Индии. Вероятно, истоки этой концепции тоже надо искать в глубокой древности, в допатриархальном обществе Индии. В брахманской философии эта концепция переплелась со многими более поздними учениями, тогда как в драматическом и танцевальном искусстве племен она сохраняет, по-видимому, свой первоначальный или близкий к первоначальному вид.

Драма Гаури исполняется в начале августа в целях, как мне разъяснили, получения хорошего урожая. Партия танцоров исполняет Гаури не в своей деревне, а там, куда выдана замуж какая-нибудь девушка из их деревни. Ее свекор, по обычаю, кормит танцоров во время их пребывания здесь и дает им костюмы.

Участники драмы тщательно готовят себя к ее исполнению. В течение полутора месяцев воздерживаются от употребления алкогольных напитков и от общения с женщинами. Перед началом танцев всю ночь молятся богам, а во все время танцев, т. е. в течение нескольких дней, не снимают своих костюмов на ночь, так как это считается дурным знаком.

Исполнению драмы Гаури бхилы придают очень большое значение, и это еще раз подтверждает, что культ Шивы занимал важное место в добрахманских культах индийских племен.

В Лок-кала Мандал глубоко изучается также искусство кукольного театра Индии. Здесь не только знают и воспроизводят все приемы вождения марионеток, но и изготавливают куклы (рис. 8), чем заняты искусные специалисты. В Раджастхане существует около пяти тысяч кукольников и почти все они в той или иной мере известны деятелям Общества.

Мне показали «казад» — небольшой ящик со многими открывающимися створками, на каждой из которых изображены сцены из жизни богов. Изготовителями кавадов являются члены касты сутхар, а члены касты бхат носят кавады по деревням, показывая их за определенное вознаграждение и рассказывая истории, связанные с этими изображениями. Эта каста является хранительницей огромного запаса фольклорных повествований.

Среди интересных вещей в Музее Общества я видела большое полотно, укрепленное на двух бамбуковых жердях, на котором была изображена история жизни Пабу-джи — легендарного героя-святого, боровшегося за жизнь коров. Особые певцы носят такие полотна из одной деревни в другую и на их фоне поют о жизни и подвигах этого героя. Это одна из очень популярных форм народного искусства Раджастхана.

К сожалению, я могла только бегло ознакомиться с работой Общества, но глубоко убеждена, что более детальное изучение его деятельности может принести много пользы каждому специалисту по этнографии Индии.

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН «ГАОШАНЬ» НА О. ТАЙВАНЬ

Одним из наиболее сложных вопросов изучения этнографии народов Китая вот уже почти столетие продолжает оставаться этногенез «гаошань» — обитателей горной зоны и восточного побережья о-ва Тайвань.

Несмотря на то, что с начала XX в. различным темам этнографии и истории гаошань посвящено множество японских, немецких, английских, американских, русских и советских исследований, до сих пор отсутствуют даже самые общие описания каждого из племен по типовой комплексной программе. Материалы эти позволили бы хотя бы приближенно судить об этнической близости или различиях между племенами «гаошань», родстве или случайном соседстве племен. Полевое этнографическое изучение гаошань более пятидесяти лет было в значительной мере затруднено тем, что о-в Тайвань — эта исконно китайская земля — был после японо-китайской войны 1894-1895 гг. включен Японией в ее колониальные владения. Теперь изучение гаошань еще более затруднено, так как о-в Тайвань захвачен американо-чанкайшистскими империалистами. Появляющиеся в западноевропейских и американских научных изданиях статьи о гаошань посвящены главным образом «примитивным верованиям» их отдельных племен (тайял, бунун). Проблемам идеологии гаошань посвящены, как правило, и работы японских исследователей. Большое значение имеют работы китайских ученых-лингвистов Ло Чан-пэя, Фу Мао-Цзи, Лю Чжэн-яня и др. Пользуясь опросными данными и материалами фонетических записей от представителей племен гаошань, китайские ученые предварительно высказали мнение о значительных языковых различиях между племенами гаошань и об отсутствии «гаошаньского» этнического единства. С их материалами согласуются и указания китайских этнографов (Ян Чэн-цзи и др.) о различных (трех или даже четырех) путях переселения тайваньских «горцев» на остров и о длительных передвижениях их в его пределах. Опросные данные, полученные автором этих строк в 1957 г. от двух представителей племени амэй, показывают, что и само коренное население о-ва Тайвань не только не признает этнического единства «гаошань», но и не считает правомерным применение самого термина «жители высоких гор» (гао шань жэнь), особенно амэй, которые, строго говоря, не являются горцами, так как живут на равнинах плоскогорья. Используя пока этот термин, мы даем его в кавычках.

Тем больший интерес представил для нас доклад д-ра Эрика Канеко, прочитанный им на заседании 12-го ежегодного собрания Общества японских этнологов и антропологов¹.

Доклад Э. Канеко базируется на его личных полевых материалах. Кроме того, он имел возможность не только использовать различные работы японских исследователей, но и учесть материалы их неопубликованных полевых дневников (например, Мабучи Тоичи). Э. Канеко, как и других японских и западноевропейских исследователей, интересуют верования гаошань; однако, в отличие от них, для Э. Канеко изучение проявлений их верований в погребальной обрядности служит лишь способом подхода к решению одной из сторон главной задачи — проблемы этногенеза гаошань.

В результате личных опросов и литературных материалов (главным образом трудов Мабучи Тоичи, Ино Ёошинори, Кано Тадао и других японских ученых) автор приходит к весьма интересному выводу: между трупоположением и памятью о путях миграции того или иного народа должна существовать определенная связь. Более того, автор считает, что эта связь прямая и определенная. На материале погребальных обычаев Э. Канеко утверждает, что «горные племена Формозы» (т. е. народ «гаошань», заселяющий зону горных пиков и восточных предгорий о-ва Тайвань), пришедшие на места их нынешнего расселения в различное время, сохранили более или менее четко память об исходных районах их миграции на о. Тайвань и могут почти точно нанести на карту

---

¹ E. Kaneko, Totenausrichtung und Besiedlungsgeschichte bei den Bergstämmen von Formosa, «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», Wien, 1957, № 2. Оттиск немецкого перевода этого доклада получен от д-ра Канеко сотрудником Ин-та этнографии АН СССР С. А. Арутюновым и любезно предоставлен нам для ознакомления.

пути расселения их в пределах острова. Эти воспоминания и знания сохраняются благодаря детально разработанному ритуалу погребения. Среди погребальных обычаев наибольший интерес представляет трупоположение. Автор утверждает, что ориентация могил у разных племен гаошань различна, следовательно различно и направление, в котором кладут голову трупа. Кроме того, даже при положении трупа навзничь или ничком у гаошань различна и ориентация лица покойного. Тщательный опрос информаторов и изучение материалов фольклора позволяют, как утверждает автор, установить, что труп кладут головой по направлению к исходному пункту миграции всего «племени», тогда как лицом кладут, в большинстве случаев, к исходному пункту передвижений подразделений племени. Естественно, что на первый взгляд очень частная и не слишком значительная задача, поставленная перед собой автором во время полевых исследований, связана не только с выявлением характера захоронения, но и с тщательнейшим знакомством с родоплеменной структурой гаошань. Приведем в качестве образца сводную запись автора о характере погребения и ориентации трупа у «самого горного» из подразделений гаошань — тайял.

Нансей-бань: души умерших отправляются внутрь определенной горы. У Нансей — бань, по-видимому, имеются определенные представления, связанные с этой горой, но ее наименование полевой исследователь не приводит².

Мелепа: души умерших прибывают вместе с западным ветром из «тускан» (потустороннего мира), который находится на горе Макаубакс, к западу от расселения этой локальной группы. Лицом труп ориентируется к западу.

Селамао: сведения неточные. Потусторонний мир находится в пропасти.

Кияи: души умерших отправляются в Потутс лангао в области (месте расселения) Хокусаи. Этот пункт не мог быть локализован более точно, поскольку жители этого района более его не посещают.

Сэкаояо: потусторонний мир помещается на Западной горе «Бабо тускан».

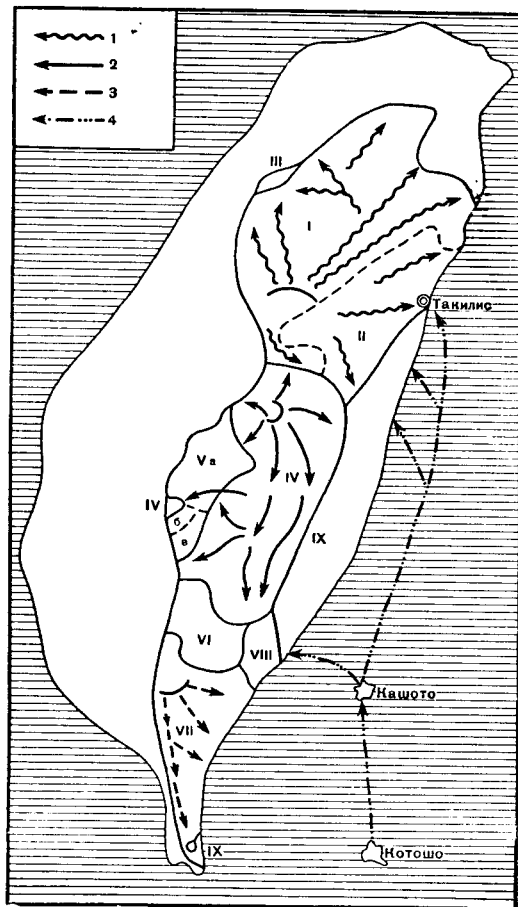
Мебеала: мир душ находится на севере. По Сойяма³, труп кладется головой также на север.

В противоположность этому, Мабучи (неопубликованные полевые записи) сообщает, что трупы мужчин ориентированы на восток, женщин — на запад.

Кейто: местоположение потустороннего мира автором не идентифицировано, но Сойяма⁴ указывает его в направлении японского поста Клап (чтение это вызывает сомнения). Коджима⁵ указывает, что души умерших возвращаются на Пинсуубукань и что путь их туда занимает полдня. Ориентация трупа в погребении: для мужчин на восток, для женщин на запад.

Нано-бань: души умерших отправляются в Пиахауша.

Федерация Келайсан: потусторонний мир находится под землей. По данным авторитетного информатора из Бунсуи (Мабучи, неизданные полевые записи), души умер-

Пути расселения группы гаошань: I — Тайял; II — Седэк; III — Сайсият; IV — Бунун; V а — Цоу, V б — Канаканабу; V — Лахаруна, VI — Рукаи; VII — Пайвань; VIII — Пуюма (Панапанайян); IX — Ами (Амэй); 1. Тайял и Седэк; 2. Бунун; 3. Пайвань; 4. Ами

² Y. S a y a m a, Tayal zoky, 1919, стр. 85.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ Y. K o j i m a, Banzoky Kanshuchōsa hōkokusho, т. 1, 1914, стр. 55.

ших отправляются на гору Ыиякс Мебян (в верхнем течении Дайдаку-суйкой) и оттуда на Пинсуубукань.

Кушаку: души умерших отправляются на запад.

Тайкокань: душа умершего отправляется на запад, на противоположный берег моря. Труп при погребении ориентируют на запад.

Меликоань: куда отправляется душа после смерти неизвестно, но труп ориентирован головой на восток.

Карапай: трупы мужчин ориентированы на восток, женщин — на запад.

Пасковарань: страна душ умерших находится в пещере в скале в месте захода солнца. Труп ориентирован головой на запад.

Шакаро: страну душ нельзя локализовать точно.

Гаогань: страна душ лежит за морем на западе.

Бунсуи: души умерших воплощаются вновь.

Хокусаи: так же.

Буйон: душа после смерти отправляется на запад и там перевоплощается. Трупы ориентируются на восток.

Миексо: души усопших отправляются на гору Папак Вака: труп ориентирован головой на восток.

Суро: души умерших идут на запад, труп в погребении ориентируется головой на восток.

Таким образом, перечень способов ориентации погребения и поворота лица захороненных мужчин и женщин только у одной из групп гаошань, если принимать теоретические положения автора, дает основание говорить о сложности формирования гаошань в целом.

Всего, в отличие от большинства как европейских, так и японских и китайских исследователей, которые насчитывают 7—8 групп тайваньских «горцев» (ами, эми, тайял, цоу, бунун, пайвань, пуйюма), Э. Канеко указывает девять основных групп: ами, бунун, тайял, пайвань, пуйюма, седек, сайсиат (в других японских классификациях: сайсэто, вместо эми), рукаи и цоу, состоящих из трех равноправных подгрупп: цоу, канаканабу и лааруа. Всего же он приводит 9 групп — 18 подгрупп — 144 подразделения. Такая дробность этнонимической номенклатуры может показаться утомительной случайному читателю, но зато специализирующимся в области этнографии и истории Восточной или Юго-Восточной Азии невольно при чтении этого списка приходят на ум соответствия с этнонимами народов, прилегающих к Китаю (неотъемлемой частью которого является о. Тайвань) стран. Так, например, в подгруппе Па'ума'умак «племени» рукаи ряд подразделений по наименованию близок к тагалам (Филиппинских островов). Напомним, например, этноним «мака-зая-зая» (ср. название филиппинской большесемейной группы «маг-сай-сай»).

К сожалению, не все у автора достаточно выверено (даже технически). Остается неясным, каким образом можно ориентировать труп головой на юг, а лицом на север в подразделении пайр асунг центральной подгруппы «племени» амэй, которые труп кладут навзничь, а не торчком и не сидя. На карте № 6, приложенной к работе Э. Канеко, два пункта (южнее Сааниван и севернее Тавито) не имеют наименования, тогда как один (западнее Кивит) имеет их два (Орао и Омрипо). Работа Э. Канеко заслуживает внимания и по приведенным в ней материалам, и по самой постановке вопроса, по методике полевой работы. Нам кажется, что весьма интересно было бы проверить выводы Э. Канеко на материале погребального ритуала тех народов СССР, миграции которых хорошо прослежены.

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1961 ГОДА

Сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам полевых этнографических и археологических работ 1961 г., проходила в Москве с 27 марта по 3 апреля 1962 г.

Проблемы этнографической науки были представлены на сессии 6 докладами на пленарных заседаниях, 9 докладами на расширенных заседаниях Ученого совета Института этнографии и почти 160 докладами на секциях — славянской этнографии, фольклора и народного искусства, этнографии народов Прибалтики и Поволжья, археологии и этнографии Кавказа, археологии и этнографии Средней Азии и Казахстана, этнографии народов Севера и Сибири, антропологии и этнографии зарубежных стран. В этой работе приняло участие около 400 этнографов, антропологов, фольклористов, искусствоведов, археологов, представлявших научно-исследовательские учреждения и высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда, союзных и автономных республик страны.

При открытии сессии академик-секретарь Отделения исторических наук АН СССР академик Е. М. Жуков подчеркнул, что советская историческая наука стоит перед решением новых задач, выдвинутых XXII съездом КПСС и новой Программой партии, и призвал научных работников поднять общественную значимость и теоретический уровень исследований, как можно шире и смелее ставить и разрабатывать актуальные проблемы, связанные с выявлением основных закономерностей истории, с активной борьбой против различных буржуазных антинаучных концепций.

Сессия показала, что советские этнографы расширяют объем исследований, имеющих практическое значение в строительстве коммунизма в нашей стране, уделяют все большее внимание теоретическому обобщению полученного полевого материала. На общих собраниях сессии и на расширенных заседаниях Ученого совета Института этнографии большинство докладов носило обобщающий характер и касалось основных этнографических проблем. Актуальной была и тематика большинства докладов, выдвинутых и заслушанных на секциях; более половины их было связано с изучением процессов изменения социально-бытового и культурного укладов народов СССР в период развернутого строительства коммунизма. Эти доклады касались прежде всего различных сторон быта рабочих и колхозного крестьянства, особенно их духовного облика, семейного быта, борьбы с религиозными пережитками. Это очень ярко проявилось в работе секции восточнославянской этнографии. Работа секций показала также, что исследования по вопросам этногенеза и этнической истории народов Кавказа, Сибири, Средней Азии, по антропологической тематике и по фольклористике проводятся успешно.

Сессия подтвердила целесообразность и важность обсуждения проблем народного искусства, что впервые получило отражение на прошлогодней сессии, посвященной итогам полевых исследований 1960 г. Активному обсуждению вопросов, связанных с народным искусством и его состоянием в настоящее время, способствовало широкое участие в работе сессии центральных, республиканских и местных музеев (Музея народов СССР, Восточных культур, Гос. исторического музея, музеев Грузии, Латвии, Украины, Эстонии, городов Иркутска, Красноярска, Кызыла, Одессы, Мурманска, Новосибирска, Томска, Улан-Удэ, Якутска и др.). Представители Института художественной промышленности (Москва), Историко-художественного заповедника г. Загорска, Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (Киев), Музея этнографии народов СССР (Ленинград) прочитали ряд интересных докладов и сообщений.

На заседаниях секции зарубежных народов были обсуждены итоги этнографических работ и наблюдений в странах Азии, Африки и Европы, осуществленные сотрудниками не только центральных, но и периферийных научных учреждений Советского Союза. Особо следует отметить участие в работе данной секции представителей институтов Азии и Африки АН СССР.

На пленарном заседании сессии с большим обобщающим докладом «XXII съезд КПСС и задачи этнографической науки» выступил Л. П. Потапов. Докладчик подчеркнул, что задачи, выдвинутые новой программой КПСС перед общественными науками, непосредственно относятся к советской этнографии, являющейся одной из важных дисциплин цикла общественных наук. Отметив широкую практическую работу, проводимую этнографами с момента образования Советского государства, актуализацию научно-исследовательской деятельности в области этнографии, особенно со времени XX съезда КПСС, докладчик остановился на тех проблемах, которые в настоящий момент следует развивать и разрабатывать в первую очередь. Он особо отметил необходимость дальнейшего творческого изучения и обобщения материала по истории социалистического строительства у ранее отсталых народностей нашей страны с тем, чтобы работы советских ученых по этой тематике могли оказать помощь народам Азии и Африки в их борьбе за прогрессивное развитие их стран. Не меньшее значение для советской этнографии имеет дальнейшая разработка коренных вопросов истории первобытного общества и в этой связи — решительная борьба с буржуазной наукой, немало сделавшей для искажения и запутывания проблем первобытности. Далее докладчик остановился на проблемах, отражающих задачи коммунистического строительства в СССР. Он уделил много внимания вопросам современной культуры и быта рабочих и колхозников СССР, живущих в различных географических зонах, проблеме сближения наций и народностей нашей страны, сближения национальных культур народов СССР, осуществляющегося на основе развития их экономической и идейной общности, развития общих коммунистических черт культуры, морали и быта.

Комплексное решение вопросов этнографической науки особенно ярко отразилось в докладе С. П. Толстова «Скифо-сарматская проблема и ее место во всемирно-историческом процессе», прочитанном на пленарном заседании сессии. В своем докладе С. П. Толстов охарактеризовал выдающееся место в древней истории Старого Света скифских (сакских) племен, населявших пространство Центральной Евразии и сыгравших большую роль в политической истории и истории культуры сопредельных стран Восточной и Центральной Европы, Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Докладчик подчеркнул, что разработка этой проблемы, давно занимающей внимание советских ученых, имеет особую значимость в связи с исключительным местом, которое занимают скифо-сарматские племена в истории народов СССР, где лежала основная, наиболее древняя территория Скифии. С. П. Толстов призвал к дальнейшей концентрации сил специалистов разных профилей — археологов, историков, этнографов, антропологов, языковедов, искусствоведов, географов — на решении скифской проблемы, представляющей огромный интерес для мировой исторической науки.

На пленарном заседании сессии был заслушан также теоретически важный доклад Д. А. Ольдерогге «Основные проблемы древней истории Африки». В противовес установившимся в буржуазной историографии взглядам о крайней отсталости народов Африки ко времени колониальной экспансии, в противовес расистским взглядам на историю этих народов, развивавшимся немецкими африканистами, Д. А. Ольдерогге на основе данных новейших исследований археологов, палеоантропологов, географов и ученых других специальностей наметил основные подлинно научные задачи по изучению народов Африки: исследования сложного пути этнического развития африканских народов, истории сложения культуры в области Средиземноморья, в Юго-Восточной и особенно в Тропической Африке.

Отражением творческих связей этнографической науки с географией явился доклад С. И. Брука, В. И. Козлова и М. Г. Левина «О предмете и задачах этногеографии», прочитанный на пленарном заседании сессии. Докладчики дали подробный, хорошо аргументированный перечень основных задач, стоящих на настоящее время перед этнической географией. В числе их докладчики указали на необходимость изучения состава и размещения населения земного шара в этническом аспекте, влияния национального состава населения на особенности хозяйства, культуры и быта, вопросов, связанных с динамикой населения, и т. п. Большое внимание в докладе было уделено вопросам этнической картографии и этнической статистики. В связи с широко проводимыми работами по этническому картографированию задачи, стоящие перед этногеографией, приобретают большую научную и практическую значимость.

Два доклада на пленарных заседаниях сессии были посвящены вопросам антропологической науки. Г. Ф. Дебец прочитал доклад «О физическом развитии и конституциональных типах древних народов СССР». М. М. Герасимов в докладе «Воспроизведение документального портрета Фридриха Шиллера» изложил результаты своей научной командировки по приглашению Немецкой Академии наук (ГДР) в Веймар для определения останков Ф. Шиллера и работы по опознаванию черепа Ф. Шиллера методом восстановления лица по черепу.

На расширенных заседаниях Ученого совета Института этнографии АН СССР было заслушано и обсуждено 9 докладов. Четыре доклада были посвящены вопросам, отражающим проблемы современности. Л. И. Лавров доложил результаты совместных экспедиционных работ Института этнографии АН СССР и Адыгейского научно-исследовательского института, посвященных изучению изменений в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти. К наступающему 40-летию Адыгейской автономной республики коллектив авторов подготавливает труд, в котором широко показывается изменения в материальной и духовной культуре адыгейского и русского на-

селения, подчеркиваются наиболее характерные моменты, свидетельствующие о том, что национальные культуры сближаются, формы их совершенствуются, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни строящегося коммунистического общества.

В докладе «Формирование населения в Целинном крае Казахской ССР» Я. Р. Винников показал коренные изменения в размещении и комплектовании (в частности в этническом отношении) населения этого края в связи с освоением целинных и залежных земель в последние годы. Проведенное Я. Р. Винниковым исследование освещает практически важный процесс постепенного стирания в условиях коммунистического строительства национальных различий и ликвидации социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней.

В своем коллективном докладе «Формы крестьянских поселений в Прибалтике» И. П. Буткявичус, Л. Н. Терентьева и Н. В. Шлыгина на фоне исторически сложившегося расселения в сельских местностях, которое обуславливалось системой аграрных отношений, складывавшейся с XIII в., показали, как в советское время под влиянием перестройки аграрных порядков возникали новые формы поселений, что повлекло за собой формирование новых черт быта, изживание прежней замкнутости и разобщенности сельского населения, способствовало укреплению дружбы между представителями разных национальностей, живущих в настоящее время в близком соседстве в общих поселках.

В докладе К. В. Чистова «Фольклористика и современность» был поставлен вопрос о месте и задачах фольклористики в решении актуальных проблем коммунистического строительства. К. В. Чистов, охарактеризовав предмет фольклористики как историю массовых форм поэтической культуры народа, подробно остановился на методах фольклорно-экспедиционных исследований, в которых должно сочетаться изучение двух основных сторон этой культуры — современного песенного и прозаического репертуара и поэтического творчества народа.

Итогам работ Чукотского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР был посвящен доклад М. Г. Левина «Новые материалы по древней истории азиатских эскимосов». Докладчик сообщил о результатах раскопок Уэленского и Эквенского могильников на Чукотке, давших особенно интересный материал по древнеэскимосскому искусству.

В своем докладе «Вклад индейцев в культуру народов США» И. А. Золотарева я подчеркнула, что вопрос о вкладе того или иного малого народа Америки в мировую культуру приобретает особое значение при подъеме национального освободительного движения против гнета американского империализма. В докладе было показано, что народы Кубы, Мексики, Гватемалы и других стран Латинской Америки, борющиеся за экономическое и политическое равноправие, черпают силы в традициях вековой борьбы за независимость, и в этой борьбе немалое значение имеет возрождение прогрессивных форм национальной культуры.

С остро направленным против буржуазной идеологии докладом «Фрейдизм в современной американской этнографии» выступила Ю. П. Аверкиева, которая показала возросшую за последние десятилетия в реакционном общественном мнении США популярность различного рода неофрейдистских «школок», пытающихся объяснить политические и экономические интересы целых народов якобы присущими природе человека неизменными психобиологическими свойствами.

В коллективном докладе Е. Н. Студенецкой, Т. А. Крюковой и М. В. Сазоновой «Экспедиционно-собираТЕЛЬСкая работа Государственного Музея этнографии народов СССР и ее перспективы» на фоне всей истории собирательской работы Музея за время существования Советского государства был поставлен вопрос о принципах сбора экспонатов, отвечающих задачам изучения народов СССР на современном этапе их развития. Докладчики указали, что основной задачей в этой работе Музей считает сопоставление современности с прошлым и осуществляет подбор экспонатов таким образом, чтобы они отражали специфику современности в наиболее ярких и характерных для тех или иных народов проявлениях. Выдвинутый на обсуждение вопрос о принципах собирательской работы был развит в выступлениях А. Лутса (Тарту), П. П. Хороших (Иркутск), Л. Н. Терентьевой (Москва).

В заключение работы Ученого Совета Института этнографии Л. Н. Терентьева сообщила о задачах международного реферативного этнографического журнала «Демос», издаваемого в ГДР, и об участии советских этнографов в его издании.

В ходе работы сессии выявилась необходимость дальнейшего всемерного усиления координированных комплексных исследований по теоретическим вопросам современного положения народов СССР, прежде всего по исследованию процессов их сближения, по разработке проблем этнической истории народов, особенно в Сибири и в некоторых республиках Северного Кавказа (Чечено-Ингушетии), по изучению народного искусства и т. д. На сессии была подчеркнута необходимость всемерного развертывания критики реакционных концепций в буржуазной науке, в частности в области расоведения.

Сессия, с удовлетворением отметив расширение этнографических исследований на периферии (в Академиях наук Литвы, Молдавии и Грузии, в филиалах Академии наук СССР — Коми и Казанском) констатировала недостаточную обеспеченность научными кадрами ряда республик, все еще имеющееся отставание в пропаганде этнографических

знаний, что в значительной степени объясняется отсутствием преподавания основ этнографической науки в средней школе, недостаточной постановкой преподавания в ВУЗах, а также неудовлетворительной постановкой дела издания популярных этнографических трудов, использования возможностей радио, кино и лекционной работы.

Сессия призвала все учреждения и научную общественность, работающих в области этнографии и антропологии, активно готовиться к VII Международному конгрессу антропологов и этнографов, который состоится в Москве в 1964 г.

В. А. Александров

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

С 12 по 17 февраля 1962 года в Москве происходило Всесоюзное совещание по вопросам научно-атеистической пропаганды в свете решений XXII съезда КПСС, созванное Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, Обществом по распространению политических и научных знаний РСФСР, Институтом философии, Институтом истории и Институтом этнографии АН СССР.

Основные вопросы совещания были связаны с поставленными XXII съездом КПСС задачами формирования мировоззрения человека коммунистического общества. Необходимо, как сказал на съезде Н. С. Хрущев, создать стройную систему научно-атеистического воспитания трудящихся, систему, которая способствовала бы прекращению распространения религиозных верований, особенно среди детей и подростков.

В программе КПСС борьба с религиозными суевериями и предрассудками рассматривается как составная часть работы по коммунистическому воспитанию трудящихся, как звено в общей борьбе за преодоление пережитков прошлого в сознании людей. Ставится задача: «систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений... Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих»¹. Об обязанности каждого члена коммунистической партии вести антирелигиозную работу записано и в Уставе КПСС.

В течение ряда лет Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний ведет научно-атеистическую пропаганду; в республиках, краях, областях, районах, городах созданы научно-атеистические секции при отделениях Общества, методические советы по пропаганде атеизма. Во многих городах развернули деятельность дома атеиста, научно-атеистическая работа ведется во Дворцах культуры и т. д. Для систематической научно-атеистической работы широко используются радио, кино, научно-популярная и художественная литература.

Совещание должно было конкретизировать новые задачи, поставленные партией перед работниками научно-атеистической пропаганды, а также способствовать широкому обмену опытом работы. Оно выявило неотложные задачи, решение которых необходимо для проведения этой работы в соответствии с новыми требованиями, выдвинутыми партией.

Совещание открыл директор Института философии АН СССР П. Н. Федосеев. С основным докладом выступил председатель Научно-методического совета по пропаганде атеизма при правлении Всесоюзного общества И. П. Цамерян. Докладчик остановился на задачах, выдвинутых XXII съездом КПСС по борьбе с религиозными пережитками. Он подчеркнул, что эта враждебная нам идеология располагает легальной базой, большими материальными средствами, штатом служителей культа; последние теперь приспосабливаются к новой обстановке, применяют более тонкие методы в своей работе, пытаются доказать совместимость науки и религии. Они стараются увеличить число верующих. И. П. Цамерян показал, что научно-атеистическая работа, проводившаяся в течение многих лет, при всех недостатках все же приносит свои плоды: ведет к отходу от религии многих верующих, к сокращению числа религиозных общин. Хотя формы и методы научно-атеистической работы постепенно улучшались, здесь еще имеется много недостатков, общих и частных.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 412.

С большим докладом выступил на совещании заместитель главного редактора журнала «Наука и религия» Ф. Н. Олещук. Он обратил внимание совещания на то, что в настоящее время восстанавливаются ленинские принципы в борьбе с религией. Период культа личности нанес большой ущерб широко развернувшейся по стране в 1920-х — начале 1930-х годов антирелигиозной работе, основывавшейся на ленинских указаниях. Позднее эта работа была по существу свернута и стала оживляться лишь в конце 1950-х годов. XXII съезд КПСС, Программа и Устав КПСС вновь подчеркнули необходимость широкой научно-атеистической работы по всей стране. Докладчик сказал, что для большей эффективности этой работы важно создать стройную, продуманную систему, которая охватила бы самые широкие массы трудящихся нашей страны и позволила бы использовать все «рычаги» воздействия на массы — радио, телевидение, кино, художественную литературу, музыку, живопись, последние достижения всех наук. К сожалению, крупные ученые еще довольно редко занимаются атеистической работой. Печать также используется далеко недостаточно. По существу, сейчас имеется лишь один антирелигиозный журнал («Наука и религия»), который рассчитан на пропагандистов-антирелигиозников. Большую пользу принесло бы издание яркого, красочного, популярного журнала, рассчитанного на верующих. Вместе с тем вопросам научно-атеистической пропаганды должны уделять внимание такие журналы, как «Природа», «Наука и жизнь», газеты и т. д. Для ликвидации параллельных изданий (по всей стране издается много брошюр на антирелигиозные темы, часто дублирующих друг друга), улучшения их качества целесообразно было бы создание издательства «Антирелигиозная литература», которое выпускало бы популярную, научно-популярную и научную литературу по вопросам религии и атеизма, а также переводную литературу по этим вопросам. Большое внимание следует уделить созданию новых безрелигиозных праздников и обрядов; в этом большом деле должны принять активное участие наши профсоюзы. Они должны больше заниматься вопросами украшения быта, заботиться об отдыхе трудящихся и т. д. Для проведения такой работы профсоюзы располагают достаточными средствами. Докладчик высказал мысль о целесообразности создания в системе Академии наук Института по проблемам религии и атеизма на базе имеющихся секторов и отделов в ряде институтов Отделения исторических наук.

Главный редактор журнала «Наука и религия» П. Ф. Колоницкий выступил на Совещании с сообщением о плане работы журнала на 1962 г. Он сказал, что перед журналом стоит задача больше пропагандировать научные достижения и непременно связывать их с вопросами научно-атеистической пропаганды. Существующим ныне разрывом (научные работы и статьи не связаны с научно-атеистической пропагандой) пользуются церковники, доказывая «научность» религии, вкривь и вкось со своих позиций толкуя новые научные открытия, «доказывая», что они лишь подтверждают правоту священного писания. Атеисты должны хорошо изучить новые методы их работы, чтобы быть во всеоружии.

Заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Л. М. Митрохин посвятил свое выступление вопросам атеистического воспитания молодежи. Состоянием церкви в нашей стране по многим причинам интересуются церковники за рубежом. Они оказывают влияние на служителей церкви в нашей стране. Последние начинают обращать большое внимание на молодежь. Их беспокоит, если церковь посещают лишь старики. Замечено, что в некоторых районах церковники и сектанты особенно активно работают среди молодежи, перенимают некоторые методы работы комсомольцев: так, они устраивают вечера для молодежи, помогают семьям военнослужащих и т. д. На комсомольцев возлагается огромная ответственность по проведению воспитательной работы среди молодежи и особенно среди детей церковников и сектантов. Многие организации уже имеют в этой работе положительный опыт.

Очень интересными были выступления с мест. Председатель атеистической секции Красноярского краевого отдела Общества тов. Власова рассказала о двухлетнем опыте индивидуальной работы с верующими.

П. Е. Гаврилов сделал сообщение об опыте работы одесского Дома атеиста при Дворце культуры. Работники этого дома, а также районных и сельских домов атеиста развернули активную деятельность; здесь систематически проводится как индивидуальная работа с верующими, так и массовая работа: на тематических вечерах обсуждаются действия пятидесятников, ставятся атеистические пьесы и кинофильмы, выступают лица, порвавшие с религией. Проводятся дни атеизма: большие группы атеистов выезжают на предприятия, где устраивают беседы в цехах, в колхозы. В результате многие верующие отошли от религии; за четыре года в области, по их просьбе, было закрыто 137 церквей.

Г. В. Воронцов (председатель Методического совета по пропаганде научного атеизма Ленинградского отделения Общества) рассказал об опыте по подготовке квалифицированных кадров атеистов, накопленном в Ленинграде. Здесь был создан Университет атеизма, а во всех районах — школы атеизма, на предприятиях, в жилищных конторах — кружки атеистов. Большую помощь в подготовке кадров оказывает Музей истории религии и атеизма. Докладчик сказал далее, что проделанную работу еще нельзя считать достаточной. В Ленинграде и области ежедневно более полутора тысяч служителей культа распространяют среди населения листовки, клеветают на наш народ, на нашу молодежь, на правительство. Атеистам нужно усилить работу по под-

готовке кадров. Во всех гуманитарных вузах страны студенты должны получать необходимую подготовку и выходить из вузов квалифицированными атеистами.

Многие товарищи, приехавшие с мест, говорили о необходимости создания органов, в обязанность которых входило бы повседневное руководство атеистической пропагандой, о необходимости привлечь художников, композиторов, скульпторов, поэтов и других работников культуры к созданию безрелигиозных праздников и обрядов. Были поставлены и другие важные вопросы.

Х.-М. О. Хашаев из Дагестана сказал, что в районах распространения ислама научно-атеистическая пропаганда ведется недостаточно: наблюдается оживление деятельности духовенства. Х.-М. О. Хашаев предложил проводить систематические локальные совещания работников научно-атеистической пропаганды по определенным религиозным верованиям.

С интересным сообщением выступила на Совещании тов. Усова из Тернополя. Здесь работники научно-атеистической пропаганды широко привлекают к своей работе ученых из Медицинского ин-та. Группы из 7—9 ученых-медиков разных специальностей вместе с работниками кафедры философии систематически выезжают в глубинные села области, где проводят целый день, оказывая населению разностороннюю медицинскую помощь, а вечером в местном клубе они устраивают вечера вопросов и ответов, читают различные лекции, проводят беседы, потребность в которых выявляется в течение дня работы. Эти вечера привлекают обычно не только все население данного села, но и жителей окрестных и отдаленных хуторов.

На совещании выступили также писатели С. Л. Львов и Н. С. Евдокимов, разрабатывающие в своих произведениях антирелигиозную тематику.

Из всех докладов и выступлений выявились основные положительные итоги научно-атеистической работы: в целом по стране за последние годы улучшилась научно-атеистическая пропаганда, более разнообразными стали методы и формы работы, все больше издается атеистической литературы. Об этих успехах свидетельствует сокращение числа религиозных общин, церквей, верующих, все более частыми становятся случаи отхода служителей культов от религии. За последнее время все большее распространение приобретают методы индивидуальной работы с верующими. Однако существует и много недостатков в этой работе. К их числу можно отнести следующие:

1. Отсутствие стройной системы научно-атеистической работы, которая охватила бы все слои населения, в которой принимали бы участие также ученые всех областей науки, писатели, работники искусства.

2. До последнего времени не велась систематическая атеистическая работа в школе: дети получают у нас безрелигиозное, а не атеистическое воспитание.

3. Научно-атеистическая работа направлена главным образом против православия, ислама, сектантства, что закономерно; однако нельзя признать правильным, что атеисты проходят мимо дохристианских и доисламских верований, которые еще сохраняются у коренного населения Сибири, Кавказа, Средней Азии и некоторых других районов страны. В ряде районов еще наблюдается поклонение духам гор, рек, лесов, культ огня, устраиваются медвежьи праздники, своеобразные жертвоприношения духам умерших, в некоторых районах распространен шаманизм. Эти верования, существующие тысячелетия, очень цепко держатся в быту, переходя от старшего поколения к младшему. Большая часть перечисленных верований (кроме шаманства) не связана с деятельностью специальных служителей культа, обряды выполняются стариками, пожилыми мужчинами и женщинами, знающими старые обычаи. Сами по себе эти верования не исчезают, требуется целенаправленная научно-атеистическая работа среди населения.

4. Слабо ведется работа по созданию безрелигиозных праздников и обрядов у разных национальностей на основе их культурных и исторических традиций. Служители религиозных культов не жалеют средств, используя в своих службах музыку, живопись, архитектуру, скульптуру, что в значительной степени способствует привлечению к ним верующих. Нам нужно противопоставить этому красивые безрелигиозные праздники и обряды, стремиться к украшению нашего быта, учреждений культуры и т. д.

5. В настоящее время не организована систематическая подготовка кадров квалифицированных атеистов.

На собрании неоднократно отмечался еще один недостаток научно-атеистической работы, так сформулированный ранее Л. Ильичевым: «Основной порок нашей антирелигиозной пропаганды состоит в том, что она сплошь и рядом ведется шаблонно, бездумно, однобоко и сводится часто только к разоблачению представителей духовенства, не раскрывая вреда религии как антинаучного, реакционного учения»².

В проекте решений Совещания предусматривается:

1. Создание координационного центра атеистической пропаганды. Организация Центрального дома атеиста как базы для научно-атеистической работы.

² Л. Ильичев, Мощный фактор строительства коммунизма, «Коммунист», № 1, 1962, стр. 26.

2. Создание Центрального заочного антирелигиозного института для подготовки квалифицированных кадров.

3. При республиканских, краевых, областных центрах рекомендовать создание трех- и шестимесячных курсов для подготовки атеистов.

4. Рекомендовать создание сектора атеизма при Академии педагогических наук.

5. Рекомендовать увеличить число часов преподавания курса научного атеизма в университетах и педагогических институтах.

6. Организовать совещание по созданию безрелигиозных праздников и обрядов.

7. Организовать выпуск серии лекций по атеизму «Народный университет атеизма на дому».

8. Организовать издание популярного массового атеистического журнала для верующих.

Для участников Совещания крупными учеными были прочитаны лекции о последних достижениях химии, астрономии, биологии и других наук.

На заключительном заседании участники Совещания прослушали сообщение «О состоянии русской православной церкви и других религиозных организаций в СССР».

А. В. Смоляк

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

С 18 по 22 декабря 1961 г. в Ростове-на-Дону проходила конференция, посвященная народному творчеству донского казачества. В конференции приняли участие Ростовский государственный университет, Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), Группа фольклора Института этнографии АН СССР, Ростовское отделение Союза писателей СССР и Ростовское отделение Союза советских композиторов. Было прослушано и обсуждено 28 докладов, по которым развернулись оживленные прения.

Во вступительном слове председатель Оргкомитета М. В. Капустин подчеркнул научное и общественное значение конференции. В первый день были сделаны доклады А. М. Астаховой, В. К. Соколовой и Б. Н. Путиловым.

А. М. Астахова (Ленинград) в докладе «Вопросы изучения донской былины», сопоставляя ее с общерусскими, пришла к выводам, отличным от сделанных ранее В. Ф. Миллером. Анализируя донские былины, он стремился доказать их распад в XVI—XVII вв. и утверждал, что с литературной стороны они не представляют ничего ценного. А. М. Астахова провела в своем докладе мысль, что те особенности донской былины (небольшое количество стихов, хоровое, многоголосное исполнение), которые Миллер считал признаками распада былины, были закономерны в условиях воинской жизни казачества. Многие в донских былинах говорит об их высокой художественной ценности, и их нельзя рассматривать лишь как осколки первоначальных былинных текстов. Это особые песни, самостоятельно возникшие на общей основе с севернорусскими былинами. Таким образом, донская былина — это особый вид эпической песни, который можно назвать лиро-эпической или лирической песней. В докладе был поставлен также вопрос о времени появления эпических песен на Дону, а именно, не были ли принесены эти песни на Дон из среднерусской полосы уже в сложившемся виде. Отвечая на это отрицательно, А. М. Астахова особо подчеркнула, что для правильного решения вопроса важно детальное исследование эпических песен казаков-некрасовцев.

Б. Н. Путилов (Ленинград) прочел доклад «Некоторые общие вопросы исторического изучения казачьего фольклора». Для советской фольклористики, указал он, на первом плане стоит историческое изучение фольклорных жанров.

Любое произведение народного творчества может быть правильно понято только при условии изучения его жанровой специфики в историческом плане, главным образом при помощи текстологического анализа. Трудность этого в применении к фольклору обусловлена тем, что фольклорный материал представляет собой сплав различных эпох, но вместе с тем именно эта особенность фольклора и дает основание для изучения текстов в историческом плане. В настоящее время назрела необходимость выработать научную методику, которая позволила бы конкретно устанавливать отражение в тексте различных эпох.

Переходя непосредственно к казачьему фольклору, докладчик подчеркнул, что его отличительная черта — наличие свободолюбивых мотивов. Именно в среде казаков были сложены песни о казацкой вольнице, которая рисовалась идеалом закрепощенным крестьянам всей России. По мнению Б. Н. Путилова, фольклористы недостаточно оценивают вклад, внесенный казаками именно своими свободолюбивыми песнями в об-

шерусский фольклор. Мало изучен также казачий фольклор того периода, когда казачество начинает играть реакционную роль и все большее место в его репертуаре начинает занимать ура-патриотическая псевдонародная песня. Необходимо выяснить, сказал докладчик, какие из казачьих песен сохранились в настоящее время, а какие — отжили свой век.

В. К. Соколова (Москва) сделала доклад «О некоторых особенностях казачьих исторических песен». Подчеркнув, что казачьи исторические песни — неотъемлемая часть песен общерусских, она указала на их значительное своеобразие, проявляющееся в содержании, отборе и идейном осмыслении описываемых явлений и в художественном оформлении.

Исторической тематике были посвящены также доклады Г. А. Червяченко, Л. С. Шептаева, А. А. Горелова, И. А. Мохирева, Б. Ф. Любченко.

Г. А. Червяченко (Ростов-на-Дону) в докладе «Судьбы исторического эпоса на Дону» аргументировал положение, что у казаков, в силу их особого общественного положения, складывались свои мечты о государственном устройстве. Поэтому, например, у казаков сложилась легенда о том, как царь Иван Грозный пожаловал казакам землю.

Говоря об исторической свободолюбивой поэзии на Дону в XIX в., докладчик высказал мысль, что угасание этой поэзии вызвано не только тем, что казачество становится опорой царизма, но и тем, что в это время на Дону прекращаются массовые антифеодальные движения.

Л. С. Шептаев (Ленинград) в докладе «Донской песенный цикл о Степане Разине», рассматривая художественные особенности и культурно-этническую основу песен разинского цикла, утверждал, что эти песни унаследовали тематику донских песен, связанную с воинским укладом жизни.

А. А. Горелов (Ленинград) в докладе «Донские песни о Ермаке» указал, что эти песни служили своего рода устным манифестом, программой народа, более доходчивой для него, чем манифесты письменные. Докладчик дал текстологический анализ песен.

И. А. Мохирев (Киров) сообщил о новом варианте народной драмы о Ермаке, найденной им в селе Вятские Поляны Кировской области. Донским историческим песням об Азовских походах Петра I посвятил свой доклад Б. Ф. Любченко (Кустанай).

А. В. Позднеев (Москва) в докладе «Особенности донских лирических песен», касаясь социальной основы донских песен, сказал, что фольклористы слишком безоговорочно считают песни созданием крестьянской среды, забывая о среде ремесленнической. Казачество же потому было благоприятной средой для создания песен, что в нем сочеталось владение землей со своеобразным ремеслом — военным.

В. Г. Головачев (Урюпинск) в докладе «Свадебная обрядовая поэзия на Дону» дал описание старинного обряда, который, по его мнению, возник там только в конце XVIII в., и сравнил его с современным. В заключение докладчик говорил о целесообразности создания нового советского свадебного обряда с использованием элементов старого.

По вопросам историографии был сделан доклад Б. М. Добровольского (Ленинград) «Работа А. М. Листопада над донской казачьей песней» и доклад В. П. Самаренко (Астрахань) «Догадин — собиратель песен астраханского казачества».

Б. М. Добровольский говорил о том, что песни в сборниках А. М. Листопада нельзя считать подлинно народными. Собиратель принял систему комбинирования вариаций — сводку вариаций напева, чтобы создать гармоническое целое. Опыт сведения вариантов был применен А. М. Листопадовым и к поэтическому тексту. Причина такого подхода к песням, по мнению Добровольского, заключалась в том, что А. М. Листопадов, который, как и все фольклористы той эпохи, поддерживал теорию умирания фольклора, стремился таким способом спасти донское народное творчество. Он искренне утверждал, что обработанные им песни чисто народные. В заключение Б. М. Добровольский подчеркнул, что пятитомное издание песен Листопада является памятником не только народного творчества Дона, но и редакторской и собирательской работы самого Листопада.

Доклад Б. М. Добровольского вызвал оживленное обсуждение. Выступавшие отмечали, что докладчику удалось правильно определить место работ А. М. Листопада, не умалив его значения как самоотверженного собирателя и талантливого редактора песен. Участники конференции единодушно поддержали предложение П. П. Назаревского (Новочеркасска) об основании музея А. М. Листопада, о присуждении его имени новой музыкальной школе в Ростове и о выпуске сборника, в который вошли бы все работы собирателя.

В. П. Самаренко рассказал о биографии и работе собирателя песен астраханских казаков — А. А. Догадина, имя которого, по замечанию докладчика, было незаслуженно забыто.

Труды А. М. Листопада использовал также в своем докладе «Лексические диалектизмы в письменных памятниках Дона XVI—XVIII вв. и в фольклорных записях А. М. Листопада» А. Н. Качалкин (Москва). Докладчик говорил о единстве диалектных особенностей в письменных памятниках XVII—XVIII вв. и в донских песнях XVIII—XIX вв.

Ряд докладов был посвящен устному творчеству казаков-некрасовцев.

Ф. В. Тумилевич (Ростов-на-Дону) в докладе «Классификация народных песен казаками-некрасовцами» отметил важность разработки классификации народных песен и указал на необходимость учитывать при этом народную классификацию, которая также имеет свою историю. В этом плане он и рассматривает классификацию, которую давали своим песням казаки-некрасовцы. Наблюдения докладчика базируются на исключительно большом материале: за 23 года он записал у некрасовцев 2190 песенных текстов, а композитор Т. И. Сотников сделал 150 музыкальных записей этих песен.

На основе этих записей Т. И. Сотников (Ростов-на-Дону) сделал доклад «Музыка песен казаков-некрасовцев». Установив отсутствие многоголосья у некрасовцев, он связал это с тем, что в XVIII в., когда некрасовцы покинули Дон, там существовало одноголосье. Многоголосье же появилось на Дону, вероятно, позднее. Докладчик polemизирует по этому поводу с Е. В. Гиппиусом, доказывающим, что многоголосье известно на Руси с XIV в.

К. К. Удовкина (Ростов-на-Дону) говорила в своем докладе о языке некрасовцев, в котором до настоящего времени сохранилось много диалектных особенностей, унаследованных ими от далеких предков. Вместе с тем в их языке явно прослеживаются лексические заимствования из языков тех народов, в окружении которых некрасовцы жили.

О художественных особенностях их песен рассказала Л. А. Введенская (Ростов-на-Дону) в докладе «Синтаксические повторы в беседных песнях казаков-некрасовцев».

Н. Д. Комовская (Москва) прочитала доклад на тему «Общность и различие в преданиях об Игнате Некрасове и Кузьме Рошине».

Э. В. Померанцева сообщила о работе болгарских этнографов по фольклору азаков-некрасовцев, отметив, что они приходят к выводам, аналогичным тем, которые сделаны советскими исследователями.

Сделаны были также сообщения о творчестве других групп казачества России, фольклор которых так или иначе связан с фольклором Дона.

В докладе «Казачьи песни в районе Верхнего Дона» Я. И. Гулошников (Воронеж) отметил единство воронежских песен с верхнедонскими казачьими песнями и тесную связь тех и других с общерусскими.

О песнях и преданиях уральских казаков говорилось в докладе В. П. Кругляшовой (Свердловск) «Предания уральских казаков и горнозаводского населения Урала о Емельяне Пугачеве» и в докладе Е. И. Коротина (Уральск) «Образ Дона в донских и уральских песнях».

И. И. Сутягин (Ростов-на-Дону) сделал доклад «Н. А. Добролюбов о казачьей песне». Об использовании донского фольклора в художественной литературе говорила И. Панневиц (Иркутск) в докладе «Донские песни в романе Злобина „Степан Разин“».

Несколько сообщений было посвящено различным жанрам современного народного творчества Дона. А. И. Кретов (Воронеж) сделал доклад «О словарном составе донских частушек», а П. И. Ковешников (Белая Калитва) — «Современные частушки Северного Донца». И. Я. Рокачев (Акса́й) сообщил о народных анекдотах, записанных на Дону.

Для участников конференции было организовано выступление народных казачьих хоров (казачий семейный хор рабочего поселка Константиновского, казачий хор Дома культуры станицы Константиновской и хор казаков-некрасовцев). Репертуар этих хоров составляют песни, которые и сейчас поются на Дону и на Кубани.

На конференции демонстрировался фильм о работе экспедиции студентов Ростовского университета, собиравших под руководством Ф. В. Тумилевича казачий фольклор.

Подводя итоги конференции, Б. Н. Путилов подчеркнул плодотворность ее работы. Он отметил, что на конференции по-новому были поставлены вопросы об общих путях развития донского фольклора, в частности казачьих былин, об изучении современного фольклора.

В решениях конференции была показана необходимость создания в Ростове общественно-научного центра, в задачи которого входили бы координирование научной работы, организация систематических экспедиций для выявления в казачьих районах хоров и отдельных исполнителей и подготовка к изданию сборников песен.

Материалы конференции решено опубликовать в очередном выпуске Трудов Ростовского государственного университета.

С. И. Дмитриева

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В УЛАН-УДЭ

За последние два года на территории Бурятской АССР и Читинской области проводились значительные полевые этнографические исследования силами двух академических учреждений — Бурятским научно-исследовательским институтом, входящим в состав Сибирского отделения АН СССР, и Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Оба эти института снаряжали комплексные экспедиции по изучению хозяйства, культуры, общественного и семейного быта сельского населения Бурятии и Читинской области.

19—21 декабря 1961 г. в Улан-Удэ состоялось Второе этнографическое совещание, которое подвело некоторые итоги двухлетних полевых исследований в Забайкалье.

Первое этнографическое совещание, которое проходило в Улан-Удэ в 1958 г. в связи со 100-летием со дня рождения известного бурятского этнографа, народного учителя и общественного деятеля М. Н. Хангалова, решило систематически проводить в память ученого «хангаловские чтения». Второе этнографическое совещание по существу превратилось в массовые «хангаловские чтения» с привлечением филологов-фольклористов и историков Бурятского педагогического института им. Доржи Банзарова, Иркутского университета, представителей двух Бурятских национальных округов, представителей научной общности Москвы, Новосибирска, Горного Алтая. Среди выступавших в прениях (а их было 23 человека) были искусствоведы, фольклористы, улигерчины (сказители), писатели, журналисты, представители сельской интеллигенции.

Совещание открыл директор Бурятского комплексного научно-исследовательского института О. В. Макеев. Затем было заслушано 16 докладов и 4 сообщения. Задачам этнографического изучения народов Бурятской АССР в свете решений XXII съезда КПСС были посвящены доклад Ц. О. Очирова и И. Е. Тугутова. А. П. Окладников сделал интересный, богато иллюстрированный доклад об исторической этнографии Монголии (по памятникам древнемонгольской культуры на скалах у подножья горы Богдо-Уул).

И. Е. Тугутов выступил с докладом об этнографическом изучении хозяйства, культуры и быта современного бурятского колхозного улуса.

И. А. Манжигеев (Бурятский сельскохозяйственный институт), Р. Е. Пубаев (Бурятский комплексный институт) свои доклады посвятили научно-атеистической теме: причинам существования шаманистских пережитков, а также пережитков ламаизма в быту колхозного крестьянства и способам их преодоления. Доклад И. А. Манжигеева вызвал у этнографов Бурятии особый интерес новизной постановки основных теоретических вопросов, связанных с происхождением шаманизма у бурят. Манжигеев утверждает, что с начала разложения первобытнообщинного строя, когда внутри рода возникла шаманская аристократия, состоявшая из лиц, специализировавшихся на магических обрядах, знахарстве, ворожбе, возникло почитание духа шаманов. Души умерших шаманов, превращенные в различные божества (тэнгрины, хады, онгоны и зайны), вытесняли в сознании верующих обожествление тотемов и других объектов ранних форм религии. Шаманская аристократия жила за счет эксплуатации общества. В дореволюционной Бурятии каждая семья шаманиста 30% своего годового бюджета расходовала на религиозные обряды, в том числе на содержание многочисленных шаманов различных духовных рангов. В ходе социалистического преобразования хозяйства и всего бытового уклада, роста культурного уровня населения подрывались социальные корни шаманства и ламаизма. Однако еще сохранились некоторые религиозно-бытовые традиции и обычаи, унаследованные от прошлого.

После доклада Р. Е. Цубаева о пережитках ламаизма в быту колхозного крестьянства выступили в прениях старые учителя А. А. Убугунов, Ц. Б. Балдано и другие. По словам А. А. Убугунова, некоторые шаманские культы сохраняются в отдаленных бурятских улусах в результате серьезного недостатка в работе сельских активистов — коммунистов, комсомольцев и представителей интеллигенции по воспитанию населения в духе атеизма. Они явно недостаточно ведут борьбу за создание новых, соответствующих социалистическому укладу жизни традиций и обычаев. Поэтому в силу инерции еще столь живучи религиозно-бытовые пережитки, порожденные старыми обычаями и традициями, связанными со свадьбой, рождением ребенка, погребальными и другими обрядами. Борьба за новые торжественные обычаи, украшающие быт народа, за создание новых социалистических традиций — это значит решительно выступать против таких устаревших бытовых традиций, как дорогие дарения на свадьбах и при приезде гостей, при рождении детей, на различных юбилеях, разорительные и обременительные свадебные обряды и т. д.

А. И. Уланов (Бурятский научно-исследовательский институт) сделал доклад на тему «Отражение быта в бурятском эпосе». Он показал на эхиритских вариантах улигеров характерные черты периода распада матриархата у бурят. Унгинский эпос уже отражает господство патриархального отцовского рода, возглавляемого старейшиной-мужчиной.

Были заслушаны доклады Л. Е. Элиасова о традиционной советской народной поэзии «семейских» Забайкалья (русского старожильческого населения), Г. Н. Румянцева о фольклорно-бытовых сюжетах в монгольских и бурятских летописях, ста-

рейшего этнографа Бурятии С. П. Балдаева о музейных экспонатах по этнографии.

Был зачитан доклад М. Г. Воскобойникова (Ленинградский педагогический институт) «Об отражении современной жизни эвенков в их национальном фольклоре».

П. П. Хороших (Иркутский университет), отдавший почти полвека изучению бурятского орнамента, свой доклад посвятил сугубо практическому вопросу — организации коврового производства в Бурятии. Его доклад сопровождался богатой выставкой «Мотивы орнамента на изделиях бурят», включавшей более полусотни зарисовок народного орнамента, различных по тематике и по характеру исполнения. В бурятском орнаменте отразились различные эпохи и воззрения народа, менявшиеся и совершенствовавшиеся в различные исторические периоды.

Доклад П. П. Хороших был заслушан с большим вниманием. Выставку образцов художественного прикладного искусства он подарил Бурятскому комплексному институту.

Участники совещания познакомились с развернутыми тезисами доклада В. И. Элашвили (Тбилисской институт физкультуры), который изучал бурятские спортивные игры.

Остальные доклады были представлены научными сотрудниками Института этнографии им. Миклухо-Маклая. Они в основном построены на материалах Забайкальского отряда Комплексной экспедиции 1959—1961 гг.

Г. С. Маслова в своем докладе обобщила огромный материал по русскому костюму всей Средней и Восточной Сибири: Красноярского края, Иркутской и Читинской областей и Бурятской АССР. Старинная крестьянская одежда послужила ценным источником для изучения вопросов формирования культурно-бытовых особенностей русских в Сибири и их этнических связей. Изучение современной одежды колхозников позволяет проследить те пути, по которым идет перестройка быта деревни. Наиболее старинная одежда старжилово от Енисея до Байкала представляла сложный комплекс, в котором сочетались яркие северновеликорусские черты (кокошник, шушун, шугай, телогрея) и характерные западнорусские и белорусско-украинские элементы (мужская рубаха с поликами, штаны с широким шагом и др.).

Мужская и женская рубахи с «пелериной», сарафан «с лифом» и др. принадлежат ко второму комплексу одежды Приангарья, который сформировался и распространился в Восточной Сибири, по-видимому, в XIX в.

В Забайкалье выделяют два комплекса одежды: сибиряков и бывших старообрядцев («семейских»). Одежда сибиряков Забайкалья сходна со вторым приангарским комплексом. Одежда «семейских» представляет своеобразный вариант русского национального костюма, отличный по ряду деталей от одежды сибиряков и сходный с одеждой двух других старообрядческих групп, поселившихся на Алтае. Наиболее существенным отличием «семейского» комплекса являются женские головные уборы и сарафан прямой (а ранее — косоклинный) в отличие от юбки-сукманки или сарафана с лифом у старожилов Сибири. Комплекс одежды «семейских» крайне сложен, как сложно и само их происхождение. Наряду с бросающейся в глаза яркостью и обилием украшений по образцу южновеликорусских областей в общем облике женской одежды много северновеликорусских черт (головные уборы). На восточносибирской одежде сказались тесные взаимосвязи с местным населением — эвенками, бурятами, якутами и др.

Сближение одежды деревни и современного города — это результат укрепления экономики совхозов и колхозов, дальнейшего культурного подъема деревни. Все большее значение приобретает завод в деревню готовых фабричных изделий (белья, платья, обуви).

Некоторые итоги изучения семьи и семейного быта у русских Забайкалья подвела А. А. Лебедева. Она собрала большой полевой материал в русских бывших старообрядческих («семейских»), казачьих и крестьянских старожиловских семьях сел Большой Куналей и Хонхолой Бурятской АССР, казачьих сел Мангут и Верхний Ульхун Читинской области. Старообрядческая религия раскольников-абакумовцев раньше запрещала семейским обучаться гражданской грамоте, обращаться к врачу, к инаковерующим, фотографироваться, смотреть кино и т. п. В настоящее время среди бывших старообрядцев немало семей, где дети имеют высшее образование. Существенные изменения произошли как в структуре, так и в характере внутренних взаимоотношений русской забайкальской семьи. Большая неразделенная семья в три-четыре поколения численностью более 20 человек была характерна для всех групп русских Забайкалья. Такая форма семьи частично сохранилась до коллективизации. В данное время во всех русских селах Забайкалья единственной формой является малая семья в два поколения и лишь в отдельных случаях осталась традиция сохранения семей в три поколения, при которой родители живут с женатым сыном или замужней дочерью.

Об общественном быте и культуре «семейского» населения рассказала в своем докладе Н. С. Полищук.

С интересным докладом на мало исследованную тему об архитектуре крестьянских построек выступил И. В. Маковецкий (Институт истории искусств Министерства культуры СССР). Он на богатом фактическом материале показал, как русские заимствовали зодчие, используя немногие устойчивые типы крестьянского жилища, создавали бесконечное разнообразие наличников, крылец, ворот. Они удачно находили спо-

собы их художественного обогащения, применяя роспись и резной орнамент. Докладчик на конкретных примерах доказал, что русская народная культура Забайкалья развивалась в тесном взаимодействии с традиционной культурой бурят. Русские крестьяне Забайкалья часто приглашали бурятских мастеров для выполнения живописных и резных работ при возведении своих жилых построек. Резной и живописный бурятский орнамент присутствует на наличниках, ставнях, во внутренней обстановке и бытовом инвентаре русского «семейского» населения. И. В. Маковецкий показал собранию цветной кинофильм, заснятый им во время экспедиции.

После докладов были заслушаны сообщения: Г. И. Охрименко на тему «К вопросу о социалистических преобразованиях в быту «семейских», Р. Ф. Тугутова — «Роль краеведческого музея в пропаганде нового быта», аспирантов: Т. А. Михайлова по шаманизму, К. Д. Басаевой об изучении семейного быта аларских бурят и зачитан реферат аспиранта Ю. Б. Рандалова о культуре и быте рабочих совхозов Бичурского аймака.

Г. Г. Бескодаров (Иркутск) рассказал об этнографической работе учеников М. Н. Хангалова, проживающих в Осинской долине. Среди них он назвал дочь знаменитого этнографа, старую сельскую учительницу, ныне персональную пенсионерку Софью Матвеевну Хангалову. Содержательным было выступление директора Закулейской восьмилетней школы М. Н. Баксаева (Иркутск). Директор Ульдургинской средней школы Еравнинского аймака, известный поэт Ц. Н. Номтоев рассказал о народных играх, которые с давних пор бытуют у бурят. Докладчик внес предложение: в каждом аймаке организовать на общественных началах краеведческий музей.

Преподаватель географии Сутайской восьмилетней школы Б. Ц. Цыренов сообщил, что он, по совету этнографов из Улан-Удэ, ведет в своем Мухоршибирском аймаке систематическое фенологическое наблюдение, которое имеет практическое значение для сельскохозяйственного производства.

А. И. Балдунников (улус Бильчир) рассказал об исторических памятниках, которые требуют охраны со стороны государственных органов. Только в одной Унгинской долине, на родине М. Н. Хангалова, имеется несколько городищ, как следует не изученных в археологическом отношении. Сам А. И. Балдунников 34 года назад, в 1928 г., произвел археологическую раскопку в Хайге, недалеко от реки Обусы, где обнаружил погребение древних насельников края.

Искусствовед А. В. Тумахани в своем выступлении обратил внимание этнографов на необходимость тщательного изучения топонимики и восстановления на географических картах правильных топонимических названий.

Врач Б. Б. Батуев свое выступление посвятил народной медицине. К числу известных средств бурятской народной медицины он относит так называемый «маралий корень» — тонизирующее растение, известное под названием левзеи сафлоровидной. Его обнаружили окинские буряты, живущие в нагорьях Саян. Он теперь освоен нашей советской медицинской промышленностью. Буряты с давних пор знают лекарственную траву ута убээн (эфедру, или хвойник) — род кустарника из типа голосеменных. Теперь и научной медицине стало известно, что эфедрин, алколоид растения эфедры, или кузьмичевой травы, обладает резко выраженным возбуждающим действием на центральную нервную систему. Медики применяли его также при приступах бронхиальной астмы, падении кровяного давления, при глазных болезнях, при насморке. Далее Б. Б. Батуев подробно рассказал о целебных свойствах таких испытанных народных медикаментозных средств, как чага, облепиха, хвойные и цветочные ванны, кабарговая струя (мускус), пантакрин и др., проверенные на практике научной медициной. В бурятской народной медицине большое место занимает своеобразная физиотерапия. Речь идет о народных приемах массажа при невралгии, о барячинах (костоправах и мастерах, выправляющих вывихи, переломы).

Из всех докладов и сообщений, сделанных на совещании, следует, что в жизненном укладе, общественном и семейном быту бурят произошли разительные перемены в связи с улучшением материального положения и повышением культурного уровня. Коммунистическое строительство использует многовековой народный опыт ведения хозяйства и совершенствует его. Рост и развитие общественного хозяйства совхозов и колхозов, внедрение широкой механизации в сельское хозяйство обусловили появление новых приемов и методов, становление нового народного опыта. Этот новый опыт и инициатива передовых людей нашли яркое воплощение в движении бригад коммунистического труда, которое не только преобразует хозяйство, но и переустраивает быт на коммунистических началах.

Ф. А. Кудрявцев (Иркутск) сказал в своем выступлении, что кончился период временного зстоя в этнографическом изучении быта и культуры народов Бурятии и Сибири вообще. Доказательством тому служит плодотворная работа Второго этнографического совещания, которое подвело предварительные итоги полевых этнографических исследований.

И. Е. Тугутов

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

БОРЬБА РЕАКЦИОННЫХ И ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ В СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ США

Напряженная борьба реакционных и прогрессивных сил происходит в современной фолклористике США. За годы холодной войны и разгула маккартизма в США очень активизировались силы идеологической реакции. Они пытаются превратить фолклористику в свое послушное орудие. По откровенному признанию Ричарда Дорсона — редактора «Журнала американского фолклора», апологеты официальной идеологии стремятся использовать фолклор для обоснования идей экономического и политического превосходства США над другими странами. «Америка, страна изобилия, должна без сомнения обладать изобилием своего собственного фолклора», — писал Дорсон. — Теперь в эпоху ее мирового превосходства американцы должны с гордостью раскрыть свое фолклорное наследие... Почему американские юноши постоянно должны читать о греческих, римских и северных богах и мифах? Конечно самая важная нация в мире должна предложить своим детям своих собственных фолклорных героев и мифологию. И писатели принялись исполнять это требование»¹.

С другой стороны, интерес к фолклору в США за последнее десятилетие необычайно возрос в связи с борьбой широких слоев общественности за упрочение мира и демократии. К фолклору как к источнику демократических традиций американской национальной культуры обращаются прогрессивные искусствоведы, литературоведы и писатели. По всей стране возникают народные хоры, появились много талантливых исполнителей и создателей народных песен. С подъемом массового интереса к национальному фолклору и возрождению его лучших традиций растет и укрепляется прогрессивная фолклористика в США.

И по мере развития прогрессивной общественно-научной мысли в стране обостряется борьба между реакционными и прогрессивными силами. В ее ходе буржуазные фолклористы все теснее смыкаются с реакционной философией, социологией, эстетикой и литературоведением. Особенно ясно это выявляется в работах фрейдистов.

Фрейдизм в буржуазной науке США — явление не новое. Психоналитические теории распространялись в американской философии, социологии, эстетике и искусстве еще в 1920—30-е годы. В 50-е годы к фрейдизму вновь обратились как к испытанному философскому оружию, помогающему объяснить социальные противоречия капиталистической действительности биологическими чертами природы человека. Как известно, фрейдизм утверждает, что ведущую роль в жизни людей играет сексуальная энергия — либидо.

Все явления общественного сознания, в том числе и искусство, фрейдисты сводят к сублимациям либидо. Это приводит их к чудовищным по своей абсурдности и реакционности выводам². К какому бы произведению фолклора фрейдист ни обратился (будь то русская народная сказка, африканская легенда или древняя индийская загадка), главное, что старается он выискать в этих произведениях, — это следы сублимации либидо. В работах современных американских фолклористов фрейдизм часто выступает в сочетании с юнгианством — теорией ученика и последователя Фрейда Карела Юнга. Если Фрейд считал, что подсознание находится в угнетенном состоянии из-за общественного табу, не разрешающего свободный выход агрессивным сексуальным импульсам, то Юнг видел в подсознании источник творческой энергии людей и предпочитал говорить не об угнетенном, а о недоразвитом состоянии подсознания. Теория Юнга проложила дорогу многим современным представителям психоанализа, которые пытаются утверждать существование некоего колоссального коллективного

¹ R. Dorson, *American Folklore*, «The University of Chicago Press», 1959, стр. 3—4.

² См.: Л. М. Землянова, О фрейдистском искажении русской литературы в современном американском литературоведении, «Русская литература», 1959, № 2.

подсознания, наполненного архетипами мифов и символов, спонтанно возникающих и кочующих в подсознании индивидуума. Эти архетипы, согласно теории Юнга, составляют основу любого произведения искусства, в том числе и фольклора.

Предпочтение, оказываемое юнгианству, представители американской буржуазной эстетики объясняют тем, что фрейдизм, якобы, в своем «биологизме» отдает дань «материализму», тогда как юнгианство окончательно разрывает связь между искусством и объективной реальностью и переносит искусство целиком в сферы подсознания.

Одним из образцов юнгианско-фрейдистской трактовки фольклора служит книга Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой»³. Для Кэмпбелла мировой фольклор и мифология представляются огромной искаженной проекцией коллективного подсознания, наполненного снами, кошмарами и галлюцинациями. По его утверждению, все многообразие мирового фольклора можно свести к немногочисленным архетипам мифов или мономифов. Каждый миф — это «деперсонализированный сон», а сон — «персонализированный миф». Наиболее распространенным мономифом Кэмпбелл считает мономиф об уходе героя из дома, его чудесных приключениях в чужих краях и возвращении домой. Под этот архетип Кэмпбелл пытается подогнать героев фольклора и литературы, мифологии и религии. Здесь оказываются и Гамлет, и Фауст, и Одиссей, и Прометей, и Брунхильда, и Будда, и принцессы из сказок братьев Гримм, и русские ведьмы и водяные. Все они предстают в неузнаваемо искаженном виде.

Психоаналитические теории полностью отрывают фольклор от той реальной действительности, в которой он возникает и развивается. Сны, галлюцинации и кошмары провозглашаются источником фольклорной фантазии. В качестве примера можно указать на статью Дороти Эгган «Индивидуальное использование мифа о снах». Автор отмечает, что в числе интересных и мало изученных вопросов фольклористики остается вопрос о «соотношении индивидуума и его фольклора»⁴. Бесспорно, проблема соотношения коллективного народного творчества и индивидуального таланта актуальна и важна. Но ее правильное решение невозможно без тщательного исследования исторических условий возникновения, развития и бытования конкретных произведений фольклора, без изучения индивидуального мастерства отдельных сказителей, певцов, рассказчиков. Для решения этой проблемы исследователю необходимо выявить социальные корни данного произведения, его национальную специфику, его образно-художественные и идейные особенности. Но все это совершенно игнорируется сторонниками психоаналитического метода. Д. Эгган переводит вопрос о «соотношении индивидуума и его фольклора» в сферу снов и рассуждает о соотношении индивидуального и коллективного подсознания. По мнению Д. Эгган, между снами и мифами имеется постоянное взаимодействие. Мифы существуют в коллективном подсознании постоянно, и когда они всплывают в индивидуальном подсознании — в снах, — то подвергаются некоторым изменениям в зависимости от личных особенностей, инстинктов (и в первую очередь — сексуальных) этого индивидуума. В снах индивидуум видит реализацию своих угнетенных подсознательных инстинктов. Если ему не хватает на это собственного воображения, то на помощь приходят мифы, всплывающие в снах.

Психоаналитические теории не только игнорируют в фольклорных произведениях их конкретно-образное содержание, их поэтику, их классовый характер, но они лишают их вообще значения произведений искусства. Не случайно в свете юнгианско-фрейдистских идей произведения фольклора чаще всего и рассматриваются не как произведения искусства, а лишь как средства для объяснения патологических явлений в психологии.

* * *

Многие современные американские фольклористы считают себя последователями «антропологической школы» Тейлора, Лэнга и Фрезера. Они посвящают свои работы изучению первобытной мифологии и обрядов. Не будет преувеличением сказать, что среди издаваемых книг и публикуемых в «Журнале американского фольклора» статей наибольший удельный вес падает на работы, рассказывающие об обрядах, мифологии и суевериях, бытующих среди малоразвитых племен Африки, у американских индейцев, или в отсталых сельских местностях США и Европы. Но если сравнить работы современных представителей антропологической школы с работами ее основателей, бросится в глаза существенное различие. Философской основой работ Тейлора и Фрезера был позитивизм. Неправильное понимание объективных законов исторического процесса мешало им дать подлинно научное, материалистическое объяснение богатейшему фактическому материалу по истории мировой культуры, фольклора и мифологии, который они собрали. Но несмотря на эту ограниченность, им было свойственно стремление рассматривать материалы мифологии в определенных исторических рамках и порой им удавалось выяснить истинные социальные корни того или иного явления фольклора.

Современные же представители антропологической школы обнаруживают все

³ J. Campbell, *The Hero with Thousand Faces*, «Meridian Books», New York, 1956.

⁴ D. Eggan, *The Personal Use of Myth in Dreams*, «Journal of American Folklore», 1955, т. 68, № 270, стр. 445.

большее влечение к откровенным субъективно-идеалистическим построениям. Многие из них находятся под влиянием юнгианства. Фольклор они решительно отрывают от породивших его социально-исторических условий и обращаются к нему в основном как к источнику суверенных пережитков и магических заклинаний, связанных либо с сексуальными желаниями, либо с религиозными верованиями.

Некоторые поклонники антропологической школы прямо предлагают дополнить ее психоанализом. С таким предложением, например, выступил Стенли Эдгар Хаймен, известный литературовед и фольклорист. По его мнению, антропологическая школа помогает выяснить генезис фольклора и мифов, а психоанализ необходим для раскрытия их содержания⁵.

Можно назвать много работ, изданных в США только в течение 1958—59 гг., авторы которых рассматривают явления фольклора в традициях современной антропологической школы не как произведения искусства, а исключительно как пережитки (survivals) древних обрядов и религиозных верований⁶.

Нельзя не признать, что в этих работах содержатся ценные фактические материалы, в частности записи интересных образцов фольклора бесписьменных народов. Но анализ и трактовка этих материалов неудовлетворительны. И дело не только в том, что для авторов этих работ произведения фольклора представляют значение не как произведения искусства, а лишь как «пережитки» древних обрядов, культов, религии, магии, но и в том, что и сами эти обряды и «пережитки» рассматриваются в отрыве от конкретных социально-исторических явлений.

* * *

Несомненным авторитетом пользуется в современной буржуазной фольклористике США финская или, как ее здесь называют, историко-географическая школа. Обще-признанный лидер этой школы — Стиф Томпсон, автор известного многоотомного указателя фольклорных мотивов⁷. Недавно Томпсон в сотрудничестве с Йонасом Балысом издал новую книгу «Устные сказания Индии», представляющую собой детальную классификацию мотивов и фольклорных сказаний Индии⁸. В отличие от представителей антропологической школы, Томпсон не сводит фольклор к пережиткам древних обрядов; тем не менее он лишь иным методом выхолащивает идейно-поэтическое содержание фольклора и лишает его значения искусства. По концепции Томпсона мировой фольклор предстает как комплекс абстрактных мотивов и сюжетов, существующих извечно и мигрирующих из страны в страну. Задачу фольклористики Томпсон видит в систематизации и классификации сюжетов, в составлении карт и указателей, отражающих миграцию, диффузию и «аккультурацию» мотивов.

Многочисленные работы современных американских представителей историко-географической школы свидетельствуют о том, что в их методологии, несмотря на различия, есть и существенное сходство с методологией фрейдистско-юнгианских работ. Фактически совпадают цели исследования — реконструкция архетипов мигрирующих мотивов. Разница лишь в том, что юнгианцы отыскивают миграцию архетипов в сферах иррационализма и подсознания, тогда как представители историко-географической школы предпочитают проследить миграцию на широких географических просторах по всему земному шару.

За годы маккартизма и «холодной войны» в американской эстетике получили распространение различные варианты откровенных субъективно-идеалистических теорий. Но по мере оживления прогрессивной общественной мысли в эстетике и литературоведении стал шириться протест против крайностей субъективно-идеалистических построений. В этой обстановке реакционные философы и литературоведы вынуждены были вновь пустить в ход прагматизм — это коварное оружие в борьбе против прогрессивного искусства и материалистической эстетики. Именно прагматизм лег в основу выступлений ревизионистов по вопросам искусства и литературы.

Возросшее влияние прагматизма сказалось и на современной буржуазной фольклористике США. Появился ряд работ, авторы которых, казалось бы, отступают и от методологии историко-географической школы и от фрейдистско-юнгианских теорий и претендуют на создание полноценных исследований по истории возникновения и развития фольклора. Они пытаются возвести вокруг изучаемых фольклорных произведений исторические декорации, связывают их с историческими событиями, именами, датами. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что «историзм» этих работ мнимый и покоится на прагматистском принципе крайней относительности. Этот прин-

⁵ S. F. Hyman, The Ritual View of Myth and the Mythic, «Journal of American Folklore», 1955, т. 68, № 270.

⁶ См., например: R. H. Robbins, The Encyclopedia of Witchcraft and Demonology, New York, 1959; M. Fortes, Oedipus and Job in West African Religion, Cambridge, 1959; M. Herskovits and F. Herskovits, Dahomean narrative, a cross cultural analysis, «Northwestern University African Studies», № 1, Evanstone, 1958, и ряд других.

⁷ S. Thompson, Motif-Index of Folk-literature, т. I—V, Bloomington, 1955—1958.

⁸ S. Thompson and G. Balys, The Oral Tales of India, «Indiana University Publications Folklore Series», № 10, Bloomington, 1958.

нип прагматисты противопоставляют марксистской диалектике. Если марксистская диалектика исходит из признания взаимосвязи объективной, абсолютной и относительной истин, то прагматизм разрывает эту связь. Объективную истину он объявляет несуществующей, отрицает объективные закономерности и возможности их познания. Относительность наших знаний возводится в абсолют, и в этой крайней относительности усматриваются «истинный» «историзм» и «превосходство» над марксистской диалектикой. На деле прагматистский «историзм» оказывается отрицанием объективных законов исторического развития фольклора. Истинный характер прагматистского «историзма» можно продемонстрировать на примере работ Ричарда Дорсона.

Осенью 1959 г. в «Журнале американского фольклора» была опубликована его большая статья «Теория американского фольклора». Приводя в первой части этой статьи обзор различных методов и теорий, существующих в буржуазной фольклористике США, Дорсон высказывает мысль, что всем этим теориям (антропологической, фрейдистской, историко-географической) присуща недооценка значения изучения истории американского национального фольклора. Он призывает своих коллег скоординировать усилия в направлении исторического исследования генезиса и развития фольклора. Но когда во второй части статьи Дорсон переходит к изложению предлагаемых им принципов и задач исторического изучения фольклора, то оказывается, что его «историзм» мнимый.

Дорсон, как и все историки прагматистского направления, отрицает ведущую роль народных масс в истории общества и культуры. Фольклор он связывает не с историей народных масс, не с историей освободительного движения и классовой борьбы как главной силы исторического процесса, а лишь с отдельными историческими событиями и именами. Это ведет к затушевыванию подлинных исторических объективных закономерностей в развитии фольклора и к выпячиванию несущественных и неопределяющих моментов.

В качестве узловых проблем исторического изучения фольклора в США Дорсон выдвигает темы: «колонизация», «освоение Запада», «иммиграция», «индейские резервации и негры», «регионализм» и «массовая культура». Безусловно, эти темы исследователь истории фольклора США не может обойти, но не они сами по себе должны определять цели исторического изучения американского фольклора. Все они должны быть подчинены одной главной проблеме — выяснению объективных закономерностей в истории развития фольклора США, которые тесно связаны с историей всей американской культуры и общества. Если, например, затрагивать проблему фольклора иммиграции, то надо вскрыть конкретные социально-исторические условия, в которых происходит процесс проникновения европейского фольклора в США, надо показать, как неизбежно фольклор, принесенный в США иммигрантами, видоизменялся, отражая новые условия быта, новый образ мышления, новые явления в общественной жизни и в классовой борьбе.

А что предлагает Дорсон? Он говорит лишь о проникновении европейских фольклорных мотивов в фольклор США, о слиянии и видоизменении этих мотивов — то есть фактически предлагает опереться на методологию историко-географической школы. В результате Дорсон приходит к полному отрицанию классового характера фольклора, к искажению его идейного содержания и к проецированию на фольклор реакционных теорий, бытующих в современной буржуазной социологии и философии. Обращаясь, например, к выдвинутой им же самой проблеме негритянского фольклора, он указывает на проникновение мотивов из европейского фольклора в негритянский и пытается доказать, что негритянский народ не имел своего собственного народно-поэтического творчества, что якобы даже «большинство сказок о храбром кролике пришли из Европы, и многие негритянские верования являются чисто британскими»⁹.

И уже явно в угоду официальной идеологии Дорсон предлагает при изучении истории фольклора не забыть «проблему патриотизма и демократии». При этом он конечно имеет в виду не патриотизм народных масс, не подлинно демократические традиции американского фольклора, а идеи фальшивого буржуазного демократизма, направленные на воспевание таких «народных героев», как Генри Форд.

Свои воззрения на задачи исторического изучения фольклора, изложенные в этой статье, Дорсон применил в ряде работ, из которых наиболее показательна его последняя книга «Американский фольклор»¹⁰. Тщетно было бы искать в этой книге освещение истории развития американского фольклора в его органической связи с историей американского народа. Тщетно было бы искать освещения чаяний и устремлений трудящихся масс — фермеров, лесорубов, шахтеров, рабочих разных профессий, которые выражали в фольклоре свои сокровенные думы и чувства. «Историзм» Дорсона ограничивается тем, что он из массы фольклорных произведений выбирает и заключает в историко-хронологические рамки наиболее понравившиеся ему варианты. Принципы отбора субъективны. Что же касается отражения исторической эпохи в исследуемом произведении, то здесь Дорсон также прибегает к весьма субъективным характеристикам. Так, например, говоря о негритянском фольклоре в США, он совершенно не останавливается на произведениях, отразивших протест против рабства, на песнях,

⁹ R. Dorson, A Theory for American Folklore, «Journal of American Folklore», 1959, июль — сентябрь, т. 72, № 285, стр. 209.

¹⁰ R. Dorson, American Folklore, «The University of Chicago Press», 1959.

сказках и духовных стихах, запечатлевших чаяния и ожидания негритянского народа. Конечно, он ни словом не упоминает о современном негритянском фольклоре, отразившем растущий политический протест против расовой дискриминации. Зато Дорсон заявляет, что якобы после падения рабства негры и стали выражать в своем фольклоре новую свободную личность.

Характерно, что Дорсон в угоду реакционной буржуазной идеологии использует прагматический «историзм» для ниспровержения народных георев, воспетых в фольклоре США. В главе «Галерея народных героев» он пытается поставить под сомнение фольклорное происхождение такого известного героя, как Поль Баньян.

А когда Дорсон переходит к современному фольклору, то здесь он уже прямо выступает с позиций конформизма. Он ни единым словом не упоминает о рабочем фольклоре, но включает в современный фольклор шутки деловых людей, «связанные с комической гиперболизацией ценностей американского бизнеса»¹¹, неприличные анекдоты (по мнению Дорсона, фольклор всегда связан с неприличиями), студенческие анекдоты, высмеивающие чудачества профессоров, студенческие любовные песни и «пьяные игры», армейские анекдоты о сексе. Получается так, что современный американский фольклор не только не выражает настроения трудящихся масс, не только не связан с общественно-политической борьбой в стране, но и направлен на поддержание атмосферы конформизма и выполняет функции простой развлекательности для довольных и умиротворенных граждан.

Так, прагматический «историзм» Дорсона оборачивается пропагандой идей официальной идеологии. И это вполне закономерное явление для современной буржуазной фольклористики, вступившей в контакт с реакционной философией, эстетикой и социологией. Не случайно и то, что теории и школы, существующие в буржуазной фольклористике США, несмотря на различия, объединяет общая черта — игнорирование фольклора как искусства трудящихся масс народа.

Определяя фольклор, современные американские буржуазные фольклористы подчеркивают, как правило, такие его второстепенные качества, как устность, традиционность, долговечность, или черты, не обязательно присущие фольклору, — бессознательность, примитивизм и т. п. Границы фольклора при этом непомерно расширяются.

По определению Дорсона, «в Соединенных Штатах под фольклором обычно понимают разговорные и песенные традиции»¹². Фольклорист и искусствовед А. Эспиноза считает, что «фольклор состоит из верований, обычаев, суеверий, пословиц, загадок, песен, мифов, легенд, сказаний, обрядовых церемоний, магии, сведений о ведьмах и других проявлений и практики как первобытных и неграмотных людей, так и масс народа в цивилизованном обществе... Фольклор может быть назван прямым и верным выражением памяти «примитивного» человека»¹³.

Еще более широко определяет фольклор известный в США собиратель и издатель фольклора А. Б. Боткин. По словам Боткина, «в чисто устной культуре все является фольклором»¹⁴.

Такого рода определения открывают возможность для фальсификаций и позволяют включать в сферу фольклора все — от мифологии и магии до традиционных рецептов печения пирогов. Политическая подоплека подобных определений фольклора ясна — стремление дискредитировать творческие силы народных масс, с одной стороны, и демагогическое обращение к фольклору для пропаганды реакционных идей в различных сферах идеологии — с другой.

* * *

За минувшее десятилетие вырос и укрепился лагерь прогрессивной фольклористики в США. К нему примыкают исследователи, для которых фольклор — это живое и развивающееся искусство широких трудящихся масс. В США есть немало фольклористов-энтузиастов, которые создают народные хоры, организуют песенные фестивали, выступают с исполнением народных песен в библиотеках, учебных заведениях, кафе, на демонстрациях и митингах. Идейным и организационным центром этой разносторонней деятельности прогрессивных фольклористов США стал журнал «Sing out!» («Пой!»), в 1961 году отменивший десятилетие своего существования.

Главное, что отличает современную прогрессивную фольклористику США от различных реакционных буржуазных теорий, — отношение к фольклору как к искусству народных масс.

Ирвин Силбер, Рассел Эймс, Джон Гринвей, Петер Сигер, Алан Ломакс и другие ведущие прогрессивные фольклористы США в своих исследованиях постоянно подчеркивают классовую природу народного творчества и специфическую черту фольклора как вида искусства — его коллективность. Об этой черте никогда не упоминается в работах буржуазных исследователей, так как признание коллективности неотделимо от признания классовой природы фольклора и его связи с идеологией трудящихся масс народа. Произведения фольклора именно потому и передаются из уст

¹¹ Там же, стр. 248.

¹² Там же, стр. 2.

¹³ «Standard Dictionary of Folklore Mythology and Legend», New York, 1949, т. I, стр. 399.

¹⁴ Там же, стр. 398.

в уста, что выраженные в них идеи близки и понятны широким кругам трудящихся масс.

Подчеркивая коллективный характер народного творчества, Ирвин Силбер (редактор журнала «Sing out!») в одной из своих статей указывал на органическую связь коллективности фольклора с реализмом, жизненностью, актуальностью и демократической направленностью. «Американская народно-песенная традиция отличается, главным образом, своей актуальностью,— писал Силбер.— Певцы— создатели и воссоздатели наших народных песен не чувствуют необходимости сохранять неизменными слова и музыку своих песен. Их подход отличается действенностью. Они поют свои песни для того, чтобы рассказать истории и выразить чувства, которые будут понятны их слушателям, а этими слушателями являются, в конце концов, их непосредственные соседи или семьи»¹⁵. Процесс коллективной обработки песен, по словам Силбера, является для фольклора жизненной основой художественного творчества¹⁶. Коллективный характер фольклора обуславливает, в конечном счете, его глубоко демократическую направленность и актуальность. «Народная песня, изображающая социальную реальность,— пишет Силбер,— отражает наиболее важные чувства и взгляды массы людей и поэтому является обычно наиболее прогрессивным и демократическим выражением своего времени»¹⁷.

Понимание классовой природы фольклора позволяет прогрессивным американским фольклористам дать подлинно научное объяснение генезиса фольклорных произведений, их развития и изменения.

Особенно следует отметить книгу Ирвана Силбера «Песни гражданской войны»¹⁸. Из 10 000 вариантов песен, относящихся к периоду гражданской войны, Силбер отобрал 128 наиболее типичных и полноценных в идейном и художественном отношении. Песни снабжены нотами и подробными комментариями, в которых отмечается не только, где, когда и кем записана песня, но и раскрывается история ее возникновения и бытования. Анализируя историческую основу этих песен, Силбер воссоздает живую картину сложного и противоречивого периода в истории США, показывает важную роль фольклора в политической борьбе, раскрывает значение фольклора как искусства, в котором запечатлены мысли, настроения, убеждения и надежды широких народных масс — решающей силы исторического процесса. Здесь впервые опубликованы варианты песен о Линкольне, Шермане, Брауне, которые в течение долгого времени замалчивались буржуазной наукой. Исследуя песни, созданные в различных социальных слоях, Силбер вскрывает классовую неоднородность фольклора гражданской войны. Хотя многие песни и отражали прогрессивные идеи борьбы против рабства, наряду с ними бытовали и песни, запечатлевшие черты консервативные, присущие идеологии южан. И Силбер показывает, что эти песни искусственно создавались и использовались реакционными силами того времени как пропагандистское средство в борьбе против демократии.

Современные прогрессивные фольклористы США рассматривают фольклор в процессе его развития. Произведения фольклора, передаваясь из уст в уста, шлифуются, наполняются новым содержанием, отвечающим новым историческим условиям. Происходит не просто расщепление и слияние извечно существующих мотивов, а качественное изменение и развитие новых черт, создание новых произведений на основе традиционного наследия. Симптоматично, что в журнале «Sing out!» есть специальный раздел под названием «Фольклорный процесс». В нем систематически публикуются новые песни, либо созданные в результате словесной переработки старых, либо представляющие собой сочетание нового текста с популярной песенной мелодией. Эти песни отличаются на все животрепещущие вопросы в общественно-политической жизни страны. Прогрессивные фольклористы смело бросают вызов буржуазной науке, которая считает неотъемлемой чертой фольклорных произведений анонимность. Чтобы понять особенности современного фольклора, нельзя смотреть на него как на нечто неизменное и упрямо придерживаться только таких критериев, как устность и анонимность, которые были присущи фольклору прошлых эпох и которые в условиях XX века исчезают на наших глазах. Американские фольклористы совершенно правы, когда они указывают на исчезновение старых свойств фольклора и рождение новых. Теперь фольклор часто бытует в письменной форме, и все чаще становятся нам известными имена авторов первоначальных вариантов. Осталась неприкосновенной только его главная черта — коллективность, но коллективность не столько в смысле создания, сколько в смысле бытования и творческой доработки фольклорных произведений.

В журнале «Sing out!» печатаются статьи, восстанавливающие облик талантливых создателей и исполнителей народных песен прошлых эпох и наших дней.

Правдивые портреты лучших представителей современного народного творчества нарисованы в работах Джона Гринвея. Одну из своих статей он посвятил Молли

¹⁵ I. Silber, They are still writing Folksongs, «Sing out!», 1957, т. 7, № 2, стр. 30.

¹⁶ Там же, стр. 31.

¹⁷ Там же, стр. 31.

¹⁸ I. Silber. Songs of the Civil War, New York, 1960.

Джексон — активной участнице забастовочного движения среди шахтеров штата Кентукки, создательнице и исполнительнице народных песен¹⁹.

Целая галерея портретов выдающихся исполнителей народных песен нарисована Гринвеем в его книге «Американские народные песни протеста»²⁰. Специальные главы посвятил он творчеству Ууди Гатри, известного современного народного певца-профессионала, Джо Глезеру, сочетающему свою активную профсоюзную деятельность с песенным творчеством, и Эллы Мэй Уиггинс, чья жизнь и творчество окружены ореолом подлинного героизма. С деятельностью создателя и исполнителя народных песен Гая Кэравана, известного советским слушателям по выступлениям в Москве во время международного юношеского фестиваля в 1957 г., знакомит статья И. Силбера²¹.

Вступив в ряды борцов против расовой дискриминации, Гай Кэраван много раз подвергался опасностям. Он сидел в тюрьме, на его жизнь покушались расисты. Но он продолжает свое важное и благородное дело. «Гай Кэраван, — пишет Силбер, — это поистине феномен в нашем необычном циничном мире 1960 г. Он не считает себя героем, мучеником или крестоносцем. Он сейчас на юге, потому что он должен там быть. Что-то такое, скрытое в его сердце, откликается на происходящие там большие события». Силбер противопоставляет Кэравана тем представителям божественной молодежи, которые подвизаются как «любители» народных песен, но очень далеки от интересов народа и видят в фольклоре лишь «экзотику», украшающую их пустую божественную жизнь.

Тесная связь науки с прогрессивными силами в общественно-политической борьбе, интерес к судьбам народного творчества в связи с освободительным движением народов разных стран, подлинный интернационализм — эти черты резко отличают современную прогрессивную фольклористику от буржуазной науки.

В журнале «Sing out!» регулярно освещаются материалы фольклора разных стран, отражающие борьбу трудящихся против социальной несправедливости и политической реакции.

Особое внимание уделяется изучению революционных традиций американского рабочего класса, нашедших свое выражение в рабочем фольклоре, который, как правило, либо игнорируется, либо фальсифицируется в работах буржуазных исследователей. Из книг, раскрывающих наследие рабочего фольклора, отметим упомянутую книгу Джона Гринвея «Американские народные песни протеста», в которой анализируются песни ткачей и горняков, рожденные в забастовках и фиксирующие важнейшие моменты в истории рабочего движения в США. В книге Гринвея раскрывается связь рабочего фольклора с политической борьбой американского пролетариата, утверждается важная роль народных песен в общественно-политической жизни страны. И если буржуазные фольклористы, упоминая рабочие песни, считают их случайным, нехудожественным элементом в фольклоре, не достойным быть частью фольклорного наследия нации, то Гринвей, Силбер и другие прогрессивные фольклористы подчеркивают значение рабочего фольклора как неотъемлемой и важной части современного народного творчества и национального культурного наследия.

Воссоздавая историю рабочего фольклора, публикуя песни протеста, которые сознательно замалчиваются в буржуазной науке, неустанно укрепляя связи с живыми носителями и создателями фольклорного искусства, прогрессивные фольклористы США ведут непримиримую борьбу с реакционными силами. Формы борьбы против реакционных сил в фольклористике разнообразны — от рецензий на работы реакционных фольклористов до пародийных песен, высмеивающих фрейдизм и другие реакционные направления. Такая гибкость обеспечивает эффективность борьбы, помогает вовлечь в нее большое число участников, укрепляет связи фольклористов с массами.

Современная прогрессивная фольклористика США развивается в трудных условиях. Нелегко преодолеть закостенелые традиции буржуазной науки, влияние буржуазной идеологии, цензурные рогатки. Но на стороне прогрессивной фольклористики — сами создатели и исполнители фольклорных произведений, сам народ, а это лучший залог успешного развития науки о народном творчестве.

Л. Землянова

¹⁹ «Sing out!», 1960—1961, т. 10, № 4.

²⁰ J. Greenway, *American Folksongs of Protest*, New York, 1953.

²¹ I. Silber, *He sings for integration*, «Sing out!», 1960, т. 10, № 2, стр. 5.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«ЖУРНАЛ СИАМСКОГО ОБЩЕСТВА» (1904—1958 гг.)¹

В 1904 г. в Бангкоке было основано Сиамское общество (в дальнейшем будем называть его сокращенно — СО). Оно ставило перед собой следующие задачи: сбор исторических хроник, проведение археологических исследований, изучение исторического прошлого Сиам², его культуры и искусства. Общество планировало также изучение антропологического и этнического состава населения Таиланда и предусматривало составление библиографии литературы по Таиланду.

Общество имеет свой печатный орган «Журнал Сиамского общества» (The Journal of the Siam Society, в дальнейшем сокращенно — JSS). Содержание первых номеров JSS, на страницах которых наряду с исследованиями в области истории, языка и т. п. помещались статьи о природе и климате Таиланда, отражает стремление СО к всестороннему изучению страны. В 1914 г. члены СО, занимающиеся естественными науками, создали секцию естествознания и начали издавать журнал «Natural History», являющийся приложением к JSS.

Уже в 1906 г. Сиамское общество завоевало авторитет среди научных обществ, посвятивших себя изучению Азии. Общество поддерживает оживленные связи с другими научными обществами, получает в обмен на свои печатные издания обширную периодическую литературу и участвует в международных научных конгрессах.

В члены Общества принимаются представители всех национальностей, подданные различных стран. В первые годы в состав Сиамского общества входило больше европейцев, чем сиамцев. Для изменения этого положения в 1938 г. решением общего собрания членов СО был облегчен доступ в его ряды тайландской молодежи — выпускникам Университета Чуалонгкорна, Университета моральных и политических наук и других высших учебных заведений (в течение 5 лет они платят взносы в размере 20% от суммы, вносимой рядовым членом СО). Девиз СО — «Знание порождает дружбу». Эта надпись на тайском языке обрамляет голову слона, помещенную на обложке журнала «The Journal of the Siam Society». Слон служит символом Таиланда, идея девиза: знание является силой, объединяющей тайландцев и иностранных членов СО духом дружбы и сотрудничества.

В 1904 г. Общество состояло из 134 членов, в 1958 г. оно возросло до 618 человек.

Члены Общества делятся на почетных, пожизненных членов-корреспондентов, рядовых членов и соискателей (с 1938 г.).

Структура его такова: патроном Общества является король Таиланда; вице-патроном — один из принцев; возглавляет Общество президент, вместе с вице-президентом входящий в состав Совета СО, избираемого собранием его членов и осуществляющего руководство повседневной работой Общества с помощью трех комитетов: финансового, комитета по связи с заграничными научными обществами и редакционного.

В JSS ежегодно печатается отчет Совета СО о проделанной за год работе, дается также краткая характеристика печатных изданий Общества, приводится финансовый отчет. Бюджет СО основывается на членских взносах, пожертвованиях меценатов, а также на доходах от продажи его публикаций, к которым относится как сам журнал JSS с приложением — «The Journal of the Natural History of Siam», так и издание ряда работ, выполненных членами СО³.

СО сплотило группу виднейших ученых, занимающихся историей, искусством, литературой и этнографией Сиам.

В журнале Общества — JSS — печатаются материалы на сиамском, английском, французском и немецком языках. Это доклады, прочитанные на заседаниях Общества, исследования членов СО, информации о деятельности различных комиссий СО и отчеты Совета Общества. Имеется в журнале критико-библиографический раздел, в котором рецензируются новейшие труды, посвященные Таиланду и соседним с ним странам, а также разделы, знакомящие читателя с новейшими публикациями на тайском языке и с интересными статьями в других журналах. В каждом номере журнала указывается, что Общество не несет ответственности за взгляды авторов публикуемых работ.

В год выходит один том журнала, состоящий из двух, трех или четырех частей, издаваемых отдельно или по две-три части в одном переплете. Журнал содержит

¹ Настоящим обзором не охвачены номера журнала, вышедшие в 1953—1957 гг., а также несколько отдельных номеров предшествующего периода.

² До 1939 г. Таиланд назывался Сиамом.

³ Это следующие работы: «Floral Siamensis Enumeration»; W. Gredner, Cultural and Geographical Observations made in the Tali (Yunnan) Region; R. le May, The Coinage of Siam; J. Burnay et R. Lingat, Lois Siamois, Code 1805; «The Mon Dictionary»; J. Black, The Lofty Sanctuary of Khan Phra Vihar; «The Commemorative Publication issued on the occasion of the Society's 50-th Anniversary»; «Descriptive catalogue of the Stamps of Siam»; E. Seidenfaden, The Thai Peoples. (Перечисленные издания указываются нами в том же виде, что и на обложках номеров JSS, без выходных данных).

богатый иллюстративный материал. В 1954 г. в честь пятидесятилетия Общества был издан юбилейный сборник в двух томах, в который вошли избранные статьи из JSS.

JSS — единственный известный нам журнал, посвященный целиком изучению культуры и истории Таиланда. Совершенно очевидно, что ни один специалист, занимающийся этой страной, не может пройти мимо этого издания.

Обратимся к рассмотрению тех материалов в журнале, которые могут представлять интерес для этнографического изучения Таиланда.

Проблеме палеолита и неолита Таиланда посвящена статья Ф. Саразена «Археологические раскопки в Сиаме» (т. 26, ч. 2, 1933, стр. 171—199), основанная на анализе работ многих западноевропейских авторов, а также на материалах личных археологических исследований автора в пещерах Северного и Южного Таиланда.

Саразен считает, что «сиамская палеолитическая культура носит весьма примитивный характер. Это культура охотников и собирателей, не знакомых с домашними животными и земледелием» (Указ. раб. стр. 194). Вслед за Гейне-Гельдерном и другими исследователями палеолита Юго-Восточной Азии Саразен употребляет термин «палеолит» только для обозначения ступени развития культуры, а не для хронологической периодизации. Палеолит Таиланда Ф. Саразен считает запоздалым и относит его к послеледниковому периоду (стр. 199), а население страны в этот период антропологически — к протомеланезийскому стволу. Культура палеолитического населения Таиланда свидетельствует о связи его с носителями хоабиньской культуры (Саразен отмечает, что палеолитические слои в Таиланде и Малайе незаметно переходят в неолитические).

В рецензии на работу Ф. Вейденрейха о южнокитайском гигантопитеке и яванском мегантропе (JSS, т. 38, ч. 1, 1950, стр. 1—8) датчанин Э. Зейденфаден, один из президентов Общества, разделяет точку зрения автора этой работы, относящего гигантопитека к древнейшим гоминидам, и высказывает предположение о существовании гигантопитека на территории Северного Таиланда.

В советской антропологической литературе принадлежность гигантопитека к гоминидам подвергается сомнению⁴.

В ряде интересных работ, посвященных проблеме заселения Индокитая и в частности Таиланда (JSS, т. 30, ч. 1, 1937; т. 31, ч. 1, 1939, и др.) Э. Зейденфаден называет аборигенами Таиланда пигмеев-семангов, поддерживая «пигмейскую теорию» В. Шмидта. Советские антропологи показали несостоятельность этой теории. Древнейшим в Индокитае, по их мнению, является «протоавстралоидный» волнистоволосый тип, из которого формируется впоследствии грацильный веддоидный тип; элементы его вошли, в частности, в состав сиамцев, бирманцев, мяо, яо и ряда других народов⁵.

Положение Э. Зейденфадена о волне переселения «протомалайцев и индонезийцев» не вызывает возражений, если имеются в виду южномонголоиды, движение которых в южном направлении действительно начинается в период неолита. Антропологический характер описания последовательных волн миграций народов нарушается у Э. Зейденфадена его словами о вторжении таи, вьетнамцев и прочих, так как совершенно очевидно, что «таи» и «вьетнамцы» — это типологизация не по антропологическому, а по этническому признаку.

В статье «Происхождение вьетнамцев» (JSS, т. 46, ч. 1, 1958) Э. Зейденфаден выступает с поддержкой той части известной теории П. Бенедикта, где высказывается мысль о тесной связи предков таи и индонезийцев, что подтверждается анализом групп крови, проведенным доктором Манэфом и Бзосье у различных этнических групп Северного Вьетнама, показывающим близость нынешних таи к индонезийцам. Прародной индонезийцев автор считает Южный Китай. Э. Зейденфаден не соглашается с проф. Одрикурмом, относящим вьетнамцев к аустро-азиатским народам, считая, что вывод этот основан исключительно на данных лингвистики, без учета фактов этнографии и результатов анализа групп крови.

Первая попытка научной классификации народов Таиланда была предпринята Сиамским обществом в 1920 г., когда в различные районы страны были разосланы анкеты для сбора сведений антропологического и этнографического характера об отдельных народах Таиланда.

В JSS опубликованы ответы на анкеты относительно народов янг кало, или белых каренов (т. 16, ч. 1, 1922, стр. 39—45), яо (т. 19, ч. 2, 1925, стр. 83—128) и лу (т. 19, ч. 3, 1925, стр. 159—169). Первая часть анкеты содержит часто очень далекие от научной методики ответы на вопросы о физическом облике, вторая часть анкеты — о самоназвании описываемого народа, даются краткие сведения о его основных занятиях, пище, одежде, общественном устройстве и семейных отношениях, обычаях и верованиях. Фактические данные, содержащиеся в анкетах, не лишены интереса.

В статье, посвященной обзору образцов одежды различных народов Таиланда (JSS, 1937), Э. Зейденфаден делит его современное население на тайскую, индоне-

⁴ См. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1961, стр. 326.

⁵ Там же, стр. 336—338.

зийскую, мон-кхмерскую и тибето-бирманскую группы (по лингвистическому признаку). В тайской группе он выделяет 12 народов (тай-юань, тай-вьен, тай-гао, лао сонг-дам, шань, лу и др.), в мон-кхмерской — 8, тибето-бирманской — 11.

Большой интерес представляют помещенные в JSS публикации о малых народах, населяющих Таиланд, написанные на основании полевых исследований.

О народе лава Таиланда пишут два автора — Пра Петчабунбури (JSS, т. 14, ч. 1, 1921, стр. 19—21) и Е. В. Хатчинсон (JSS, т. 27, ч. 2, 1935, стр. 153—182).

Первый автор указывает, что лава — это самоназвание данной народности, тай называют их «чабун». Его небольшая заметка посвящена только лава провинции Петчабун, где насчитывалось всего 528 человек.

Хатчинсон пишет о лава Северного Таиланда. На основании совпадения 50% из 125 взятых им слов языка лава со словами языка ва он делает заключение о близости лава к народности ва.

Некоторые исследователи рассматривают лава и ва как различные группы одной народности⁶. Хатчинсон считает лава аборигенами Северного Таиланда.

Согласно исторической хронике Камадевивамса, монская принцесса принесла в VII в. н. э. цивилизацию и буддизм в долину верхнего Мелинга, населенную лава. Моны считали лава своими «дикими братьями». Затем между лава и монами установился прочный союз.

Ко времени тайского завоевания Сиам лава были в Северном Сиаме крупной политической силой. В 1281 г. тайский принц Мэнграй изгнал из Харипунджайи последнего монского короля, захватил Лампанг и во главе его поставил лавского вождя.

Хатчинсон не обнаружил лава около Чиенгмая, но традиция указывает на пребывание их здесь в прошлом.

Основные занятия лава — земледелие и кузнечное ремесло (железную руду они добывают сами). Лава соблюдают строгую моногамию. По верованиям лава — анимисты, поклоняются духам «пи», которых считают вопрошением сил природы, совершают им жертвоприношения. Хатчинсон склонен истолковывать запрет охоты на носорогов как пережиток тотемистических воззрений лава. В настоящее время, указывает автор, численность лава неуклонно уменьшается.

В JSS (т. 20, ч. 2, 1926, стр. 41—48) приводится информация о племени кха-тонг-луанг, живущем по склонам возвышенности, отделяющей округи Након Роджасима и Удон от долины Нам Пасак; информация получена Э. Зайденафом от Вергени — первого европейца, побывавшего у представителей этого племени. В 1936—1937 гг. это племя посетил Г. А. Бернацки, посвятивший ему вторую часть своей книги⁷.

Соседние лаосцы зовут представителей этого племени «пи тон луанг», это означает «духи увядающих листьев». Самоназвание племени — кхон-па («люди джунглей»). На своих стойбищах кхон-па устраивают шалаши из листьев, по одному для каждой семьи. Когда листья увядают, они делают новые шалаши. Отсюда и их название. Кхон-па — племя бродячих охотников. Оно делится на 8 родов, возглавляемых вождями. Должность вождя выборная. Основные занятия кхон-па — охота на крупных животных и собирание корней и меда. При распределении добычи соблюдается полное равенство. Оружием служат копья с железными наконечниками.

Семьи у кхон-па, как правило, парные. Это племя принадлежит, по-видимому, к наиболее отсталой в культурном отношении ветви мон-кхмерской группы народов.

Об аборигенах Индокитая — маукенах, язык которых включается в индонезийскую группу малайско-полинезийской семьи языков, пишет в своей статье Г. А. Бернацки (JSS, т. 31, ч. 1, 1939, стр. 17—28). Сямцы называют их «чаонам», бирманцы «селон» или «селунг», малайцы — «оранг-лаут» или «оранг-лоута». Их самоназвание — маукен. В Таиланде, по оценке Креднера (1935 г.)⁸, их проживает всего несколько сот человек. Бернацки описывает приемы рыбной ловли, применяемые маукенами. Живут маукены общинами, в которые объединяются жители 5—10 лодок (все время, за исключением периода муссонных ливней, они живут на воде в лодках).

Известного расиста Бернацки маукены интересуют только как удобный для эксплуатации человеческий материал. Наблюдающееся вымирание маукенов волнует его не столько потому, что это является «непоправимой утратой для науки», но главным образом потому, что оно «приносит серьезный ущерб колониальной экономике». Если автор и поднимает вопрос об улучшении жизненных условий маукенов, предостережении эпидемий, то только потому, что таким путем можно извлечь выгоду из мест, к которым не приспособлен ни один другой народ, и к стати принести некоторую пользу населению, т. е. выполнить условие, которое, по мнению Бернацки, не только морально оправдывает колонизацию, но и обеспечивает ее устойчивость на длительное время (?!).

Одной из народностей кхмерской группы в Таиланде, теряющей свою самобытность и ассимилируемой тай или кхмерами, являются куи. Они живут в Таиланде и Кам-

⁶ См. W. Crenndner, *Siam. Das Land der Tai*, Stuttgart, 1935; Г. Г. Страта нович, Народы мон-кхмерской группы в Бирме, в кн. «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», М., 1959.

⁷ H. A. Bernatzik, *Die Geister der gelben Blätter*, München, 1938, стр. 93—184.

⁸ См. W. Crenndner, Указ раб., таблица между стр. 136 и 137.

бодже. Поль Леви опубликовал в 1943 г. работу о предках этой народности, написанную по материалам раскопок, произведенных им в районе Млу Прей в северной Камбодже. Э. Зейденфаден выступает на страницах JSS (т. 39, ч. 2, 1952, стр. 44—90) со статьей, в которой дает оценку выводам П. Леви и приводит данные об этой народности, собранные им во время посещения куй в 1908—1919 гг.

Автор отмечает, что в течение длительного времени идет процесс вытеснения языка куй лаосским⁹ или кхмерским; это в конечном счете может привести к полному исчезновению одного из древних диалектов кхмерского языка. По мнению автора, уже через одно-два поколения в Северном Таиланде может не остаться куйязычной народности.

Район обитания куй в Таиланде ограничен на севере р. Мун, на юге и юго-востоке — горной цепью Дангрек, на западе — Ламчи, провинцией Бурирам и районом Сурин, где население также кхмероязычно.

Кхон-тай зовут куй «соай», что означает «обязанный платить налоги», сами же они называют себя куй (человек). Та часть народности куй, которая изменила свой родной язык на лаосский, стала называться в Таиланде «лаосоай», а на кхмерский язык — «кхмерсоай».

В районах к югу от р. Мун куй живут вместе с тай или с кхмерами. По подсчетам автора, в 1917 г. здесь оставалось не менее 100 000 куй, говоривших на родном языке.

Всего куй, говоривших на родном языке, в 1940-х годах было 118 700 человек, на лаосском и кхмерском — 179 030 человек. В настоящее время число куй, говорящих на своем родном языке, вероятно, уменьшилось. Э. Зейденфаден считает, что куй пришли на Индокитайский полуостров раньше, чем основная масса мон-кхмеров, но затем были оттеснены последними из долины Меконга, с большей части плато Корат. Стремительное продвижение тай в IX—X вв. в южном направлении, завоевание ими в XIV в. всего Северо-Восточного Таиланда сопровождалось культурной и лингвистической ассимиляцией куй.

Куй Таиланда делятся на несколько племен, из них главные — куй май, куй мло, куй е и куй млоа. Они находятся на стадии разложения родового строя. Занимаются куй земледелием, держат скот, славятся как искусные охотники на слонов. Из ремесел у них распространены ткачество, плетение. Едят рис, рыбу, мясо диких животных, что говорит о сравнительной развитости у них охоты. По религии куй буддисты (южной ветви). Автор приводит подробные сведения о местах обитания отдельных племен куй.

По мнению Э. Зейденфадена, куй и поры, населяющие горную область Кардамон, этнически и лингвистически — один и тот же народ (т. е. оба — кхмерской группы).

Порам посвящена статья Ж. Бренга (JSS, т. 2, ч. 1, 1905, стр. 19—48). В ней дается их антропологическая характеристика. В описываемое им время поры еще помнили, что они делились некогда на три племени: салай, ксум и хим. Домá у поров свайные, состоят из двух «комнат» и веранды. Одежда такая же, как у кхмеров. Основные занятия — охота, собирательство, подсечно-огневое земледелие (важнейшая культура — рис).

Рассмотренные статьи о лава, куй, порах и др. представляют определенный интерес для этнографии, поскольку влияние более развитых соседей на эти слабо изученные народы Таиланда может привести в недалеком будущем к полному «растворению» их и потере ими самобытности.

Этнографические материалы в JSS о народах тайской группы в Таиланде немногочисленны и представлены в основном статьями о верованиях и обрядах этих народов.

Перу А. Д. Ирвина принадлежит интересная информация о кхон-тайской (сиамской) демонологии (JSS, т. 4, ч. 2, 1907, стр. 19—34). Автор приводит сиамские наименования всех разновидностей духов и рассказывает об их «добрых делах» и «кознях». К сожалению, Ирвин не идет далее простого описания верований кхон-тай, не пытается вскрыть их социально-экономические корни.

Об обряде, исполняемом при достижении ребенком месячного возраста, мы узнаем из статьи Пья Аниман Роджадона (JSS т. 40, ч. 2, 1952). Тайское название церемонии — «там кван».

Очень интересные сведения об «обряде посвящения», обязательном для исполнителя классического танца, содержатся в работе Д. Юпо (выпущенной в Бангкоке в 1951 г.), краткое изложение которой приводится в разделе «Последние сиамские издания» (JSS, т. 39, ч. 2, 1952, стр. 211). Этот обряд, несомненно, индийского происхождения, проникнут анимистическими представлениями.

Особого внимания заслуживает статья принца Бидьяланкарона «Проведение времени за сочинением стихов и пением в деревнях Сиам» (JSS, т. 20, ч. 2, 1926, стр. 101—127). Автор рассказывает об обычаях, имеющем очень древнее происхождение. В период сбора урожая хозяин приглашает родных и знакомых помочь ему. Они приходят и проводят день как его работники и гости, хозяин кормит и поит их, угощает бетелем и табаком. После работы начинается веселье, сопровождающееся импровизацией песен, танцами, а иногда разыгрыванием сцен на сюжеты из сиамской литературы.

⁹ Имеется в виду язык лаосцев Таиланда.

Судя по описанию, в данном обычае сказывается пережиток первобытнообщинных отношений народа таи. Подобные же обычаи сохранились у таи и других народов Южного Китая и Индокитая (так называемые «танцы под луной»).

Весьма интересное описание похоронных обрядов немногочисленных на территории Таиланда моноов принадлежит Р. Холлидэю (JSS, т. 16, ч. 1, 1922, стр. 28—35).

Некоторые сведения по этнографии населения Таиланда можно почерпнуть из разделов «Заметки и сообщения», «Критика и библиография».

Богато представлены в журнале JSS материалы по истории Таиланда. Это публикация сиамских исторических документов с комментариями (JSS, т. 11, ч. 2, 1914—1915; т. 13, ч. 3, 1919); исследование надписей на стелах (JSS, т. 12, ч. 1, 1918; т. 13, ч. 3, 1919); переводы из бирманских хроник (тт. 5, 8, 11, 12, а также г. 46, ч. 2, 1958); материалы об отношениях Сиам с соседними и европейскими странами, (JSS, т. 11, ч. 1, 1914; т. 20, ч. 1, 1926 и др.); исследования по различным периодам истории Сиам (JSS, т. 1, 1904; т. 5, ч. 3, 1908; т. 5, ч. 4, 1908; т. 14, ч. 1 и т. д.).

Птиугенен в статье «Об источниках по древней истории Сиам» (JSS, т. 2, ч. 1, 1905, стр. 1—13) привлекает внимание читателя к работе французского историка Э. Эймонье о древнем периоде истории Сиам (глава в третьем томе книги «Камбоджа» этого автора). Эймонье дает критический обзор источников по истории Сиам, среди которых он выделяет надписи, хроники и китайские источники. Вопреки сиамским хроникам и общепринятым данным Эймонье относит дату основания города Аюттии не к 1350 г., а к 1460 г. н. э.

Особый интерес представляет работа принца Дамронга Раджанубаба «Сиамская история до основания Аюттии» (JSS, т. 13, ч. 2, 1919, стр. 1—66). В этой статье рассказывается об этапах продвижения таи из Южного Китая на Индокитайский полуостров, о ранних государственных образованиях таи, со ссылками на китайские династические истории.

В статье «Проникновение западной культуры в Сиам» (JSS, т. 20, ч. 2, 1926 стр. 89—100) принц Дамронг Раджанубаб дает оценку «культуртрегерской» роли европейцев в Сиаме. Большой интерес для специалиста представляет ряд статей, посвященных политической истории стран Юго-Восточной Азии.

Весьма богато представлены в журнале материалы по искусству Таиланда. Они проливают свет на духовную культуру самого многочисленного народа Таиланда — кхон-таи. Те или иные произведения искусства могут при соответствующем подходе к ним исследователя превратиться в источник для выяснения отдельных этапов этнической истории народа. Решение такого на первый взгляд узко специального вопроса как датировка появления сиамских печей для обжига глины, может содействовать уточнению времени прихода таи с севера на территорию Сиам.

В 1930-х гг. на страницах журнала разгорелась дискуссия по вопросу о керамике Таиланда и степени ее самобытности. Поводом к этому послужила статья Прайя Након Пра Рамы «Сиамская керамика» (JSS, т. 29, ч. 1, 1937, стр. 13—36). Автор возражает против общепринятого положения, согласно которому керамические изделия в Саванналоке стали впервые изготавливаться с помощью 300—500 китайских гончаров, вывезенных королем Сукотайи Рама Камхенгом из Китая в 1294—1300 гг. По его мнению, начало керамического производства на территории Таиланда должно быть отнесено к VI—VIII вв. н. э.

Точку зрения Прайя Након Пра Рамы подвергает сомнению Р. Ле Мэй (JSS, т. 31, ч. 1, 1939), считающий бесспорным китайское влияние на керамику Калонга и относящий её к середине XIII в.

В прошлом считалось, что живопись в Таиланде сравнительно недавнего происхождения и не заслуживает специального исследования. К произведениям искусства подходили скорее как к историко-культурным памятникам, не вдаваясь в вопросы их стиля, сюжета, эстетической выразительности. Эту ошибку пытается исправить в своей небольшой статье проф. Ферочи (JSS, т. 40, ч. 2, 1952, стр. 147—155). Он полагает, что живопись в виде фресок появляется в Сукотайе — первой столице таи, основанной в 1238 г. Эти фрески представляли собой вырезанные на камне орнаменты, покрытые монохромной темперой; нестойкие к сырости, они быстро разрушались.

Живопись испытывала сильное влияние скульптуры. Первые образцы живописи создавались под большим влиянием индийского искусства, но через некоторое время выработался оригинальный сиамский стиль изображений на камне: овальная форма головы, ритмичность и изящество черт лица, волнистые линии фигур, выразительность рук.

С периода Сукотайи вплоть до XVI в. фреска в Сиаме была монохромной. Композиция фресок однообразна: фигуры сидящих будд, украшенные орнаментами, символизирующими нимб. В конце XVII — начале XVIII в. возникает полихромная живопись, усложняется композиция.

Особо следует отметить статью Рене Никола «Театр теней в Сиаме» (JSS, т. 21, ч. 1, 1928, стр. 37—53). Автор имел возможность ознакомиться на месте с работниками и представлениями тайландского театра теней и с большой коллекцией фигур этого театра в королевском Министерстве развлечений в Бангкоке, являвшемся в известной степени музеем драматического искусства.

Р. Никола указывает, как под влиянием западного искусства изменяются или полностью исчезают многие традиционные жанры искусства Востока. Эта опасность

угрожает в настоящее время, по его мнению, и «Нангу» — театру теней, процветавшему в XIII—XIV вв. н. э. В подтверждение древности его происхождения автор ссылается на два документа: свод церемоний при королевском дворце — 1458 г. и мемуары Нанг Ноламат — наложницы короля Пра Руанга.

Искусство театра теней, по мнению Никола, пришло в Таиланд из Индии через Яву. В репертуаре театра теней — сцены из индийского эпоса «Рамаяна», известного в Таиланде под названием «Рамакиен».

Автор подробно описывает технику изготовления кожаных фигур театра теней. Он указывает на имеющиеся разновидности «нанг» — «нанг-рам» и «нанг-рабам», последняя отличается от первой тематикой представлений. Довольно поздно возник смешанный жанр — перед экраном ставились подмости, на которых танцевали актеры — исполнители главных ролей в спектакле, а второстепенные роли представлялись тенями на экране. По мнению автора статьи, введение живых актеров предназначалось для оживления несколько монотонных представлений театра теней.

Статья принца Дхани Нивата (JSS, т. 40, ч. 2, 1952, стр. 133—145) посвящена другому виду традиционного искусства Таиланда, которому, наряду с театром теней, Р. Никола предсказывает скорое увядание — классическому танцу. В ней подробнейшим образом описан костюм исполнителя роли героя в классической сямской драме.

С мнением Р. Никола о ломке традиционных видов искусства в Таиланде под влиянием европейского искусства мы не можем согласиться. Он явно недооценивает глубокие народные корни искусства Таиланда, а с другой стороны, переоценивает силу и значимость влияния на него Запада.

Много в журнале статей по истории сямских буддийских храмов: Ват Сай, Ват Сакет, Ват Маходату, Ват Паворонивеча и др.

Таиландской нумизматике посвящены статьи В. Гардинг Нидлера (т. 29, ч. 1, 1936, стр. 1—12), У. Гюлера (т. 37, ч. 2, 1949, стр. 124—143) и особенно исследование Р. ле Мэя (т. 25, ч. 1, 1932, стр. 1—78), считающееся одной из лучших из опубликованных в журнале работ и сыгравшее значительную роль в росте популярности JSS.

Есть в журнале несколько статей и заметок об отдельных жанрах тайландской литературы.

Лингвистический раздел журнала представлен рядом статей о латинизации сямской письменности, о происхождении сямского алфавита, исследованиями древнейших письменных памятников на тайском языке, исследованиями в области грамматики, фонетики, этимологии тайского языка, материалами по лексике малых народов Таиланда.

За рассматриваемый период — 54 года — «Журнал Сямского общества» развернул широкую деятельность по изучению Таиланда. Особенно много внимания было уделено историческому прошлому этой страны. Публикация на страницах журнала работ виднейших тайландских и европейских ученых делает его источником ценной научной информации. С сожалением отметим, однако, что «Журнал Сямского общества» стоит в стороне от современности, почти не поднимает актуальных научных проблем. Тем не менее он заслуживает внимания специалистов, так как содержит богатый фактический материал и ряд исследований по археологии, истории, этнографии и искусству Таиланда.

Е. Иванова

НАРОДЫ СССР

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

(М. О. Косвен. *Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы*. М. 1961, 257 стр.)

Автор рассматриваемого труда широко известен как один из крупнейших представителей советской этнографической науки, в течение более 30 лет занимающийся также и кавказоведением.

В советском кавказоведении М. О. Косвен плодотворно продолжает лучшие традиции дореволюционного русского кавказоведения, значительно обогатив тот вклад в этнографию народов Кавказа, который внесли его предшественники и прежде всего М. М. Ковалевский. Исследуя ряд кардинальных проблем истории первобытного общества, М. О. Косвен вслед за М. М. Ковалевским обратил особое внимание на кавказский этнографический материал. Летом 1931 г. М. О. Косвен совершил экспедиционную поездку в Юго-Осетию (Джавское ущелье). Собранный во время этой поездки материал послужил основанием для первой кавказоведческой работы М. О. Косвена — «Из

истории родового строя в Юго-Осетии»¹, которой и открывается рецензируемая книга, представляющая собой в известной мере свод важнейшего из того, что написано автором по кавказоведческой тематике. Хотя часть помещенных в книгу статей по этнографии Кавказа публиковалась раньше (главным образом на страницах журнала «Советская этнография»), однако многие из них подверглись столь значительной переработке, что по существу являются новыми исследованиями, в которых М. О. Косвен развивает и уточняет высказанные им ранее взгляды по ряду сложных и запутанных вопросов. Некоторые из вошедших в данную книгу этнографических очерков публикуются впервые. В книге значительное место уделено истории этнографического изучения Кавказа в отечественной науке. Специальные очерки посвящены декабристам-кавказоведам, а также таким видным представителям дореволюционного кавказоведения, как П. Г. Бутков, Хан-Гирей, М. М. Ковалевский.

Не имея возможности в рамках данной статьи рассмотреть все разнообразное содержание рецензируемой книги, охватывающей большой круг вопросов этнографии, истории и историографии народов Кавказа, мы остановимся лишь на проблеме родового строя, являющейся центральной в кавказоведческих изысканиях М. О. Косвена.

Как известно, Кавказ в дореволюционной русской этнографии обычно трактовался как классическая страна родового строя. Историографические исследования М. О. Косвена, в частности помещенный в рецензируемой книге очерк «Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской историографии» (стр. 209—222), убедительно показывают, что передовые представители русского кавказоведения еще в начале 40-х годов XIX в. (т. е. задолго до того, как Л. Г. Морган выступил со своей теорией рода) обратили внимание на существование родовой организации у народов Кавказа и в общем правильно определили ее социальную сущность и историческое место. Однако в дореволюционных работах не было развернутого описания родового строя у народов Кавказа и допускалась, как правило, чрезвычайная расплывчатость и путаница в терминологии, что еще более затрудняло воссоздание четкой и ясной картины родовых отношений, существовавших в то время на Кавказе. Этого недостатка не избег даже такой выдающийся исследователь, как М. М. Ковалевский, который при описании родовых отношений у кавказских горцев употреблял как синонимы столь разные по существу понятия, как «род», «община», «фамилия», «братство» и т. д.

Подвергая тщательному анализу конкретно-исторические сведения о родовых институтах и отношениях, сохранившихся до недавнего прошлого у различных народов Кавказа, М. О. Косвен приходит к выводу, что арханческий род как реальная социальная единица давно уже перестал существовать у народов Кавказа, в том числе и у большинства горцев Северного Кавказа и Дагестана, на социальных строй которых в дореволюционной этнографической литературе было принято прежде всего ссылаться, когда речь заходила о родовом строе на Кавказе. Существовавшие на Кавказе в прошлом и бывшие в XVIII—XIX вв. предметом наблюдения и описания многих авторов крупные родственные группы, которые чаще всего обозначались термином «фамилия», «никоим образом,— пишет М. О. Косвен,— нельзя отождествлять или сближать с арханческим первобытным родом» (стр. 23). И далее автор указывает: «Не имея... основания видеть в кавказских крупных родственных группах, «фамилиях» арханческие или «классические» роды, мы не можем искать в них те черты и признаки, которые связываются с этой первобытной общественной формой. Остается только в существующем кавказском историко-этнографическом материале искать именно и только пережиточные элементы родовых форм и отношений» (стр. 23—24).

Этот вывод М. О. Косвена имеет чрезвычайно важное значение для правильной характеристики общественных отношений у народов Кавказа в дореволюционный период. Арханзация общественных отношений у горцев Кавказа в XVIII—XIX вв. и даже начале XX в. являлась одним из наиболее распространенных пороков в работах дореволюционных исследователей, долгое время оказывавшим отрицательное влияние и на работы советских историков и этнографов. М. О. Косвену принадлежит немалая заслуга в том, что с этой ошибочной трактовкой пережитков родовых отношений у горских народов Северного Кавказа и Дагестана теперь окончательно покончено.

Отбросив, как несостоятельную, попытку искать на Кавказе род как реальный общественный коллектив в хронологических пределах, освещаемых имеющимися в нашем распоряжении этнографическими материалами, М. О. Косвен вместе с тем подчеркивает, что родовые связи, нормы и институты в различных формах и выражениях стойко сохранялись в быту народов Кавказа до недавнего времени, позволяя таким образом этнографам восстанавливать существенные черты древнего родового строя.

В ряду пережиточных форм родового строя, широко представленных на Кавказе, М. О. Косвен особое внимание уделяет **патронимии**.

Самое понятие патронимии как особой родственной группы, явившейся во многих отношениях наследницей рода и продолжательницей его традиций, было впервые выдвинуто в этнографической науке М. О. Косвеном². Большую роль в выяснении социального содержания патронимии и ее исторического места в развитии древних обще-

¹ Впервые опубликовано в 1936 г. в журнале «Сов. этнография».

² См. М. О. Косвен, Распад родового строя у удмуртов, «Ученые записки Научно-исследовательского Института народов Советского Востока», в. II. М., 1931.

ственных форм и кровнородственных отношений сыграл кавказский этнографический материал³.

Развернутое описание патронимии как группы родственных больших и малых семей, ведущих свое происхождение от общего предка и сохранявших в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство, было дано М. О. Косвеню в 30-х годах в уже названной статье «Из истории родового строя в Юго-Осетии». В последующие годы М. О. Косвен неоднократно возвращался к проблеме патронимии, установив универсальность этой общественной формы, присущей многим народам⁴.

Патронимии в рецензируемой книге посвящен специальный очерк, в котором М. О. Косвен подводит итоги ее изучения на кавказском этнографическом материале. Развивая высказанные им ранее взгляды, М. О. Косвен обращает внимание на то, что на кавказском материале прослеживается процесс разрастания патронимии и отпочкования из старых патронимий новых. Форму более обширной патронимии, включающей в себя несколько патронимий, он предлагает называть патронимией второго порядка.

Как показывает кавказский этнографический материал, патронимии, в том числе и патронимии «второго порядка», входят в состав рода и являются его структурными подразделениями, которые просуществовали значительно дольше как реальные общественные коллективы, чем сам род. Эта черта составляет одну из существенных особенностей патронимии, делающей ее важным объектом этнографического изучения при восстановлении картины древнего родового строя. Именно патронимия, а не давно уже исчезнувший архаический род, сохраняла до самого недавнего времени на Кавказе представление о кровной близости своих членов, об общности их интересов, подкрепляемое территориальным единством этого общественного коллектива. Патронимия отличается замечательной устойчивостью в сохранении своей обособленности и локализованности. «Патронимия на Кавказе», — пишет М. О. Косвен, — в прошлом занимала отдельное селение, иногда большая патронимия жила в нескольких смежных небольших селениях или поселках, наконец, в более позднее время патронимия занимала отдельный квартал в селении» (стр. 35).

Высказанное М. О. Косвеню предположение, что патронимическое селение было, видимо, в прошлом основным видом поселения народов Кавказа, находит яркое подтверждение в многочисленных фактах. В частности, изучая родовой строй в горных районах Юго-Осетии, М. О. Косвен обратил внимание на то, что здесь еще в первой половине XIX в. «однофамильность селений была общим правилом» (стр. 15).

Открытие М. О. Косвеню патронимии как особой родственной группы, занимающей промежуточное положение между родом и большой семьей, уточняет и конкретизирует наш понимание родового строя и родовых отношений. Это научное открытие, сделанное в значительной мере на кавказском этнографическом материале, еще раз показывает, какое важное значение имеет изучение исторической этнографии народов Кавказа для раскрытия конкретного содержания древнейших этапов развития общества.

Замечательным качеством М. О. Косвена как исследователя-кавказоведа является его умение обнаруживать за конкретными явлениями и фактами кавказского быта пережитки глубоко архаических обычаев и институтов, нередко принимающих в результате исторического развития труднораспознаваемые формы. Ярким примером такого проникновения в историческую подоплеку кавказского этнографического материала может служить публикуемая в рецензируемой книге серия очерков под общим названием «Из истории брака и семьи у народов Кавказа». Сюда, в частности, входят очерки, посвященные весьма скрупулезному анализу пережитков дислокальной и переходной от матриархальной к патриархальной форме брачных поселений у различных народов Кавказа, а также исключительно интересные и оригинальные по трактовке материала очерки о кавказском аталычестве и кунацкой.

Проблема генезиса аталычества долгое время после того как ее поднял в 90-х годах прошлого столетия М. М. Ковалевский, оставалась нерешенной. Хотя сделанное М. М. Ковалевским предположение о связи аталычества с порядками матриархата⁵ и указывало путь, по которому следовало идти, выясняя происхождение этого в свое время широко распространенного на Кавказе обычая, однако гипотеза М. М. Ковалевского была высказана в столь общей форме и была столь неудачно аргументирована, что практически почти ничего не давала для конкретного понимания исторических корней кавказского аталычества. К тому же М. М. Ковалевский, архайзируя, по своему обыкновению, быт кавказских горцев, совершенно не учитывал роли феодальных отношений в оформлении аталычества, без чего невозможно было правильно объяснить

³ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 2; его же, Патронимия и проблема структуры рода, сб. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.

⁴ М. О. Косвен, Патронимия, БСЭ, т. 44, 1936; его же, Патронимия у древних германцев, «Известия АН СССР, серия истории и философии», VI, 4, 1949; его же, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище, «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953; 2-е исправленное и дополненное издание, М., 1957.

⁵ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 16; ср. там же, стр. 10.

трансформацию тех древних порядков родового строя, которые послужили истоками для данного обычая.

В 1935 г. М. О. Косвен, привлекая обширный сравнительно-этнографический материал, строго последовательно, по историческим этапам проследил зарождение и развитие того обычая воспитания детей вне отцовской семьи, который в конечном счете предстает перед нами в виде кавказского аталычества. Реконструируя историю аталычества, М. О. Косвен указал, что истоки этого обычая следует искать в эпохе перехода от матриархата к патриархату. Аталычество — это, по определению М. О. Косвена, «весьма своеобразно и специфически превращенный, принявший пережиточные, в значительной мере неузнаваемые, целиком обусловленные феодальными отношениями формы, старый порядок перехода детей в материнский род»⁶.

Предложенное М. О. Косвеном истолкование аталычества получило всеобщее признание и послужило толчком к поискам и разъяснениям аналогичных кавказскому аталычеству институтов за пределами Кавказа⁷. Ныне в опубликованном в данной книге очерке М. О. Косвен заново рассмотрел проблему кавказского аталычества. Основываясь на своей концепции происхождения аталычества, М. О. Косвен, используя выявленные им за последние годы новые данные, более детально рассмотрел различные стороны кавказского аталычества и подверг их глубокому историческому анализу. В результате некоторые отдельные элементы этого сложного этнографического комплекса предстали в своем подлинном историческом смысле как пережитки и осколки архаических порядков, испытывавшие весьма своеобразные превращения в условиях патриархально-феодального быта. Подчеркивая, что аталычество представляет собой в высшей степени сложное историческое явление, материал для истолкования которого остается до сих пор крайне ограниченным и далеко недостаточным, М. О. Косвен предупреждает своих читателей, что поэтому «никак нельзя сказать, что и на данной стадии исследования аталычества порядок этот приведен в полную ясность и что все его элементы и черты освещены и объяснены» (стр. 125).

Отличным образцом проникновения в недоступную до недавнего времени архаическую суть общеизвестных этнографических фактов является очерк М. О. Косвена, посвященный кунацкой. Кто из читателей, даже далеко стоящих от специального изучения этнографии и кавказоведения, не читал и не слышал о кунацкой, которую было принято связывать только с прославленным кавказским гостеприимством. Помещение для гостей, «гостиную» видели в кавказской кунацкой все, кто писал о ней на протяжении по крайней мере последних 250 лет. Именно так и только так она толкуется в общетеографических и специально кавказоведческих работах. Но вот М. О. Косвен, со свойственной ему тщательностью, подверг критическому пересмотру все имеющиеся фактические данные, касающиеся кавказской кунацкой, и обратил внимание на такие ее черты, которые говорят о том, что назначение и использование кунацкой в историческом прошлом было гораздо более сложным, чем это обычно представляется.

В свете этих по-новому осмысленных данных кунацкая в своих наиболее архаичных чертах выступает уже не только как специальное помещение для гостей, а в первую очередь — как особое помещение для мужчин и, в частности, неженатой молодежи. Это дает М. О. Косвену основание сближать кавказскую кунацкую с таким архаическим ее прототипом, как хорошо известные этнографической науке «мужские дома» или «клубы холостяков» (стр. 128—129).

Рецензируемый труд М. О. Косвена, как и все его творчество, проникнуто духом новаторства, неустанным исканием научной истины, стремлением наиболее полно и адекватно познать историческую действительность. Несмотря на то, что многие из исследуемых в книге вопросов были впервые подняты автором более четверти века назад, он снова и снова к ним возвращается и каждый раз привлекает для их освещения новый материал, находит новые стороны и черты в известных уже этнографических явлениях, помогающие вскрыть наиболее глубокую историческую основу этих явлений.

В историографическом очерке, посвященном М. М. Ковалевскому, М. О. Косвен, отмечая, что дореволюционное кавказоведение сравнительно мало пошло по пути Ковалевского (в частности, исследование рода почти совсем не продолжалось), пишет: «Лишь советская школа этнографии смогла поднять этнографическое кавказоведение на новую методологическую и теоретическую высоту, причем именно в советское время ряд тем Ковалевского был вновь поставлен в порядок дня и подвергнут новому исследованию» (стр. 244). Убедительным свидетельством правоты этих слов как раз и является рецензируемый труд М. О. Косвена, показывающий, каких значительных успехов достигло в советскую эпоху кавказоведение.

В. Гарданов

⁶ М. О. Косвен, Аталычество, «Сов. этнография», 1935, № 2, стр. 55.

⁷ Сам М. О. Косвен указал на существование совершенно аналогичного кавказскому аталычеству порядка воспитания детей в Скандинавии и у кельтов Англии. В дальнейшем исторические параллели кавказскому аталычеству были обнаружены и другими исследователями. См. Е. Кагаров, Ф. Энгельс и вопрос о родовой организации древних кельтов, «Историк-марксист», 1940, кн. 6 (82); В. К. Гарданов, «Кормильство» в древней Руси, «Сов. этнография», 1959, № 6; его же, О «кормилище» и «кормилище» краткой редакции «Русской Правды», «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXV, 1960; его же, «Дядьки» древней Руси, «Исторические записки», т. 71. М., 1962.

Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия, т. LVII, М., 1960, 316 стр.

В рецензируемой книге — три основные статьи, посвященные отдельным группам русского народа, расселенным на территории Русской равнины и Приуралья: 1. «Материальная культура русского сельского населения западных областей во второй половине XIX и в начале XX в.» (авторы: О. А. Ганцкая, Л. Н. Чижикина, Н. И. Лебедева); 2. «Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья (XIX — начало XX в.)» (авторы: Г. С. Маслова, Т. В. Станюкович); 3. «Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей, XIX — начало XX в.» (авторы: Н. И. Лебедева, О. А. Ганцкая, А. С. Парникова, В. А. Горелов). В приложении дана статья Н. Яснецкого «Деревянное строительство в Печорском крае».

Выход в свет данного сборника представляет значительный вклад в дело дальнейшего изучения русского народа, его этнической истории. В научный оборот введены новые полевые этнографические и музейные материалы, представляющие большую ценность для исторической науки.

Русский народ численностью около 115 млн. чел. расселен по всей территории нашей страны. В одних районах русские живут компактными массивами, в других впере­мешку с нерусскими народами. За длительный исторический период своего развития отдельные группы русских выработали ряд особенностей в культуре и быте. Изучение этих особенностей важно для познания истории не только русского народа, но и истории многих нерусских народов нашей страны, процесс формирования которых завершился в условиях государственной общности с русскими. Несмотря на значительную литературу, характеризующую быт русского народа в XIX в., имеется ряд областей, русское население которых либо вовсе не изучалось, либо имеющаяся о нем литература может быть использована лишь в качестве подсобного источника (например, книга Н. С. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии», вышедшая в начале XIX в.). Рецензируемая книга в значительной степени восполняет этот пробел. Авторы на основании полевого этнографического материала (собранного в экспедициях 1953—1956 гг. с привлечением имеющейся литературы, архивных документов, музейных коллекций) дают подробную характеристику хозяйства, жилищ и поселений, одежды, пищи и домашней утвари русского населения указанных областей во второй половине XIX — начале XX в. В книге показано, как складывались, развивались и изменялись отдельные элементы материальной культуры в зависимости от изменения социально-экономических условий. Данное исследование имеет особое значение еще и потому, что сейчас в деревне от старого традиционного быта почти ничего не осталось. Изменились планировка жилого помещения, внешний вид сельских поселений и отдельных усадеб. Жизнь нашей деревни меняется с каждым днем. Идет быстрый процесс стирания культурно-бытовых различий между городом и деревней. Это ставит перед этнографами задачу быстрее изучения остатков традиционного быта (чтобы сохранить для истории исчезающие или недавно исчезнувшие бытовые элементы) и необходимости использования полученных материалов для решения вопросов этнической истории народов нашей страны. Эти задачи успешно решены авторами рецензируемой книги. На большом фактическом материале показаны культурно-бытовые и хозяйственные связи русского населения рассматриваемых областей как с рядом живущими нерусскими народами, так и с русскими, живущими в других районах Советского Союза. Это дало возможность объяснить происхождение того или иного бытового элемента, показать его локальные разновидности, выделить в каждой области этнографические районы.

Вторая половина XIX в. — период бурного проникновения капитализма в деревню. Авторы хорошо показали влияние капиталистических отношений на многие стороны быта русской деревни, разрушение старых традиционных форм и появление новых (распад неразделенных семей, развитие отходничества, появление у богатых крестьян усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, изменение планировки и обстановки жилых домов, появление новых видов одежды и т. д.). В статьях приводятся высказывания информаторов — представителей старшего поколения, которые сами ухаживали за заработки, носили дотоканную одежду, обрабатывали землю старинными сельскохозяйственными орудиями, словом, на собственном опыте познали тяжелую жизнь русской дореволюционной деревни. Положительным является то, что в работе даны сведения о современном состоянии рассматриваемых элементов материальной культуры. К сожалению, сведения эти очень кратки, схематичны и не всегда подкреплены статистическими данными (сколько, например, сохранилось сейчас полатей, типов планировок жилищ и усадеб, соломенных покрытий и т. д.). Работа очень хорошо иллюстрирована многочисленными рисунками (художники: Н. А. Юсов, Б. А. Комаров, Н. Яснецкий), фотографиями (фотографы: В. В. Вентцель, Р. П. Беляев), планами отдельных жилищ, хозяйственных построек и усадеб (архитектор З. Н. Кудрявцева).

Остановимся на отдельных работах, входящих в сборник. В статье О. А. Ганцкой, Н. И. Лебедевой, Л. Н. Чижикиной рассматривается материальная культура русского населения Смоленской, Великолукской областей РСФСР, Витебской области БССР и восточной части Латвийской ССР. На этой территории живут русские, белорусы, латыши. Длительные хозяйственно-культурные связи совместно живущих народов оказали определенное влияние на быт русских крестьян. Авторы, подчеркивая общерусскую

специфику всех элементов материальной культуры, показывают и особенности, отличающие быт русского населения исследованной территории от других областей нашей страны. Так, во внутренней планировке жилого дома, технике сооружения отдельных сельскохозяйственных построек, в терминологии проявляется сходство с жилищем белорусов. Об этом же свидетельствует и материал об одежде: бытование еще в недавнем прошлом лаптей-коверзней, рубашки с прямыми поликами, черных обор, поршней, штанов белорусского покроя и др. Характеризуя простейшие сельскохозяйственные орудия, жилища, постройки, народную одежду, авторы показывают их глубокие местные исторические корни, а также влияние новгородской и московской культуры (распространение косоклиных сарафанов, кокошников, типов вышивок, верхней туникообразной одежды, московского типа лаптей и др.). Изложенный в работе материал дал возможность выделить на территории Западного края этнографические районы, каждый из которых обладает рядом локальных особенностей.

В отношении рассмотренной работы наши замечания сводятся к следующему. Говоря о промыслах, следовало бы указать, имели ли они на рассматриваемой территории глубокие исторические корни или получили развитие только во второй половине XIX в. в связи с обезземеливанием основной массы крестьян. На стр. 13 говорится, что развитию отходничества способствовало наличие больших семей, так как из-за малоземелья создавался излишек рабочей силы. Однако этот излишек создавался и в малой семье, что было обусловлено не только малоземельем, но и примитивной сельскохозяйственной техникой, отсутствием агротехнических мероприятий, которые давали бы возможность интенсифицировать крестьянское хозяйство. По подсчетам экономистов, в б. Казанской губ., например, русский крестьянин на ведение своего хозяйства тратил только 25% имеющегося в его распоряжении рабочего времени. Но так как обрабатываемый участок не мог прокормить крестьянскую семью, оставшиеся 75% «свободного» времени расходовались на всевозможные побочные заработки, промыслы. А. Карелин, например, в конце XIX в. писал, что семья в пять человек свободно выделяет в «отход» тронх, а остальные справляются со всеми работами¹.

В разделе «Поселение и жилище» следовало бы дать классификацию поселений. Приводимая характеристика: «Дома обычно вытягиваются в ряд вдоль дороги, иногда же они расположены вдоль ручьев, по балкам и оврагам» не дает представления о преобладающем типе поселений рассматриваемой территории. Ведь трактовая дорога может проходить мимо речек, ручьев, балок и т. д. Хотелось бы знать примерное соотношение для данного района селений, расположенных на водоразделе и в долинах рек и речек. Это интересно с точки зрения влияния природно-географической среды на характер поселений.

В работе приводится много планов жилищ и усадеб, отдельных хозяйственных построек, но нет ни одного плана селения в целом. Воспоминание информатора М. О. Осечкина (стр. 16) о том, что в старину дома стояли разбросанно, можно было бы подкрепить планами деревень того периода, используя для этой цели крупномасштабные планы конца XIX в. (одноверстные или двухверстные карты).

Вызывает некоторое возражение изложение материала об одежде по отдельным административным районам. Нам думается, что лучше было бы дать характеристику одежды русских крестьян всего Западного края, а потом по имеющимся различиям выделить этнографические районы. Возможно, они и не совпали бы с административными границами.

В работе Г. С. Масловой и Т. В. Станюкович дается характеристика поселений и жилищ, одежды, пищи и хозяйственной утвари русского населения Кировской, Пермской, Свердловской областей и восточных районов Татарской АССР. Рассматриваемая территория очень сложна по истории заселения и своему многонациональному составу. Эта сложность нашла свое отражение на многих элементах материальной культуры, что весьма обстоятельно показано в статье. Особенно интересны многочисленные примеры, свидетельствующие о тесных культурно-бытовых связях русских с марийцами, удмуртами, коми, татарами и другими народами. Авторы приводят примеры бытования среди русских крестьян марийской туникообразной рубахи, удмуртского головного убора (вязаного из белых ниток колпака), татарских шапок, ношение обуви с кожаными галошами, малицы, распространение вышивок, как по узорам, так и технике исполнения напоминающих татарские, и т. д. Подобные примеры приводятся и по другим элементам материальной культуры. Авторы на основании изложенного материала делают закономерный вывод о том, что русские Приуралья, будучи северными великороссами, представляют своеобразную их группу.

Разделение рассматриваемой территории (по материалу жилищ) на две крупные области свидетельствует об основных колонизационных путях, по которым шло заселение Приуралья русскими.

В рассматриваемой статье, кроме характеристики сельского населения, дается описание жилищ, одежды, пищи и домашней утвари русского населения заводских поселков и фабричных сел и деревень.

Известно, что формирование рабочего класса на уральских заводах происходило за счет русского населения различных (преимущественно центральных) областей нашей

¹ А. Карелин, Бродячая Русь, журн. «Северный вестник», 1894, № 4, апрель, стр. 1.

страны, а также нерусских народов Поволжья и Приуралья. Развитие экономических связей, частые перемещения заводского населения способствовали выработке общих черт быта, нивелировали бытовые особенности отдельных этнографических групп. Следует иметь в виду и особенности развития уральской промышленности, наложившей своеобразный отпечаток на бытовую уклад рабочего класса.

В работе имеются, на наш взгляд, некоторые неясности. Например, сказано, что «мужская лавка ставится близ переднего угла. На ней мужчины чинят в зимнее время упряжь, сбрую и выполняют другие хозяйственные работы» (стр. 93). Очевидно, следует считать, что мужская лавка служила местом, где в прошлом чинилась упряжь, так как сейчас этим в избе уже никто не занимается, кроме колхозного шорника, да и тот чинит сбрую в специальной мастерской.

Явно устарели приводимые сведения о том, что электричество имеется лишь в пригородных деревнях и городских поселках. На 1 января 1960 г. все совхозы в Татарской АССР, Кировской, Пермской и Свердловской областях были электрифицированы полностью. Электрификация колхозов составляла: в Татарской АССР — 58%, Пермской — 65%, Кировской — 69%, Свердловской — 86%². На стр. 147, говоря о распространении пельменей, указывается, что «русское население многих областей, кроме Урала и Сибири, этого блюда не знало». С этим вряд ли можно согласиться.

Третья крупная работа — О. А. Ганцкой, Н. И. Лебедевой, А. С. Парниковой, В. А. Горелова, посвящена русскому населению Орловской, Липецкой, Курской и Белгородской областей. Это древняя территория расселения славянских племен. В формировании этнического состава этого края приняли участие: древнее местное население, служилые люди Московского государства, вольные сходцы и крепостные крестьяне, переселявшиеся из других мест. Авторы характеризуют хозяйство, поселения и жилище, одежду, пищу и утварь всех социально-экономических и культурно-исторических групп русского населения исследуемых южновеликорусских областей, выявляют общие характерные черты, типичные для всей территории в целом, и вместе с тем указывают на порайонные различия, обусловленные сложной историей заселения края и формирования здесь русского населения. Автор раздела «Одежда» Н. И. Лебедева выделяет три комплекса женской одежды, которые в свою очередь подразделяются на несколько разновидностей. Делаются выводы о происхождении того или иного комплекса. К сожалению, Н. И. Лебедева не применяет картографического метода (как это сделано у Г. С. Масловой) к показу территориального распространения не только комплексов в целом, но и отдельных элементов одежды (поневы, сарафана, кокошника и др.), что уменьшает наглядность восприятия разнообразной традиционной народной одежды и размещения ее на рассматриваемой территории. Это замечание следует сделать и в отношении статьи Н. И. Лебедевой «Этническая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей», являющейся как бы итогом предыдущей работы. Показ размещения отдельных групп русского населения на карте был бы очень желательным и облегчил бы понимание ряда вопросов, связанных с взаимовлиянием русских рассматриваемой территории и других областей нашей страны. В этом одно из больших преимуществ карты перед текстом (даже самым хорошим), которое нельзя недооценивать. Нам кажется, что в работе недостаточно четко показываются изменения, которые комплексы одежды претерпели в конце XIX — начале XX в. Судя по другим районам расселения великороссов, эти изменения в конце XIX в. часто приводили к полной замене одного комплекса другим.

На стр. 193 отмечается три типа внутренней планировки жилища (по размещению печи и переднего угла). Один из них — белорусско-украинский тип. Его распространение среди русского населения объясняется культурным влиянием украинцев. Неясно, давно ли русские восприняли украинскую планировку и почему? Может быть она удобнее, практичнее? В Среднем Поволжье, например, наоборот, переселившиеся украинцы почти повсеместно восприняли центральновеликорусскую планировку, что объясняется ее несомненным преимуществом перед украинской в соответствующих природно-географических условиях.

На стр. 198—199 говорится, что обследованная территория делится на две части: в одной преобладает открытый двор, с разобщенными постройками, в другой — полузакрытый. Неясно, чем вызвано такое разделение — природно-географическими условиями или традицией.

Большую ценность представляют рисунки и фотографии Н. Яснецкого, сделанные им в Псковской области еще до гитлеровской оккупации. Это дало возможность сохранить для истории общий вид сельских жилищ, внутреннюю планировку, основные размеры построек, технику строительства жилых домов и различных хозяйственных сооружений более чем столетней давности, как известно, варварски уничтоженных фашистами в период Великой Отечественной войны.

В целом рецензируемый сборник содержит очень большой, интересный и нужный материал. Собранные в экспедициях и изложенные в рассмотренных работах данные имеют значение не только для составления русского историко-этнографического атласа (для которого, собственно, и были организованы упомянутые экспедиции). Участвующие в экспедиции авторы настоящих работ, крупные специалисты, сделали значительно

² «Народное хозяйство РСФСР в 1959 году. Статистический сборник», М., 1960, стр. 360—361.

больше поставленной перед ними задачи. Изданный труд важен для историков, археологов, лингвистов и ученых других специальностей, занимающихся историей русского народа и его культуры.

Работа имеет несомненное практическое значение. В наше время наряду с быстрым исчезновением старых бытовых форм некоторые элементы национальной культуры (расцветка и орнаментика тканей, отдельные детали жилища, одежды и утвари) в несколько видоизмененном виде продолжают бытовать в новых социально-экономических условиях. Народы нашей страны, строя культуру, социалистическую по содержанию и национальную по форме, заимствуют от старого быта все ценное, что создано в течение длительного исторического развития. Отсюда важность изучения национальной культуры для архитекторов, работников легкой промышленности и всех других, кто своим трудом стремится полнее удовлетворять растущие материальные и духовные потребности многонационального советского народа.

Желательно издание работ, характеризующих культуру и быт русского населения других районов Советского Союза.

Е. Бусыгин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Джузеппе Коккьяра. *История фольклористики в Европе*. Перевод с итальянского. М., 1960, 690 стр.

Появление этой книги, надо надеяться, составит некоторое событие в нашей фольклористике. Книга важна не только тем, что содержит большой фактический материал. Она показывает значительность фольклористики как науки. Коккьяра понимает фольклористику исторически. Ее основная проблема — проблема народности не одного народа, а всего человечества, объединяемого общностью своих лучших устремлений. Коккьяра знает, что «история делается не только и не столько угнетателями, сколько угнетаемыми. История — это их жизнь и их душа» (стр. 20). Задачу фольклористики он ставит очень широко: «Изучение фольклора выходило всегда за духовные и культурные границы одного народа, приводило к более широким обобщениям, к установлению связей между народами». Это не противоречит патриотическим устремлениям каждого народа в отдельности: «Пусть народы живут в согласии, прислушиваясь к своим голосам, в которых одновременно звучит и голос всего человечества». «Это приведет к сохранению самого сокровенного достоинства каждого народа, каждой нации, ибо стимулируется патриотическими чувствами. Это — не словесная декларация. Вполне закономерно, что после книги, посвященной истории фольклористики в Италии («*Storia degli studi delle tradizioni popolari in Italia*», Palermo, 1947), Коккьяра должен был написать книгу по истории фольклористики в Европе («*Storia del folklore in Europa*», Torino, 1952).

Труд Коккьяры отнюдь не является справочником и не может служить им. Хотя фактический материал очень велик, охвачено далеко не все; автор к этому не стремился, да это было бы и невозможно. К каждой главе даны им примечания библиографического характера, которые позволяют любому читателю, если бы он этого захотел, самостоятельно расширить круг своих наблюдений. В этих примечаниях с большим знанием дела отобрано для каждого раздела все самое ценное и нужное — от крупных монографий до мелких статей на многих языках Европы. Русские труды даны в переводах. Книга имеет введение, разделена на шесть частей и состоит из тридцати глав. В введении дается общее определение задач фольклористики, а в последующем изложении эти задачи конкретизируются. Угнетенные люди для Коккьяры — это и обитатели колоний, и эксплуатируемые классы метрополий. Соответственно, историю фольклористики он начинает не с XVIII в., как обычно, а с открытия Америки. Изложение фольклористических учений дается в рамках основных течений общественной мысли. Первая часть кончается Монтеスキе и Вольтером, вторая названа «Между просвещением и преромантизмом», третья в основном посвящена романтизму, четвертая — позитивизму; несколько иначе материал рассматривается в пятой части, которая посвящена английской антропологической школе. Заключительная глава носит название «Фольклористика за последние полвека». В эту схему уложена вся европейская наука, включая русскую. В пределах ее читатель найдет много увлекательных страниц. Укажем, например, на блестяще написанные характеристики Бенфея, Гастона Париса, Бедье, Питре, Мангардта, Ван-Геннепа и многих других. Коккьяру интересуют не только их академические труды, но и тип каждого ученого, образ его мышления. Особенной убедительности автор достигает тогда, когда рисует преемственность взглядов, рождение и развитие школы. В этом отношении особенно удачными можно назвать главы XVII («По стопам Бенфея») и XVIII («В романском мире»).

Надо подчеркнуть, что Коккьяра дорожит русской наукой и понимает ее значение. Его книга завершается разделом, озаглавленным «Призыв Максима Горького» (стр. 561—564) и кратким изложением принципов советской фольклористики по

Ю. М. Соколову. В предисловии к итальянскому переводу книги «Исторические корни волшебной сказки»¹ он с большим сочувствием говорит о литературоведческом изучении фольклора, характерном для СССР, об изучении мастерства исполнителей. Но все это не решает основных проблем, в частности проблемы генезиса и исторического развития. Решать эти проблемы призвана историко-этнографическая фольклористика. Сам Коккьяра в такой же степени этнограф и историк, как и литературовед.

Перевод книги Коккьяры снабжен вступительной статьей Е. М. Мелетинского, под редакцией которого она вышла. Здесь дана подробная характеристика достоинств и недостатков этой книги, и нет необходимости ее повторять. Основной недостаток книги, с нашей точки зрения, заключается в том, что концепция не всегда соответствует фактам. Задача состояла в том, чтобы в международном масштабе привести в систему ряд имен независимо от того, знали ли носители этих имен друг о друге или нет. Задача эта, несомненно, поставлена научно правильно. Но в своем увлечении автор любое совпадение в их взглядах толкует как проявление непосредственной реальной связи между ними. Мы приведем только два-три примера. Коккьяра справедливо очень высоко расценивает Вико и его «Новую науку» (1725), в которой предвосхищены многие мысли, высказанные и развитые позднейшими учеными. Но Коккьяра непосредственно из Вико выводит Руссо, Гердера, Мёзера и других. Он проводит прямую линию от Вико через Дюпон, Крейцера, Гёрреса к братьям Гримм. К Вико возводятся также Макс Мюллер и Ренан. Схематизм становится совершенно очевидным. Леннрот связывается с Макферсоном (стр. 288), несмотря на диаметрально противоположность их тенденций. Об Александре Веселовском говорится так: «У Веселовского увлечения Гердером и братьями Гримм сочетались с интересами к доктрине Мюллера и Бенфея» (стр. 327). Еще хуже о Пушкине, о котором говорится: «Он воспринимал сказки так же, как немецкие романтики — Новалис Тик, Брентано, братья Гримм». Мы однако знаем, что Пушкин понимал сказки совершенно иначе, чем Новалис, и Новалис иначе, чем братья Гримм. С русскими материалами дело обстоит вообще не совсем благополучно, о чем несколько слов скажем ниже.

Перевод книги выполнен, правда, вполне удовлетворительно, если не считать отдельных промахов. Так, итальянское *tradizioni popolari* не означает «традиции». *Tradizioni* — это то, что передается из уст в уста. В узком смысле эти слова означают прозаический фольклор, в широком — фольклор вообще. Итальянский автор, неоднократно повторяя это выражение, для краткости часто опускает слово *popolari*. Переводчики в большинстве случаев переводят «традиции», что неправильно. «*Minnelieder*» переведено как «любовные песни», что неверно, так как это не то же, что «*Liebeslieder*», а понятие более узкое и передается оно обычно словом «миннезанг» (стр. 208).

На стр. 662 говорится, будто А. Дитерих написал книгу «*Eine Mythosliturgie*» и даже дается перевод: «Мифологическая литургия». Это совершенная бессмыслица. Книга называется «*Eine Mithrasliturgie*», т. е. «Литургия Митры».

К этому надо прибавить еще другое. Вопрос о транслитерации иностранных фамилий у нас далеко не решен. В тексте сказывается неприятное для читателей стремление вводить всякие новшества. Вместо обычного Джемс (как всюду у нас принято в фольклористике и лингвистике) дано Джеймс; вместо общепринятого Фрезер или Фрезер дается Фрейзер, руководствуясь, очевидно, английским произношением. Но если следовать этому принципу, надо писать Бейкон (или даже Бейкн) и Шейкспир, однако в книге сохранены и Бэкон, и Шекспир, и другие. Другое новшество состоит в том, что избегают удвоенные согласные, вероятно — под влиянием современной русской орфографии. В книгу введены непривычные написания вроде Мангардт, Ленрот. Если следовать этому принципу, надо будет писать Томас Ман, Русо, Шилер. Последовательности, впрочем, нет, и на одной и той же странице можно встретить неправильное Вакенродер и правильное Ваккенродер (стр. 207, 632). К чему может привести такая претенциозность, видно по тому, что в книге спутаны Гебель и Геббель (см. ниже). К счастью, в большинстве случаев сохраняется обычное написание, но на стр. 157 читаем «Иллиада» вместо «Илиада». Некоторые имена транслитерированы просто неправильно, как, например, Коукс вместо Кокс (Сох). Это слово и фамилия требуют краткого английского «о», как это видно по фонетическим словарям. Вместо Полен (Paulin) Парис пишется Полин Парис.

Наиболее уязвимое место рецензируемого издания — комментарии (составитель Л. Б. Розенберг). Редакция была поставлена перед большими трудностями. Список личных имен охватывает около 700 названий. Ясно, что все их комментировать невозможно. Однако принцип отбора неясен. Нужно ли русскому читателю объяснять, кто были Карамзин, Жуковский или Лютер, Лессинг или Мериме, Золя и т. д. Нужно ли говорить в примечаниях о братьях Гримм, Максe Мюллере, Бенфее, Тайлоре, Гастоне Парисе и многих других, чьи работы подробно разобраны самим автором и дополнительной литература о которых приведена в его примечаниях? В то же время не всякий специалист знает, кто были Ло Гатто, писавший о Пушкине (стр. 281), или Фальман, помогавший Крейцвальду (стр. 289), или Веллер, или Рибенцо (стр. 317) и многие другие. Однако именно в этих случаях комментатор молчит. Трудно объяснить также, почему, например, из имен композиторов, упоминаемых на стр. 374 (Мусоргский, Глин-

¹ V. J. Propp, *Le radici storiche dei racconti di fati*, Tradizione di C. Coïssov, Prefazione di Giuseppe Cocchiara, 1949.

ка, Вагнер, Вебер, Шуман, Шуберт, Беллини, Верди), комментатор избирает только Мусоргского, Беллини и Верди, а о других хранит молчание. То, что характеризует эту страницу, характеризует комментарий в целом.

Еще хуже дело обстоит с объяснениями по существу. Правда, там, где комментатор бесхитростно воспроизводит материал из различных энциклопедий или указывает русские переводы трудов, упоминаемых в тексте, читатель будет ему благодарен. Но наряду с этим имеются совершенно пустые формулировки, ограничивающиеся, например, такими сведениями: «Жуковский — выдающийся русский поэт-романтик» (стр. 645). Встречаются и формулировки вроде следующей: «Несмотря на некритический отбор материала, труд Геродота представляет большой интерес» (стр. 604).

Коккьяра очень осторожен и деликатен в своей критике, всюду предпочитая говорить о реальных достижениях ученых, а не об их ошибках. Этот «недостаток» воспроизводится в комментариях в следующем роде: о братьях Гримм говорится: «Их теоретические построения идеалистичны и пронизаны мистицизмом» (стр. 637), или о Дефо: «В Робинзоне мы видим типичные черты английского буржуа... колонизатора и работорговца» (стр. 607).

Комментарии пестрят опечатками, ошибками и всякого рода ляпсусами в такой степени, что их можно найти почти на любой странице. Мы приведем лишь некоторые из них. На стр. 184 Коккьяра ссылается на Геббеля. Имеется в виду драматург Фридрих Геббель, писавший и о вопросах эстетики. Комментатор путает его с автором идиллий Иоганном-Петером Гебелем, и в комментариях из двух лиц делает одно, никогда не существовавшее: Иоганн-Петер Геббель. Комментатор не различает имени Thompson (крупный американский фольклорист) и носителей фамилии Thomson, каких было несколько (стр. 591 и др.). В списке имен есть только Томсон и нет Томпсона — для комментатора это одно и то же лицо.

Форизль, скончавшийся в 1844 г., якобы выпускал труд в 1954 г. (стр. 679). Много ошибок в иностранных языках и в названиях иностранных трудов. Так, по всей книге идет «Wald- und Feldkülte» вместо «kulte».

Выше говорилось, что Коккьяра недостаточно владеет русскими материалами. Он в основном черпает из английского перевода книги Ю. М. Соколова «Русский фольклор». Как же комментатор относится к этим ошибкам Коккьяры? Частично он их исправляет — как, например, ошибки в определении личности Киры Данилова. В других случаях он их не замечает (когда, например, говорится, что статья о былинах в «Литературной энциклопедии» написана Юрием Соколовым, тогда как она написана его братом Борисом и др.), частично же к ошибкам итальянского автора прибавляет свои собственные. На стр. 644 о Н. А. Львове говорится, что он издал «Сборник русских народных песен с их голосами» (составитель И. Пратч, предисловие Львова), но на титульном листе книги стоит: «собрание», а не «сборник», «народных русских», а не «русских народных» песен; «на музыку положил Иван Прач», а не Пратч. Прач никак не является «составителем» этого сборника, он только гармонизовал напевы, сопроводил их аккомпанементом. Есть ошибки и при ссылках на «Собрание разных песен» Чулкова (на стр. 643).

Дело, однако, не только в неточностях, но и в неправильном комментировании по существу. Выше говорилось, что Коккьяра допускает упрощенное понимание концепции Веселовского. Но комментатор в этом отношении еще превосходит его. Так, на стр. 653 говорится, что Веселовский сперва находился под влиянием школы заимствования, а потом — антропологической школы. В результате «происхождение сказочных мотивов он объяснял самозарождением, а сюжетов, содержащих ряд мотивов, — заимствованием» (!?).

Вопрос о принципах и технике издания зарубежных трудов в соответствии с уровнем советской науки, нашим мировоззрением и нашей культурой — вопрос большой и сложный и требует более тщательной обработки, чем это сделано при издании нужной и важной книги проф. Коккьяры.

В. Пронн

ИНТЕРЕСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ

Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti. Zpracoval kolektiv pracovníků Ústavu pro etnografii a folkloristiku ČSAV za vedení Olgy Skalníkové, Praha, 1959.

Изучение культуры и быта рабочих, начатое в Чехословакии в начале 50-х годов нашего века, достигло значительных успехов. Чехословацкая наука заняла ведущее положение в разработке этой проблематики. До середины 50-х годов изучение шло в основном по линии собирания и предварительной систематизации материалов. В журналах «Československá etnografie», «Slovenský národopis», «Český lid», «Radostná země»

был напечатан ряд статей и публикаций, освещающих отдельные стороны материальной и духовной культуры чешских и словацких рабочих, по преимуществу горняков. В 1958 г. в Братиславе вышел первый крупный труд — «*Banisko dedina Zakařovce*»¹. «Кладенско» — вторая книга такого рода. Принципиальное значение этой книги, сообщаемое ей большой научный интерес, состоит в том, что она является первой попыткой этнографического изучения крупного промышленного района. Естественно, что исследование промышленного центра было связано с особыми трудностями методологического характера, и это необходимо принимать во внимание при ознакомлении с результатами проведенной работы.

Книгу открывает предисловие акад. И. Горака, который рассказывает о живейшем интересе кладненских рабочих к изучению их культуры и быта, предпринятому Институтом этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук в 1953—1956 гг., о стремлении всеми мерами способствовать наиболее плодотворному проведению этих исследований. По мнению И. Горака, следует считать книгу «Кладенско» коллективным трудом сотрудников Института и кладненских горняков. Автор предисловия указывает на трудности, стоявшие перед исследователями: новизну проблематики, потребовавшей разработки специальной методологии и методики исследования, скудость печатных и архивных источников, заставившую основываться главным образом на полевых материалах.

Основное внимание в книге сосредоточено на народном творчестве горняков. Первая часть, написанная О. Скалниковой, — «Этнографический очерк о кладненских горняках конца XIX — начала XX вв.», — посвящена истории развития изучаемого промышленного центра с конца XVIII в. В ней освещается такой важный вопрос, как формирование горнопромышленных рабочих, характеризуются основные черты их материальной культуры, семейного и общественного быта. Все это позволяет автору показать, на какой почве возник и развивался шахтерский фольклор. У читателя создается отчетливое представление об истории формирования горняцкого населения в районе Кладно и процессах, происходивших в культурном укладе и общественном быте горняков. Выводы автора основаны на обширных, хорошо изученных материалах, чувствуется знание горняцкой среды².

Серьезные достоинства книги — в значительной мере результат применения разработанного чехословацкими учеными метода параллельных фольклорно-этнографических исследований. Изучение рабочего фольклора в Чехословакии органически связано с историческими и этнографическими исследованиями рабочих³.

Вторая (по объему — преобладающая) часть книги посвящена фольклору горняков. Она делится на два раздела: о прозаическом и песенно-музыкальном творчестве шахтеров.

В разделе о фольклорной прозе, написанном Я. Ехсм, дается подробная общая характеристика этого жанра. Рассмотрение материала предваряется обзором источников: прежние фольклорные записи, хроники и художественная литература, связанная с Кладненской областью (например, «Сирена» Марин Мейеровой), а также данные о проведенных полевых исследованиях. Все это свидетельствует о тщательности произведенных изысканий, о глубоком и всестороннем охвате материала, благодаря чему читатель получает ясное представление о прозаическом фольклорном фонде кладненских шахтеров. Основной целью изысканий было стремление проследить процесс развития шахтерского фольклора в Кладненской области и выяснить связи собственно шахтерского фольклора с традиционным.

Фольклорная проза тематически подразделяется на две группы — произведения с рабочей и нерабочей тематикой. Первые в свою очередь также подразделяются: 1) устные рассказы о крупных политических событиях в Кладненской области и политических деятелях; 2) устные рассказы, в которых изображаются не конкретные исторические события, а отдельные черты общественного уклада и определенные особенности той или иной исторической эпохи. К последнему разделу относятся также анекдоты, побасенки, пародии на рассказы о суевериях, а также сохранившийся в рудиментах традиционный шахтерский сказ. В прозу с нерабочей тематикой включаются устные рассказы местного и иного происхождения, анекдоты, побасенки, а также традиционные сказки и предания и современные сказки, складывающиеся в пределах традиционной формы. Как можно видеть, самый принцип классификации неясен. В систематизации не чувствуется четкого стержня: по существу нет последовательного разграничения ни жанрового, ни тематического (в основу, по-видимому, положен все же тематический принцип). Особенно ясно это ощущается в схеме, представленной в главе III, в шестой ее части — «Тематический и жанровый состав кладненского прозаического репертуара».

В кладненской устной прозе Я. Ех выделяет сюжеты, отражающие характерные

¹ См. рецензии на нее в советских журналах: «Сов. этнография», 1958, № 1, стр. 190—195; «Славяне», 1957, № 7, стр. 57—59.

² То же отмечено Я. Крамаржином в рецензии на эту книгу (см. «*Český lid*», 1960, № 5, стр. 229).

³ См. В. Ю. Крупицкая, Поездка в Чехословакию, «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 123—128.

особенности трудового и домашнего уклада шахтеров. Он также подвергает рассмотрению особенности ее языка. Я. Ехом показано, что история этого жанра протекала в русле общего фольклорного процесса: постепенная утрата чудесно-фантастического приводит к преобладанию новеллистического повествования. Наиболее распространенным и типичным видом рабочей прозы Я. Ех считает устный рассказ.

Нельзя не согласиться с положением Я. Еха о первостепенности художественного критерия для определения принадлежности устного рассказа к фольклору. Так, он считает большую часть автобиографических повествований выходящей за рамки фольклора. К сожалению, этот принцип не всегда последовательно выдержан в книге.

К удачным наблюдениям следует отнести выявление функциональной сущности произведений: воспитательной, с одной стороны, и развлекательной — с другой. Автор выделяет несколько типов кладненских рассказчиков, в зависимости от репертуара, устойчивости или вариативности повествования, степени личного творчества, манеры рассказывать. Особое внимание автора к искусству рассказчика связано, вероятно, с общим интересом к изучению мастерства певцов и рассказчиков, характерного для чешской фольклористики.

Я. Ех подчеркивает, что детальное исследование конкретных произведений не входило в его задачу. Что же касается большинства основных положений автора, то они представляются нам убедительными! Дальнейшего исследования и конкретизации требует его понимание устной прозы горняков как этапа развития народной словесности. Ех отмечает, что рабочий фольклор складывался и развивался в несравненно более короткие исторические сроки по сравнению с крестьянским, и влияние модной упадочной литературы и мещанского творчества конца XIX — начала XX в. сказалось в нем сильнее.

Одной из разновидностей прозы — юмористическому рассказу — посвящена статья Й. Спилки. Это представляется нам оправданным. Как показало изучение материала, юмор — характерная особенность фольклорной прозы горняков, уходящая корнями в фольклорную традицию и получившая яркое развитие. Содержание анекдотов, побасенок и юмористических устных рассказов, а также пародий на традиционные поверья (впрочем, не типичных для Кладно) показывает тематическое богатство шахтерского юмора. Особо рассмотрены произведения, центральным образом которых является находчивый, веселый и на редкость остроумный шахтер Франтишек Варгулик — реальная личность (1848—1914), ставшая легендарным персонажем фольклора горняков. В юмористических произведениях автором прослежена связь идейного их содержания, часто сатирически заостренного, с формальными моментами повествования — словесной выразительностью, широким применением драматических и мимических приемов, разнообразием интонаций. Особенно выделено богатство метафор и образных сравнений, а также искусное претворение традиционных пословиц и поговорок применительно к данному случаю. Однако автор не переоценивает художественной значимости шахтерской прозы и делает правильный вывод, что юмористика уступает в целом традиционной фольклорной прозе, главная же ценность ее заключается в идейном содержании и общественной функции. Недостаточно аргументированным представляется положение автора, что большая часть анекдотов и побасенок возникла из устных рассказов.

Раздел прозы завершает антология, состоящая из трех частей: «Юмор» (наибольшая по объему), «Устный рассказ», «Традиционные сказки и предания». Неравномерность распределения материала определяется основным назначением антологии — иллюстрировать конкретным материалом основные положения статей. Например, сжатость раздела сказок и преданий (16 страниц) объясняется нетипичностью этих жанров для кладненского фольклора. Примечания к отдельным произведениям содержат сведения о распространении традиционных сюжетов, указания на опубликованные прежде материалы и т. п.

Изучение рабочей песни в соответствующих разделах (авторы В. Карбусицкий, И. Яначкова) определяется самим пониманием термина «рабочая песня» как «песня рабочего класса», т. е. произведение известного или неизвестного автора, с творческой активностью воспринятое рабочей массой; предпосылки к восприятию его заложены в самой форме, развивающей традиции народной и полупрофессиональной поэзии, а также в содержании, отражающем жизненные условия, взгляды, чувства, общественные и социалистические традиции в сознании рабочих» (стр. 317)⁴.

Следует отметить исчерпывающее знание В. Карбусицким материала и тщательность разработки его. Ему удалось показать историю кладненской рабочей песни, проследить связь песни с конкретными историческими событиями, с классовой борьбой рабочих, с революционным движением, а также выявить характерные свойства пе-

⁴ Несколько ранее вышло капитальное собрание чешских рабочих песен (Dělnické písně, Díl. I—II. Sestavili V. Karbusický, V. Pletka, Praha, 1958). Поскольку в указанное собрание в значительной мере вошли материалы, собранные в Кладно, а общие положения и выводы строятся на одинаковой основе и была опубликована подробная и обстоятельная рецензия на это издание В. Крупянской и И. Зусанека («Сов. этнография», 1960, № 4, стр. 203—211), представляется достаточным охарактеризовать сущность раздела в самой общей форме, не останавливаясь на антологии, более обширной, чем приложенная к разделу прозы.

сенной формы и музыкального строя. Песенный репертуар кладненских горняков автор делит на три группы: традиционные шахтерские песни, сложившиеся в среде горнорабочих во второй половине XIX в.; рабочие песни, в которых постепенно нарастает проявление социалистической тенденции (формирование их начинается с 80-х годов прошлого века); песни разнообразного происхождения и характера (традиционные крестьянские, городской фольклор, песни профессиональных поэтов и композиторов), бытующие в горняцкой среде. Большое место отведено автором роли песни в формировании общественного сознания. Исключительно богатая песенная традиция Кладненской области наложила отпечаток и на рабочую песню. Тем, что Кладненская область — старинный промышленный центр, автор объясняет возникновение именно здесь многих чешских рабочих песен.

В разделе «Оркестры кладненских горняков» (автор — Б. Нушл) прослеживается история шахтерских и заводских хоров и оркестров в Кладненской области, их состав и репертуар. Материалы показывают относительно высокий художественный уровень исполнительского искусства горняков и репертуара хоров и оркестров, а также важную роль заводских капелл в общественной и культурной жизни шахтеров, в формировании художественного вкуса и музыкальной традиции кладненских горняков. Шахтерские оркестры оказали влияние и на областную музыкальную традицию, с которой связано творчество ряда видных чешских музыкантов.

Книгу завершает раздел о народной традиции кладненской песни и влиянии на нее творчества профессиональных поэтов и композиторов, включающий антологию и сравнительно краткую, но содержательную статью И. Яначковой. Одновременно с изучением собственно рабочей песни автором проводилось изучение традиционной крестьянской песни и был выявлен песенный репертуар начала XX в. В статье дана общая характеристика кладненских традиционных песен, указано значение их для понимания того, в каком направлении шло формирование песенного репертуара кладненских горняков. Приведенные в конце раздела образцы разного рода песен дополняют общее представление о репертуаре конца XIX — начала XX в. Вызывает сожаление, что ценные наблюдения, касающиеся внесения в традиционную народную и крамаржскую (ярмарочную) балладу тематики, связанной с жизнью и бытом рабочих, не получили отражения в приведенных текстах.

В книге имеется солидный справочный аппарат (указатели песен, список певцов, обзор существовавших в Кладненской области хоров и т. п.). Следует отметить и обстоятельность резюме на русском и немецком языках, завершающих каждый раздел.

Таким образом, книга представляет значительную ценность как тем, что вводит в научный оборот совершенно новый материал по проблематике, крайне мало изучавшийся до сих пор, так и тем, что обобщает этот материал. К числу достоинств книги следует отнести в целом правильный подход к систематизации и анализу основных фольклорных явлений. Так, важное значение придается исследователями выявлению общественной и идейной функции устного творчества чешских горняков, причем анализ содержания идет наряду с рассмотрением его художественной природы. Филологический и музыкальный анализ сочетаются с изучением жизни фольклорного произведения в среде шахтеров, а также с выявлением индивидуальных особенностей исполнительского мастерства.

Одна из основных методологических предпосылок, лежащих в основе изучения авторами фольклорных процессов, — критический подход к оценке художественных достоинств фольклорных произведений и отграничение фольклорного фонда произведений, встречающихся в шахтерской среде, но стоящих за границами народного творчества.

Не менее важно и стремление авторов выяснить взаимосвязи рабочего фольклора с устно-поэтической крестьянской традицией данной местности. Признавая, что в целом в художественном отношении рабочий фольклор уступает традиционному, авторы справедливо подчеркивают ценность его прежде всего как исторического источника, имеющего важное значение для изучения процесса формирования рабочего класса, истории рабочего движения, для выявления характерных свойств его быта и культуры.

Н. Велецкая

НЕМЕЦКИЕ ПРЕДАНИЯ О ХОЗЯИНЕ И РАБОТНИКЕ

Herr und Knecht. Antifeudale Sagen aus Mecklenburg. Aus der Sammlung Richard Wossidlos, herausgegeben von Gisela Schneidewind. Akademie-Verlag, Berlin, 1960.

Немецкая Академия наук приступила к изданию фольклорной серии «Немецкие демократические предания». Первый том этой серии вышел в Германской Демократической Республике в трудах Института этнографии Академии наук (Institut für deutsche Volkskunde) под названием «Хозяин и работник». Сборник этот составлен из записей известного собирателя немецкого фольклора Рихарда Воссидло и подготовлен к печати Гизелой Шнейдевинд. Книга эта очень характерна для современного состояния филологической науки в Германской Демократической Республике, начинающей изучать

те области культуры, которые в течение долгого времени сознательно игнорировались немецкой наукой, в частности демократический и революционный фольклор. Путь этот начал в 1954 г. В. Штейниц, который опубликовал немецкие демократические народные песни¹ — книгу, получившую многочисленные положительные отзывы ученых разных стран.

Серия, посвященная демократическим преданиям, рассчитана на несколько томов. Она должна охватить немецкие демократические предания, записанные не только в Германии, но частично в Австрии и Швейцарии. В эти сборники предполагается включить в основном материал, не публиковавшийся ранее или же мало доступный, опубликованный в редких изданиях.

В первый том серии, посвященный острой социальной теме — «Хозяин и работник», вошло 188 сюжетов, каждый из которых представлен несколькими вариантами. Все эти предания записаны в конце XIX — начале XX века в Мекленбурге и взяты из огромного, хранящегося в фольклорном архиве в Ростке рукописного наследия Р. Воссидло, который начал собирать народные предания еще будучи студентом, продолжал затем эту работу в годы учительства и, наконец, целиком отдался любимому делу. В течение полувека, начиная с 80-х годов XIX в., Воссидло неутомимо собирает устно-поэтическое творчество немецкого народа. Не взирая на усталость, болезнь, возраст, он обходит бесчисленные деревни, опрашивает тысячи людей, с которыми встречается у домашнего очага, на работе, на улице, на вокзалах, рынках и т. д. В настоящее время целый штат сотрудников работает над архивом неутомимого собирателя, расшифровывая и классифицируя его записи, готовя их к публикации, изучая его колоссальное рукописное наследие.

В рецензируемом сборнике опубликованы предания, тематически составляющие единую группу. Записаны они в основном со слов батраков, ремесленников, рабочих, большей частью пожилых мужчин в возрасте от 60 до 80 лет.

Все эти предания социально чрезвычайно насыщены, направлены против феодального гнета, разоблачают помещиков, управляющих, арендаторов, священников и прочих угнетателей трудового народа. Возникли они в основном в XVIII и XIX столетиях и раскрывают с предельной остротой классовый антагонизм между сельским пролетариатом и его эксплуататорами, сатирически изображают произвол, жестокость, жадность, говорят о росте самосознания народных масс.

Составитель сборника Гизела Шнейдевинд делит включенные в него предания на два основных раздела. К первому из них, названному ею «Несправедливость», она относит те предания, в которых звучит лишь констатация тяжелого положения эксплуатируемых масс. Ко второму же, названному ею «Возмездие», она относит предания, выражающие протест народа, зовущие к отмщению, говорящие о народных восстаниях. Каждый из этих разделов, в свою очередь, делится на несколько тематических групп. Так, в первый раздел входят темы: «жадная госпожа», «помещик присваивает себе клад», «невинно сожженные», «убийства», «смертная казнь за мелкую провинность», «несправедливый священник» и т. п. В этих преданиях рассказывается, например, о том, как жадная старуха уносит с собой деньги в могилу, как помещик отнимает у бедного пастушка найденный последним клад, как мертвец ловит в принадлежащем ему при жизни лесу браконьеров, как хозяин раздваивается, чтобы сразу в двух местах следить за работой своих батраков, и т. д.

Во второй раздел входят такие темы: «наказанная жадность», «наказанная жестокость», «месть покойника», «бунты» и т. д.

В этих преданиях рассказывается, например, о том, как мертвец мстит помещику, пытающемуся завладеть оставшимися после него деньгами, как жадный помещик и в могиле не находит покоя, как помещика черт уносит в ад, батрак же попадает в рай. В этот же раздел вошли и многочисленные рассказы и предания о крестьянских восстаниях, происходивших на протяжении XVII—XVIII вв.

Мекленбургские предания в сборнике даются на нижненемецком диалекте в точной записи, причем тут же петитом приводится их пересказ на литературном языке. Таким образом, для специалистов сохраняется документальность текстов, их филологическая достоверность и вместе с тем они становятся доступны более широкому кругу читателей.

Книга снабжена большим научным аппаратом. К каждому сюжету дан обширный исследовательский комментарий, в котором приводятся варианты этого сюжета из наследия Воссидло, даются ссылки на варианты, имеющиеся в других нижненемецких сборниках, приводятся сведения о генезисе тех или иных преданий, указываются экономические, политические факты, связанные с ними, исторические предпосылки их возникновения.

Сборник начинается интересной исследовательской статьей Гизелы Шнейдевинд, в которой даются необходимые сведения об источниках книги, о принципах публикации материала, о записях Рихарда Воссидло и их научной и общественной значимости. В этом предисловии дан и достаточно детальный анализ тематики и идейного содержания публикуемых преданий.

¹ Wolfgang Steinitz, *Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten*, B. I, Berlin, 1954.

Приходится все же сделать один упрек составителю, образцово проделавшему поистине гигантскую работу, — он совершенно обходит вопрос о жанровой специфике публикуемого им материала, как бы игнорирует эстетическую ценность преданий — этого интереснейшего вида народного творчества. Ни одного слова не сказано об особенностях их композиции, образов, художественных средств. А ведь предания интересны и ценны, не только как своеобразный исторический документ, как материал для изучения народной психологии, но и как памятник народного искусства.

Несмотря на указанный недостаток вступительной статьи, книга в целом является ценнейшим вкладом в дело изучения народных преданий, не только немецких, но и жанра в целом. В последние годы интерес к преданиям как к жанру значительно активизировался во многих странах. Книга Воссидло-Шнейдевинд станет надежным подспорьем для фольклористов, занявшихся изучением этого чрезвычайно актуального и ценного материала.

Э. Померанцева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

И. Лаврецкий. *Тень Ватикана над Латинской Америкой*. Изд-во АН СССР (научно-популярная серия), М., 1961, 206 стр.

Католическая церковь — одна из наиболее мощных, организованных и, вместе с тем, наиболее гибких и изворотливых сил лагеря реакции. Наша наука сделала уже немало для изучения и разоблачения этой едва ли не самой зловещей реакционной силы современности. Бесспорная заслуга здесь принадлежит советскому историку И. Лаврецкому, который за последние годы опубликовал ряд статей на эту тему¹. Рецензируемая книга как бы подводит итог многолетней работы автора, создавая обобщенную картину политической и идеологической деятельности католицизма в странах Латинской Америки.

Книга И. Лаврецкого охватывает огромный исторический период — от открытия Америки ее первым колонизатором — Колумбом — до наших дней, дней невиданного в анналах американского континента подъема борьбы трудящихся масс за лучшую долю.

С первых страниц автор вводит читателя в обстановку того кровавого кошмара, каким сопровождалось появление на свет колониализма. Привлекая данные разнообразных источников — королевских и папских документов, донесений вице-королей, отчетов иезуитских провинциалов, писаний испанских хронистов и теологов, И. Лаврецкий создает выразительную картину разграбления и опустошения испанскими колонизаторами земель Центральной и Южной Америки, картину бесчеловечного истребления и порабощения мирного трудолюбивого населения этих стран, убедительно доказывая всем богато документированным материалом, что католическая церковь с самого начала была активной соучастницей колониального грабежа и что «религия тесно переплеталась в сознании конкистадоров с грабежом и наживой» (стр. 18).

Прямое участие представителей духовенства в грабительских походах Писарро, Кортеса и других «христианских» разбойников, в дележе золота и другой добычи; освящение пыток, казней, массовых истязаний, чинившихся над безоружным туземным населением (большей частью в присутствии представителей католического клира, выполнявших при этом далеко не пассивные, а подчас и прямо руководящие функции); организация массовых принудительных работ для удовлетворения нужд епископов и монастырей; «теоретическое обоснование», с помощью всякого рода хитроумных теологических выкладок, «прав» короны на захват и порабощение заокеанских земель; включение в католический культ и ритуал местных обрядов и праздников с коварной целью как можно более глубоко овладения умами и душами «заблудших овец» — индейцев, морального их разоружения и превращения в покорных колониальных рабов² — таков выразительный, но далеко не исчерпывающий перечень форм и методов соучастия католической церкви в крупнейшем историческом преступлении эксплуа-

¹ См. И. Лаврецкий, Католическое духовенство в Испанской Америке (XVI—XVIII вв.), «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 101—112; его же, Ватикан, Религия. Финансы. Политика, М., 1957, гл. II: «Католическая церковь в колониях» (XVI—XVIII вв.) (стр. 61—99); его же, Католическая церковь и государство в Латинской Америке, «Вопросы истории религии и атеизма», № 5, М., 1958, стр. 114—151; его же, Католицизм в странах Латинской Америки после второй мировой войны, «Проблемы современной Латинской Америки» (сб. статей), М., 1959, стр. 217—237; его же, Позорная страница в истории церкви, «Наука и религия», 1960, № 11, стр. 42—45; его же, Католическая церковь и война за независимость Испанской Америки, «Новая и новейшая история», 1961, № 3, стр. 70—84.

² Следует добавить, что использование обычаев и верований доиспанской эпохи практиковалось католическим духовенством и спустя многие столетия после завершения конкисты. Так, известно, что в Мексике в период насаждения французскими интервен-

таторских классов Европы — установлении колониального господства на других континентах. Показательны многочисленные цифры, раскрывающие абсолютную величину доходов как епархий и конгрегаций, так и отдельных представителей клира; и тут же другие цифры, показывающие нищенский уровень индейцев, трудившихся на полях тех же самых духовных лиц и организаций; не менее убедительны некоторые документы, полностью приводимые автором (похоронный преискурант первой половины XVII в. на стр. 41). Все это в совокупности составляет богатый антиклерикальный материал, перекликающийся с современностью.

И. Лаврецкий показывает деяния светских и церковных колонизаторов не в виде статичного снимка с колониальной действительности XVI в., а в процессе возникновения и исторического развития различных противоречивых явлений этой действительности. Несомненный интерес представляют страницы, посвященные изображению соперничества между церковниками и конкистадорами (стр. 26—29). До сих пор в нашей литературе по истории колониальных стран не всегда обращалось должное внимание на градацию внутри верхушки колонизаторов, в результате чего захватчики подчас обрисовывались в виде некой однородной массы. Упомянутые страницы избавляют рецензируемую книгу от подобного упрека.

Специальный раздел (стр. 30—34) посвящен выдающемуся испанскому гуманисту, страстному обличителю светских и церковных колонизаторов — Бартоломе де Лас Касасу (1474—1566).

Буржуазные и клерикальные апологеты колониализма, еще недавно склонные начисто отрицать достоверность убийственных фактов, фигурирующих в сочинениях Лас Касаса, теперь, в обстановке отчаянных усилий империалистических кругов удерживать любой ценой господство над ускользающими колониями, присваивают явно не им принадлежащее идейное наследие хрониста. «...появилась — отмечает в этой связи И. Лаврецкий, — тенденция: выдавать Лас Касаса за ... подлинного представителя церкви и колонизаторов. Посмотрите на Лас Касаса, говорят теперь некоторые клерикальные и реакционные историки, вот какими были колонизаторы, вот каким было католическое духовенство!» (стр. 32).

Поток литературы, посвященной Лас Касасу, особенно усиливается в связи с приближением четырехсотой годовщины со дня его смерти.

В марксистской историографии, где деятельность Лас Касаса не служила еще предметом фундаментального исследования, можно выделить две точки зрения. Представители одной из них — немецкие марксисты В. Марков и М. Коссок — считают, что «вся концепция Лас Касаса в конечном счете представляла собой лишь один из методов теоретического обоснования необходимости колониальной экспансии Испании»³. Выразителем иной точки зрения (на наш взгляд, более правильной), является И. Лаврецкий. Ранее им уже был высказан ряд принципиальных соображений по затронутому вопросу, сводящихся к признанию за Лас Касасом совершенно особого места в общественной жизни и общественной мысли эпохи конкисты, к четкому отделению его от лагеря колонизаторов и к противопоставлению этой фигуры основной массе церковников, подвизавшихся на поприще колониализма⁴. И. Лаврецькому принадлежит заслуга в том, что в новой своей работе он дал цельный и связный очерк о Лас Касасе (по существу, первый в советской исторической литературе), где к тому же более четко и аргументированно, нежели в прежних выступлениях автора, оспаривается тезис идеологов неоколониализма о Лас Касасе — «типичном» представителе колониального духовенства и подчеркивается исключительность в условиях XVI в. взглядов и всей деятельности испанского гуманиста. Справедливо отмечены слабые стороны деятельности Лас Касаса, известная шаткость его идейной позиции. Все это позволяет И. Лаврецькому сделать единственно правильный вывод, что «за спиной Лас Касаса не удастся спрятаться духовенству, на протяжении трех столетий грабившему и разорявшему индейцев» (стр. 34).

Во второй половине XVIII в. появляются сначала слабые, а затем все более явные предвестники краха европейского владычества за океаном. Из всех многообразных аспектов столь сложного исторического процесса, каким было революционное превращение колоний в самостоятельные государства, И. Лаврецкий в данной работе в соответствии со специфическими ее задачами касается лишь вопросов, так или иначе связанных с идеологическими моментами революционной эпохи и, в особенности,

тами марионеточного режима Максимилиана коллаборационисты в сутанах с целью психологической обработки отсталого индийского населения использовали миф о Кецалькоатле — белокуром божестве, долженствующем прибыть с Востока, из-за моря. Замысел этот, связанный с использованием цвета волос и бороды французского ставленника, в известной мере удался: часть индейцев приветствовала «императора» и одно время поддерживала его. (См. И. Шерр, Трагедия в Мексике, СПб., 1874, стр. 129—130).

³ В. Марков, М. Коссок, О попытках реакционной историографии реабилитировать испанский колониализм в Америке, «Новая и новейшая история», 1960, № 4, стр. 131.

⁴ См. И. Лаврецкий, Католическое духовенство в Испанской Америке, «Вопросы истории», 1955, № 12, стр. 106; его же, Ватикан, М., 1957, стр. 72—73.

с позицией церкви. Интересны подмеченные автором проявления своеобразной духовной оппозиции индейцев по отношению к насаждавшимся сверху догмам католицизма (стр. 55—56), а также примеры перехода отдельных представителей клира в лагерь сторонников независимости. И. Лаврецкий указывает на две предпосылки последнего явления — пополнение в XVIII в. рядов низшего духовенства выходцами из креольской среды и проникновение в Латинскую Америку в то же самое время элементов идеологии Просвещения. При всей своей спорadicности явления эти в какой-то мере предвещали наступление новой, революционной эпохи. Автор сосредоточивает внимание читателя на странах, где революционные события отличались наибольшим размахом. В первую очередь он вводит нас в обстановку одного из самых трагических эпизодов войны испанских колоний за независимость — восстания под руководством Идадьго и Морелоса. На примере этих героических сынов Мексики мы видим, что лишь немногие действительно честные представители клира пошли с народом и возглавили народ; церковь обрушилась на них с репрессиями. Для той переломной полосы, какой во всех отношениях была для Латинской Америки эпоха войны за независимость, характерно и начало известного перелома во взаимоотношениях церкви с народом: как отмечено в рецензируемой работе, осуждение церковниками восстания и самой идеи независимости подорвало авторитет церкви в широчайших народных массах.

Подробно останавливается И. Лаврецкий на проколониалистской позиции папского престола, открыто выступавшего за подавление революции. Попутно разоблачаются утверждения новейшей католической историографии (Фурлонг) о некоем «нейтралитете», которого якобы придерживался папа в войне между Испанией и восставшими колониями.

Со временем Ватикан становится на путь признания независимых государств, образовавшихся за океаном, боясь потерять свои позиции там и, главное, свои доходы с богатейших территорий. Это «признание» ни в коей мере не означало, однако, отступления католических иерархов с позиций ревнителей колониализма: в новых условиях церковники продолжают отстаивать интересы наиболее реакционных сил — внутренних и внешних. Снова в центре внимания автора — Мексика, ибо именно эта страна в XIX в. оказалась ареной наиболее острых столкновений между национальными прогрессивными силами и силами колониализма. В середине XIX в. молодая неокрепшая республика испытывает тяжелые удары извне — агрессию США в 1846—48 гг. и англо-франко-испанскую интервенцию в 1861—67 гг. И оба раза католическое духовенство играет предательскую роль; так, церковь в лице папы и высших мексиканских прелатов выступает инициатором возведения на «императорский» престол французской марионетки — Максимилиана Габсбургского. С другой стороны, автор отмечает и прямо противоположные явления — антиклерикальные выступления прогрессивных сил Мексики в это время, принятие либеральным правительством Хуареса законов об отделении церкви от государства, о национализации церковной собственности и т. д.⁵

Борьбу между демократией и клерикализмом И. Лаврецкий прослеживает на протяжении длительного времени — вплоть до второй мировой войны, приводя множество интересных, ярких фактов. Некоторые из них (убийство религиозными фанатиками антиклерикального президента Обрегона, кровавые деяния вооруженных банд «кристерос», совершавших «во славу Христа» поджоги, грабежи и истязания прогрессивных граждан) невольно воскрешают в памяти чудовищные зверства церкви в эпоху конкиссты, красноречиво свидетельствуя о преемственной связи между разными поколениями солдат католицизма.

С особым интересом наш читатель встречает все то, что помогает ему узнать что-либо новое о прошлом и настоящем героической Кубы. И здесь новая книга И. Лаврецкого дает немало. Как известно, Куба дольше остальных стран Латинской Америки оставалась на положении колонии, и церковь все время была незамаскированной соучастницей колониального ограбления богатейшего острова. Вот почему в период подъема национально-освободительной борьбы (конец XIX в.) патриоты Кубы более смело и открыто, нежели прогрессивные круги других латиноамериканских стран, выступают против церкви и духовенства. Дальше других пошел в этом отношении замечательный революционный мыслитель и поэт Хосе Марти, поднявшийся до подлинного атеизма. Страницы, посвященные Марти, позволяют нам увидеть новые замечательные черты в благородном облике национального героя Кубы.

На примере Кубы далее показано, как был осуществлен переход католической церкви на службу империалистам США, как ныне католические пастыри выступают

⁵ Характеристика антиклерикальной политики мексиканских либералов в эпоху Реформы была бы, на наш взгляд, полнее, если бы автор, говоря (на стр. 110) о конституции 1875 г., упомянул о статье 123, наносившей особенно серьезный удар по клерикализму и гласившей, что «федеральные власти будут иметь исключительное право... вмешиваться в дела богослужения и высших церковных форм» («Leyes de Reforma», México, 1947, стр. 91—92). Известно, что на основании статьи 123 последующими распоряжениями правительства духовенству было запрещено устраивать религиозные процессии, носить церковную одежду вне стен церкви и организовывать школы. (См. Ф. Грант, Борьба против религии в Мексике, М., 1930, стр. 13).

в первых рядах врагов свободы и независимости латиноамериканских народов. Многие факты о подрывных действиях церковников против революционных завоеваний трудящихся Кубы, против правительства Фиделя Кастро, приводимые в книге, мало или совсем неизвестны широкому читателю и, несомненно, помогут лучше уяснить еще одну сторону происходящих на Кубе знаменательных событий.

Говоря об активизации деятельности католической церкви в Латинской Америке после второй мировой войны, автор приводит обильный фактический материал, показывающий, как под прикрытием антикоммунизма церковь стремится помешать бурно растущему национально-освободительному движению и удержать латиноамериканские страны на положении полуколоний США. Это цифры и факты о посылке в Латинскую Америку «людских подкреплений» в виде тысяч и тысяч попов и монахов из Испании, Италии, США; это многочисленные примеры деятельности церковных и околицерковных — профсоюзных, женских, молодежных, журналистских — организаций; это, наконец, показ той идеологической кухни, где латиноамериканские клерикалы готовят «духовную пищу» для трудящихся. В книге разоблачается та социальная демагогия, которой пропитаны проповеди, послания и другие выступления католических прелатов, провозглашающих церковь «защитницей страждущих и угнетенных». Демагогия эта часто соседствует с прямыми призывами к репрессиям против прогрессивных элементов.

Многое из того, о чем говорится в рецензируемой книге, приводилось уже в нашей периодической печати, однако разрозненные сведения не создавали у широкого читателя цельного представления о предмете. И. Лаврецкий свел воедино важнейшие из этих сведений, привел множество свежих фактов, и в итоге получилась обобщенная картина многообразной и злобейшей деятельности разветвленного аппарата церкви в сегодняшней Латинской Америке.

Активизация католической церкви в Латинской Америке не означает, однако, подчеркивает автор, возрастания ее могущества и реального усиления ее господства над умами. Историческая обстановка второй половины XX в. такова, что все более широкие массы включаются в борьбу за лучшее будущее; в огне этой борьбы выковывается тесное единство всех трудящихся, независимо от вероисповедания. Верующие трудящиеся все чаще и чаще идут плечом к плечу с атеистами в общей борьбе за политические и социальные преобразования, за предотвращение новой войны, и в то же время ширится пропасть между верующими массами и клерикальной иерархией, появляются трещины и в стане церковников. Католическая церковь, как и всякая религиозная организация, принадлежит прошлому, и не Ватикану с его армией духовных конкистадоров руководить многомиллионными массами трудящихся Латинской Америки, поднимающимися на борьбу за свое освобождение, — таков вывод книги И. Лаврецкого.

Как видим, новая работа И. Лаврецкого, написанная с использованием богатого документального и литературного материала, отличается широтой охвата темы и глубиной разработки большинства поставленных в ней вопросов. Книга написана хорошим литературным языком, живо и ярко. Умело подобраны иллюстрации; отметим среди них выразительные репродукции с антиклерикальных фресок Диего Риверы, а также впервые публикуемые у нас миниатюры из рукописной хроники Гуаман Помо де Айяла — ценного историко-этнографического источника XVI в.

Автор отказался от выделения специального историографического обзора, включив свою полемику с историками и публицистами различных направлений в общую повествовательную ткань. Такое построение научно-популярной книги вполне себя оправдывает. Удачна структура III главы, где сначала помещен сжатый обзор политических событий, далее приводятся тезисы реакционной историографии, а затем на конкретных примерах показана несостоятельность последних. Менее удачно, на наш взгляд, построение глав IV и V: распределение материала между ними следовало бы провести более последовательно и четко.

Отметим отдельные неточности и неудачные формулировки. Так, на стр. 10 говорится, что «раздел папой мира на испанскую и португальскую зоны вызвал недовольство католических государей, обойденных этим решением». Очевидно, здесь имеются в виду различные государи католического мира. Между тем, термин «католические государи» применительно к позднему средневековью имеет совершенно определенный, более узкий смысл: это был официальный титул королей Испании, т. е. как раз тех государей, которые отнюдь не могли считать себя обойденными решением папы. Значительная часть других неточностей (на стр. 30, 31, 32, 112, 130, 199, прим. 18) должна быть отнесена на счет редактуры и корректуры. Все эти недочеты могут быть легко устранены при переиздании содержательной и как нельзя более современной книги И. Лаврецкого.

В. Афанасьев

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Jordi Fuentes. *Diccionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua. Pascuense-castellano. Castellano-pascuense*. Santiago, Chile, 1960, 1082 стр. Текст параллельно на испанском и английском языках.

Остров Пасхи, история и культура его народа всегда привлекали внимание ученых разных стран. Литература, посвященная различным проблемам, археологии, истории иероглифической письменности о-ва Пасхи, довольно обширна, но работ по рапануйскому языку мало. В распоряжении специалистов имеются лишь три словаря¹ и отдельные списки слов, приводимые исследователями о-ва Пасхи и Полинезии². Наиболее ценной до сих пор является работа С. Энглерта³, большого знатока истории, фольклора и языка о-ва Пасхи. Энглерт не только собрал интересные сведения по истории и этнографии жителей этого острова, но привел большой материал по рапануйскому языку, включив в свою книгу тексты, подробный очерк грамматики и словарь.

Рецензируемая работа Хорди Фуэнтеса основана на полевом материале и состоит из двух больших разделов: грамматики и словаря рапануйского языка. Раздел «Рапануйская грамматика» сопровождается библиографией, включающей 26 наименований книг, из которых, правда, лишь 12 посвящены о-ву Пасхи. Фуэнтес приводит богатый материал по лексике и грамматике современного рапануйского языка, на котором в наши дни говорят жители о-ва Пасхи. Задача, которую поставил перед собой автор, — изучить именно современный язык, чтобы понять «душу народа» (стр. 11), — объясняет и методы подбора материалов, положенных в основу грамматики и словаря. Наибольшее внимание Фуэнтес, сам побывавший на о-ве Пасхи, уделял опросу рапануйцев разных слоев и возрастов; наряду с этим он опрашивал рапануйцев, прибывавших на континент (стр. 13, 15). Все примеры, иллюстрирующие употребление различных грамматических форм, взяты из повседневной речи рапануйцев, с которыми встречался автор. Многие языковые факты, отмеченные Фуэнтесом (см., напр., раздел «Глаголы»; резко расходятся с материалами Энглерта⁴, и идут вразрез также и с грамматикой современных фольклорных текстов. Это объясняется тем, что рапануйский язык в последние годы претерпел (под влиянием таитянского и испанского языков) сильные изменения, отразившиеся, как видно из работы Фуэнтеса, не только на лексике и грамматическом строе языка, но, видимо, и на звуковой системе. Так, в современном языке Фуэнтес отмечает звук *b* 'б'. Но для рапануйского языка характерен был губно-губной звук *v* 'в', который, вероятно, и дал под влиянием испанского в современном языке *b*, 'б'. Для полинезийских языков этот звук вообще не характерен и встречался лишь на острове Тонга-табу (под влиянием фиджийского)⁵.

Работа Фуэнтеса оказалась бы более ценной, если бы автор написал ее в историческом плане. Фуэнтес же, к сожалению, ограничился изучением рапануйского языка последних 5—6 лет. Такие авторы, как Томсон⁶, Черчилль⁷, Метро⁸, Энглерт⁹, бережно отнеслись к культурному наследию жителей о-ва Пасхи и попытались зарегистрировать все то, что оставило какой-то след в памяти рапануйцев. Фуэнтес же не учел материалы, собранные этими авторами, использовав в какой-то степени лишь словарь Энглерта. Сейчас, конечно, трудно еще говорить о написании исторической грамматики рапануйского языка, но показать развитие отдельных грамматических форм все же возможно.

Словарь Фуэнтеса охватывает 4300 рапануйских слов (по подсчету автора), включая архаизмы, ономастику и топонимику. Имена божеств, топонимические названия (названия пещер, аху и др.) приводятся главным образом по работе Чарлин Охенда¹⁰ (и только некоторые по Энглерту) и даются в одной словарной статье под основным словом. Эта система, правда, не всегда выдерживается. Так, названия расщелин *Aba-o-iko*, *Aba-raga-uka-atokerau-hau*, названия озер в кратере вулкана *Rano-a-roi*, *Rano-haha-hana*, *Rano-kau*, *Rano-Raraku* даются отдельными словарными статьями, а не под словами *aba* 'расщелина' или *rano* 'озеро в кратере вулкана'. Некоторое неудобство пользования словарем заключается в том, что имена собственные и географические названия часто даются строго по алфавиту с учетом артиклей *ko*, *te*, *o te*;

¹ W. Churchill, *Easter Island. The Rapanui Speech and the Peopling of Southeast Polynesia*, 1912; E. Martinez, *Vocabulario de la lengua Rapa-nui, Isla de Pascua*, Santiago de Chile, 1913; S. Engler, *La tierra de Hotu Matúa. Historia, Etnología e Lengua de la Isla de Pascua*, (Chile), 1948.

² См., напр.: W. Thomson, *Te Pito te henua or Easter Island. Annual Report of the Smithsonian Institution, for 1889*, Washington; S. Routledge, *The Bird Cult of Easter Island*, «Folk-Lore», т. XXVIII, № 4, 1917; A. Métraux, *Ethnology of Easter Island*, Honolulu, 1940; T. Heyerdahl, *Aku-aku. The Secret of Easter Island*, 1958.

³ S. Engler, Указ. раб.

⁴ Там же.

⁵ Народы Австралии и Океании, под ред. С. А. Токарева, С. П. Толстова, М., 1956, стр. 560. (серия «Народы мира, Этнографические очерки». Под общей редакцией С. П. Толстова).

⁶ W. Thomson, Указ. раб.

⁷ W. Churchill, Указ. раб.

⁸ A. Métraux, Указ. раб.

⁹ S. Engler, Указ. раб.

¹⁰ C. Ch. Ojeda, *Geo-Etimologia de la isla de Pascua*, Santiago de Chile, 1947.

тогда как в рапануйском языке имена собственные могут употребляться с различными артиклями или без них¹¹. Названия сортов культурных растений, видов рыб, моллюскообразных и т. п. приводятся обычно в одной словарной статье под общим названием, если последнее входит в название сорта или вида (например, *heke* 'осьминок'; *heke ko-rotea* 'большой осьминог'; *heke pupa* 'маленький осьминог'). Но если название сорта или вида не включает в себя общего названия, то оно дается отдельной статьей, с ссылкой на основную словарную статью (например, *okeoke* см. *kumara*). Этот принцип, однако, автор не всегда четко соблюдает. Так, названия сортов культурных растений он приводит дважды, названия рыб дает лишь отдельными статьями без отсылки к слову *ika* 'рыба', названия ветров дает только под словом *tokerau* 'ветер'.

Не совсем понятно, по какому принципу подбирался словарный материал. Названия сортов бананов (*maika*), например, даются по Метро, названия сортов ямса (*uhi*), таро (*taro*), батата (*kumara*) — по Мартинесу. Названия сортов сахарного тростника (*toa*) совсем не приводятся. В словаре можно найти лишь некоторые названия ночей лунного месяца (*kokore tahi*, *kokore rua*, *kokore toru*, *kokore ha*, *kokore rima* — 'первые пять ночей лунного месяца'), хотя у Энглерта они приведены полностью.

В словарь включено много таитизмов, но, к сожалению, почти нет указаний на таитянское происхождение отдельных слов. Правда, автор часто указывает в скобках, что данное слово в таитянском языке имеет такое же значение, но этого недостаточно. Ведь такие слова, как *api* 'покрывать' (маор. *kapi* 'быть покрытым')¹²; *atu* 'есть' (маор. *kati* 'есть'); *amuraamaa* 'стол'; *tao'a* 'груз, запасы, торговля' (маор. *taonga* 'имущество, ценность'), не только совпадают с таитянскими по значению, но и являются заимствованиями из таитянского языка, на что указывает хотя бы отсутствие не характерных для этого языка звуков *k* и *g*. Числительное *piti* 'два' также является таитянским заимствованием. Энглерт, помимо этих слов, считает таитизмами такие слова, как *tape* 'сильный, семя'; *vahine* 'женский'; *rata* 'приучаться, привывать'; *tano* 'поправлять, выравнивать'; *varua* 'дух, душа, сон'. В некоторых случаях Фуэнтес не указывает на заимствования из европейских языков, попавшие в рапануйский язык или непосредственно, или через таитянский язык. Например, такие слова, как *hobe* (фр. *veuve*) 'вдова'; *hanere* (англ. *hundred*) 'сто'; *taufini* (англ. *thousand*) 'тысяча', даны в словаре как рапануйские.

Грамматика в работе Фуэнтеса состоит из 11 глав (II—XII), посвященных подробному рассмотрению отдельных частей речи рапануйского языка, и одной главы (XIII), разбирающей случаи удвоения морфем. Автор признает, что рапануйский язык сильно отличается от европейских языков; однако ради удобства лексику рапануйского языка он разделяет на те же части речи, которые присущи всем индоевропейским языкам, хотя слова в рапануйском языке и не имеют соответствующих характерных признаков. Фуэнтес считает, что в рапануйском языке слова отличаются большой приспособляемостью (*adaptabilidad* — стр. 49, 57) и что одна часть речи может легко превращаться в другую. Правильнее было бы сказать, что в рапануйском языке существует большое количество грамматических омонимов, выступающих, в зависимости от контекста, в качестве существительных, глаголов, наречий и т. д. Например, *are* 'цветок' и 'выкапывать, вырывать'; *agoago* 'голод', 'голодать' и 'голодный'; *ora* 'сон, покой', 'жить, существовать', и 'живой, здоровый'.

В рапануйском языке Фуэнтес различает три рода — мужской, женский и средний, с чем, конечно, согласиться нельзя, так как существительные не имеют никаких особых грамматических признаков рода. Чтобы указать пол одушевленных существ, в рапануйском языке употребляются пояснительные слова *tamaaroa* 'самец, мужской'; *tamahahine* 'самка, женский'; *tane* 'мужской, мужчина'; *vie* 'женщина' и др. Например, *matua tamaaroa* 'отец'; *matua tamahahine* 'мать'; *poki vie* 'девочка'.

Автор почему-то не останавливается на разнообразных способах выражения падежных отношений, часть из которых уже была описана Энглертом. Отсутствие исторического подхода к языковым фактам сказывается и на грамматической части работы Фуэнтеса. Рапануйский язык обогатился новыми формами, некоторые старые формы получили в современном языке широкое распространение, но автор не отмечает эти новые явления.

Новым явлением в рапануйском языке нужно, вероятно, считать широкое употребление частицы *ga* в качестве признака множественного числа как одушевленных, так и неодушевленных существительных (стр. 51)¹³. Произошло это, видимо, под влиянием таитянской частицы *na*. Изменилась и система числительных. Так, многие числительные, начиная с 10 (например *ehoeahuru ma hoe* 'одиннадцать'; *ehoeahura maha* 'четырнадцать'; *epitiahuru ma pae* 'двадцать пять' и т. д.), представляют собой, хотя и в несколько измененном виде, заимствования из таитянского языка.

¹¹ S. Engler t, Указ. раб., стр. 378, 379, 380 и след.: A. Métraux, Указ. раб., стр. 368.

¹² Так как рапануйский язык особенно близок к майорийскому, то в скобках приводятся майорийские слова (по словарю: W. Williams, A Dictionary of the Maori Language, Wellington, 1957).

¹³ В старом языке частица *ga* употреблялась только с одушевленными существительными (см. S. Engler t, Указ. раб., стр. 335; J. Fuentes, стр. 51).

При знакомстве с работой Фуэнтеса возникает много вопросов, остающихся без ответа. В большинстве полинезийских языков *he* является неопределенным артиклем¹⁴, автор же данной работы относит его к определенным артиклям (стр. 44). Непонятно, почему автор считает *e* (артикл *e te*) относительным местоимением (например, *ku oho a e te poki* 'это ребенок, который ушел' — стр. 85). Фуэнтес указывает на две частицы — *ka* и *ki*, при помощи которых образуется повелительное наклонение. Интересно было бы узнать, каково происхождение частицы *ki* и когда она появилась (в ранних работах по о-ву Пасхи можно найти указание на то, что повелительное наклонение образуется лишь при помощи частицы *ka*).

Автор не отмечает в современном рапануйском языке и некоторых глагольных форм, приводимых Энглертом (например, форм *ku-ro-ai*, *i-ro-ai* и др.). Фуэнтес считает *riki* (стр. 60) формой множ. числа для слова *iti*, хотя и то и другое слово являются, вероятно, параллельными формами, имеющими значение 'маленький' (ср. маор. *riki* 'маленький'). В последней главе грамматического очерка рассматриваются случаи удвоения морфем, но не все. Автор останавливается лишь на типе полного удвоения морфем, хотя для полинезийских языков характерно и неполное удвоение. К числу недостатков рецензируемой работы относится и то, что приводимые примеры часто не дают представления об употреблении тех или иных грамматических форм (см., например, стр. 45, 51, 60, 79 и др.). Однако, несмотря на указанные недостатки, книга Х. Фуэнтеса является полезной работой, в которой собран интересный материал по современному языку о-ва Пасхи.

И. Федорова

¹⁴ Народы Австралии и Океании, стр. 566.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ответ на рецензию В. С. Сорокина

В своей рецензии на мою книгу «Восточный Казахстан в эпоху бронзы»¹ В. С. Сорокин выбрал как объект критики только три вопроса. Это — хронологическая классификация памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане, ее особенности на рассматриваемой территории и происхождение андроновской культуры. Основные, наиболее пространно аргументированные возражения рецензента касаются выделенных мной четырех хронологических этапов. Несогласие именно по этому вопросу служит В. С. Сорокину уже достаточным основанием для общей отрицательной оценки всей книги, поскольку остальные две упомянутые проблемы он критикует, не особенно вдаваясь в подробности.

Так как В. С. Сорокин считает, что вся предложенная мной хронологическая классификация неверна и доказательства ее «от начала до конца ошибочны», — а эти вопросы наиболее существенны в любом археологическом исследовании, — посмотрим в свете фактического материала, насколько правильны утверждения рецензента.

Кочаные листовидные орудия, относимые мной к первому усть-буконьскому этапу (синхронному окуневскому), по мнению В. С. Сорокина, «типологически» не андроновские и отнесение их к этому наиболее раннему этапу андроновской культуры «произвольно».

Я не буду повторять всю аргументацию, она достаточно подробно изложена на стр. 95, 96 моей книги, напомним только, что ножи листовидной формы найдены в Окуневском могильнике и в Омском кладе, что орудия этих типов встречены во всех соседних культурах, синхронных этому этапу, — афанасьевской, глазковской, катакомбной, ямной.

Сосуды из Усть-Буконьского могильника В. С. Сорокин переносит в следующий этап на том основании, что они «находят себе полные аналогии» в материалах из поселения у аула Канай. Между тем, никакой «полной аналогии» нет. На сосудах из Канайского могильника — широкая полоса окаймленных вдавлениями зигзагообразных оттисков гребенчатого штампа и полосы косых оттисков гребенчатого штампа с треугольниками у венчика. На усть-буконьских же — горизонтальные полосы вдавлений и косых насечек, покрывающих всю поверхность андроновского по форме сосуда (см. табл. VII и XIX)². Такой прием орнаментации всего сосуда горизонтальными полосами восходит еще к неолиту (сошлюсь на работы Брюсова, Гуриной, Фосс, Чернецова и др.) и никак не характерен для керамики федоровского типа.

Могилу 9 Канайского могильника В. С. Сорокин считает не андроновской. По его мнению, этому противоречит обряд погребения (на спине, с поднятыми коленями), а прямоугольная оградка встречается также и в афанасьевских могильных памятниках.

Однако о таком обряде погребения М. П. Грязнов писал следующее: «Для оку-

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР» (в дальнейшем — МИА), № 88, М. — Л., 1960.

² Здесь и далее в тексте ссылки на таблицы моей книги.

невского этапа (андроновской культуры.— С. Ч.) характерен еще афанасьевский обычай погребения умерших на спине, с поднятыми вверх коленями»³. Сосуд, найденный не рядом с погребенными, а в засыпи могильной ямы, «весьма сомнительным» не является, так как могила была сильно потревожена грызунами, и обломки раздавленного сосуда вполне могли оказаться выше, как оказались выше наконечник стрелы и некоторые кости. Этот сосуд может быть только плоскодонным, так как все остродонные широкогорлые сосуды и в неолите, и в афанасьевской, и в ямной и в других ранних культурах имеют прямые стенки, а здесь налицо изгиб, характерный именно для плоскодонной керамики. Орнамент же в виде беспорядочно оттиснутых вдавлений встречается на втором этапе, в Канайском поселении (табл. XVIII, 3, 12, 21), а также на Оби⁴. И, наконец, антропологический тип похороненного в могиле 9 мужчины — андроновский (тип женщины не мог быть определен ввиду плохой сохранности черепа)⁵. В. С. Сорокин здесь пишет, что в определении термина «археологическая культура» у А. Я. Брюсова (которую я воспринял «некритически») меня привлекла возможность «связать культуру с этносом» и ссылается на погребенного в могиле 9 у Каная. Но у меня об этом нет ни слова. Это и понятно, так как об этносе андроновских племен мы сколько-нибудь уверенно судить еще не можем. Анализируя могилу у аула Канай, я рассматриваю антропологический тип не как показатель этноса, а только как определенный, наряду с другими, признак, в данном случае характеризующий именно андроновскую культуру, так как в погребениях других культур, в частности в афанасьевской, андроновского антропологического типа мы не встречаем.

Следовательно, могила 9 все-таки андроновская, но она более ранняя, чем второй (канайский) этап, об этом говорят положение погребенных, архаический наконечник стрелы, охра, кости дикой козы. Действительно, памятников этого типа известно пока очень мало, но они есть, они не похожи ни на энеолит Казахстана, ни на афанасьевскую культуру и свидетельствуют, что был какой-то период времени, в течение которого вырабатывались те характерные черты андроновской культуры, которые мы видим на втором этапе.

Итак, утверждения В. С. Сорокина, что памятники, относимые мной к первому этапу, не являются раннеандроновскими и что мою попытку выделить этот первый этап «следует считать не состоятельной», при проверке фактическим материалом оказываются, на мой взгляд, недостаточно убедительными.

Особенно подробно В. С. Сорокин рассматривает третий (малокрасноярский) этап, который соответствует алакульскому. К нему я отношу часть керамики с геометрическим орнаментом, керамику с наlepным валиком и определенную группу бронзовых орудий.

Если более четко сформулировать возражения В. С. Сорокина, то они сводятся к следующему: по его мнению, керамика с наlepным валиком относится к четвертому этапу, а вся керамика с геометрическим орнаментом — ко второму. Бронзовые орудия (восточноказахстанских форм) он переносит также в четвертый этап и на этих основаниях объявляет третий (малокрасноярский) этап «фикцией». Для решения этих спорных вопросов обратимся к материалу. Начнем с керамики.

На поселениях андроновской культуры существует четыре основных типа керамики:

1. Керамика федоровского типа.
2. Керамика алакульского типа.
3. Керамика, орнаментированная наlepным валиком.
4. Керамика с грубым орнаментом.

Все четыре типа керамики встречаются примерно одинаково часто, но на отдельных поселениях в самых различных сочетаниях (см. таблицу)⁶.

В распределении керамики по разным областям распространения андроновской культуры можно уловить определенные закономерности:

1. Керамика федоровского типа распространена по всей территории андроновской культуры, кроме районов Орск — Актюбинск, Семиречья и Средней Азии. На Енисее, Оби и на части поселений Восточного Казахстана федоровский тип является единственным.

2. Керамика алакульского типа совершенно нет в Восточном Казахстане, на Оби и Енисее. Единственным типом она является пока только на поселении Тасты-бутаки в Западном Казахстане (раскопки В. С. Сорокина).

3. Керамика с наlepным валиком ни на одном поселении не является единствен-

³ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, М.—Л., 1956, стр. 18. М. П. Грязнов ссылается здесь на работу М. Н. Комаровой и А. Н. Липского, где приведены конкретные случаи такого положения погребенных.

⁴ М. П. Грязнов, Указ. раб., табл. III, 17 (БЕ XIV, могила 28).

⁵ Определенные В. В. Гинзбургом материалы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1952 г. Ссылка на стр. 34 действительно дана у меня неверно.

⁶ В таблице, чтобы исключить элемент случайности, взяты только те поселения, где производились раскопки или обследования, давшие большое количество керамики. Таких оказалось 35 из 102. Жилища 1 и 2 на поселении Усть-Нарым я рассматриваю как два неодновременных поселения (второго и четвертого этапов), что доказывается расположением керамики и характером жилищ (см. табл. XXIV). С этим согласен и В. С. Сорокин.

Распределение типов керамики на поселениях андроновской культуры

Поселения	Федоровский тип	Алакульский тип	Керамика с налепным валиком	Керамика с грубым орнаментом	Географические районы	Степень исследования	Примечания
1. Батени	+	—	—	—	Обь и Енисей	обследование	3 поселения
2. Ирмень	+	—	—	—		раскопки	
3. Шляпово	+	—	—	—		»	
4. Канай	+	—	—	—	Восточный Казахстан	»	
5. Барашки	+	—	—	—		обследование	
6. Усть-Нарым, ж. 1	+	—	+	—		раскопки	
7. Усть-Нарым, ж. 2	—	—	—	+		»	
8. М. Красноярка	+	—	+	+		»	2 поселения
9. Трушниково	+	—	+	+	Северный Казахстан	»	
10. Семипалатинские дюны	+	—	—	+		обследование	
11. Омская стоянка	+	+	—	—		раскопки	
12. Степняк	+	+	+	+		обследование	3 поселения
13. Сталинский рудник	+	+	+	+	Северный Казахстан	»	
14. Бес-тюбе	—	+	+	+		»	
15. Боровое	—	—	—	+		»	
16. Алексеевский	+	+	+	+	Западный Казахстан	раскопки	
17. Садчиковский	+	+	+	+		»	
18. Тасты-бутак	—	+	—	—		»	
19. Уш-катта	—	+	+	—	Зауралье	»	
20. Замаевский	+	+	+	+		»	
21. Кипель III	+	+	+	+		обследование	
22. Кипель I	+	+	—	—		раскопки	
23. Ново-Бурино	+	+	+	+		»	
24. Ангка-5	—	+	+	—	Средняя Азия и Семиречье	»	обследование
25. Кават-3	—	+	—	—		»	
26. Джаильма	—	+	+	+		»	
27. Каинда	—	+	+	+		»	
28. Кайрак-кумы	—	+	—	+		»	
Количество поселений с данным типом керамики	25	21	19	20			

ным типом; она всегда находится в разных сочетаниях с одним, двумя или тремя другими. С керамикой только федоровского типа она встречена на одном поселении (Усть-Нарым, жилище 1). С керамикой только алакульского типа — на двух поселениях (Уш-катта и Ангка-5). Ни разу не встречена только с керамикой с грубым орнаментом.

4. Керамика с грубым орнаментом является единственным типом только на поселении Усть-Нарым, жилище 2, и у Борового. На остальных поселениях встречается чаще всего в сочетании или со всеми тремя типами (в Северном, Западном Казахстане и Приуралье — 7 поселений), или в сочетании с алакульским типом и керамикой с налепным валиком (Семиречье — 2 поселения, Сев. Казахстан — 1 поселение), или с федоровским типом и керамикой с налепным валиком (Восточный Казахстан — 2 поселения). На одном поселении (Кайрак-кумы) встречена только с алакульским типом и на двух (Семипалатинские дюны) — только с федоровским.

Исходя из приведенных материалов, мы не можем относить керамику с налепным валиком к тому же времени, что и керамику с грубым орнаментом, т. е. к четвертому этапу, и смешивать их в одну группу. Этому противоречат факты — материалы с поселений Уш-катта и Домбаровском районе Оренбургской обл.⁷ и Ангка-5, отсутствие поселений, где бы встречалась только керамика с налепным валиком и керамика с грубым орнаментом.

Не можем мы относить распространение керамики с налепным валиком и ко второму этапу, так как в этом случае она была бы на Енисее, Оби, в Канайе и Барашках.

Здесь я допустил ошибку, не оговорив (на стр. 99), что валик на сосудах из Орака и Каная действительно не налепной. Я имел в виду, что такой принцип орнамента-

⁷ Это поселение раскапывала в 1959 и 1960 гг. Е. Е. Кузьмина. Она любезно показала мне этот материал. См.: Е. Е. Кузьмина, Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области, «Вопросы археологии Урала», вып. 2, Свердловск, 1962.

ции сосудов зародился еще на втором этапе. Но я не думал и не думаю, что керамика с налепными валиками существовала уже тогда. Как показывают наши материалы, она появилась только на третьем этапе, в этом отношении я расхожусь с О. А. Кривцовой-Граковой.

Приведенные материалы с достаточной, по-моему, убедительностью говорят о том, что не только в Восточном Казахстане, но и на всей территории андроновской культуры керамику с налепным валиком нельзя смешивать с керамикой с грубым орнаментом и на этом основании относить ее к четвертому этапу. Правда, в Восточном Казахстане валики изредка попадают и на четвертом этапе, но делались они тогда защитом и имеют острые грани (табл. VIII, 4). Эти факты в какой-то мере В. С. Сорокин, видимо, учитывает и довольно непоследовательно, с точки зрения всего своего изложения, относит керамику с налепным валиком к концу алакульского (т. е. третьего) этапа. Для того чтобы доказать, что выделенные мной на поселениях Восточного Казахстана группы керамики не могут относиться к разным хронологическим этапам, В. С. Сорокин пишет, что керамика с налепным валиком и керамика с грубым орнаментом в М. Красноярске и Трушникове встречена вместе, в то время как на рис. 7 и 11, на которые он ссылается, видно, что это не так. Встречаются они действительно вместе на одном поселении, но в разных его местах. При этом Усть-Нарым, по его мнению, «можно не учитывать», так как там это раздельное залегание очень уж наглядно и не подтверждает его мысль. А затем он относит оба эти поселения (где встречены все три типа керамики) к одному «заклчительному» этапу андроновской культуры. Большим недостатком планов распределения керамики на поселениях (рис. 7, 11 и табл. XXII) является то, что керамика с геометрическим орнаментом и керамика с валиком обозначена одним знаком. Так было сделано при подсчете, а потом переделать что-либо было уже невозможно, так как коллекции были отправлены в Усть-Каменогорский музей. Во всяком случае никаких намерений «отступать от объективности» и «сознательно навязывать читателю» что-либо у меня не было.

От керамики третьего этапа В. С. Сорокин переходит ко второму (канайскому) этапу, с которым вроде бы и соглашается, хотя и с оговорками, и даже дополняет, переноса, как он пишет, «керамику могильников Сарыколь I и II и Малый Койтас» из третьего этапа во второй. Однако перечисленные могильники я отношу к третьему этапу не столько по керамике, сколько по ряду других соображений. В Сарыколе курганы далеко не «весьма скромных размеров» — насыпи до 19 м диаметром, обставленные огромными камнями. На втором этапе таких курганов нет вовсе, а на третьем этапе есть (Айдабуль). Почему же это «по меньшей мере наивно»? Что касается могильника Малый Койтас, то на стр. 99 датировка его третьим этапом подробно обоснована. В рецензии же эта мся аргументация просто не замечена и никак не опровергнута. В этой ее части (как и во многих других) категоричность суждений заменяет собой доказательства. В. С. Сорокин не учитывает также, что керамика с геометрическим орнаментом в Восточном Казахстане может быть в какой-то мере расчленена на более раннюю — второго этапа и более позднюю — третьего (стр. 98). В частности, орнамента раннего типа в виде «жемчужин» совершенно нет на сосудах из этих трех могильников.

Далее В. С. Сорокин лишает второй этап почти всех бронзовых орудий. Вот каков ход его рассуждений. На Канайском поселении найден наконечник копья, не похожий на сейминские, которые отрывать от кельтов «невозможно». Кельты сейминского типа в Восточном Казахстане есть, — значит, они позднее канайского этапа, так как раз есть кельты, то и копья обязательно должны быть сейминскими. Два же типа копий на одном этапе немислимы, утверждает В. С. Сорокин. Но почему андроновцы не имели права делать копья двух типов? Он подкрепляет эту свою мысль еще и тем, что канайский наконечник, по его мнению, «несравненно более примитивный». Это неверно. Оба типа копий втульчатые, требовали для своей отливки сложной, разъемной формы с вкладышем, только один тип — короткий и массивный, другой же — длинный и тонкий. В Восточном Казахстане есть оба этих типа. Только на этом основании В. С. Сорокин считает, что канайский этап начинается не в XVI в. до н. э., как предполагаю я, а в XV в.

Он пишет и о кельтах, «считаемых С. С. Черниковым местным, казахстанским орудием». Но я нигде не писал, что кельты сейминского типа происходят с территории Казахстана. В книге, на стр. 81, на этот счет сказано следующее: «Г. Чайльд высказывает предположение, что родина этих кельтов — Урал. Скорее — это лесостепная полоса Западной Сибири, где больше всего их и найдено».

Затем В. С. Сорокин переходит к кинжалам «с выемками у основания» (ножом срубного типа?), которые, по его мнению, никак не старше алакульского этапа и относить их к федоровскому — «незаконно», хотя в соседней срубной культуре они известны в очень ранних (полтавкинских) памятниках. Действительно, на территории андроновской культуры почти все кинжалы этого типа найдены в погребениях третьего этапа, но только потому, что на втором этапе никакого оружия в андроновские могилы не клали. Невозможно допустить, что на протяжении всего второго этапа между срубной и андроновской культурами существовала такая разобщенность. А в свете последних находок К. Ф. Смирнова и Э. Л. Федоровой-Давыдовой следует подумать, не синхронна ли какая-то часть алакульских памятников в Западном Казахстане федоровским в Челябинской области. Такую возможность не исключает и К. В. Сальни-

ков. Еще более легко исчезли из второго этапа серпы, вислообушные топоры и втульчатые наконечники стрел. Бронзовые же орудия восточноказахстанских форм, относимые мной к третьему этапу, уже вовсе без всякой аргументации рецензент причисляет к четвертому. В. С. Сорокин здесь не учитывает, что эти типы орудий носят уже следы влияния карасукской металлургии, т. е. XIII—XII вв. до н. э., а начало четвертого этапа — IX в. до н. э. С этими датами он как будто не спорит. Но тогда получается необъяснимый разрыв в 300—400 лет.

Теперь об абсолютной хронологии. В. С. Сорокин пишет: «Приняв за основу предложенные С. В. Киселевым общие рамки андроновской культуры — от XVII и до XV—XII вв. до н. э. и прибавив время карасукской культуры, С. С. Черников датирует андроновскую культуру XVIII—VIII вв. до н. э.» Тут он намекает, что я сделал что-то совершенно произвольное — взял, да прибавил ко времени андроновской культуры время карасукской. Что это не так просто, видно, по-моему, из главы четвертой «Хронология андроновских памятников Восточного Казахстана», где я подробно разбираю этот вопрос. В этой главе, все «заранее принятые хронологические рамки» (что ставится мне в вину в рецензии) обоснованы как предшествующими исследованиями, так и конкретным материалом Восточного Казахстана. Но приняты эти рамки далеко не «заранее».

В своем понимании хронологических этапов я исхожу из того, что типологическое деление памятников нужно нам не само по себе, а как показатель каких-то исторических и социально-экономических изменений, далеко не всегда улавливаемых на имеющемся материале. Формы керамики, и особенно бронзовых орудий и оружия, не могли изменяться и не изменялись в один день; многие, а иногда и весьма существенные их элементы продолжали существовать и позднее. Кроме того, нужно помнить, что люди эпохи бронзы не подозревали, что изделия их рук будут когда-нибудь классифицированы, а делали их такими, какими в тот момент могли и считали нужными.

Анализ материала показал, что и в керамике поселений Восточного Казахстана, и в бронзовых орудиях можно выявить определенные комплексы предметов, различающиеся между собой. Эти комплексы, находящиеся в определенных сочетаниях, имеют черты сходства с комплексами предметов на других территориях андроновской культуры, где они достаточно обоснованно датируются. Это и дало мне основания для хронологической классификации андроновских памятников в Восточном Казахстане и датировки выделенных этапов. Я здесь не выдумывал что-то обязательно новое, этого не позволяет материал. Поэтому первый (усть-буконьский) этап примерно соответствует (и по времени и по характеру памятников) окуневскому, второй (канайский) — федоровскому, третий (малокрасноярский) — алакульскому и четвертый (трушниковский) — замараевско-дындыбайскому⁸. На стр. 94 книги я подчеркивал, что разница в памятниках андроновской культуры в разных районах ее распространения обуславливается не только хронологическими, но и этнографическими различиями. Одним из таких районов, где достаточно четко можно это проследить, и является Восточный Казахстан.

Каковы же позитивные (правда, очень не четко сформулированные) взгляды В. С. Сорокина на эти вопросы? Первого этапа не существует. На втором этапе остаются вся керамика с геометрическим орнаментом и наконечник копья из Канайского поселения. Третий этап «исчезает». На четвертом — керамика с налепными валиками, керамика с грубым орнаментом, и продолжает существовать, как это ни странно, керамика с геометрическим орнаментом. Там же все бронзовые орудия третьего и четвертого этапов и, видимо, большая часть из второго этапа. И все это оказывается «карасукский этап».

Что памятников алакульского типа в Восточном Казахстане, на Оби и Енисее нет — это факт, которого нельзя отрицать. Степень изученности районов, где работали С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, М. П. Грязнов, С. С. Черников и др., сейчас такова, что обнаружить там эти памятники — маловероятно (я это и подчеркиваю на стр. 110 книги). Относить же поселения у Мало-Красноярки и Трушниковки к карасукской культуре или «этапу» — значит идти наперекор объективным фактам.

Прочитав рецензию В. С. Сорокина, я еще раз пересмотрел и тщательно проверил мои положения, но по-прежнему считаю, что предложенное мной хронологическое деление памятников андроновской культуры в Восточном Казахстане наиболее отвечает фактам, которыми мы располагаем в настоящее время.

Глава 3 — «Особенности андроновской культуры в Восточном Казахстане» также подверглась критике. В. С. Сорокин объявляет «декларативным» мое мнение о том, что высокий уровень металлургии и горного дела не мог здесь не отразиться на уровне жизни и темпах общественного развития. Однако карта на рис. 16 довольно убедительно, на мой взгляд, показывает, что Восточный Казахстан был богаче бронзой, чем другие районы андроновской культуры, и уровень жизни здесь уже хотя бы поэтому должен был от них в какой-то мере отличаться. Что же касается темпов общественного развития, то вспомним, что наибольшее количество памятников майэмйрского этапа (следующего за андроновской культурой) найдено именно в Восточном

⁸ Здесь у меня еще одна ошибка, отмеченная В. С. Сорокиным. Говоря на стр. 96 о непродолжительности первого этапа, я впадаю в противоречие с хронологией. Это мое утверждение неверно.

Казахстане и на Алтае. Думается, что это не случайно. Не случайно в этой связи и то, что в 1960 г. в кургане 5 в Чиликтинской долине были найдены великолепные образцы скифо-сибирского звериного стиля начала VI в. н. э.

В. С. Сорокин, соглашаясь с выделенными мной особенностями бронзовых орудий восточноказахстанских форм, пишет: «Не вызывает возражений указываемое С. С. Черниковым своеобразие восточноказахстанских бронзовых изделий, отражающее значительное влияние карасукской культуры, что уже давно показал М. П. Грязнов». Но здесь он забыл, что М. П. Грязнов в своей статье 1930 г.⁹ ничего о влиянии карасукской металлургии не писал, а список этих орудий с тех пор увеличился вдвое.

Он считает также, что особенности производства и быта «по сути дела не прослеживаются» и делает уже общий вывод: «Установление локальных различий андроновской культуры — дело очень нужное, но в настоящее время вряд ли можно пойти дальше различия в некоторых деталях». Это, по-моему, совершенно неверно. Особенности тазбагъябских, челябинских, центральноказахстанских и восточноказахстанских племен прослеживаются уже далеко не только по деталям. Система земледелия, состав стада, погребальный обряд, характер керамики — это уже весьма существенные стороны жизни, а не детали. В Восточном Казахстане, кроме металлургии и керамики, у меня отмечены еще мотыги, большая роль охоты (23% костей диких животных), многие предметы и особенности жилища. Здесь В. С. Сорокин пытается набросить тень уже и на раскопки Восточно-Казахстанской экспедиции, говоря о «неясности» остатков жилищ. И тем не менее, шалашеобразные ограждения и дворик в Мало-Красноярке действительно являются особенностью Восточного Казахстана. Чертежи и фотографии на табл. XXXII и XXXIII достаточно, на мой взгляд, ясны и документальны.

Перейдем теперь к вопросу о происхождении андроновской культуры. Из текста рецензии можно сначала понять, что В. С. Сорокин вроде и согласен с тем, что она возникла на основе казахстанского энеолита. Однако он протестует против моей первой карты на рис. 20, говоря, что «С. С. Черников резко сужает территорию, на которой, по его мнению, складывается андроновская культура». Здесь он опять не замечает моей аргументации. Дело не только в «ограниченности наличного материала». Из территории, где могла возникнуть андроновская культура, надо исключить Западный Казахстан и Среднюю Азию, поскольку в этих районах нет памятников первого и второго этапов, а объяснять этот факт недостаточностью наших знаний — после исследований М. П. Грязнова, М. А. Итиной, Б. А. Литвинского, К. Ф. Смирнова, В. С. Сорокина, С. П. Толстова и др. уже не приходится¹⁰. На карте я наметил территорию первого этапа там, где есть памятники, которые можно к нему отнести. Я не объединил даже пунктиром районы Иртыша и Ишима. Для этого действительно нет пока оснований. Но я не сомневаюсь, что дальнейшими исследованиями эти лакуны будут заполнены, и границы первого этапа может быть будут несколько расширены на запад и юг, но никогда не сравняются с границами второго этапа¹¹.

Мы часто забываем, что процесс сложения той или иной устойчивой группы племен — это процесс не только социально-экономический, но и политический. Походы, завоевания, перемещения и даже истребление отдельных племен играли огромную роль в жизни людей эпохи бронзы и не могли не оказывать значительного влияния на развитие материальной культуры, по остаткам которой мы только и можем об этом сейчас судить.

Я думаю, что в XVIII—XVI вв. до н. э. сильные и подвижные племена жили именно между Иртышом и Ишимом. Этим племенам, помимо расширения собственной территории, теми или иными способами удалось, видимо, передать многие свои этнографические особенности соседним племенам. Удалось потому, что и те и другие имели много общего и в уровне культуры и в основных тенденциях развития.

На стр. 110 книги я привожу факты, говорящие о неубедительности гипотезы генетической связи андроновской и афанасьевской культур. Действительно, если мы эту гипотезу примем, то невозможно объяснить несовпадение территории этих культур, появление нового антропологического типа, орнаментацию андроновской керамики, форму бронзовых орудий и многое другое. Поэтому, присоединяясь к гипотезе Г. Ф. Дебеца о переселении андроновцев на Енисей с запада, я рассматриваю Окуневский могильник как памятник, свидетельствующий об ассимиляции андроновцами местного афанасьевского населения, так как иначе его объяснить сейчас нельзя. Судя по мате-

⁹ М. П. Грязнов, *Казахстанский очаг бронзовой культуры*, в сб. «Казахи», ПИ («Материалы комиссии экспедиционных исследований», вып. 15, серия Казахстанская), Л., 1930.

¹⁰ В Оренбургской области, судя по последним раскопкам К. Ф. Смирнова, синхронной первому этапу была, вероятно, ямная культура. См.: К. Ф. Смирнов, *Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области*, «III Уральское археологическое совещание в г. Уфе», Тезисы докладов, Уфа, 1962.

¹¹ Видимо, к первому этапу относятся также два погребения, раскопанные недавно в Павлодарской и Карагандинской областях. См.: А. Х. Маргулан, *Открытие новых памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана*, (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, М., 1960. Материал, к сожалению, еще не опубликован).

риалу, это могло произойти только в конце первого этапа. Если это так, то Минусинская котловина (и, вероятно, верхняя Обь), не могли быть территорией, где сложилась андроновская культура. Последние находки А. Н. Липского, как я полагаю, подтверждают такую точку зрения. К тем же выводам приходит в своей последней работе и В. П. Алексеев¹².

С этими моими положениями В. С. Сорокин решительно не соглашается. «Нет нужды говорить, что указанное переселение никакими материалами не доказывается. Более того, известно, что М. Н. Комарова в свое время убедительно доказала возникновение культуры окуневского этапа именно на местной афанасьевской основе». Но авторитетность тона не делает его утверждения более убедительными. Свой позитивный взгляд на происхождение андроновской культуры В. С. Сорокин в рецензии не высказывает. Далее он продолжает критиковать мои карты на рис. 20 и таблицу В (на стр. 111). «Дальнейшая история расселения андроновских племен по картам, составленным С. С. Черниковым, отражает, как и в первом случае, скорее состояние наших знаний в сочетании с некоторыми произвольными толкованиями известных фактов, чем историческую реальность». Однако В. С. Сорокин забывает, что «состояние наших знаний» опирается, как уже указывалось, на достаточно хорошую изученность отдельных районов. Не приводит он и «известных фактов», которые, по его мнению, мной произвольно тракуются. Я специально оговорил на стр. 111, что эти карты сделаны приближенно и несомненно будут потом уточнены, но конкретный и достаточно, по-моему, обоснованный материал для их составления уже есть, хотя он и далек еще от желаемой полноты.

Так обстоит дело с основными, наиболее аргументированными и подробно изложенными разделами рецензии. Материалы, которые я здесь привожу, не позволяют мне считать выводы В. С. Сорокина правильными, а доказательства — убедительными. В моей книге использована литература по 1959 г. С 1960 г. вышло в свет еще около 40 работ с публикациями памятников андроновской культуры. Однако новый материал, как мне кажется, не только не опровергает предложенную классификацию и мои взгляды на исторические судьбы андроновских племен, но скорее наоборот — подтверждает их.

Помимо уже упоминавшихся, в рецензии есть и указания на некоторые другие конкретные ошибки. Так, В. С. Сорокин упрекает меня в том, что я опубликовал в книге сводную археологическую карту Восточного Казахстана, называя это «излишеством». Трудно по этому поводу спорить и доказывать, что такая сводная карта совсем не «излишество», тем более, что я рассматриваю эту книгу как том «Очерков по древней истории Восточного Казахстана».

Он пишет также, что публикация материала «изобилует пропусками и ошибками». Пропуски В. С. Сорокин указал совершенно правильно. Их три (все в списке памятников андроновской культуры). На карте и в списке пропущены могильник и поселение Тасты-бутака (раскопки В. С. Сорокина). Далее пропущены указания на Л. Н. Нифонтову (могильник Сарыколь I, хотя в тексте ссылка на ее работу есть) и П. Н. Преображенского (могильник у курорта Боровое). Плана раскопок у аула Канай нет, так как он опубликован А. К. Максимовой (см. ссылку на стр. 27), а анализ наконечников копья и стрелы оттуда же не мог быть сделан потому, что в первом не сохранилось металла, а вторая была, к сожалению, утеряна. Это, конечно, надо было оговорить. Указана и одна ошибка в ссылке на таблицы. Но здесь недоразумение. На табл. XLVII 2 и 4 ножи не изображены, а на стр. 83 никаких ссылок на М. Красноярку и Трушников нет. На странице жет 82 — ссылка (хотя и без упоминания таблицы) правильная. Кроме того, я нигде не пишу о ножах «с пластинчатым уступом». Здесь рецензент цитирует меня неточно, так что получается бессмыслица. Вот и все «многочисленные упущения и неточности», указанные в рецензии. Пользуюсь здесь случаем исправить еще одно упущение. Реконструкция кирки на табл. L, молота и рудотерки на табл. LII сделаны С. А. Семеновым. В книге это не указано. Приношу С. А. Семенову мои извинения на это совершенно неумышленное умолчание.

Таковы мои возражения на рецензию В. С. Сорокина.

Я прекрасно понимаю, что взялся за трудную задачу, и в моей работе есть спорные и недостаточно аргументированные положения. Но дать обоснованный во всех деталях очерк исторического развития андроновских племен и исчерпывающую характеристику отдельных хронологических этапов — сейчас пока еще невозможно по самому состоянию материала. Те или иные взгляды на эти вопросы неизбежно будут предметом научной дискуссии. Но значит ли это, что такую задачу и ставить преждевременно? Не думаю. Для первого эскиза, пусть даже в какой-то мере и гипотетического, данные у нас все же есть. Если бы я был осторожнее, ограничился пространными описаниями и выделил бы два этапа — федоровский и «карасукский», может быть не было бы повода для столь резких несогласий и выводов, которые мы видим в этой рецензии. Но тогда я не объяснил бы многих фактов, о которых шла речь, и не сумел бы дать даже и такого неполного очерка андроновской культуры как определенного исторического явления, который оказалось возможным сейчас наметить. А это я считаю в моей книге главным.

¹² В. П. Алексеев, Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья эпохи неолита и бронзы, «Антропологический сборник», III, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXXI, М., 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

- ✓ Ю. П. Аверкиева (Москва). Этнофрейдиизм в США 3

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- Л. И. Лавров (Ленинград). Изменения в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти 16
- Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева (Москва). Некоторые черты нового духовного облика современного колхозника (по материалам Калининской области) 23
- Г. К. Вагнер (Москва). Древние мотивы в домовой резьбе Ростова Ярославского 34
- ✓ С. Н. Иомудский (Ташкент). О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX веке 46

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- М. Н. Морозова (Москва). Шведское крестьянское жилище XX века 57

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

- ✓ Ю. А. Рапопорт (Москва). Хорезмийские астоданы (К истории религии Хорезма) 67
- То Ю Хо (Пхеньян). О мегалитической культуре Кореи 84

Из истории этнографии и антропологии

- Н. Н. Степанов (Ленинград). Этнографические работы А. И. Герцена в 30-х годах XIX века 93

Дискуссии и обсуждения

- Я. В. Чекановский (Познань). К оценке «львовской школы» профессором Г. Ф. Дебецем 106
- Г. Ф. Дебец (Москва). По поводу ответа Я. В. Чекановского 119
- В. П. Алексеев, Т. А. Трофимова, Н. Н. Чебоксаров (Москва). Некоторые замечания по поводу методов расового анализа в работах Я. В. Чекановского и его школы 122

Народы мира

(Информационные материалы)

- И. А. Генин (Москва). Алжирцы 138

Сообщения

- А. И. Баландин (Москва). П. И. Якушкин и А. И. Герцен 150
- Л. А. Гольденберг (Москва). Неопубликованные этнографические зарисовки В. И. Роборовского 158
- ✓ Н. Р. Гусева (Москва). Поездка в Индию 165
- Г. Г. Стратанович (Москва). К вопросу о путях переселения племен «гаошань» на о. Тайвань 176

Хроника

- В. А. Александров (Москва). Сессия, посвященная итогам полевых исследований 1961 года 179
- ✓ А. В. Смоляк (Москва). Всесоюзное совещание по вопросам научно-атеистической пропаганды в свете решений XXII съезда КПСС 182
- С. И. Дмитриева (Москва). Научная конференция по народному творчеству донского казачества 185
- И. Е. Тугутов (Улан-Уде). Этнографическое совещание в Улан-Уде 188

Критика и библиография

Общая этнография

- ✓ Л. Землянова (Москва). Борьба реакционных и прогрессивных сил в современной фольклористике США 191

Е. Иванова (Ленинград). «Журнал сиамского общества» (1904—1958 гг.).	198
--	-----

Народы СССР

В. Гарданов (Москва). Ценный труд по кавказоведению (М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы)	203
Е. Бусыгин (Казань). Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР	207

Народы зарубежной Европы

В. Пропп (Ленинград). <i>Джузеппе Коккьяра</i> . История фольклористики в Европе	210
Н. Велецкая (Москва). Интересное исследование культуры и быта рабочих промышленной области (Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti) Zpracoval kolektiv pracovníků Ústavu pro etnografii a folkloristiku ČSAV za vedení Olgy Skalníkové	212
Э. Померанцева (Москва). Немецкие предания о хозяине и работнике (Herr und Knecht. Antifeudale Sagen aus Mecklenburg)	215

Народы Америки

В. Афанасьев (Воронеж). И. Лаврецкий. Тень Ватикана над Латинской Америкой	217
--	-----

Народы Океании

И. Федорова (Ленинград). Jordi Fouentes. Diccionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua	221
--	-----

Письмо в редакцию

С. С. Черников (Ленинград). Ответ на рецензию В. С. Сорокина	223
--	-----

SOMMAIRE

Questions d'ethnographie générale et d'anthropologie

J. P. Averkieva (Moscou). Ethnofreudisme aux USA	3
--	---

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'URSS

L. I. Lavrov (Léningrad). Changements dans la culture et le mode de vie des Adigues durant la période soviétique	16
L. A. Anokhina, M. N. Chmeleva (Moscou). Quelques traits de la nouvelle mentalité des kolkhoziens contemporains	23
G. K. Wagner (Moscou). Motifs antiques dans les ornements sculptés des maisons dans la région de Rostov Yaroslavsky	34
<u>S. N. Tomoudsky</u> (Tachkent). Des survivances du mode de vie clanal chez les éleveurs de bestiaux de la Turkmenie Occidentale	46

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

M. N. Morozova (Moscou). Habitation paysanne suédoise au XX s.	57
--	----

Questions d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique

Y. A. Papoport (Moscou). Les astodans de Khoresme (De l'histoire des religions a Khoresme)	67
To You Kho (Pheng-Yang). De la culture mégalitique coréenne	84

Histoire d'ethnographie et d'anthropologie

N. N. Stepanov (Léningrad). Travaux ethnographiques de A. I. Herzen aux 30 années du XIX s.	93
---	----

Discussions et délibérations

J. V. Tchékanovsky (Posnan). De l'appréciation de l'«Ecole de Lvov» par G. F. Debetz	106
G. F. Debetz (Moscou). A propos de la réponse de J. V. Tchékanovsky	119
V. P. Alexéïev, T. A. Trofimova, N. N. Tcheboksarov (Moscou). Quelques observations à propos des méthodes d'analyse racial dans les travaux de J. V. Tchékanovsky et de son école	122

Peuples du monde

Matériaux d'information

I. A. Guénine (Moscou). Les Algériens	138
---------------------------------------	-----

Communications

V. I. Balandine (Moscou). P. I. Yakouchkine et A. I. Herzen	150
L. A. Goldenberg (Moscou). Dessins ethnographiques inédits de V. I. Roborovsky	158
N. R. Gousseva (Moscou). Voyage aux Indes	165
G. G. Stratánovitch (Moscou). De la question des voies de transmigration de la peuplade «gaochagne» à l'île de Taiwan	176

Chronique

V. A. Alexandrov (Moscou). Session consacrée aux résultats des recherches de campagne en 1961	179
A. V. Smoliak (Moscou). Conférence sur la propagande scientifique athéistique en rapport avec les décisions du XXII Congrès du Parti Communiste de l'URSS	182
S. I. Dmitrieva (Moscou). Conférence scientifique sur le folklore des cosaques du Don	185
I. E. Tougoutov (Oulan-Oudé). Conférence ethnographique à Oulan-Oudé	188

Critique et bibliographie

Ethnographie générale

L. Zemlianova (Moscou). Lutte entre les forces progressives et réactionnaires dans la folkloristique aux U.S.A.	191
---	-----

Articles de critique et aperçus

E. Ivanova (Léningrad). Revue de la Société Siamoise (1904—1958)	198
--	-----

Peuples de l'URSS

V. Gardanov (Moscou). Un livre excellent sur l'histoire du Caucase (<i>M. O. Kosven. Ethnographie et Histoire du Caucase</i>)	203
E. Boussyguine (Kazan). Matériaux et recherches sur la population russe de la partie européenne de l'URSS	207

Peuples d'Europe étrangère

V. Propp (Léningrad). <i>Giuseppe Cocchiara. Histoire de la folkloristique en Europe</i>	210
N. Veletzkaïa (Moscou). Recherches intéressantes sur la culture et le mode de vie des ouvriers d'une région industrielle (Kladensko. Život a kultura lidu v průmyslové oblasti)	212
E. Pomerantzova (Moscou). Légende allemandes sur le Patron et l'Ouvrier (Herr und Knecht. Antifeudale Sagen aus Mecklenburg)	215

Peuples d'Amérique

A. Afanassiev (Voronège). <i>I. Lavretzky. L'ombre du Vatican sur l'Amérique Latine</i>	217
---	-----

Peuples d'Océanie

I. Fedorova (Léningrad). <i>Jordi Fontes. Dicionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua</i>	221
--	-----

Lettre à la Rédaction

S. S. Tchernikov (Léningrad). Réponse à la critique de V. S. Sorokine	223
---	-----